Thomas de Waal

Black Garden

Armenia and Azerbaijan through Peace and War

New York
University Press
2013

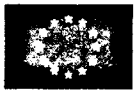
Томас де Ваал

Черный сад

Армения и Азербайджан между миром и войной

РОССПЭН
Москва
2014

УДК 323
ББК 66.3(5Азе-6)
В12



Издание книги осуществлено при поддержке Conciliation Resources («Ресурсов примирения») и при финансировании Европейского Союза. За содержание данного произведения полностью несет ответственность автор, Томас де Ваал, оно никоим образом не выражает позиции Евросоюза, Европейского партнерства за мирное урегулирование нагорнокарабахского конфликта или Conciliation Resources

Ваал Т., де

В12 Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Томас де Ваал ; [пер. с англ. О. А. Алякринского, Л. Ю. Пантиной]. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 391 с.

ISBN 978-5-8243-1864-7

В книге английского журналиста Томаса де Ваала рассказывается о причинах и ходе армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. Десятки тысяч людей погибли, более миллиона покинули свои дома, экономике Азербайджана и Армении был нанесен колоссальный ущерб. В основу повествования легли документы, личные наблюдения и многочисленные интервью, взятые автором у армян и азербайджанцев – как известных политиков, так и обычных людей, вольных и невольных участников кровавого противоборства.

Книга предназначена для специалистов-историков, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Кавказа.

УДК 323
ББК 66.3(5Азе-6)

ISBN 978-5-8243-1864-7

© New York University Press, 2003
© Алякринский О. А., перевод на русский язык, 2014
© Пантина Л. Ю., перевод на русский язык, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

Посвящается Джорджине

Война может вспыхнуть из-за смерти
одного или нескольких человек, но она
приводит к смерти неисчислимого
множества людей.

Элиас Канетти. Толпа и власть

Из состраданья к старику, который строит мост,
Положит путник камень в основанье.
За свой народ отдам и душу, и дыханье,
Могильным камнем брат украсит мой погост.

Саят-Нова

ОТ АВТОРА

В основу этой книги легли около 120 интервью, которые я взял в 2000–2001 гг., дополнив их сообщениями очевидцев и сведениями из вспомогательной литературы. Разумеется, личные свидетельства субъективны, поэтому для взвешенной реконструкции событий я попытался использовать как можно более широкий круг источников. Проблема в том, что и письменные материалы по данному вопросу часто грешат недостоверностью, предвзятостью и неполнотой. Понадобится еще много лет, чтобы сложилась полная картина происходившего в Армении и Азербайджане после 1988 г. Моя книга задумана как начало исследования темы, по которой существует очень мало неодносторонней информации. Написанное здесь, возможно, заинтересует многих армян и азербайджанцев, и я хотел бы попросить их не цитировать выборочно отдельные отрывки в угоду собственным политическим приоритетам. Книга имеет (или не имеет) ценность лишь как единое целое.

Определенную трудность представляет употребление географических названий. Если у города два названия, одно армянское, другое азербайджанское, я пользовался тем, которое было в ходу к началу конфликта в 1988 г.: то есть Шуша, а не Шуши, Степанакерт, а не Ханкенди.

Десятки людей помогали мне собирать материал для книги. Некоторые из них знали, что отнюдь не все в ней им понравится, но все равно считали нужным помочь, и поэтому я еще больше ценю их великодушие.

Создание книги стало возможным благодаря щедрому исследовательскому гранту сроком на один год, выданному мне Институтом мира в США. Во время работы над книгой в Лондоне я пользовался административной и моральной поддержкой организации «Ресурсы примирения» (Conciliation Resources). Она также финансировала перевод книги на русский язык в рамках проекта «Совместная инициатива» (Consortium Initiative). Этот проект объединяет усилия неправительственных организаций, работающих на улучшение долгосрочных перспектив урегулирования карабахского конфликта при финансовой поддержке Глобального фонда по предотвращению конфликтов правительства Великобритании.

Я приступал к работе без какой-либо миротворческой установки, но завершал ее в глубоком убеждении, что мирное решение, которое возможно лишь в результате нелегких компромиссов с обеих сторон, является единственно справедливым и приемлемым выходом из создавшегося тупика.

Среди моих коллег в Азербайджане хочу выразить особую признательность Зауру Алиеву, который организовал большинство моих интервью в Баку; Азаду Исазаде за практическую помощь, прекрасную информированность и гуманность; Арифу Юнусову, чьи глубокие знания, объективность и справедливость суждений по данному вопросу не имеют равных на Кавказе. Я также хочу поблагодарить Арзу Абдуллаеву, Вугара Абдусалимова, Ульви Исмаила, Фуада Ахундова, Сабину Алиеву; Халида Аскерова и Олега Литвина за их фотографии; сотрудников представительства Би-би-си в Баку; Крейга Дикера, Рауфа Гусейнова, Таира Джафарова, Керима Керимли, Хикмета Сабироглу, Рауфа Талышинского, Роджера Томаса, Энн Томпсон, Питера ван Праага и Лейлу Юнусову.

В Армении моими гостеприимными хозяевами и друзьями были Тигран Хзмалян и его семья, всегда были готовы прийти мне на помощь Алексей Манвелян и Карен Топчян из Би-би-си, а Сусанна Погосян проявила себя как прекрасный организатор и исследователь. Я также выражаю благодарность Ларисе Алавердян, Михаилу Багратуни; Алле Бакунц за помощь и советы; Марку Григоряну за общие мысли и старые газеты; Тиму Джонсу; Оннику и Гоар Крикорянам за дружбу, контакты и фотографии; Эдуарду Хзмаляну; Леониду Мирзояну за хорошую компанию во время многочисленных поездок в Карабах; Асе Мирзоян и Давиду Петросяну.

Трое армянских респондентов, у которых я брал интервью для этой книги, ушли из жизни уже после ее завершения: по старости лет скончался Сергей Шугарян, трагически погиб совсем молодой Григорий Мовсесов, от болезни умер Левон Эйрамджянц.

В Карабахе хочу особенно поблагодарить Иосифа Адамяна и его семью, Армине Алексанян, Ани Азизян и ее семью и Ашота Гуляна.

Мне также хотелось бы отметить и других выходцев с Кавказа, жителей этого региона, специалистов по Кавказу: Терри Адамса, Кянана Алиева, Джонатана Эйвса, Феликса Корли, Магдалену Фричову, Томаса Гольца, Эдмунда Херцига, Роберта Хьюсена, Александра Искандаряна, Джона Джонса, Яна Келлера, Брейди Кристинга, Марину Кюркчиян, Лору Лекорню, Стива Левина, Жирайра Липаритяна, Анатоля Ливена, Дова Линча, Денниса Саммута, Бориса

Нефедова, Майкла Окса, Рональда Суни, Валерия Тишкова, Лоренса Шитса, Бренду Шаффер, Уэнделла Стивенсона и Дэвида Стерна.

Что касается первого русскоязычного издания, то Олег Алякринский сделал замечательный перевод книги на русский язык, а издательство «Текст» прекрасно ее издало. Я очень благодарен сотрудникам Би-би-си Фамилю Исмайлову и Марку Григоряну, которых по праву считаю своими друзьями и коллегами. Они не только помогли мне во время написания самой книги, но и осуществили необходимую редакторскую правку русского текста.

Эту книгу я с любовью посвящаю моей жене Джорджине Уилсон.

За подготовку переработанного и дополненного издания 2012 г. благодарю моего редактора в издательстве «Нью-Йорк юниверсити пресс» Айлин Кэлиш, а также Харрисона Кинга и Камолу Кобильджанову за помощь в разысканиях.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕРАБОТАННОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Одни конфликты немедленно привлекают к себе внимание. Другие тихо тлеют под внешне спокойной поверхностью, но остаются неразрешенными, и окружающий мир рискует обнаружить их, когда уже слишком поздно, когда угроза насилия снова неминуема. Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха относится ко второй категории. Обстановка в горах Кавказа, куда менее стабильная, чем на Кипре, и не столь заметная постороннему глазу, как израильско-палестинская вражда, все еще таит в себе потенциальную угрозу всему миру.

После первой публикации в 2003 г. книга «Черный сад» завоевала популярность как у англоязычных читателей, так и в самом регионе конфликта и была переведена на армянский, азербайджанский и русский языки. В ней показаны история карабахского конфликта, портреты современных Армении и Азербайджана, а также предпринята попытка изучить один из аспектов гибели Советского Союза и проследить, как начинаются конфликты. При подготовке переработанного издания, вышедшего на английском языке в 2012 г., а на русском – в 2014 г., я дополнил текст, стараясь сохранить неизменной его основную суть[1].

[1] Особый интерес представляют три книги, приведенные в дополнение к прежней библиографии. В замечательных воспоминаниях «Путь моего брата» («My Brother's Road») Маркар Мелконян дает неприкрашенную картину конфликта глазами своего брата – Монте Мелконяна, самого знаменитого командира армянских сил во время карабахской войны. В. Н. Казимиров, действовавший в качестве российского посредника при заключении соглашения о перемирии 1994 г., опубликовал захватывающие мемуары «Мир Карабаху». А армянский журналист Татул Акопян нашел новые материалы армянской стороны и поместил их в книгу «Зеленое и черное» («Green and Black»). Я еще надеюсь прочесть воспоминания и свидетельства очевидцев с азербайджанской стороны. В своем тексте я сделал следующие поправки: изменил сведения о родителях Елены Боннэр; исправил написание имени Этимада Асадова; подчеркнул, что убийцы В. П. Поляничко пока неизвестны; изменил информацию о том, куда в советские паспорта вписывалась национальность; убрал ссылку на перепись населения Российской империи 1914 г., поскольку таковой не проводилось; уточнил географический район, занимаемый азербайджанскими пастухами, по очерку Ямскова; упорядочил написание

Всем понятно, что мирное урегулирование армяно-азербайджанского конфликта является необходимой предпосылкой будущего развития всего южнокавказского региона между Черным и Каспийским морями. Но за последнее десятилетие в этом направлении сделано удивительно (и прискорбно) мало. Позиции сторон, которые я описываю в книге, стали еще жестче, чем раньше. В Азербайджане это объясняется растущей в результате нефтяного бума уверенностью в себе, укрепляющей мнение, будто азербайджанцы смогут заставить армян отдать захваченные территории – либо за столом переговоров, угрожая войной, либо действительно развязав новую войну. Армяне, со своей стороны, уверены, что сложившаяся ситуация, которая, по их мнению, говорит в их пользу, превратилась в новую реальность. Это наиболее очевидно в самом Нагорном Карабахе, удерживаемом армянами. Во время моей первой поездки на его территорию в 1996 г. меня встречали с признательностью за то, что кто-то из внешнего мира посетил разрушенный войной Карабах и хочет услышать его жителей. В ходе последнего визита в 2012 г. идеи, с которыми я приехал, вызвали среди карабахских армян больше сопротивления. Нагорный Карабах (или, по крайней мере, его армянская часть) восстановился самостоятельно и оказался теперь более самодостаточным и менее восприимчивым к мысли о компромиссе.

Обе стороны не могут быть правы относительно будущего, зато обе могут оказаться неправы. Как я указываю в переработанном варианте заключения, есть опасность, что шаткое статус-кво окончательно нарушится и вспыхнет очередная война, которую мало кто сочтет отвечающей чьим бы то ни было рациональным интересам. Из истории мы знаем слишком много примеров, когда люди думали, будто новый конфликт поможет изменить надоевшее статус-кво, – пока не испытали подлинный ужас войны.

В то же время усилия, прилагаемые ради разрешения карабахского конфликта тремя сопредседателями Минской группы ОБСЕ – Россией, США и Францией, – неизбежно стали ослабевать. Эта проблема всех утомила и уступила центральное место в повестке дня Афганистану, Ближнему Востоку, кризису еврозоны и многим другим проблемам. Настойчивые попытки посредничества со стороны российского президента Дмитрия Медведева при поддержке США и Франции в 2011 г. потерпели неудачу, главным образом потому, что

имени Фариды Мамедовой; исправил данные о месте работы Якуба Мамедова; указал, что вторая встреча Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна состоялась не во время войны, а после нее.

сопротивление переменам на местах по-прежнему сильнее международного давления, направленного на заключение мирного договора.

Разрешить какой бы то ни было затяжной конфликт всегда нелегко. Интересы укореняются, инерция становится нормой. В случае Нагорного Карабаха нетрудно увидеть, почему стороны по умолчанию предпочитают держаться за то, что есть, а не переходить сомнительный Рубикон на пути к сложному мирному урегулированию. Мирное соглашение требует от обеих сторон поступить вопреки своему национальному нарративу, сложившемуся за два последних десятилетия. Армянам пришлось бы отвести войска с позиций, которые они занимают почти 20 лет, и доверить безопасность Нагорного Карабаха кому-то другому. Азербайджанцам – допустить, хотя бы теоретически, возможность потери Карабаха, заключая мир с нацией, которую они именуют «агрессором», и проявлять толерантность в отношении этнической группы, обвиняемой ими в стремлении разрушить их государство.

Правда, первый же вывод из моих исследований заключался в том, что карабахский конфликт существует по большей части «в головах», построен на национальных, зачастую явно ложных преданиях одной из сторон о другой. Работая над «Черным садом», я поставил себе целью познакомиться с этими преданиями, этими мифами и выяснить, сколько в них правды. Возьмем два маленьких примера: в Армении все убеждены, что никто из азербайджанцев не подвергался насилию, когда тех изгоняли из страны в 1988–1990 гг.; в Азербайджане большинство населения считает, что азербайджанцы не несут ответственности за насилие против армян в Сумгаите и Баку. Я не виню простых людей за то, что они повторяют эти псевдоистины, – но ни та, ни другая не верны, а их повторение питает опасную уверенность каждой стороны, будто именно она – жертва, а другая сторона – агрессор и компромисс равносилен капитуляции.

Собирая основной материал для книги в 2000–2001 гг., я стал на себе ощущать психологическое воздействие конфликта. Ощущения эти я в шутку называл шизофреническими. Я около трех месяцев работал в Азербайджане и столько же в Армении и Нагорном Карабахе, куда мог попасть только через Армению. Разделенные линией прекращения огня и длинной полосой минных полей, обе стороны обитают в параллельных мирах и, находясь рядом на карте, почти не контактируют друг с другом. Проведя несколько недель в Азербайджане, я, разумеется, свыкался с рассказами азербайджанцев о карабахской трагедии и находил убедительными утверждения, что азербайджанцы – жертвы армян, которые до сих пор оккупируют значительную часть их земли. Затем, перебравшись через Москву или Грузию за

демаркационную линию на армянскую сторону, я постепенно начинал видеть спор с Азербайджаном глазами армян и прислушиваться к доводам о том, что им ничего не оставалось, кроме как сражаться за свою идентичность и свои права. Лишь пересекая линию в третий или четвертый раз, я почувствовал себя «иммунизированным» против двух предвзятых версий действительности, сосуществовавших в моем мозгу. И прекрасно понял, что если бы жил постоянно в Армении или Азербайджане, не имея контактов с другой стороной, то смотрел бы на ситуацию соответствующим образом.

Мало-помалу, однако, я смог нарисовать собственную картину двух обществ, обреченных судьбой на столкновение, хотя на самом деле у них много общего. И когда меня спрашивали (очень часто), какой из сторон я сочувствую больше, – со всей искренностью отвечал, что на каждой из сторон есть люди, которых я уважаю и люблю, при этом чрезвычайно сожалея о сложившейся ситуации.

Так же как многие иностранцы, приезжавшие на Кавказ до меня, я полюбил его и порой бывал близок к отчаянию. Я полюбил кавказские пейзажи, особенно карабахские леса и бакинские улицы. Приобрел массу друзей. В государственных учреждениях и лагерях беженцев я видел отвратительный цинизм и потерявшие смысл жизни. Гриша Мовсесов, армянский изгнанник, певший за кухонным столом в Ереване песни о городе, который он потерял, стал жертвой поистине катастрофического невезения: он трагически погиб в результате несчастного случая на ереванской канатной дороге в апреле 2004 г. Увы, подобных ему – легион.

Стороннему наблюдателю досадно видеть, как много мог бы дать Армении и Азербайджану мир и как до него далеко. Прочно укоренившееся взаимное недоверие осложняет использование множества связующих нитей между сторонами для того, чтобы политическое соглашение работало. И армянам, и азербайджанцам чересчур удобно винить «великие державы», представленные в Минской группе, в неспособности разрешить конфликт. Однако неприятная правда заключается в том, что самые большие препятствия на пути к миру ставят их собственные общества. Многочисленные варианты «основных принципов» соглашения, составленные за последние пять лет посредниками из Минской группы, предлагают кропотливо разработанную основу плана мирного урегулирования. Но куда труднее пробудить у сторон хоть какое-то доверие друг к другу, необходимое для осуществления этого плана. Как ни странно, внешним посредникам и экспертам приходится выступать в роли создателей «третьего нарратива», рассказывая армянам и азербайджанцам, сколько они потеряли и сколько могли бы приобрести.

Мне важно было включить в «Черный сад» старые истории о долгом совместном существовании армян и азербайджанцев наряду с рассказами о конфликтах и кровопролитии, поневоле занимающими много места в повествовании такого рода. Я предоставил слово тем здравомыслящим людям из числа бывших друзей и соседей, чьи голоса обычно заглушаются стандартной пропагандой. Не умаляя кровавых страниц общей истории двух народов, я попытался показать альтернативную историю армян и азербайджанцев, в которой обе культуры совместимы и дополняют друг друга. Небесный покровитель «Черного сада» – армянский трубадур, поэт Саят-Нова, живший при дворе грузинского царя и написавший большинство своих стихов на азербайджанском языке. Его поэтический дух – пример для сегодняшнего Кавказа, все еще прекрасного, полного жизни, но терзаемого страхом и разобщенностью.

Томас де Ваал,
Вашингтон, январь 2014

Вступление
ПЕРЕХОДЯ ЧЕРТУ

ЛИНИЯ ФРОНТА: 19 мая 2001 года

Нам предстояло пересечь несуществующую границу. Но это, наверное, один из самых непроницаемых рубежей в мире. Через несколько километров после азербайджанского города Тертер дорога обрывается в пыльном поле. Солдаты блокпоста азербайджанской армии преградили нам путь. Ветер трепал лоскуты камуфляжа, вперемежку с пучками сухой травы прикрывавшие ограждение из колючей проволоки.

Отсюда в сопровождении полковника азербайджанской армии Эльхана Алиева мы – группа западных и российских журналистов и дипломатов – отправились на ничейную землю. Участники посреднической миссии надеялись развить успех, которого удалось достичь несколькими месяцами ранее на мирных переговорах во Флориде между президентами Армении и Азербайджана. Переход через линию фронта между позициями азербайджанцев и армян Нагорного Карабаха должен был не только стать символом достигнутого во Флориде успеха, но и придать мирному процессу дополнительный импульс. Увы, к тому моменту, когда мы дошли до линии фронта, вопрос о заключении мира успел сойти с повестки дня.

Никто не пересекал эту черту с мая 1994 г., когда было подписано соглашение о перемирии, фактически закрепившее военную победу армян в ходе продолжавшихся два с половиной года полномасштабных боевых действий. С того момента линия прекращения огня постепенно стала превращаться в 200-километровую стену из мешков с песком и заграждений из колючей проволоки, разделившую Южный Кавказ надвое.

Полковник Гусейнов был одет в аккуратную камуфляжную форму, темные очки скрывали глаза. В то утро, по его словам, на границе произошла перестрелка, но никто не пострадал. Некоторые члены нашей группы надели пуленепробиваемые жилеты. На голове у российского посредника Николая Грибкова красовалась кепка с надписью «New York Yankees». Кто-то пошутил, что, окажись по ту сторону армянский болельщик извечного соперника «Янкиз» – бейсбольной команды «Метс», Грибков мог бы получить пулю в лоб.

Полковник повел нас в обход мимо стены из мешков с песком к узкой проселочной дороге, которую разминировали в то утро его солдаты. Наверное, наша процессия смотрелась странно: под неумолчное птичье чириканье в сторону ничейной земли шли люди с «дипломатами» в руках, некоторые катили чемоданы на колесиках. По краям дороги в этой мертвой зоне высились почти в человеческий рост белые и пурпурные цветы чертополоха.

Минут через пять мы добрались до «врага» – группы армянских солдат, дожидавшихся нас на дороге. Они были одеты почти в такую же камуфляжную форму, что и Гусейнов и его люди, с той лишь разницей, что кепи у них были квадратные, а у азербайджанцев – круглые, и на груди у армян виднелись нашивки с буквами «НКР», аббревиатурой названия непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. С ними была группа наблюдателей из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Нам предложили легкую трапезу, состоявшую из армянского пива и бутербродов с черной икрой – дипломатичной комбинации кулинарных достижений двух воюющих сторон.

Высокий мужчина с седеющими висками представился командиром армянского отряда Виталием Баласаняном. Не глядя друг другу в глаза, они с Гусейновым обменялись секундным рукопожатием. Мы поинтересовались, не встречались ли они раньше. «Возможно», – ответил Гусейнов, давая понять, что их встреча вполне могла состояться на поле боя. Командиры противостоящих подразделений не имели между собой никаких контактов вообще, хотя наличие телефонной связи могло бы помочь снизить потери с обеих сторон (около тридцати человек ежегодно погибали в результате пограничных перестрелок). Не хотели бы они протянуть телефонный кабель через линию фронта? Баласанян ответил, что это было бы полезно, но Гусейнов сказал, что это не в его компетенции. Чуть раньше он назвал вооруженные силы карабахских армян «армянскими бандформированиями».

Далее, на втором отрезке пути до армянских позиций, нашу группу сопровождал Баласанян. Перед нами высились поросшие голубым лесом горы Карабаха. Осознание немыслимого парадокса шокировало. Из-за того, что линию прекращения огня невозможно пересечь, сегодня попасть в Нагорный Карабах можно только через Армению. За четырнадцать месяцев в 2000–2001 гг. я многократно переезжал из Азербайджана в Карабах и обратно. Каждый раз мне приходи-

лось проделывать сотни километров – то на машине через Грузию, то на самолете через Москву. А теперь, за считанные минуты пройдя пешком от расположения одной стороны до расположения другой, я поразился логичности именно этого маршрута: ведь на карте, что ни говори, они соседствуют.

Поспешное рукопожатие на ничейной земле было единичным случаем, когда азербайджанец и армянин, преодолев гигантскую историческую и политическую пропасть между обоими народами, сделали шаг навстречу друг другу.

На той дороге столкнулись две версии истории. Если послушать армян и азербайджанцев, то все дело в водоразделе между христианами и мусульманами, армянами и турками, Западом и Востоком. Беда в том, что никто не может решить, где же все-таки проходит этот водораздел. Для азербайджанцев захват армянами Нагорного Карабаха явился не чем иным, как вражеской оккупацией, армяне же считают случившееся торжеством исторической справедливости.

Нельзя переоценить культурное и символическое значение Нагорного Карабаха для обоих народов. Для армян Карабах – историческое прибежище армянских князей и епископов, последний форпост христианской цивилизации на переднем рубеже восточного, тюркского мира.

Азербайджанцы считают его колыбелью своей культуры, откуда вышли талантливейшие музыканты и поэты. История Армении становится неполной без этого анклава, без его монастырей и крепостей князей-горцев; география и экономика Азербайджана теряют свою полноценность без Нагорного Карабаха...

А тем, кто в 2001 г. стоял на разбитой фронтовой дороге, ситуация представлялась иначе: огромным клубком противоречивых факторов, который американцы, французы и русские пытались каким-то образом распутать.

В течение семи лет армяне безраздельно владели почти всей территорией Нагорного Карабаха и прилегающих к нему азербайджанских районов – что в общей сложности составляло около 14 % международно признанной территории Азербайджана. Сотни тысяч азербайджанцев были изгнаны с родных земель.

В ответ Азербайджан наглухо закрыл границу с Арменией. В знак солидарности с братской тюркской нацией то же самое сделала и Турция. Если принять во внимание нестабильность транспортных коммуникаций, идущих через Грузию, и малопригодную для крупных перевозок границу с Ираном – можно сказать, что Армения фактически оказалась в кольце экономической блокады.

В результате возникла ситуация медленного самоубийства, когда в надежде получить преимущество в переговорном процессе каждая из сторон наносила другой как можно больший ущерб, пусть даже страдала при этом сама.

Несколько лет до этого большинство международных наблюдателей старались по возможности не замечать затянувшийся конфликт. Но они действовали себе же во вред. Остающийся неразрешенным территориальный спор фактически сковал огромный регион между Черным и Каспийским морями. Торгово-экономические связи между Турцией и Центральной Азией, Россией и Ираном были блокированы; на нитях нефтепроводов возникли заторы, железнодорожные магистрали никуда больше не вели. Азербайджан и Армения вступили в альянсы с соседями, у которых не совпадают стратегические интересы, и спровоцировали поляризацию мнений на международной арене.

Армения считает своими самыми близкими друзьями Россию и Иран, и уже достигнуто соглашение, что российская военная база останется на территории Армении до 2044 г. Азербайджан использовал интерес к нефти Каспийского шельфа для упрочения уз дружбы с Западом. Он заключил союз с Грузией и Турцией, и в 2006 г. нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) связал три страны с западными рынками энергоносителей.

Соединенные Штаты, хотели они того или нет, тоже оказались вовлечены в конфликт. Около миллиона американских армян, проживающих в основном в штатах Калифорния и Массачусетс, составляли одну из самых заметных этнических общин в стране, и армянское лобби пользовалось немалым влиянием в конгрессе США. Крупные компании вроде «Бритиш петролеум» и «Шеврон» также инвестировали значительные средства в разработку нефтяных месторождений в Каспийском море, а прозападная антироссийская позиция Азербайджана встретила понимание у многих ветеранов американской политики от Збигнева Бжезинского до Дика Чейни.

Все это означает, что у Запада есть основания для беспокойства по поводу возможного развития событий в этом горном регионе. Новая – даже минимальная – вспышка карабахского конфликта тревожным эхом отзовется по всей Европе, России и Ближнему Востоку. Самым кошмарным будет сценарий, по которому Армения решит обратиться с просьбой о помощи к своему военному союзнику России, а Азербайджан призовет на подмогу своего союзника Турцию – члена НАТО. Да и нефтяным компаниям не улыбается перспектива новой войны в непосредственной близости от крупного международного нефтепровода. Как заявил один западный эксперт в области нефтедо-

бычи, «никого не радует мысль о вложении 13 миллиардов долларов в потенциально взрывоопасный регион».

С апреля 1999 г. президенты Азербайджана и Армении Гейдар Алиев и Роберт Кочарян провели более дюжины двухсторонних встреч, в ходе которых у них сложились отношения, способствующие конструктивному поиску мирного пути выхода из кризиса. Это в конечном счете стало основой для проведения пятидневной встречи в Ки-Уэсте, штат Флорида (США) в апреле 2001 г., где формат переговоров был расширен участием посредников из России, Франции и Соединенных Штатов. По общему мнению, эта встреча стала подлинным прорывом, и Алиев и Кочарян сблизили свои позиции более чем когда-либо прежде. На столе переговоров лежало рамочное мирное соглашение, в котором оставался ряд нерешенных вопросов, требовавших дополнительного обсуждения. Целью нашей поездки на Кавказ и стало заполнение этих лакун.

Президент Гейдар Алиев казался недовольным. Азербайджанский лидер, ветеран советского Политбюро и КГБ, сидел в окружении своей свиты за длинным столом, словно раздосадованный престарелый монарх, глядя в направленные на него телекамеры.

Мы прибыли в азербайджанскую столицу Баку, откуда начиналась кавказская поездка посреднической миссии. После флоридских мирных переговоров оба президента получили передышку для проведения широких консультаций у себя на родине. Планировалось, что следующая встреча президентов Азербайджана и Армении пройдет в июне в Швейцарии, где, как все надеялись, они смогут разрешить остающиеся разногласия. Как сказал мне один из посредников, Алиеву и Кочаряну удалось в Ки-Уэсте «пройти 80 или 90 процентов» пути. И тогда посредники организовали поездку по региону, чтобы привлечь внимание международной общественности к тяжелому положению простых людей, страдающих от нерешенности армяно-азербайджанского конфликта. Программа поездки предусматривала встречи не только с политическими лидерами, но и с беженцами в Азербайджане, с нищими и безработными в Армении.

Алиев выглядел утомленным. С покровительственной улыбкой он вступил в словесную перепалку с тремя иностранными посредниками, временами поглядывая в сторону телекамер. Было понятно, что проведенные им дома консультации не дали положительных результатов. Как выяснилось впоследствии, Алиев в Ки-Уэсте был практически готов отдать Карабах армянам в обмен на ряд уступок с их стороны, но этот вариант оказался совершенно неприемлем для людей, с которыми он консультировался после флоридской встречи.

Представитель России Николай Грибков поздравил Алиева с прошедшим семидесятивосьмилетием. «Спасибо за поздравления по случаю моего дня рождения, но... – Алиев сделал паузу и продолжил: – Настоящий день рождения для меня наступит тогда, когда мы подпишем мирный договор, когда наши земли будут освобождены. За все годы, что я занимался этой проблемой, для меня никакой праздник не был праздником, а уж день рождения тем более. Я и забыл о своем дне рождения, потому что моя голова полностью занята мыслями об этой проблеме». Он произнес эти слова с подчеркнуто серьезным видом, чтобы мы ни на йоту не усомнились в его искренности.

Американский спецпредставитель по Карабаху Кэрн Кавано сказал, что высоко ценит политическое мужество Алиева, проявленное им в стремлении к миру. Однако он отметил, что иностранные державы могут лишь обеспечить политическую, финансовую и материальную поддержку мирному процессу, но не в состоянии заключить мирное соглашение, поскольку это дело Алиева и президента Кочаряна. Соединенным Штатам, Франции и России, парировал Алиев, следует предпринять больше усилий, чтобы мирное соглашение было достигнуто. После этого прессу попросили удалиться, но само по себе такое начало встречи уже не предвещало ничего хорошего.

На следующий день мы отправились через безводные равнины Центрального Азербайджана в лагерь беженцев, разбитый неподалеку от города Агджабеди. Иссохшая грунтовая дорога бежала, как на библейской картине, между глинобитными домишками, прячущимися за тростниковыми изгородями. В этом лагере нашли приют около трех тысяч беженцев из Агдама, которых армяне восемь лет назад изгнали из родного города.

Беженцы, ожидавшие встречи с иностранной делегацией, были измучены и обозлены. Похоже, состоявшиеся в Соединенных Штатах переговоры не произвели на них никакого впечатления. Я разговорился с Аллахверди Алиевым. Импозантный мужчина с серебристой сединой и рядом золотых зубов представился мне как специалист по экономике сельского хозяйства. По словам Алиева, работы в лагере не было никакой, а здешняя почва оказалась слишком перенасыщенной солями, чтобы выращивать на ней овощи. «Ну сколько мы можем так жить! Это все равно что жить на вокзале!» – говорил он, потея под жарким майским солнцем. Я спросил у него про армян. «Немцы себя так не вели, как они!» А не хочет ли он что-то им передать? «Пускай уйдут с нашей земли!» Алиев попросил меня найти по ту сторону от линии прекращения огня его двухэтажный дом в Агдаме – в 500 метрах к западу от мечети, рядом с рестораном.

Спустя несколько часов мы, перейдя через нейтральную полосу и линию прекращения огня, попали на армянскую сторону и вскоре оказались в Агдаме – вернее, среди оставшихся от города руин. Если мирное соглашение будет подписано и Аллахверди Алиев вернется сюда, он не найдет ни ресторана, ни своего дома. Оба здания утонули в море развалин. Единственная уцелевшая в городе постройка – выложенная бело-сливовой плиткой мечеть, минареты которой одиноко высятся над развалинами.

За два месяца до описываемых событий я приехал в Агдам с армянской стороны и поднялся на один из минаретов. Стоял ясный весенний день. С вершины минарета отчетливо просматривались величественные снежные пики Кавказских гор в ста километрах к северу. Но мой взгляд приковал совсем другой пейзаж – эдакая мини-Хиросима у подножия минарета. Когда-то население Агдама составляло 50 тысяч человек. Ныне город полностью опустел. После того как в 1993 г. армяне захватили Агдам, они постепенно, улицу за улицей, дом за домом, разнесли город по кирпичику. Полуразрушенные дома заросли чертополохом и куманикой. Оглядывая с вершины минарета картину общего запустения, я в который уже раз думал о причинах, породивших этот рукотворный апокалипсис.

Выводя за пределы разрушенного Агдама, дорога устремляется с безжизненной равнины в Карабах – плодородный «Черный сад» в горах, чьи склоны поросли буками. В голову вдруг приходит географическое «измерение» конфликта: помимо всего прочего – это еще и вражда между горцами, карабахскими армянами, и жителями низин, азербайджанцами с равнины.

На дорогах Карабаха после Азербайджана казалось особенно тихо. Вечером мы приехали в местную столицу Степанакерт – маленький вполне современный город, симпатичный, но ничем не примечательный, весь в многочисленных фруктовых садах и огородах. Во время войны он сильно пострадал от артиллерийских обстрелов и бомбежек, но теперь его почти полностью отстроили заново. Вот куда делись дома Агдама: его кирпичи и оконные рамы пошли на восстановление этого армянского города.

Степанакерт и Агдам разделяют всего 25 километров – вполне в пределах достижимости артиллерии. Карабахские армяне утверждают, что во время войны все свелось к принципу «убьешь ты, или убьют тебя» и что захват Агдама был предпринят лишь в целях самообороны. В магазине на главной улице мясник Гамлет Джангарян (у него во рту тоже ряд золотых зубов) повернул лысеющую голову и, продемонстрировав небольшой шрам, сообщил, что это след от

осколка снаряда, который прилетел со стороны Агдама и врезался в многоквартирный дом, где он жил.

В Гамлете угадывалась та же смесь агрессивности, подозрительности, усталости и желания поскорее обрести покой, которую я встречал у жителей Азербайджана. «Это все когда-то было нашим, – говорил он, чертя пальцем на магазинном прилавке. – А потом они пришли и стали захватывать все по частям, пока не взяли все». Он признался, что не верит ни в какие мирные переговоры: «Ничего они не дадут».

На последнем этапе нашей карабахской одиссеи мы перенеслись еще дальше на запад – из чарующего карабахского рая в Армению. С высоты птичьего полета сразу становилось ясно, почему так высоко ценится этот зеленый оазис в горах, лежащий между двумя засушливыми равнинами. Мы пролетели над унылым каменистым ландшафтом Армении и прибыли в Спитак, город, все еще не оправившийся после разрушительного землетрясения 1988 г. Заводы и фабрики Спитака не работали, а железнодорожный разъезд не подавал признаков жизни.

В столице Армении Ереване президент Кочарян принял сначала посредников, а затем нас, журналистов. Мы спрашивали, почему он ничего не предпринимает для развития успеха переговоров в Ки-Уэсте и не выносит на обсуждение армянской общественности вопросы мирного урегулирования и достижения компромисса с Азербайджаном. «Я не хотел бы вызывать подобные ожидания, не будучи твердо уверен, что конфликт совершенно определенно будет разрешен», – заявил он в ответ. Другими словами, он как бы давал понять, что считает более целесообразным держать людей в неведении о ходе переговоров. Неудивительно, что почти готовое соглашение не вызвало в Армении интереса. Порочный круг инерции и недоверия подрывал самые основы мирного процесса.

Позже, в вестибюле отеля «Ереван», даже обычно оживленный Кэри Кавано казался подавленным и не сумел найти подходящие для обнадеживающего заявления слова. Его усилия по выработке мирного соглашения оказались тщетными. Через несколько месяцев Кавано покинул свой пост, а карабахский мирный процесс вновь зашел в тупик.

«Черный сад» Нагорного Карабаха поглотил множество политических режимов, президентов и посредников. Он также определил историю жизни целого поколения на Южном Кавказе. Вспышка межнационального конфликта в 1988 г. дала толчок движению за освобождение от диктата Москвы как в Армении, так и в Азербайджане,

и создала в обеих республиках антикоммунистическую оппозицию, которая с обретением независимости пришла к власти.

Этот регион не всегда был очагом конфликта. Само название «Нагорный Карабах» указывает на плодотворное взаимопроникновение культур, которое тут тоже имело место. Слово «Карабах» – как тюркского, так и персидского происхождения – обычно переводится как «черный сад». Возможно, оно указывает на плодородие здешней земли – хотя сегодня слово «черный», скорее, воспринимается как символ смерти и невзгод. Это наименование восходит к XIV в., когда оно начало вытеснять армянское название «Арцах». Географически «Карабах» в целом на самом деле включает куда большую территорию, которая простирается дальше, на равнинную часть Азербайджана. «Нагорный» говорит само за себя, и именно эта самая плодородная горная часть региона, где армяне составляют большинство населения, служит теперь предметом спора.

На протяжении веков этот регион обладал своим особым очарованием. Карабах обрел известность благодаря смешанному христианско-мусульманскому населению, независимому нраву своих правителей, будь то христиане или мусульмане, и войнам, которые вели за него соперничающие империи. Карабах известен рожденными здесь воинами и поэтами, а еще – лесами и монастырями, виноградниками, тутовыми деревьями, шелком и богатыми урожаями зерна. В 1820 г. английский аристократ сэр Роберт Кер-Портер обнаружил многое из перечисленного, приехав сюда несколько лет спустя после того, как по Гюлистанскому договору этот край был присоединен к России: «Кара-Баг был почти опустошен последней войной между великой северной державой и шахом, но ныне, когда кажется, что мир прочно установился на этих землях и эта провинция бесповоротно становится частью империи-победительницы, беглые туземцы быстро возвращаются в свои покинутые дома. И эта земля вновь обретает свой привычный облик плодородного края. Тучная почва дает богатые урожаи пшеницы, риса и сочных трав, как летом, так и зимой. Шелк-сырец составляет еще одну важную отрасль обильного производства. Шиска [Шуша], столица края, занимает вершину одиноко стоящей горы причудливой формы, имеющей шесть миль в окружности и совершенно недоступной с восточной стороны. Все эти провинции, хотя и находятся постоянно под властью той или иной империи, имеют своих местных правителей: Россия оставила внутреннее правительство Кара-Бага одному из здешних наследных князей, который платит в имперскую казну годовую дань в размере 10 тысяч дукатов и обязан, в случае необходимости, мобилизовать воинский контингент численностью 3 тысячи человек пеших и конных»[1].

С 1988 г. значимость этого региона многократно возросла. На Западе его поначалу воспринимали сквозь искажающую призму горбачевской «перестройки» как очаг периферийного национального конфликта, ставящего под угрозу реформы Горбачева. Так оно, конечно, и было. Армяно-азербайджанский конфликт, вспыхнувший в феврале 1988 г., стал первым камнем в лавине этнотерриториальных споров, которая в конечном счете смела Советский Союз с карты мира. Но, как и другая постоянная головная боль Горбачева, Афганистан, этот очаг не затух и потом, уже после того, как комиссары сняли шинели и превратились в частных предпринимателей.

После 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование, выражение «Нагорный Карабах» обрело значение символа упрямого сопротивления. Многие западные наблюдатели пытались понять смысл конфликта в терминах этнической и религиозной идентичности – как выброса «старинной ненависти», замороженной в недрах советской системы, но быстро оттаявшей и перешедшей в насилие, едва лишь Горбачев создал эту возможность. Это было упрощением. Ведь взаимоотношения между азербайджанцами и армянами оставались нормальными в течение советского периода, да и вражда вспыхнула не на религиозной почве.

Сейчас армяно-азербайджанский конфликт утратил остроту и застыл, подобно другому конфликту – кипрскому. Но игнорировать его нельзя. Нагорный Карабах остается узлом противоречий, сложившимся в одном из важных центров системы международной безопасности. История возникновения этого узла имеет прямое отношение и к путям обретения независимости Арменией и Азербайджаном, и к новому открытию Кавказа внешним миром. При всей своей трагичности, она помогает лучше понять, как рождаются подобные конфликты и почему развалился Советский Союз. Сегодня можно сказать: уже и тогда было понятно, какую опасность влечет за собой выплеск загнанных внутрь проблем в этом уголке Советского Союза. И тем не менее, когда в 1988 г. конфликт разразился, это стало неожиданностью почти для всех.

---

[1] Ker Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylon &c. &c. during the Years 1817, 1818, 1819 and 1820. Vol. II. London, 1820. P. 513–514.

Глава 1
ФЕВРАЛЬ 1988
Армянский протест

СОВЕТ БУНТУЕТ

Кризис начался в феврале 1988 г. Просторная центральная площадь Степанакерта, небольшого живописного городка на Южном Кавказе, представляла собой идеальное место для проведения массовых мероприятий. На фоне крутого горного склона, перед неоклассическим зданием облсовета возвышалась большая статуя Ленина, ныне демонтированная. На противоположной от здания стороне площади – длинная лестница, ведущая вниз по склону горы, в сторону равнинной части Азербайджана.

20 февраля 1988 г. Совет народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана вынес следующее решение: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР»[1].

За казенным языком резолюции скрывался поистине революционный смысл. Начиная с 1921 г. Нагорный Карабах был на территории Азербайджанской Советской Социалистической Республики островком, преимущественно населенным армянами. По сути дела, местные депутаты-армяне хотели перекроить карту Советского Союза так, чтобы Нагорно-Карабахская АО, отделившись от Советского Азербайджана, вошла в состав Советской Армении.

[1] Советский Карабах. 1988. 21 февр.

Шел третий год правления Михаила Горбачева. Советский Союз все еще являлся жестко организованным государством. И хотя Горбачев провозгласил политику гласности и перестройки, эта политическая линия все равно контролировалась сверху коммунистической партией. Решение Совета народных депутатов НКАО коренным образом изменило ситуацию. Призывая Москву к пересмотру внутренних границ, карабахские армяне впервые в истории Советского Союза после 1920-х гг. делали государственную политику снизу.

13 февраля, то есть за неделю до решения совета, группа карабахских армян провела на площади Ленина другое беспрецедентное мероприятие – несанкционированный политический митинг. Собравшись на площади, несколько сот человек потребовали воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией. Толпу митингующих окружило двойное или тройное кольцо милиции, но милиционеры были местными армянами. Заранее предупрежденные о предстоящем митинге, они не вмешивались. Организаторы митинга намеренно подгадали день его проведения так, чтобы он совпал с возвращением делегации творческой интеллигенции армян Карабаха, ездившей в Москву с петицией. Возглавляла делегацию местная актриса, армянка Жанна Галстян. Она первой выступила перед митингующими с короткой и яркой речью. «Выйдя сюда, карабахцы убили в себе раба», – с воодушевлением заявила она[2]. В ответ толпа стала скандировать по-армянски «Миацум» – «Единение». Это слово стало символом карабахской политической кампании.

Организаторы митинга имели все основания бояться. Трудно припомнить, кто и когда в Советском Союзе осмеливался организовать политическую демонстрацию. По крайней мере, два активиста впоследствии признались: они пребывали в полной уверенности, что их арестуют[3]. Во избежание возможных арестов, они сочинили лозунги, из которых явствовало, что участники митинга – лояльные советские граждане, действующие в духе гласности. На транспарантах, которые несли митингующие, было написано: «Ленин, партия, Горбачев!»

В те февральские дни 1988 г. многие советские руководители вдруг осознали, что стоят на ногах совсем не так твердо, как им казалось. Две части коммунистической партии открыто спорили друг с другом,

[2] Интервью с Ж. Галстян, 10 окт. 2000. За исключением особо оговоренных случаев, все интервью проводились автором по-русски, но даются в настоящей книге в обратном переводе с английского. В каждой главе все последующие цитаты из того же источника, не обозначенные отдельной ссылкой, взяты из тех же интервью.

[3] Интервью с В. Михайловым, 5 дек. 2000; интервью с З. Аббасовым, 10 нояб. 2000.

и московское руководство быстро пришло к выводу, что мятежников нельзя сокрушить привычными силовыми методами. Применив на практике принцип новой горбачевской терпимости, Политбюро объявило лидерам азербайджанской компартии, что они должны действовать исключительно «партийными методами» – убеждением, а не силой, – чтобы погасить конфликт. Горбачев также принял решение, что ни местным карабахским армянам, ни азербайджанским республиканским силам безопасности нельзя доверить восстановление порядка в регионе, и направил в Карабах из соседней Грузии батальон мотопехоты 160-го полка внутренних войск МВД СССР. Впоследствии оказалось, что контингенту внутренних войск МВД пришлось задержаться там почти на четыре года[4].

В Степанакерте тем временем митингующие заявляли о себе все громче. Через неделю после первого митинга на площади Ленина собиралось уже несколько тысяч человек. Жанна Галстян вспоминает, с какой почти религиозной экзальтацией люди освобождались от страха, укоренившегося в душах советских граждан. По ее словам, «все проходило очень спокойно, люди стояли, как на церковной службе». Московский политолог, армянин Александр Искандарян, выезжавший в Степанакерт, чтобы стать очевидцем происходящего, говорит, что обнаружил там «стихию» в действии: «Я увидел нечто стихийное, я увидел сгусток энергии, которую можно было направить в любом направлении. На самом деле, поначалу конфликт протекал в очень спокойной форме... Это было просто удивительно. Я никогда не видел ничего подобного в Советском Союзе – да и нигде больше»[5].

Однако в Нагорном Карабахе проживали не только армяне. Примерно четверть населения – около 40 тысяч человек – составляли азербайджанцы, теснейшим образом связанные с Азербайджаном. Внезапный взрыв протеста в населенном преимущественно армянами Степанакерте, сколь бы мирным он ни был по своим внешним проявлениям, не мог не вызвать сопротивления азербайджанской общины.

В Степанакерте достаточно посмотреть вверх, чтобы увидеть городок Шуша, расположенный на горе прямо над карабахской столицей. 90 % жителей Шуши были азербайджанцами. Возмущенные, они начали готовить ответные акции протеста.

События развивались стремительно. 87 депутатов-армян, входивших в областной совет, воспользовались своим правом и объявили

[4] Петров А. Для политиков Карабах – урок, для солдат – второй Афганистан // Красная звезда. 1992. 19 февр.

[5] Интервью с А. Искандаряном, 1 дек. 2000.

о созыве внеочередной сессии в субботу 20 февраля. Два высших партийных руководителя – остававшийся верным Азербайджану местный армянин, первый секретарь обкома партии Борис Кеворков и первый секретарь азербайджанской компартии Кямран Багиров – попытались сорвать работу сессии, но их усилия оказались тщетными. Внеочередная сессия областного совета началась около восьми вечера, на четыре с лишним часа позже намеченного срока, в крайне нервной атмосфере. Уже ночью все 110 депутатов-армян единогласно проголосовали за постановление, призывавшее к воссоединению Нагорного Карабаха с Советской Арменией. Азербайджанские депутаты отказались участвовать в голосовании. Кеворков совершил отчаянную и почти комичную попытку выкрасть официальную печать, которой требовалось скрепить текст постановления[6].

Чтобы усилить общественное воздействие принятого решения, журналисты местной газеты «Советский Карабах» проработали всю ночь над специальным выпуском. На следующее утро, рядом со скучными официальными сообщениями ТАСС и перепечатками из «Правды», газета поместила на первой странице в две колонки сообщение о намерении областного совета выйти из состава Азербайджана.

«НЕЧТО СОВЕРШЕННО НОВОЕ»

21 февраля 1988 г. в Кремле собралось Политбюро ЦК КПСС, чтобы провести первое из многих заседаний, посвященных карабахскому кризису. Повинуясь инстинкту самосохранения, члены высшего партийного органа сразу же отвергли требование Совета народных депутатов НКАО.

Впоследствии Горбачев говорил, что в Советском Союзе было девятнадцать потенциально горячих точек, грозивших вырасти в территориальные конфликты, и ему не хотелось создавать опасный прецедент, пойдя на уступки кому бы то ни было. ЦК принял постановление, в котором мятежных карабахцев назвали экстремистами: «Изучив информацию о развитии ситуации в Нагорно-Карабахской автономной области, Центральный Комитет КПСС считает, что действия и требования, направленные на пересмотр существующей национальной и территориальной структуры, противоречат интересам

[6] В нескольких опубликованных отчетах указано, что 17 из 30 азербайджанских депутатов голосовали против постановления. Хотя газета «Советский Карабах» писала, что решение было принято единодушно, другие собеседники автора книги подтвердили, что азербайджанские депутаты отказались голосовать.

трудящихся Советского Азербайджана и Советской Армении и создают угрозу межнациональным отношениям»[7].

Отдав дань риторике, члены Политбюро едва ли представляли, что делать дальше. И хотя у них не было опыта противодействия массовым политическим протестам, вариант массовых арестов они отвергли. Как признался тогдашний советник Политбюро по делам национальностей Вячеслав Михайлов, «мы столкнулись с совершенно новой для нас ситуацией». Ведь в конце концов взбунтовался орган советской власти, и карабахские армяне, по их заверениям, только того и добивались, чтобы вновь вернуться к давно позабытому ленинскому лозунгу «Вся власть Советам!».

Горбачев попробовал начать диалог. Он направил на Кавказ две представительные делегации, одна из которых сначала посетила Баку, а затем Нагорный Карабах. В Степанакерте московские эмиссары созвали пленум местной партийной организации, на котором было принято решение о смещении Кеворкова, руководившего нагорно-карабахской организацией азербайджанской компартии с 1974 г., то есть с середины брежневской эпохи. На место Кеворкова избрали его заместителя Генриха Погосяна, лидера, значительно более популярного среди армянского населения. Однако это создало новые проблемы для Москвы: спустя несколько месяцев Погосян, пользовавшийся большим уважением у карабахских армян, сам стал сторонником кампании за воссоединение с Арменией.

В составе делегации Политбюро находился Григорий Харченко, работник ЦК КПСС, который провел на Кавказе большую часть 1988–1989 гг. Вне всякого сомнения, Харченко выбрали для этой миссии из-за его внушительного внешнего вида и открытого характера, но и ему, по его словам, не удавалось вести с демонстрантами спокойный взвешенный разговор: «Мы поехали на один митинг... Я хотел им сказать примерно следующее: "Мы встречались с представителями интеллигенции, все спорные вопросы требуют решения. Вот вы бастуете, но с какой целью? Мы знаем, что вам за это платят, но все равно такие вопросы не решаются на митингах! Генеральный секретарь работает над этим, скоро состоится заседание Президиума Верховного Совета, на котором будут обсуждать ваши проблемы, и, конечно, все законные требования будут рассмотрены". Но какое там! "Миацум! Миацум! Миацум!"»[8]

[7] ТАСС, 23 февраля 1988 г. Цит. по: The Karabagh File. Documents and Facts on the Question of Mountainous Karabagh 1918–1988 / ed. G. Libaridian. Cambridge; Toronto: Zoryan Institute, 1988. P. 98–99.

[8] Интервью с Г. Харченко, 4 дек. 2000.

В первый же день началось медленное сползание к вооруженному конфликту. Уже начали циркулировать и подогревать страсти в обеих этнических общинах первые слухи об актах насилия. Писатель Сабир Рустамханлы вспоминает, что он в числе немногих представителей азербайджанской интеллигенции отправился в Нагорный Карабах для налаживания диалога. Однако было поздно: «В Шушинском районе все были на ногах, все собирались спуститься вниз [в Степанакерт], и кровопролития было бы не избежать. То же самое и в [населенном азербайджанцами] Агдаме. Мы хотели это предотвратить и вели пропагандистскую работу, говорили, что мы должны быть готовы дать отпор, если армяне будут продолжать. Мы организовали оборону Шуши. Была ночь. Стрельба не началась. Армяне хотели отравить воду. Мы выставили дозоры. Мы были в районном комитете партии. Я работал главным редактором [азербайджанского] издательства, и мы печатали их книги на армянском [языке]. Все писатели бывали у меня. Оганджанян бывал, Гурген Габриелян, детский писатель и поэт, который называл меня братом. А сейчас, стоя на площади, они вели себя так, будто не знакомы со мной. Атмосфера сильно изменилась»[9].

Истинное число случаев насилия в те дни, наверное, никогда не станет известным, потому что власти жестко проводили политику сокрытия любых инцидентов. Вот, к примеру, какой отвратительный и не до конца проясненный случай произошел со студентками педагогического института в Степанакерте. Шла вторая неделя карабахских волнений, когда историка Арифа Юнусова и его коллегу, уже собиравших информацию о событиях, попросили приехать в республиканскую больницу Баку. Предположительно были изнасилованы две азербайджанские девушки из Степанакерта. Главный врач больницы не позволил двум ученым встретиться с пострадавшими. Однако медсестры рассказали, что «девушки поступили из пединститута Степанакерта. Там была то ли драка, то ли нападение на общежитие. Девушек изнасиловали. Они были в тяжелом состоянии»[10].

Через два дня после того, как Совет народных депутатов НКАО принял решение об отделении Нагорного Карабаха, гневные акции

[9] Интервью с С. Рустамханлы, 8 нояб. 2000.

[10] Интервью с А. Юнусовым, 27 нояб. 2000. Юнусову, собравшему наиболее полные данные о карабахском конфликте с обеих сторон, не удалось обнаружить иных деталей. Власти стремились замолчать свидетельства о конфликте, надеясь, что он угаснет сам собой. Свою роль сыграл и другой фактор, проявившийся также, когда девушек-армянок неделю спустя изнасиловали в Сумгаите, – желание избежать позора, который на Кавказе ассоциируется с изнасилованием и в дальнейшем может помешать девушке выйти замуж.

протеста прошли в Агдаме. Агдам – город, расположенный на равнине, в 25 километрах к востоку от Степанакерта. 22 февраля разгоряченная толпа молодежи вышла из Агдама и направилась к Степанакерту. Они дошли до армянской деревни Аскеран, но там их встретили кордоны милиции и группа местных жителей-армян. У некоторых имелись охотничьи ружья. Началось столкновение, среди участников которого с обеих сторон были раненые. Погибли двое азербайджанцев. Одного из них, двадцатитрехлетнего Али Гаджиева, по всей вероятности, убил местный милиционер – либо случайно, либо в ходе стычки. Другой, шестнадцатилетний Бахтияр Гулиев, был, по-видимому, убит выстрелом из охотничьего ружья кем-то из армян. Если это так, то Гулиев стал первой жертвой межэтнического насилия в армяно-азербайджанском конфликте[11].

Известие о гибели двух человек привело Агдам в ярость. Разъяренная толпа, вооружившись самострелами, дубинами и камнями, на нескольких грузовиках двинулась на Степанакерт. Местная жительница, председатель одного из колхозов Хураман Аббасова, совершила поступок, ставший потом знаменитым: она взобралась на крышу машины и, сорвав с головы платок, бросила его перед толпой. По азербайджанскому обычаю, после этого мужчины должны остановиться. Этот призыв к миру явно остудил страсти, и потом, на митинге, Аббасовой удалось убедить сограждан не идти на Степанакерт. Ее вмешательство, возможно, предотвратило куда более серьезное кровопролитие[12].

ИСТОКИ КАМПАНИИ

События февраля 1988 г. в Нагорном Карабахе грянули как гром среди ясного неба. Однако первая фаза армянской кампании была заранее тщательно спланирована. Многие азербайджанцы, которых армянское восстание застало врасплох, были уверены, что действия мятежников получили официальную поддержку из Москвы. Это не так, хотя карабахское движение действительно пользовалось поддержкой армян из советского истеблишмента.

Подпольное движение за объединение с Арменией существовало в Карабахе на протяжении десятилетий. Всякий раз, когда в СССР наступала оттепель или в политической жизни страны начинались перемены, – например, в 1945, 1965 и 1977 гг. – армяне направляли в Москву письма и петиции, требуя воссоединить Нагорный Карабах с Советской Арменией. Это служило показателем того, как мыслили армяне и как функционировал Советский Союз: они никогда не обращались за решением проблемы в Баку, столицу Азербайджана. С наступлением горбачевских перестройки и гласности они вновь активизировали свои усилия. 3 марта 1988 г. Горбачев упрекнул членов Политбюро в том, что они пропустили тревожные сигналы: «Упрощать тут никак нельзя, да и на самих надо посмотреть. 500 писем в ЦК было получено за три года по вопросу о Нагорном Карабахе. Обратил ли кто внимание на это? Была у нас рутинная реакция»[13].

Однако последняя по времени кампания карабахских армян имела очень важное отличие: если предыдущие кампании направлялись из Нагорного Карабаха, то инициаторами этого движения стали карабахские армяне, проживавшие за пределами автономной области. В послевоенные годы многие армяне – уроженцы Карабаха осели в Москве, Ереване и Ташкенте, и теперь взаимные связи помогли создать широкую неформальную сеть, позволявшую координировать совместные действия по всему Советскому Союзу.

В центре этой сети находился Игорь Мурадян, выходец из семьи карабахских армян. Мурадяну тогда было всего тридцать лет. Он вырос в Баку, а во второй половине восьмидесятых работал в столице Армении, Ереване. На первый взгляд его трудно представить в роли лидера столь значительного политического движения. Рослый увалень, он чуть заикается и, подобно многим бакинским армянам, чувствует себя комфортнее, когда говорит по-русски, а не по-армянски. При этом Мурадян – блестящий политический организатор и бескомпромиссный армянский националист. По словам Мурадяна, он не сомневался, что азербайджанские власти собирались заселить

[11] Русский писатель Александр Василевский, посетивший Нагорный Карабах в конце апреля 1988 г., пишет, что беседовал с братом Али Гаджиева Арифом Гаджиевым, который рассказал, что его брат повздорил с азербайджанским милиционером и тот выстрелил в него в упор. Этого милиционера потом увел с места событий сослуживец. См.: Василевский А. Туча в горах. Л.: Аврора, б. д.; перепечатано: Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него: Сб. документов. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1990. С. 45–46. По словам Григория Харченко, милиционер выстрелил после того, как ударился о дверцу автомобиля. Заместитель председателя КГБ Филипп Бобков сказал, что Гаджиев работал на виноградниках Агдама; Василевский пишет, что на инструментальном заводе. Бобков утверждает, что Бахтияра Гулиева застрелил армянин. См.: Бобков Ф. КГБ и власть. М.: Ветеран, 1995. С. 295–296.

[12] Rost Yu. Armenian Tragedy. London: Weidenfeld and Nicholson, 1990. P. 16–18; Бобков Ф. КГБ и власть. С. 296. Российский поэт Евгений Евтушенко написал стихотворение в честь Аббасовой.

[13] Из стенограммы заседания Политбюро ЦК КПСС, посвященного Нагорному Карабаху, от 3 марта 1988 г., опубл.: Союз можно было сохранить: Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995. С. 22.

Нагорный Карабах азербайджанцами и силой выдавить оттуда армян, чтобы через пару поколений армяне перестали быть в автономной области этническим большинством. Вот почему он считал, что армянам нужно воспользоваться историческим шансом, данным им реформами Горбачева.

Мурадян работал экономистом в Госплане Армении и имел хорошие связи в партийном аппарате. Он рано усвоил важный урок: если петицию правильно оформить и подать с должным подтверждением лояльности советской системе, то можно будет убедить многих влиятельных армян в СССР ее поддержать. Направляя в 1983 г. петицию о Нагорном Карабахе генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Андропову, он заручился подписями «ветеранов партии, людей, которые были лично знакомы с Лениным, Сталиным и Берией». «На их руках было много крови», – рассказывал Мурадян[14].

Кампания, развернутая в эпоху Горбачева, приобрела куда более грандиозные масштабы. «Впервые в истории Советского Союза мы поставили своей задачей держать это движение в рамках закона, не придавать ему антисоветского характера и сделать его абсолютно лояльным», – говорил Мурадян. Неясно, действительно ли Мурадян искренне верил, что советская система согласится передать Карабах Армении (если так, то он жестоко ошибался в своих расчетах), или же добивался максимально широкой политической поддержки для своей рискованной кампании.

В феврале 1986 г. Мурадян повез в Москву проект письма и уговорил девятерых армян, уважаемых членов ЦК партии и видных ученых, подписать его. Наиболее весомой стала подпись академика Абела Аганбегяна, советника Горбачева по экономическим реформам. Мурадян вспоминал: «...Когда [Аганбегян] пришел в тот дом, где подписал письмо, он даже не знал, куда идет и почему его туда везут. Перед тем как поставить свою подпись, он провел там часа четыре. И за эти четыре часа выпил около двух литров водки».

Карабахским активистам удалось даже заручиться молчаливой поддержкой руководителя компартии Армении Карена Демирчяна. Они задумали кампанию по дискредитации азербайджанского патриарха Гейдара Алиева, который, как им представлялось, мог стать главным противником идеи отделения Карабаха и заблокировать весь процесс. Бывший первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Алиев с 1982 г. был членом Политбюро. Одна из самых смелых идей Мурадяна состояла в следующем: вместе со своим приятелем, тоже активистом армянского националистического движения, он возбудил против Алиева уголовное дело по статье 67 Уголовного кодекса Азербайджана за «унижение национального достоинства».

Дело было проиграно, но, вероятно, сыграло какую-то, пусть и небольшую, роль в исключении Алиева из Политбюро. Летом 1987 г. его отстранили от работы, якобы по состоянию здоровья, и в октябре того же года официально вывели из состава Политбюро. Руководитель армянской компартии Демирчян, говорят, очень радовался закату политической карьеры своего оппонента в высшем партийном руководстве СССР. По словам Мурадяна, в 1990 г. общий знакомый передал ему похвалу Демирчяна: «Нам удалось сделать самое главное – сместить Алиева до начала [карабахского] движения. Это было очень важно».

Работа Мурадяна с партийными фигурами являлась лишь частью, можно сказать, верхушкой айсберга его деятельности. Параллельно он вел другую, фактически подрывную работу. Он вступил в контакт с членами запрещенной радикально-националистической партии Дашнакцутюн (известными как дашнаки) через их зарубежные и подпольные ереванские ячейки. Он даже начал добывать оружие. По словам Мурадяна, летом 1986 г. карабахцы с помощью дашнаков получили первую партию легкого стрелкового оружия из-за рубежа. Впоследствии поставки оружия стали осуществляться регулярно, причем «почему-то было много оружия чешского производства». Оно шло главным образом в Нагорный Карабах: «Все организации в Карабахе были вооружены. Все местные комсомольцы имели личное оружие». Это удивительное признание свидетельствует об уверенности, по крайней мере, одного армянского активиста в том, что спор между двумя республиками мог перерасти в вооруженный конфликт.

МЕЖОБЩИННАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Начало современного «спора о Карабахе» между Арменией и Азербайджаном обычно датируется февралем 1988 г. Но первая вспышка насилия, о которой плохо помнят даже сами жители региона, произошла за несколько месяцев до этого, причем не в Карабахе, а в Армении и Азербайджане.

В середине 1980-х гг. в Азербайджане, по самым грубым подсчетам, проживало около 350 тыс. армян (не считая жителей Нагорного

[14] Интервью с И. Мурадяном, 5 мая 2000. Связи Мурадяна в высоких кругах породили слухи, будто он работал на КГБ. Он, разумеется, это отрицает, хотя и признает, что в числе его знакомых был глава армянского КГБ Юзбашян. Представляется маловероятным, чтобы КГБ завербовал человека, так сильно навредившего партии, Советскому Союзу и в конечном счете самому КГБ.

Карабаха), а в Армении – 200 тыс. азербайджанцев. Осенью 1987 г. межнациональные трения в обеих республиках заметно обострились, словно оба народа услышали вдруг в радиоэфире тайный сигнал к действию.

В октябре 1987 г. в деревне Чардаклы на севере Азербайджана произошла стычка между местными властями и жителями-армянами. Армяне воспротивились назначению директором совхоза азербайджанца. Их избили милиционеры, а они в знак протеста направили делегацию в Москву. Армяне относились к Чардаклы с особым пиететом, потому что это родина двух маршалов Советского Союза – армян по национальности – Ивана Баграмяна и Амазаспа Бабаджаняна. 18 октября в Ереване прошла небольшая демонстрация протеста в связи с чардаклинскими событиями.

А вскоре разразилась трагедия на юге Армении, в Мегринском и Кафанском районах, где во многих селах компактно проживали азербайджанцы. В ноябре 1987 г. на железнодорожный вокзал Баку прибыли два товарных вагона с азербайджанцами, вынужденными бежать из Кафана из-за межэтнических столкновений. Сведений об этом инциденте сохранилось очень мало, в прессе его совсем не освещали, но остались очевидцы тех событий. Света Пашаева, овдовевшая бакинская армянка, рассказала, как увидела прибывших в Баку беженцев и как носила им одежду и еду: «Пришли люди и сказали, что из Кафана прибыли два вагона с голыми, раздетыми детьми, и мы пошли туда посмотреть... Это были азербайджанцы из Кафана. Я была на вокзале. И сама видела два товарных вагона. Двери были раскрыты, а к стене были прибиты две длинные доски, вроде перил, чтобы из вагона на ходу люди не вывалились. Нас попросили принести что можно, чтобы помочь беженцам. И я, не только я одна, а очень многие собрали старую детскую одежду, вещи какие-то... Я сама их видела. Там были мужчины, такие деревенские, грязные, с длинными волосами и бородами, старики, дети...»[15]

Около 25 января 1988 г. историк Ариф Юнусов шел на работу в Академию наук в Баку, когда увидел новые свидетельства бегства азербайджанцев из Кафана. Четыре красных «Икаруса» стояли перед зданием Верховного Совета Азербайджана. Юнусов вспоминает пассажиров тех автобусов: «Все они были в ужасном состоянии. В основном там были женщины, дети и старики. Молодых было мало. Многие сильно избиты. Они кричали...»

[15] Интервью с С. Пашаевой, 14 дек. 2000. Это не настоящее имя женщины, которая попросила цитировать ее под псевдонимом.

Никто еще подробно не рассказывал об этих самых первых беженцах, главным образом потому, что азербайджанские власти постарались скрыть информацию о них. Арамаис Бабаян, в то время второй секретарь Кафанского райкома партии, говорил, что не может припомнить ни одного случая, чтобы азербайджанцы покидали территорию района до февраля. Впрочем, он подтвердил, что как-то ночью в феврале 1988 г. две тысячи азербайджанцев действительно покинули Кафанский район, но считает, что причиной этого массового исхода стали слухи и «провокации». Бабаян рассказывал, что как-то он поехал в Азербайджан, чтобы убедить уехавших из Кафана азербайджанцев вернуться в район: «Раньше мы ездили свободно. Мою машину остановили в соседней деревне, в Раздане. Молодые парни поднимали с земли камни. Всякое могло случиться». Бабаяну пришлось отправиться обратно. Ни один кафанский азербайджанец так и не вернулся в Армению[16].

ПЕТИЦИИ И ДЕЛЕГАЦИИ

В 1987 г. из тлеющего движения карабахских армян постепенно разгорелось живое пламя. Активисты объезжали колхозы и фабрики в Нагорном Карабахе, собирая подписи для документа, который они называли «референдум» о воссоединении с Арменией. Кампания по сбору подписей была завершена к лету 1987 г., и в августе огромная петиция – десять томов с более чем 75 тысячами подписей из Армении и Карабаха – была отправлена в Москву[17]. Карабахские армяне сфор-

[16] Интервью с А. Бабаяном, 29 сент. 2000. Вопрос бегства азербайджанцев из Кафана до 20 февраля 1988 г. – один из самых спорных в дебатах по поводу армяно-азербайджанского конфликта. Армяне упорно отрицают, что азербайджанцы бежали из Армении раньше, чем разразился кризис в самом Карабахе. Я слышал, однако, столько рассказов об этом, что настаиваю на своей версии событий, хотя и не нашел ей подтверждения в архивных материалах. В изданном Горбачев-Фондом в 1995 г. сборнике документов по национальному вопросу «Союз можно было сохранить» (см. библиографию) на с. 16 говорится, что первые несколько сотен азербайджанских беженцев из Кафанского и Мегринского районов Армении прибыли в Азербайджан 25 января 1988 г. При подготовке переработанного издания этой книги в 2011–2012 гг. я спросил Вячеслава Михайлова, работавшего когда-то в ЦК КПСС, о его версии. Он ответил по электронной почте 14 февраля 2012 г.: «Что касается вашего вопроса по поводу ситуации в Кафане, то подробности я, честно говоря, подзабыл. Но хорошо помню, что бегство азербайджанцев из Армении началось до трагедии в Сумгаите». Очевидно, данная тема заслуживает дальнейшего поиска архивных документов и свидетелей.

[17] В сопроводительном письме к петиции, составленном геологом Суреном Айвазяном, содержался призыв к Горбачеву передать Советской Армении не только Нагорный Карабах, но и азербайджанскую автономную республику Нахичевань.

мировали две делегации, которые поехали в Москву «проталкивать» свое дело в ЦК КПСС.

Влиятельные армяне активно лоббировали карабахский вопрос за границей. Историк Сергей Микоян, сын старого партийного функционера Анастаса Микояна, и писатель и журналист Зорий Балаян открыто пропагандировали идею присоединения Нагорного Карабаха в интервью газетам армянской диаспоры в США. А в ноябре 1987 г. подал голос Абел Аганбегян, который, очевидно, не сожалел о том, что год назад выпил с Мурадяном два литра водки. 16 ноября Аганбегян, один из ведущих экономических советников Горбачева, встретился с группой французских армян в отеле «Интерконтиненталь» в Париже и предложил им свое видение проблемы: «Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении. Как экономист, я считаю, что у них куда более тесные связи с Арменией, нежели с Азербайджаном. Я уже внес подобное предложение и надеюсь, что эти идеи будут воплощены в жизнь в духе перестройки и демократии»[18]. Взгляды Аганбегяна были изложены в газете французских коммунистов «Юманите», распространявшейся в том числе и в Советском Союзе. Именно из этих откровений академика азербайджанцы впервые узнали о ведущейся против них армянской кампании.

К февралю 1988 г. механизм кампании был окончательно отлажен и готов к запуску. В Москву прибыла возглавляемая Жанной Галстян третья карабахская делегация, состоящая из писателей и художников[19]. В Нагорный Карабах доставили десять тысяч листовок. Все дальнейшие события координировались таким образом, чтобы их начало совпало с возвращением из Москвы карабахской делегации. Вот что рассказывает Мурадян: «В ночь с 12 на 13 февраля эти листовки попали во все без исключения почтовые ящики Степанакерта... Никаких серьезных проблем у нас уже не было. Уже днем 12-го мы поняли, что город наш, потому что милиция, правоохранительные органы, партийные работники – все пришли к нам и сказали: "Можете на нас положиться". Они информировали нас о намерениях КГБ, о том, кто приезжает из Баку, кто приезжает из Москвы. Мы владели всей информацией, от нас ничего не скрывали».

[18] Chorbajian L., Donabédian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabagh. London: Atlantic Highlands, N.J.: Zed Books, 1994. P. 148 (приводится цитата из армянской газеты «Арач» от 19 ноября 1987 г.).

[19] В регионе часто рассказывают, будто Жанна Галстян получила ободряющее послание из Москвы от эксперта ЦК КПСС Вячеслава Михайлова. В интервью и Галстян, и Михайлов подтвердили факт своей встречи, но ни она, ни он не говорили, что был послан некий позитивный сигнал.

Рассказ Мурадяна о том, как он спланировал и организовал современное карабахское движение, показывает тщательность подготовки этой кампании, получившей молчаливую поддержку высоких партийных чинов и успешно мобилизовавшей огромные массы людей. Впрочем, его рассказ выявил пугающее белое пятно в осмыслении им – и не только им, но и многими другими армянами – тогдашних событий. Излагая свое видение ситуации, Мурадян полностью игнорировал позицию Азербайджана и возможную реакцию сорока тысяч азербайджанцев, населявших Нагорный Карабах. Говоря о референдуме, он даже несколько раз повторил фразу «все население Карабаха». А как же азербайджанцы? Неужели не делалось даже попытки проконсультироваться с ними или узнать их мнение? Стоило задать этот вопрос, как взгляд Мурадяна потяжелел. «Хотите знать правду? – спросил он. – Я скажу вам правду. Нас не интересовала судьба этих людей. Эти люди были послушным орудием власти, в течение многих десятилетий, даже веков они были инструментом насилия против нас. Их судьба не интересовала нас тогда и не интересует сейчас».

Отсутствие интереса к мнению соседей было заложено в жесткой вертикальной структуре советской системы, где союзные республики, в том числе Армения и Азербайджан, вступали друг с другом в диалог не напрямую, а лишь через Москву. После памятного выступления Аганбегяна в Париже многие азербайджанцы отметили, что он говорил не просто как армянин, но еще и как личный советник Горбачева – пускай по экономике, – и сделали вывод, что Горбачев поддерживает армянскую кампанию. На самом же деле очень скоро стало ясно, что Аганбегян не получал от Горбачева никаких указаний, и в конечном счете, несмотря на все предпринятые усилия, армянскому лобби в Москве не удалось склонить Политбюро на свою сторону. Тем не менее поступавшие из Москвы противоречивые сигналы породили у азербайджанцев недобрые подозрения относительно истинных намерений Горбачева, причем многие до сих пор верят в существование в Москве заговора против них, и никакие свидетельства обратного не могут рассеять эти подозрения.

Армянские же активисты, жившие в своем советском мирке, допустили еще более серьезный просчет. Многие из них уверовали, что они ломятся в открытую дверь и советское руководство рано или поздно непременно согласится на передачу Нагорного Карабаха Армении. По этой самой причине они и продолжали упорно игнорировать точку зрения Азербайджана. И когда Политбюро отказало им в поддержке, у армян даже не нашлось запасного плана действий, оставлявшего им возможность переговоров с Азербайджаном.

АРМЕНИЯ ВОССТАЕТ

После акций протеста в Карабахе по Советской Армении прокатилась волна массовых уличных демонстраций. И хотя Армения была одной из самых гомогенных в этническом плане республик СССР, никто, в том числе и лидеры этих демонстраций, не мог предвидеть, какой мощный заряд энергии вырвется наружу. Казалось, вопрос о судьбе Нагорного Карабаха способен затронуть самые чувствительные струны в душе каждого армянина. Пытаясь объяснить, почему карабахский вопрос вдруг вывел на улицы сотни тысяч людей, политолог Александр Искандарян использует термин «замороженный потенциал». По его словам, «карабахский фактор был заморожен, и требовалось совсем немного, чтобы он выплеснулся». Даже те, кто ничего не знал об общественно-политической ситуации в Нагорном Карабахе, эмоционально сопереживали армянам, жившим в окружении «турок» (в армянском просторечии это слово обозначает как собственно турок, так и азербайджанцев).

15 февраля 1988 г. на заседании Союза писателей Армении – одной из наиболее влиятельных общественных организаций – поэтесса Сильва Капутикян выступила с речью в поддержку карабахских армян. Спустя три дня в Ереване состоялся митинг протеста против загрязнения окружающей среды. Защита окружающей среды служила самым безопасным и наименее «политическим» поводом для выражения протеста. Экологические проблемы стали поэтому главной темой массовых митингов во многих частях Советского Союза. В Ереване демонстранты выражали недовольство по поводу состояния озера Севан, экологической опасности Мецаморской АЭС, химического комбината «Наирит» и загрязненности воздуха в Ереване. Однако организаторы митинга не были искренни. Зорий Балаян рассказывает: «Мы собрались на Театральной площади под чисто экологическими лозунгами... Но среди них был, так скажем, один лозунг со словами: "Карабах – историческая территория Армении". На него никто не обратил внимания. Но на следующем митинге было уже несколько таких лозунгов. Игорь Мурадян, который привел людей на площадь, принес с собой портреты Горбачева. "Ленин, партия, Горбачев" – такой был у него лозунг. Он его сам придумал. А через три недели он придумал еще один: "Сталин, Берия, Лигачев!" Так люди привыкли к мысли, что можно обсуждать национальный вопрос наряду с проблемами "Наирита" и Севана. А через месяц о "Наирите" и Севане говорили только пять минут»[20].

[20] Интервью с З. Балаяном, 23 мая 2000. Любопытно, что уже в 2000 г. в Армении вновь работали и химкомбинат «Наирит», и атомная электростанция, так как экономическая необходимость полностью затмила экологические соображения.

Митинги проходили на большой Театральной площади в центре Еревана, перед зданием оперного театра. 20 февраля, незадолго до открытия в Степанакерте сессии областного совета, на площади собралась тридцатитысячная толпа. С каждым днем количество участников митинга удваивалось. 22 февраля митингующих уже насчитывалось более 100 тысяч человек – феноменальная цифра по меркам любой страны мира, не говоря уж о Советском Союзе образца 1988 г. На следующий день Театральная площадь вместила 300 тысяч человек, и в Ереване объявили забастовку работники транспорта. В советской прессе никогда не сообщалось о массовых митингах, но информация о них доходила до Москвы. О митингах узнали западные журналисты. Русские правозащитники, включая самого известного советского диссидента Андрея Сахарова, не вдаваясь в существо проблемы, просто поддерживали армянские протесты.

В четверг 25 февраля на улицы Еревана вышло около миллиона человек – то есть более четверти населения всей Армении. В документальных кадрах, на которых снята эта демонстрация, видно бескрайнее море кепок, шляп, плащей и пальто. Люди, стоящие плечом к плечу. Лица демонстрантов напряжены и исполнены ожидания. То и дело над толпой раздается клич: «Ка-ра-бах!»[21] Участие в этих митингах для многих в то время стало чуть ли не самоцелью, коллективным обрядом самоутверждения. Люди шли пешком часами, чтобы попасть на Театральную площадь. Ашот Манучарян, школьный учитель, впоследствии ставший членом комитета «Карабах», присоединился к митингующим на второй или третий день. Он описывает Театральную площадь как «магнитное поле», которое притягивало всех: «Атмосфера – вот что привлекало. Люди и впрямь почувствовали, что началось что-то новое: можно говорить, можно собираться, обсуждать судьбу Карабаха... Так возникла особая атмосфера, просто фантастическая! Когда я говорю, что обстановка была фантастическая, я имею в виду, что она была похожа на ту, которая возникает на площади Святого Петра, когда римский папа обращается с проповедью к народу, к собравшимся там истинно верующим людям, и после проповеди папы. У нас было что-то похожее. Любовь к ближним. Атмосфера всеобщей теплоты. Если кому-то становится плохо, вся площадь старается ему помочь. Сквозь толпу пробираются врачи, появляются крепкие мужчины, сцепляют руки наподобие носилок. Кто-то передает лекарство, кто-то приносит воду»[22].

Зоя Шугарян, карабахская армянка, много лет прожившая в Ереване, говорит, что не могла поверить собственным глазам, когда

[21] «Forgotten February». Yerevan Film Studios, 2000.

[22] Интервью с А. Манучаряном, 4 мая 2000.

увидела, что происходит. Поначалу мало кто из жителей армянской столицы знал о ситуации в Нагорном Карабахе. Но митинги и листовки очень быстро ввели их в курс дела – точнее, посвятили в армянскую версию конфликта. «Все эти годы я воевала с теми армянами, которые не могли даже найти Карабах на карте, – говорит Шугарян, – а 21 февраля я вышла на улицу и увидела, что вся Армения скандирует "Ка-ра-бах!". Первые несколько дней я ничего не могла делать – только плакала»[23]. Шугарян, правда, заметила, что у нее возникли некоторые сомнения по поводу самых ранних митингов, которые, как она теперь считает, были использованы в нечистоплотных политических целях: «Мне жаль той глупой эйфории, когда все нам нравились».

Ереванские демонстрации проходили мирно, но обретали пугающий размах. Никто уже не смог бы нажать на тормоза. Даже новые «лидеры» движения имели слабое представление о том, в каком направлении развиваются события. Говорит Рафаэль Газарян, старейший член созданного тогда комитета «Карабах»: «Знаете, весь народ восстал. Нельзя сказать, что мы их подняли, это народ *нас* поднял. Мы просто оказались на гребне волны. Те, кто был чуть отчаяннее, чуть решительнее, кто не стал думать о последствиях, оказались на самом гребне. А те, кто был поосторожнее, не оказались. Но восстал весь народ: и в Карабахе, и здесь. Люди шли пешком по тридцать-сорок километров, чтобы принять участие в митинге, а на площади собирались сотни тысяч человек – это нечто невероятное! Однажды жуткая толпа народу собралась около оперного театра, несколько сот тысяч... Мне кажется, никакими уговорами эти митинги нельзя было прекратить. Тем более все мы были уверены, что в течение недели Горбачев все решит. И прости его Господь, если он затянет все это на месяц! Я чувствовал, что у меня сердце не выдержит, если все это будет продолжаться целый месяц!»[24]

Из Москвы от высшего партийного руководства поступил предельно ясный официальный сигнал: статус Нагорного Карабаха изменен не будет. Так почему же Газарян и другие несколько недель надеялись, что Горбачев согласится с их требованиями? Возможно, тот факт, что члены Политбюро приехали в Ереван и разговаривали с митингующими, был воспринят как уступка со стороны Москвы. А может, они верили, что оказавшаяся настолько могучей «власть народа» заставит Политбюро передумать.

[23] Интервью с З. Шугарян, 14 окт. 2000.

[24] Интервью с Р. Газаряном, 22 окт. 2000.

Руководство армянской компартии находилось в сложном положении, вынужденное балансировать между требованиями Москвы и толпы. Нельзя сказать, что оно в принципе выступало против идеи объединения Нагорного Карабаха и Армении, однако разразившийся кризис стал серьезной угрозой для его собственной власти. Бывший высокопоставленный партийный руководитель Грант Восканян говорит, что ереванское руководство было предупреждено о готовящейся кампании протеста в Степанакерте, но просто не могло поспеть за бурно развивающимися событиями: «Мы знали о существовании этой проблемы. Но мы договорились [с партийными руководителями Степанакерта], что они нас предупредят заранее, когда будет приниматься решение об отделении от Азербайджана. Однако, как потом выяснилось, они просто поставили нас перед фактом, когда постановление было уже принято. Я позвонил Генриху Погосяну и сказал: "Послушай, если вы должны были это сделать, почему же нам ничего не сказали?" Он извинился и ответил, что "все получилось так спонтанно, что у нас просто не было времени [вас предупредить]"»[25].

22 февраля первый секретарь ЦК компартии Армении Демирчян объявил по республиканскому телевидению, что требование о воссоединении не может быть удовлетворено и что «дружба между народами является нашим бесценным богатством и гарантией будущего развития армянского народа в семье братских советских народов»[26]. Когда же его наконец вынудили выступить перед митингующими на Театральной площади, Демирчян выглядел крайне раздраженным и даже бросил в толпу риторический вопрос: неужели люди считают, будто Карабах «лежит у него в кармане».

Перед двумя командированными в Ереван эмиссарами Политбюро, Анатолием Лукьяновым и Владимиром Долгих, стояла не менее сложная задача. Им следовало донести до армян жесткое заявление о нерушимости советских границ, но также вступить в диалог в духе «нового мышления». Однако их задача никого не интересовала. Когда Долгих собрался выступать на Театральной площади, ему пришлось даже прибегнуть к помощи поэтессы Сильвы Капутикян, которая обратилась к митингующим с просьбой уважительно выслушать человека из Москвы. Это было яркой иллюстрацией того, как таял престиж советской власти в Армении.

[25] Интервью с Г. Восканяном, 28 сент. 2000.

[26] Цит. по: The Karabagh File. P. 98.

ГОРБАЧЕВ И ПИСАТЕЛИ

Для Михаила Горбачева и его коллег армянское восстание стало полнейшей неожиданностью. Это видно из стенограмм двух заседаний Политбюро того периода – от 29 февраля и 2 марта 1988 г., опубликованных в 1992 г. вместе с тысячами других кремлевских документов. Из них мы можем дословно узнать, как члены Политбюро пытались совладать с начальной фазой кризиса.

Вступительное слово, с которым Горбачев выступил на заседании Политбюро 29 февраля, было довольно неопределенным. Он заявил коллегам, что выдвинутые армянами требования неприемлемы, но в то же время он доволен мирным характером демонстраций: «Должен сказать, что, даже когда на улицы Еревана вышло полмиллиона человек, армянский народ продемонстрировал высокую дисциплину и не проявил антисоветских настроений».

Давая общую оценку предпосылкам карабахского спора, советский лидер выразил понимание испытываемого армянами чувства исторической несправедливости: «Я лично вижу две причины: с одной стороны, это множество совершенных ошибок в самом Карабахе плюс эмоциональная причина, глубоко сидящая в [армянском] народе. Все, что произошло с этим народом на протяжении его истории, не забыто, и поэтому все их тревоги провоцируют такую вот реакцию»[27].

Горбачев, видимо, чувствовал, что за пределами России высокообразованные армяне – наиболее преданные сторонники его политических реформ. Поэтому, принимая решение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, он постарался умиротворить армян обещаниями провести в автономной области преобразования в сфере политики, экономики и культуры.

Однако это заявление не произвело никакого эффекта ни в Армении, ни в Азербайджане. Возможно, оно имело бы больший успех, если бы Горбачев пустил в ход свое личное обаяние, благодаря которому он завоевал огромную популярность на Западе. Однако в собственной стране он сохранял привычную для большинства советских лидеров высокомерную отстраненность. Горбачев ни разу не посетил регион, ни разу не выступил с комментариями по поводу ситуации в Карабахе, не дал ни одного интервью. 26 февраля он подписал «Обращение к трудящимся, к народам Армении и Азербайджана», которое зачитывалось в обеих республиках командированными членами Политбюро. Суть обращения составлял выспренний и пустой призыв уважать советскую дружбу народов. «Ни одна мать не согласится с тем, чтобы ее детям угрожали национальные распри взамен прочных уз дружбы, равенства, взаимопомощи – поистине великого достижения социализма», – говорилось в нем.

В день обнародования этого документа Горбачев принял в Кремле двух армянских писателей – Зория Балаяна и Сильву Капутикян. На встрече присутствовал советник Горбачева Георгий Шахназаров. Сам Шахназаров происходил из знатного рода карабахских армян – и этот факт естественным образом вызывал подозрения в Азербайджане. Тем не менее, судя по его мемуарам, Шахназаров был воспитан в духе советского армянского интернационализма, сформированного в Баку и Москве. Он пишет, что был против отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана и выступал за придание ему чуть более высокого статуса автономной республики. Встреча с писателями проходила далеко не гладко. Вот как описывает Шахназаров ее начало: «Беседа с места в карьер приняла прямой, временами даже жесткий характер, хотя велась в дружелюбном тоне. "То, что происходит вокруг Карабаха, – сказал Михаил Сергеевич, – это удар нам в спину. С трудом приходится сдерживать азербайджанцев, а главное – создается опасный прецедент. В стране несколько десятков потенциальных очагов противостояния на этнической почве, и пример Карабаха может толкнуть на безрассудство тех, кто пока не рискует прибегать к насильственным средствам"»[28].

Армянские писатели были одновременно преданными членами коммунистической партии и армянскими националистами, при этом очень разными по характеру. Зорий Балаян, писатель и журналист, собственный корреспондент «Литературной газеты» в Армении, являлся главным и бескомпромиссным идеологом карабахского движения. Он считал весь карабахский конфликт лишь частью более масштабной проблемы, связанной с угрозой «Великого Турана», символа владычества тюркских народов, Армении и всему «цивилизованному миру». В интервью в 2000 г. он убежденно выстроил в цепь доказательств существования пантюркистской угрозы столь разные события, как геноцид армян 1915 г., правление азербайджанского президента Алиева и недавнее убийство в Стамбуле двух британских футбольных болельщиков фанатами турецкой команды. Вот выдержка из его описания встречи с Горбачевым: «Он слушал нас более часа.

[27] Стенограмма заседания Политбюро от 29 февраля 1988 г. цит. по: The Russian Archives Project, State Archive Service of Russia / Hoover Institution (далее: Russian Archives Project). Fond 89. Reel 1.003, 89/42/18.

[28] Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика-Зевс, 1993. С. 206. Шахназаров умер в мае 2001 г. в возрасте 76 лет.

Мы говорили обо всем. Сильва достала выпущенную в Турции карту Советского Союза. На этой карте вся территория Советского Союза, я имею в виду Закавказье, Поволжье, Северный Кавказ, Среднюю Азию, Якутию, многие автономные республики, – была закрашена в зеленый цвет. В Турции по этой карте учат детей в школе, им говорят, что все это, включая Армению, турецкая территория. Мы показали Горбачеву эту карту, разложили у него на столе. Горбачев поглядел на нее, отодвинул ее в сторону, а потом поспешно подтолкнул обратно к нам... И сказал: "Да это же какой-то бред". Я ему ответил: "Михаил Сергеевич, бредовые идеи иногда претворяются в жизнь"».

Сильва Капутикян совсем другая – спокойная, царственная. С приплюснутым носом, зелеными глазами и элегантно взбитой копной седых волос, она похожа на гранд-даму при дворе короля Людовика XV. Капутикян – самая известная армянская поэтесса. И, как выяснилось в ходе той встречи, среди поклонниц ее таланта была и Раиса Горбачева. Несмотря на свои националистические взгляды, Капутикян неоднократно выступала за примирение и диалог с Азербайджаном. Она вспоминает, как умоляла генерального секретаря пойти хоть на какие-то уступки, о которых она могла бы сообщить людям в Ереване: «Горбачев сказал: "Теперь самое главное – потушить пожар". "Хорошо, но чем? Дайте нам воды. Хоть какое-то обещание, хоть какую-то надежду. Я выйду [к людям на площади], но что я им скажу?" И тут в первый и последний раз заговорил Шахназаров: "Скажите им, что скоро состоится конференция по национальному вопросу. Там будет принято решение". Так он дал мне несколько ведер воды, чтобы потушить огромный пожар!»[29]

В конце встречи Горбачев вновь отверг идею передачи Нагорного Карабаха Армении, но пообещал провести в регионе реформы в области культуры и экономики. Ему хотелось, по его словам, увидеть в Карабахе «маленький ренессанс»[30]. Он записал двадцать конкретных жалоб, озвученных писателями, и впоследствии выделил на нужды автономной области 400 миллионов рублей – гигантскую сумму для того времени. Со своей стороны, Балаян и Капутикян согласились обратиться к людям на Театральной площади с призывом прекратить демонстрации на месяц.

Они вернулись в Ереван, чтобы передать народу послание Горбачева. Балаян выступил на митинге на Театральной площади. Капутикян предпочла обратиться к народу по телевидению. По ее словам, Балаян выступал с огромным воодушевлением, она же говорила «без особой радости», напомнив о трудных периодах в армянской истории, но пообещала при этом: «Мы обратим это поражение в победу». В развитии событий наступила короткая пауза: организаторы ереванских митингов согласились на один месяц приостановить свои выступления.

Но уже на следующий день все перевернулось: в Ереван начали поступать известия о чудовищном массовом насилии в азербайджанском городе Сумгаит.

[29] Интервью с С. Капутикян, 26 сент. 2000.

[30] Капутикян сказала американскому журналисту Роберту Каллену, что Горбачев упомянул стихотворение «Тайное голосование», написанное ею в 1950-е гг. Она заметила, что написала это стихотворение во время хрущевской «оттепели», «когда был маленький ренессанс». Потом, в ходе встречи, Горбачев повторил это выражение, пообещав провести реформы в Нагорном Карабахе. См.: Cullen R. Roots // The New Yorker. 1991. 15 April. P. 65.

Глава 2
ФЕВРАЛЬ 1988: АЗЕРБАЙДЖАН
Недоумение и погромы

Чрезвычайные события в Нагорном Карабахе в феврале 1988 г. застигли Азербайджан врасплох и выявили его скрытые проблемы.

Население Азербайджана отличалось куда большим многообразием, чем население Армении. Вдвое превосходя соседнюю республику по численности населения (в 1988 г. она превышала 7 млн чел.), Азербайджан представлял собой значительно более смешанный в этническом плане конгломерат, где заметное место занимали национальные меньшинства – русские и армяне, а также малочисленные кавказские народности, например талыши и лезгины, проживавшие в самых разных местах – от космополитичной столицы Баку до беднейших на Кавказе городов и сел.

Со стороны могло показаться, что позиции партийного руководства Азербайджана сильны: ведь Политбюро ЦК КПСС сохранило территориальную целостность республики; кроме того, в отличие от армянской коммунистической партии, азербайджанская смогла удержаться у власти вплоть до 1992 г. Однако местный партийный босс Кямран Багиров, протеже Гейдара Алиева, находился в опале и болел[1]. Фактически отстранив Багирова от разрешения карабахского кризиса, Горбачев продемонстрировал свое недоверие к местному азербайджанскому руководству.

Первая акция политического протеста в Азербайджане состоялась 19 февраля 1988 г., спустя семь дней после начала митингов в Армении. Группа студентов, рабочих и представителей интеллигенции прошла маршем по Баку от стоящего на вершине холма здания Академии наук к Верховному Совету с плакатами, надписи на которых гласили, что Нагорный Карабах принадлежит Азербайджану.

[1] Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.003. 89/42/18. Багиров умер в октябре 2000 г. в возрасте 68 лет.

Однако эта демонстрация была стихийной, почти без какой-либо организационной поддержки. Многие видные деятели интеллигенции в Баку признают, что до 1988 г. проблема Нагорного Карабаха их совершенно не интересовала. Не задумываясь, сколь острой эта тема являлась для армян, они попросту принимали как данность тот факт, что Карабах всегда будет частью Азербайджана. Поэтому для них взрыв народного протеста в Карабахе, с одной стороны, оказался не вполне понятен, а с другой – имел далеко идущие последствия. Азербайджанцы почувствовали, что армяне подрывают территориальную целостность их республики и угрожают национальной идентичности Азербайджана.

Первой отреагировала группа азербайджанских историков, которые еще с 1960-х гг. вели горячие политические дебаты со своими армянскими коллегами. Поэт Бахтияр Вахабзаде и историк Сулейман Алияров опубликовали в газете «Азербайджан» «Открытое письмо», в котором заявили, что Нагорный Карабах исторически является азербайджанской территорией, что нынешняя кампания карабахских армян идет в русле опасной ирредентистской[2] традиции и что «азербайджанский народ в новую эпоху обострения международной конкуренции оказался в числе первых жертв»[3]. В «Открытом письме» также затрагивалась запретная до той поры тема «Южного Азербайджана», находящегося по ту сторону границы с Ираном. Но этот одиночный контрудар по армянам был слышен только в Баку, а не в Москве, где армянские аргументы получили намного более благожелательный отклик.

БЕСПОКОЙСТВО В БАКУ

Столица Азербайджана Баку всегда стояла особняком. Это был самый большой на Кавказе город, который считали своим родным домом представители десятков национальностей. Русский язык широко употреблялся как средство межэтнического общения, были распространены смешанные браки. В то же время возникшая в Баку этническая смесь придала хрупкость социальному миру в городе: под внешней оболочкой мегаполиса бродили межэтнические противоре-

[2] Ирредентизм – движение в Италии XIX в. за воссоединение разных частей страны. В данном случае имеется в виду политическая идеология «собирания» под суверенитетом единого государства регионов, населенных соотечественниками. – *Примеч. пер.*

[3] Цит. по: Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs. 1988. Vol. 9. No. 2. P. 429–434.

чия. После принятия 20 февраля Советом народных депутатов НКАО решения о выходе из состава Азербайджана температура в Баку немедленно повысилась. Ситуация обострилась, когда из Кафанского района Армении сюда хлынул поток беженцев, многие из которых поселились у своих бакинских родственников. О жертвах ничего не сообщалось, но у многих беженцев были следы от побоев. В такой накаленной атмосфере многие азербайджанцы сочли, что в армянском квартале столицы, который в народе называли Арменикенд, засела «пятая колонна» противника. Высокопоставленному московскому чиновнику[4], направленному в то время в Баку, привели один пример нарастающей этнической ненависти: вырванный из ученической тетради лист в клетку, который подбросили в почтовый ящик одной из армянских квартир. На нем красным карандашом было крупно написано по-русски: «ПОГОСЯНЧИКИ, ВОН ИЗ БАКУ ПОКА ЖИВЫ» (подразумевалось, что бакинские армяне являются сторонниками нового лидера Нагорного Карабаха армянина Генриха Погосяна).

Бакинской партийной организацией руководил в ту пору бывший футболист и инженер-строитель, грубоватый и энергичный Фуад Мусаев. Его резкий подход к решению проблемы можно назвать противоречивым, но, возможно, именно это и было нужно в тех условиях. 20 февраля Мусаева отозвали из отпуска, который он проводил в Кисловодске. Он вернулся в Баку и увидел, насколько напряжена обстановка в городе: «Кто-то явно провоцировал людей, пропаганда работала вовсю»[5]. В тот же вечер под нажимом Мусаева горком партии принял решение об ограничении въезда в Баку. Были сформированы группы дружинников, которые патрулировали улицы, внимательно следя за ситуацией в армянском квартале.

В Баку беду удалось отвести. Своевременные действия городских властей, возможно, помогли отсрочить по крайней мере две попытки погромов, которых позднее не удалось избежать[6]. Тем не менее Мусаев лишь перенес место взрыва в Сумгаит, город в тридцати километрах от Баку. В качестве меры предосторожности он запретил въезд в Баку тысячам рабочих, которые ежедневно приезжали сюда из Сумгаита, и разместил азербайджанских беженцев из Армении в двух деревнях Фатмаи и Сараи, в пригороде Сумгаита. И вот, когда Баку немного успокоился, забурлил Сумгаит.

[4] Это был Григорий Харченко.

[5] Интервью с Ф. Мусаевым, 14 нояб. 2000.

[6] По словам Мусаева и Зардушта Ализаде, это произошло в июле и декабре 1988 г. Два моих московских собеседника, Вячеслав Михайлов и Григорий Харченко, также отметили роль Мусаева.

ОБРАЗЦОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ГОРОД

Есть какая-то мрачная закономерность в том, что первая в современной советской истории вспышка массового насилия произошла именно в Сумгаите. Это был образцовый советский город, который проектировался и строился как воплощение мечты о современном интернациональном сообществе трудящихся. В реальности же Сумгаит породил целый класс неприкаянного и недовольного люмпен-пролетариата.

Отрезок каспийского побережья к северу от Баку, где ныне стоит Сумгаит, пустовал вплоть до Второй мировой войны. Именно здесь в конце 1940-х гг. и начал расти новый город. Первыми его жителями стали самые низы советского общества: зеки – политические заключенные, выпущенные из сталинских лагерей; азербайджанцы, покинувшие Армению, куда стали в массовом порядке возвращаться армяне-репатрианты; обнищавшие армянские рабочие из Карабаха. К 1960 г. население нового города выросло до 65 тысяч человек.

К 1980-м гг. мечта об интернациональном сообществе трудящихся обратилась в кошмар. Население стремительно росло, достигнув четверти миллиона человек, и в городе стала остро ощущаться нехватка жилья. Рабочие ютились в перенаселенных общежитиях. Городские химические предприятия держали в Советском Союзе пальму первенства по уровню загрязнения окружающей среды. Детская смертность была столь высока, что в Сумгаите возникло даже специальное детское кладбище. Средний возраст горожан составлял двадцать пять лет, причем каждый пятый житель Сумгаита имел судимость. В период между 1981 и 1988 гг. в Сумгаит вернулось более двух тысяч вышедших на свободу заключенных[7].

В 1963 г., при Хрущеве, в Сумгаите вспыхнули серьезные беспорядки. 7 ноября 1963 г., в годовщину Октябрьской революции, толпа рабочих трубопрокатного завода вдруг отделилась от колонны праздничной демонстрации на центральной площади города. Рабочие ворвались на трибуну, где находились местные партийные руководители, и сорвали портрет Хрущева с фасада Дворца культуры. Милиция пустила в ход дубинки, чтобы разогнать смутьянов, однако беспорядки продолжались еще несколько часов. Судя по одной из версий тех событий, в основе мятежа лежали экономические требования: рабочие

[7] Первые две цифры привел советский министр внутренних дел Виктор Власов на заседании Политбюро 29 февраля 1988 г.; третью цифру назвали Гасан Садыхов и Рамазан Мамедов, см.: Садыхов Г., Мамедов Р. Армяне в Сумгаите. Баку: Шур, 1994. С. 31–32.

протестовали против перебоев со снабжением города хлебом и роста цен. По другой версии, беспорядки имели ярко выраженную антиармянскую окраску и явились реакцией на драку в Степанакерте, в которой был убит азербайджанец. Есть также версия, согласно которой организаторы тех беспорядков планировали провести повторную акцию протеста в 1973 г., в десятую годовщину событий, однако КГБ сорвал их планы[8].

НАЧАЛО ПОГРОМА

В феврале 1988 г., пока Фуад Мусаев решительно пресекал в Баку любые ростки беспорядков, о Сумгаите никто не вспоминал. В разгар армянских демонстраций протеста в Нагорном Карабахе многих городских руководителей, в том числе и партийного босса Сумгаита Джахангира Муслим-заде, не было в городе. 26 февраля, по словам очевидцев, перед зданием горкома партии на площади Ленина группа численностью от сорока до пятидесяти человек вышла на демонстрацию, чтобы выразить протест в связи с событиями в Нагорном Карабахе[9]. Поводом к демонстрации послужили азербайджанцы, недавно покинувшие Армению. Один из азербайджанских беженцев из Кафана, бородатый мужчина с вытянутым лицом и тонкими усиками, которого местные армяне потом прозвали «Вожаком», поведал собравшимся, как армяне изгнали его из родного дома и убили нескольких его родственников[10].

В субботу 27 февраля число участников демонстрации уже выросло до нескольких тысяч. Выступающие пользовались мегафоном, так что голоса ораторов можно было услышать на примыкающих к площади улицах. Сумгаитские армяне до сих пор помнят, как слово «Карабах» повторялось бесконечное число раз. Второй секретарь горкома Мелек Байрамова, говорят, тоже выступила на митинге и потребовала, чтобы армяне покинули Азербайджан. «Вожак» добавлял все новые кровавые подробности. По его словам, армяне убили всех членов семьи его жены, а женщинам отрезали груди[11].

Вечером появились сообщения о первых случаях насилия в кинотеатре и на рынке. Свою роль сыграл и еще один фактор, ставший необходимым условием для вспышки этнического насилия: местная милиция ни во что не вмешивалась. Потом уже выяснилось, что в местном отделе внутренних дел, укомплектованном азербайджанцами, служил всего один профессиональный офицер-армянин[12].

В тот же самый вечер находившийся в Азербайджане главный военный прокурор СССР Александр Катусев выступил по национальному телевидению и бакинскому радио. Когда его спросили о событиях в Карабахе, он подтвердил, что пять дней назад в Аскеране были убиты двое юношей, и назвал их фамилии, не оставлявшие сомнений в азербайджанской национальности пострадавших[13]. Катусев поднес горящую спичку к бочке с порохом. Как вспоминала одна сумгаитская армянка, «когда он это сказал... вы знаете... вот пчелы... вы же слышали, как они гудят. Гудят миллионы пчел... и с таким вот гулом к нам во двор влетели, с воем, с криком»[14].

На следующий день, в воскресенье 28 февраля, разъяренная толпа запрудила всю центральную площадь Сумгаита. Местный партийный руководитель Джахангир Муслим-заде вернулся наконец из Москвы. По словам одного очевидца-грузина, Муслим-заде заверил толпу, что Карабах никогда не будет передан армянам, но этих слов было уже недостаточно. Тогда он сказал: «Братья, надо дать армянам свободно выехать из города, раз уж началась такая кровная вражда, раз пошли национальные вопросы, такая сила проснулась, то надо дать армянам свободно выехать из города»[15]. Муслим-заде не смог утихомирить толпу.

---

[8] В этом изложении событий использованы три интервью с прежними и нынешними жителями Сумгита: Эльдаром Зейналовым в Баку 9 ноября 2000 г., Эйрузом Мамедовым в Сумгаите 24 ноября 2000 г. и Рафиком Хачаряном в Армении 15 декабря 2000 г.

[9] За исключением особо оговоренных случаев, следующее ниже изложение основано на трех источниках: беседах в самом Сумгаите 24 ноября 2000 г., беседах в Касахе (Армения), с сумгаитскими армянами 15 декабря 2000 г. и кн.: The Sumgait Tragedy. Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan / ed. S. Shahmuratian. Vol. 1. New Rochelle, N.Y.: Aristide D. Caratzas, 1990.

[10] Двое участников беспорядков, позднее представших перед судом по обвинению в убийстве, Закир Рзаев и Азер Турабиев, были выходцами из Гугаркского района на северо-западе Армении, о чем пишет В. Саркисян в статье «Настал ли час расплаты?» (Коммунист. 1988. 30 окт.), перепечатанной в кн.: Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него: Сб. документов. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1990. С. 68.

[11] Рассказ Константина Ихакадзе, см.: The Sumgait Tragedy. P. 77.

[12] Информация предоставлена Григорием Харченко.

[13] «Заместитель Генерального прокурора СССР: два жителя Азербайджана "стали жертвой убийства"»: Бакинское радио, 27 февраля 1987 г., 18.45 (по бакинскому времени). Высказывались разные предположения относительно того, с какой целью Катусев упомянул об этих двух убитых. Возможно, он пытался запугать армян и заставить их прекратить акции протеста. Катусев покончил с собой 21 августа 2000 г. По сообщению агентства «Интерфакс», он находился в состоянии депрессии после гибели жены и сына.

[14] Рассказ Зинаиды Акопян, см.: The Sumgait Tragedy. P. 191.

[15] Рассказ Константина Ихакадзе, см.: The Sumgait Tragedy. P. 77.

Подробности дальнейших событий остаются не вполне ясными, но около 18.30 Муслим-заде вышел к народу. В его руку вложили азербайджанский флаг, и он возглавил колонну демонстрантов. Партийный руководитель повел толпу на запад, повернул на юг по улице Дружбы, а затем на восток, в сторону моря. Позднее Муслим-заде говорил, что хотел увести толпу от центра города, к морю, чтобы избежать большой беды. Но получилось наоборот – бесчинства начались именно в центре. Хвостовая часть колонны рассыпалась на отдельные группы, которые рассеялись по центральным кварталам города в поисках армян.

Советский Союз в мирное время никогда не переживал того, что произошло потом. Банды численностью от десяти до пятидесяти и более человек слонялись по городу, били стекла, поджигали автомобили, но главное – искали армян. Несколько кварталов Сумгаита превратились в зону боевых действий. Их эпицентром стал квартал, прилегающий к городскому автовокзалу, который (вот он, невольный советский черный юмор) располагался на углу улиц Дружбы и Мира. Простые жители были в ужасе. Жена местного врача Натаван Тагиева рассказывала, как, вернувшись домой с дачи, увидела бесчинствующую на улицах толпу: «Когда я увидела эту массу, я подумала, что синдром толпы и вправду существует. Когда смотришь им в глаза, сразу понимаешь, что они ничего не воспринимают, как зомби»[16].

Ужасы, испытанные армянами – жителями этих кварталов, тщательно задокументированы. Свидетельские показания сорока четырех человек, переживших этот погром, потом были собраны в изданную в Армении книгу[17], которая с исключительной силой воссоздает подробную картину погрома. Наводнившие улицы Сумгаита банды совершали чудовищные зверства. Несколько их жертв оказались так обезображены ударами топоров, что их тела потом невозможно было опознать. Женщин раздевали донага и поджигали. Некоторых многократно насиловали.

Спустя почти тринадцать лет после тех событий группа сумгаитских армян живет в деревне Касах, к северу от Еревана. Им предоставили новенькие коттеджи, но у многих до сих пор нет постоянной работы. Они по-прежнему остаются городскими жителями: между собой разговаривают по-русски и никак не могут приспособиться к жизни в домах с дровяной печкой. Все они очень хорошо помнят те три ужасных дня, которые разрушили их привычный уклад жизни в Сумгаите. И хотя это было, по их мнению, стихийным взрывом первобытных злых инстинктов, они также усматривают в действиях погромщиков некую четкость и спланированную последовательность.

Погромщики совершали набеги как бы волнами. Рассказывает Рафик Хачарян, старик с элегантной седой шевелюрой: «Первая группа просто кричала, создавала много шума, орала, била все, что попадалось под руку, и убегала. Потом появлялась вторая группа. Эти забирали дорогие вещи и уходили. А вот третьи истязали и убивали людей. Были три группы. Первую составляли юнцы пятнадцати, шестнадцати, семнадцати лет – те вели себя как вандалы. Вторая группа состояла из грабителей». Погромщиков, по его словам, можно было легко опознать по внешнему виду. Среди них преобладали или бородатые деревенские жители – беженцы из Армении, или рабочие из перенаселенных общежитий, расположенных на окраинах Сумгаита. Все они были молодые – от четырнадцати до тридцати лет.

Хачаряну с семьей пришлось тогда убежать из квартиры. Вернувшись, они увидели, что все в доме перевернуто и разгромлено: «не осталось ни одного стакана, из которого можно было бы утром попить воды». Зато они сами остались живы.

Мария Мовсесян, старушка в бирюзовой кофточке, вспоминая тот день, плакала: на долю ее семьи выпали более тяжкие испытания. Один из мужчин, ворвавшихся в их дом, погнался за ее дочерью, которая в ужасе побежала от него, спрыгнула с балкона второго этажа на дерево и при падении сломала ногу. Последнее, что помнит Мария, – как ее дочь, завернутую в одеяло, уносили в больницу.

Большинство погромщиков не были сколько-нибудь серьезно вооружены и полагались на грубую силу и многочисленность своих рядов. Некоторые армяне оказывали сопротивление, чем и объясняется, по-видимому, убийство шести азербайджанцев[18]. Многие погромщики, впрочем, имели при себе вынесенные с заводов заточенные куски арматуры и обрезки труб, явно заготовленные загодя. Это лишь одна из деталей, позволяющая предположить, что взрыв насилия был, возможно, заранее спланирован, по крайней мере в общих

[16] Интервью с Н. Тагиевой, 24 нояб. 2000.

[17] Эта книга, составленная Самвелом Шахмурадяном, была издана на русском языке (на котором давали интервью очевидцы) в Ереване в 1989 г. (Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев / сост. С. Шахмурадян. Кн. 1. Ереван: Арм. фонд культуры, 1989) и на английском языке в 1990 г. (The Sumgait Tragedy. Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan / ed. S. Shahmuratian. Vol. 1. New Rochelle, N.Y.: Aristide D. Caratzas, 1990).

[18] Самвел Шахмурадян и группа исследователей под его руководством готовили к изданию второй том рассказов очевидцев, говорящих о примерах сопротивления, но эта книга так и не увидела свет.

чертах. Оставшиеся в живых вспоминают и другие детали: например, погромщики старались не разбивать телевизоры, не трогали детей[19].

Кое-кому из погромщиков пришла в голову идея занять квартиры армян, на которых они нападали. Одна из жертв, армянка Людмила М., случайно услышала разговор группы мужчин в своей квартире, когда она, окровавленная, лежала на полу в коридоре, после того как ее изнасиловали и бросили, приняв за мертвую: «В комнате было человек шесть. Они разговаривали между собой, курили. Один о дочке своей говорил, мол, у нас в квартире детской обуви нет, чтоб он смог подобрать ее для дочки. Другой говорил, что ему эта квартира нравится – мы недавно сделали очень хороший ремонт, – сказал, что он здесь будет жить после всего. Они стали спорить. Третий сказал: "Нет, почему ты? У меня четверо детей. Как раз три комнаты. Это мне подходит. Сколько лет я ючусь бог знает где". А еще один говорит: "Ни тебе и ни тебе не достанется. Подожжем эту квартиру и уйдем"»[20].

Хотя местная милиция палец о палец не ударила, чтобы пресечь кровопролитие, кое-кто из азербайджанцев пытался самостоятельно организовать помощь своим армянским соседям. Местные комсомольцы собирались небольшими группами и провожали армянские семьи в безопасное место – Дворец культуры на центральной площади[21]. Некая женщина по фамилии Исмаилова стала на короткое время героиней советской прессы, после того как приютила в своей квартире несколько армянских семей. Жена врача Натаван Тагиева вспоминала: «Мы жили в четырнадцатиэтажном доме вместе со многими армянскими семьями. На четырнадцатом этаже у нас жила армянская семья, мы их спрятали, никто из них не ночевал у себя дома. А в больнице люди сформировали группы наблюдателей, и ни один пациент не остался без охраны».

Вспышка кровавого насилия в Сумгаите имела одну мрачную сюрреалистическую особенность. Убийцам и грабителям зачастую было довольно затруднительно выявить врагов среди местных жителей. Советские армяне и азербайджанцы порой внешне очень похожи, в Сумгаите они разговаривали друг с другом на нейтральном русском языке, к тому же многие армяне хорошо владели азербайджанским.

[19] Решение не трогать телевизоры объяснялось тем, что они представляли ценность для грабителей. Возможно также, что советские телевизоры не трогали из-за их печального обыкновения взрываться.

[20] The Sumgait Tragedy. P. 127.

[21] Информация предоставлена сумгаитским журналистом Фамилем Исмаиловым. Он отметил, что руководитель сумгаитского комсомола Эльдар Мамедов был, тем не менее, исключен из партии вместе с другими руководителями.

Кое-кому из армян удалось спастись только потому, что они выдавали себя за азербайджанцев или русских, невольно выявляя совершенно абсурдную подоплеку этнического насилия. Охотясь за армянами, разъяренные молодчики останавливали автобусы и автомобили, допытываясь, нет ли среди пассажиров армян. Чтобы отыскать армянина, они заставляли всех произносить слово «фундук» по-азербайджански. Считалось, что армяне не умеют правильно произнести начальный звук «ф», говоря вместо него «п». В одном дворе погромщики попали на «карасунк» – армянские сороковины, поминки по покойнику на сороковой день после его смерти. Единственным знаком к нападению на собравшихся за столом людей послужил хлеб: по азербайджанским обычаям, на сороковинах хлеб не едят.

Эти тонкие различия являются примером того, что Михаил Игнатьев, заимствуя термин у Фрейда, назвал «нарциссизмом мелких различий». Анализируя конфликт между сербами-христианами и хорватами-мусульманами, он пишет: «Фрейд однажды заметил, что чем меньше различий между двумя народами, тем больший масштаб они принимают в их воображении. Он назвал это нарциссизмом мелких различий. Его проявление можно видеть в том, что враги нужны друг в друге для напоминания о своей истинной идентичности. Так, хорват – это некто, кто не является сербом. Серб – некто, кто не является хорватом. Без ненависти к другому не было бы определенного национального "я", достойного обожания и обожествления»[22].

В этом смысле сумгаитские погромы, можно сказать, породили цепную реакцию распада «советской» идентичности.

МЕДЛИТЕЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ ЦЕНТРА

Власти непростительно медленно реагировали на события. Быстрее всего в получасе езды от Сумгаита, но в течение нескольких дней никто не откликнулся на происходящее. Григорий Харченко, один из представителей Москвы, находившихся в то время в Азербайджане, утверждает: «Горбачев совершенно не прав, когда говорит, что мы опоздали на три часа. Ничего подобного. Мы [illegible]. Потому что мы целый день ждали, когда будет принято [illegible] отправке туда войск»[23].

Харченко и заместитель председателя [illegible] советских официальных лиц вечером 28 [illegible] [illegible]

[22] Ignatieff M. Blood and Belonging. [illegible]

[23] Интервью с Г. Харченко, 4 [illegible] 2000

Баку в Сумгаит. Харченко увидел нечто из ряда вон выходящее: разбитые витрины магазинов, остовы сгоревших троллейбусов и автомашин посреди улиц. Толпы разъяренных людей продолжали слоняться по городу. Он вспоминает: «Контролировать ситуацию было невозможно, потому что весь город был охвачен паникой. Повсюду толпы азербайджанцев, из дворов раздаются крики о помощи. У нас была охрана, и нас провели в одно место... Я не хочу показывать вам фотографии. Я просто их уничтожил. Но я собственными глазами видел растерзанные трупы, одно тело было все изрублено топором, ноги отрублены, руки, практически от тела ничего не осталось. Они собирали палую листву с земли, насыпали на трупы, потом сливали бензин из стоящих рядом машин и поджигали. Смотреть на эти трупы было страшно».

Бобков и Харченко сразу же решили, что для восстановления порядка нужно немедленно вводить в город войска. Но это было легче сказать, чем сделать. Лишь через несколько часов в Сумгаит прибыли полк внутренних войск и курсанты бакинской военной академии, сразу же столкнувшиеся с озлобленной толпой. Харченко рассказывал: «Это были банды, готовые на все, они уже почувствовали вкус крови и поняли, что отступать им уже некуда». Молодые солдаты получили из Москвы приказ стрелять холостыми, а не боевыми патронами. Участники уличных беспорядков забрасывали их бутылками с зажигательной смесью и наносили стальными заточками колотые удары по ногам. Около ста военнослужащих получили ранения.

В понедельник 29 февраля в Кремле состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждалась кризисная ситуация на Кавказе. Странно, но члены Политбюро долгое время говорили об Армении и лишь затем обратились к событиям в Сумгаите. Стенограмма этого заседания отражает лихорадочные попытки советских лидеров взять под контроль беспрецедентную ситуацию:

«ЯЗОВ [министр обороны]: Но, Михаил Сергеевич, в Сумгаите надо вводить, если хотите, может, не то слово, военное положение.

ГОРБАЧЕВ: Комендантский час.

ЯЗОВ: Надо твердо провести эту линию, Михаил Сергеевич, пока дальше не пошло. Надо ввести войска туда и наводить порядок. Это изолированно все-таки, это не Армения, где миллионы людей. Кстати говоря, это отрезвляюще подействует на других, наверняка.

ГОРБАЧЕВ: Александр Николаевич и Дмитрий Тимофеевич, вы имейте в виду возможную ситуацию в Баку и в Ленинакане [город в Армении], и в этом городе, где армянский район...

ВЛАСОВ [министр внутренних дел]: Кировабад [второй по величине город Азербайджана, ныне Гянджа].

ГОРБАЧЕВ: Кировабад.

ВЛАСОВ: Там били стекла, и все такое...

ГОРБАЧЕВ: Нужно учитывать, что еще не знают о том, что произошло в Сумгаите, а доходит это так, как снежный ком нарастает.

ШЕВАРДНАДЗЕ: Это как сообщающийся сосуд. Если в Армении узнают о жертвах, то это может вызвать осложнение там.

ЯКОВЛЕВ: Поскорее надо сообщить, что в связи с происшедшим в Сумгаите заведены уголовные дела, преступники арестованы. Это нужно, чтобы охладить страсти. В самом Сумгаите городская газета должна твердо и быстро это сказать.

ГОРБАЧЕВ: Главное, надо сейчас немедленно включить в борьбу с нарушителями общественного порядка рабочий класс, людей, дружинников. Это, я вам скажу, останавливает всякое хулиганье и экстремистов. Как в Алма-Ате тогда. Это очень важно. Военные вызывают обозление»[24].

Горбачев неохотно отнесся к идее послать в Сумгаит внутренние войска, но в конечном счете его убедили в необходимости присутствия в городе ограниченного воинского контингента и введения комендантского часа. Подобная нарочито сдержанная позиция Горбачева впоследствии вызвала у армян обиду и осуждение[25]. Судя по стенограмме, руководители страны были искренни в своем стремлении погасить кризис, но в то же время совершенно оторваны от реальности. Горбачев по-прежнему твердил о мобилизации «рабочего класса», хотя именно представители рабочего класса бесчинствовали на улицах Сумгаита, убивая людей и поджигая дома. И большую часть своего выступления на том заседании Политбюро он посвятил необходимости созыва большого партийного «пленума по национальному вопросу», чтобы заново сформулировать национальную политику Советского Союза, – в то время как простые армяне и азербайджанцы уже подожгли погребальный костер советского интернационализма.

Ситуация же в самом Сумгаите 29 февраля вышла из-под контроля в куда большей степени, чем казалось членам Политбюро. Погромы продолжались весь день в «сорок первом квартале» – к западу от городского автовокзала. В этот день погромщики убили семью из пяти

[24] Из цитировавшейся выше стенограммы заседания Политбюро от 29 февраля 1988 г.

[25] По словам главного консерватора в Политбюро Егора Лигачева, тот факт, что сдержанность властей привела к массовому кровопролитию в Сумгаите, послужил оправданием применения силы во время кризиса в грузинской столице Тбилиси в апреле 1989 г. В Тбилиси войска были задействованы почти сразу же после начала демонстраций, и в ходе операции погибли двадцать безоружных людей.

человек – мужа, жену, двоих сыновей и дочь. Но вот, наконец, в город прибыли рота хорошо вооруженных морских пехотинцев Каспийской флотилии и воздушно-десантный полк. Вечером было объявлено военное положение, и генерал ВДВ Владимир Краев принял на себя всю полноту власти. Через громкоговорители по городу объявили о введении комендантского часа после 23.00 – еще один беспрецедентный шаг для Советского Союза невоенного времени. За четыре часа до наступления комендантского часа несколько сотен разъяренных молодых людей все еще находились на небольшой площади перед автовокзалом. Краев отдал десантникам приказ взять автовокзал силой. Во время штурма несколько человек были убиты. К концу понедельника общее число убитых, по официальным данным, составило 32 человека, арестованных – более 400 человек.

Пять тысяч армян нашли убежище в огромном здании Дворца культуры на площади Ленина, где их взяли под охрану морские пехотинцы. Харченко отправился туда. В тот момент, когда он выслушивал их истеричные жалобы, кто-то ударил его сзади по голове, и он был взят в заложники. Группа отчаявшихся армян потребовала предоставить им самолет, чтобы они смогли покинуть город. Харченко отпустили только после того, как армян удалось убедить, что у Москвы имеется план их эвакуации. На Харченко тогда большое впечатление произвела одна деталь: все сумгаитские армяне хотели выехать не в Армению, а в Россию: «Ни один человек, с кем мы тогда беседовали, не изъявил желания вылететь в Армению. Все они просили вывезти их в Краснодар, Ставрополь или Ростовскую область. Почему? Они говорили: "Никому мы в Армении не нужны. Они нас не считают настоящими армянами, да мы и не настоящие армяне"».

ПОСЛЕДСТВИЯ

Массовые убийства в Сумгаите оказались водоразделом в судьбе Советского Союза. Безусловно, они явились катастрофой для армян. От 26 до 29 сумгаитских армян погибло, сотни были ранены. Почти все четырнадцатитысячное армянское население Сумгаита уехало из города. За пределами Сумгаита весть о насилии потрясла 350-тысячное армянское население Азербайджана, и тысячи армян начали покидать республику. Сумгаит стал также катастрофой для Азербайджана, где в ответ на непредвиденное развитие событий в Карабахе произошла вспышка самого жестокого на памяти жителей Советского Союза межобщинного насилия. Зверства погромщиков резко контрастировали с мирными демонстрациями в Армении, и простые азербайджанцы чувствовали страх и стыд.

Первым побуждением советских властей было скрыть информацию о происходящем. Отсутствие сообщений о сумгаитских событиях в официальной советской печати показало, что горбачевской гласности еще очень далеко до подлинной свободы слова. Всю неделю советские средства массовой информации сообщали о беспорядках в Израиле, Южной Африке и Панаме, но ни словом не обмолвились о событиях в Азербайджане. Вечером в воскресенье 28 февраля, когда в Сумгаите уже шли погромы, в центральной советской программе новостей «Время» говорилось лишь, что армянские рабочие выступили с инициативой отработать сверхурочно простои, чтобы компенсировать производственные потери за время забастовки на предыдущей неделе[26]. Когда все было кончено, советское руководство решило утаить антиармянскую направленность погромов в Сумгаите, назвав их просто «хулиганскими выходками».

Такое искажение информации обидело армян. А то, что полный список жертв так и не был опубликован, породило у них подозрения, что пострадавших на самом деле куда больше. Люди, побывавшие в бакинском морге после погромов, говорили, что видели 32 тела – 26 армян и 6 азербайджанцев. В опубликованной в Армении на следующий год первой книге о погромах к списку жертв добавлено еще три фамилии – по-видимому, это жертвы бесчинств, скончавшиеся позднее, или тела, не попавшие в бакинский морг. И тем не менее армяне продолжали считать, что масштабы резни были куда более внушительными, а подлинные данные – засекречены. Армянский писатель Серо Ханзадян утверждал, что жертвами погромов стали 450 армян. В 1991 г. французская писательница армянского происхождения Клод Мутафян все еще считала, что «официальное количество погибших – 32 – было издевательским преуменьшением»[27].

Не удовлетворили общественность и судебные процессы над злоумышленниками. Ряд наиболее серьезных дел был передан в российские суды, чтобы, с одной стороны, избежать слушаний в до предела накаленной атмосфере Азербайджана и, с другой стороны, чтобы армяне могли безбоязненно давать свидетельские показания. В советской прессе, впрочем, почти ничего не сообщалось об этих судебных процессах. В самом же Сумгаите судебные заседания проходили при закрытых дверях. В конечном счете было осуждено около восьмиде-

[26] Roxburgh A. Gorbachev in Desperate Dash to Resolve Armenian Crisis // The Sunday Times. 1988. 6 March.

[27] Chorbajian L., Donabédian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabagh. London; Atlantic Highlands, N.J.: Zed Books, 1994. P. 150.

сяти человек – много меньше реального числа погромщиков. Одного из осужденных, Ахмеда Ахмедова, приговорили к смертной казни. К концу 1988 г., когда состоялись эти суды, атмосфера в республике изменилась так радикально, что некоторые экстремистски настроенные участники демонстраций в Баку даже несли транспаранты, прославляющие «героев Сумгаита»[28].

ЗАГОВОРЫ И ИНТРИГИ

Вероятно, крупнейшая ошибка советского руководства в связи с сумгаитскими событиями заключалась в том, что не было проведено официальное расследование, к чему, собственно, призывала как армянская, так и азербайджанская сторона. А полная неизвестность могла лишь способствовать нарастанию уверенности, что организаторы погромов фактически избежали наказания. Отсутствие полной информации об этих событиях дало повод сторонникам теории заговоров – а на Кавказе особого повода и не нужно – для запуска машины по производству слухов.

Сумгаитские погромы породили целый букет теорий. Многие обвиняли КГБ, утверждая, будто эту вспышку насилия инициировали спецслужбы. Так, согласно одной из версий, КГБ организовал погромы, чтобы «напугать армян» и заставить их свернуть кампанию политического протеста. По другой версии, это было сделано для того, чтобы посеять семена межэтнической вражды и позволить Москве укрепить свое властное влияние в Армении и Азербайджане. Согласно третьей версии, КГБ спланировал резню в Сумгаите, чтобы дискредитировать Горбачева и его перестройку[29].

У КГБ, разумеется, хватило бы и возможностей, и цинизма, чтобы спровоцировать взрыв межэтнического насилия. Однако ни в архивных, ни в неофициальных источниках нет никаких данных, которые подтверждали бы эту гипотезу. Если же допустить, что КГБ

[28] «Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году» // Круг (Тель-Авив). 1989. 23 июля. Перепечатано: Глазами независимых наблюдателей. С. 93–96. Армянский источник цитирует передачу бакинского радио от 27 февраля 1993 г., в которой говорилось, что комиссия по расследованию сумгаитских событий посмертно возвеличила Ахмедова, назвав его «героем», см.: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. V. С. 30.

[29] Эти версии принадлежат соответственно Людмиле Арутюнян, Исе Гамбару и Александру Яковлеву. Яковлев, который как член Политбюро должен был быть хорошо информирован, сказал, что у него нет твердых доказательств, и поведал о том, как КГБ организовал вильнюсские события 1991 г. Как мне представляется, он соединил оба случая и интерпретировал события 1988 г. в свете того, что произошло в 1991 г.

действительно подготовил и осуществил эти погромы, то придется сделать вывод, что в 1988 г. госбезопасность уже действовала совершенно независимо от Горбачева и имела собственную радикальную долгосрочную политическую программу (которая чуть позже бумерангом ударила по ней же). Кроме того, придется приписать тогдашнему председателю КГБ Виктору Чебрикову – хмурому партийному функционеру, который, судя по всем его цитируемым выступлениям по карабахской проблеме, неизменно выступал за сдержанность, – роль великого интригана, этакого советского Яго. Но вряд ли этот шекспировский герой соответствует его реальной роли. Судя по деятельности спецслужб в тот период, КГБ оказался растерян и бессилен не меньше, чем другие советские ведомства.

В Азербайджане появились еще более экстравагантные теории заговора, цель которых заключалась в попытке снять с азербайджанской стороны ответственность за совершенные акты насилия. Одна из версий муссировалась особенно упорно: якобы армянские заговорщики загодя установили скрытые камеры в местах будущих погромов, и отснятая пленка незамедлительно распространялась по информационным агентствам всего мира. Однако этот якобы снятый фильм никто никогда не видел.

В мае 1989 г. историк Зия Буниятов, бывший тогда президентом республиканской Академии наук, самый известный азербайджанский армянофоб, предложил весьма экзотическую версию погромов. В статье, озаглавленной «Почему Сумгаит?», он сделал вывод, будто армяне сами спланировали сумгаитские погромы с целью дискредитировать Азербайджан и подстегнуть армянское националистическое движение. «Сумгаитскую трагедию тщательно подготовили армянские националисты, – писал Буниятов. – За несколько часов до ее начала армянские фоторепортеры и съемочные группы телевидения тайно въехали в город и, будучи в состоянии полной готовности, стали дожидаться развития событий. Первое преступление было совершено неким Григоряном, выдавшим себя за азербайджанца, который убил в Сумгаите пятерых армян»[30].

К началу 1990-х гг., когда Азербайджан покинули все армяне, а война с Арменией окончательно отравила отношения между двумя народами, кинорежиссер Давуд Иманов создал еще более изощренную версию сумгаитских событий. Его хаотичная кинотрилогия под

[30] Статья была опубликована в еженедельнике Академии наук Азербайджанской ССР «Элм» от 13 мая 1989 г. Перепечатана в кн.: Chorbajian L., Donabédian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. P. 188–189. Статья, следует отметить, настолько одиозная, что армяне перепечатали ее в собственных целях.

названием «Эхо Сумгаита» – это крик отчаяния, где автор бросает обвинения одновременно и армянам, и русским, и американцам, якобы вступившим в тайный сговор против Азербайджана. В целом Иманов представил Сумгаит как арену международного заговора, подготовленного ЦРУ с целью развала Советского Союза[31].

Буниятов и Иманов выстроили свои теории на фундаменте одних и тех же разрозненных и бессвязных фактов. Вот один такой факт: накануне событий сумгаитские армяне сняли со своих счетов в местном сберегательном банке около миллиона рублей. Даже если это и так, тут нет ничего удивительного, потому что конфликт между армянами и азербайджанцами тлел довольно продолжительное время.

Еще один факт, на который ссылаются оба, – участие в кровопролитии армянина Эдуарда Григоряна. Сумгаитский рабочий Григорян действительно участвовал в ряде массовых актов насилия и групповых изнасилованиях (хотя нельзя утверждать, как это делает Буниятов, что он самолично «убил пятерых армян»). Впоследствии Григоряна приговорили к двенадцати годам тюремного заключения. В Азербайджане расцвела целая мифология, связанная с «этим армянином», якобы стоявшим за всеми сумгаитскими погромами. Впрочем, Григорян оказался в числе восьмидесяти четырех арестованных по обвинению в кровопролитии, из которых восемьдесят два – азербайджанцы и один – русский[32].

Григорян был обыкновенным подонком. Уроженец Сумгаита, он после смерти отца-армянина воспитывался русской матерью. Имел три судимости. По одной версии, во время беспорядков он подстрекал других к бесчинствам, а по другой, Григоряна принудили примкнуть к погромщикам его фабричные приятели-азербайджанцы. В целом Григорян вполне соответствует типу погромщика: бандитского вида парень непонятно какой национальности и с богатым уголовным прошлым, готовый махать кулаками по любому поводу. Но все же в нем трудно увидеть зловещую фигуру политического заговорщика, не говоря уж о том, чтобы представить его архитектором коварного армянского заговора.

Если и существовал некий план массового насилия, то он мог возникнуть только внутри города. Когда погромы прекратились, кое-

[31] Я встретился с Имановым в Баку в июне 2000 г. и посмотрел его фильмы, ошибочно полагая, будто это объективная документальная хроника. Он фактически обвинил меня в том, что я шпион. Поэтому я решил не использовать материалы из его фильмов. Иманов умер в 2002 г.

[32] Данные приведены в отчетном докладе Секретариата ЦК от 11 июня 1988 г. См.: Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.003, 89/33/11.

кто из местных руководителей лишился своих постов, а секретарь горкома Муслим-заде был исключен из партии[33]. Некоторые армяне – очевидцы погромов говорят, что своими глазами видели среди участников митинга на площади Ленина партийных руководителей Сумгаита, которые призывали местное армянское население покинуть город. А кое-кто из армян даже уверяет, будто представители городской власти мелькали в толпе погромщиков. Многие из них, утверждается в армянских источниках, получили устные инструкции и списки с именами и адресами армян и были вооружены самодельным оружием[34]. Возможно, местные руководители сознательно манипулировали толпой в надежде вынудить армян уехать из Сумгаита и тем самым добиться решения острейшей жилищной проблемы. Но даже если кто-то сознательно планировал направить на сумгаитских армян стихийную силу разгоряченной толпы, непредвиденное развитие событий, вышедших из-под контроля, смешало все планы.

В каком-то смысле сторонники теории заговора просто ставят изначально неверные вопросы. Кровопролитие возникло не в вакууме, и, даже если в Сумгаите поработали тайные провокаторы, им, тем не менее, все равно требовалась аудитория, подготовленная для провокаций. Писатель и журналист Анатоль Ливен писал, что в 1990 г. видел в Риге переодетых в гражданское советских военных курсантов, которые пытались затеять драку с латвийскими полицейскими – но безуспешно, потому что флегматичные прибалты так и не применили в ответ на эти провокации чрезмерную силу. К несчастью, на Кавказе толпа куда более взрывоопасна[35].

Возможно, правильнее было бы задаться вопросом о том, как можно было *избежать* кровопролития в Сумгаите, городе очень неблагополучном, где тысячи беженцев находились в отчаянной и крайне неопределенной ситуации. Ведь удалось же в те дни не допустить антиармянских погромов в других крупных городах Азербайджана – Баку и Кировабаде. Но в Сумгаите смешение элементов получилось значительно более взрывоопасным. Волна насилия поднялась так стремительно, что остается лишь удивляться, почему жертв сре-

[33] Муслим-заде в настоящее время успешный бизнесмен. Он отказался от интервью, сославшись на нежелание «возвращаться в прошлое».

[34] 10 мая 1988 г. Сумгаитский горком партии осудил руководство и рабочих азербайджанского трубопрокатного завода за то, что «в течение всех дней сложной ситуации в цехах завода осуществлялось производство топоров, ножей и прочих предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами». См.: Коммунист Сумгаита. 1988. 13 мая. Перепечатано: The Sumgait Tragedy. P. 7.

[35] См.: Lieven A. The Baltic Revolution. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 188–201.

ди армян не оказалось еще больше. И поскольку этого не произошло, хотя местная милиция бездействовала, а армия прибыла в город с опозданием на сутки, позволительно предположить, что некие советские гражданские ценности все же сыграли роль тормоза в кровавом межэтническом столкновении. Как ни ужасны были эти погромы, список жертв в Сумгаите куда короче, чем после резни в Баку в 1905 и 1918 гг.

Азербайджанцам, думающим о себе как о толерантной нации, было бы легче осмыслить погромы, если бы они поняли, что подобного рода насилие в человеческой истории не такая уж большая редкость. «Одна важная причина быстрого увеличения численности бесчинствующей толпы заключается в том, что это не сопряжено с риском, – пишет Элиас Канетти в классическом исследовании психологии толпы «Толпа и власть». – Убийство, в котором участвуют многие, не только безнаказанное и дозволенное, но и, по сути, рекомендованное, для подавляющего большинства людей является непреодолимым искушением»[36].

Вскоре после Сумгаита ужасные погромы произошли в советской Средней Азии – в Оше и Душанбе. Другая страна, имеющая репутацию мирной и спокойной, Великобритания, в 1915 г. стала ареной уже почти забытых ныне этнических погромов в лондонском Ист-Энде. После того как немецкая подводная лодка потопила английское пассажирское судно «Лузитания», на улицы Лондона хлынули разъяренные толпы и принялись крушить немецкие магазины и избивать торговцев-немцев[37]. Более двухсот человек тогда получили увечья. Общая картина сумгаитских событий не была бы такой черно-белой, если бы широкую огласку получили факты насильственного выселения азербайджанцев из Армении. Вспышки насилия в сельских районах Армении не приобрели столь ужасающих масштабов, как в Сумгаите, но на протяжении 1988 г. от рук армян пострадали сотни проживавших в Армении азербайджанцев.

Так случилось, что и в Советском Союзе, и за его пределами Сумгаит стал символом межэтнического насилия, где армяне были пострадавшей стороной. В Армении сумгаитские события вызвали большой резонанс, гнев и боль. В коллективной памяти армян эти события пробудили ассоциации с геноцидом 1915 г. В память жертв сумгаитской трагедии возводились мемориалы. В Ереване прошли массовые демонстрации, участники которых несли транспаранты с двумя датами: 1915 и 1988. Многие армяне стали считать, что они должны дать отпор нарастающей волне агрессии. Аркадий Гукасян, нынешний лидер Нагорного Карабаха, говорит, что Сумгаит сделал военный конфликт с Азербайджаном «неизбежным»: «После Сумгаита мы все задумались, к чему все это может привести, но маховик уже был запущен. Сумгаит был попыткой нас запугать, пригрозить нам: "Смотрите, то же самое случится и с вами!"»[38]

[36] Canetti E. Crowds and Power. London: Penguin, 1973. P. 55–56.

[37] Суфражистка Сильвия Пэнкхерст стала свидетельницей этих бесчинств. «Все громко требовали отмщения, – писала она. – Самые подлые из джинго устроили первые антинемецкие беспорядки. Они были сознательно организованы и ни в коем случае не являлись стихийной вспышкой народного гнева. Но перспектива вволю пограбить, не боясь наказания, привлекла часть невежественной бедноты. Много домов было разгромлено, многие мирные работящие семьи потеряли всё. В людей швыряли камни, ранили детей». См.: Pankhurst E. S. The Home Front. A Mirror to Life in England during the World War. London: Hutchinson, 1932. P. 170.

[38] Интервью с А. Гукасяном, 7 окт. 2000.

Глава 3
ШУША
Рассказ о соседях

Альберт и Лариса Хачатурян пили чай в своем саду среди склонившихся к земле цветов и смотрели на развалины старой школы. Они походили на людей, спасшихся после землетрясения[1].

Дом Хачатурянов в верхней части Шуши – одно из немногих уцелевших зданий в этом городе. Гуляя в тени яблонь и дубов, которыми засажены улицы этого некогда процветающего города, я проходил мимо обгоревших каркасов пустующих старых особняков с балконами. Шуша (армяне называют ее Шуши), расположенная над ущельем высоко в горах в центральной части Карабаха, когда-то была одним из крупнейших кавказских городов и славилась своими театрами, мечетями и церквами. Теперь в разрушенном почти полностью городе живет лишь горстка людей; вдоль опустевших улиц стоят разоренные дома. И разрушения эти принесло с собой не землетрясение, они – дело рук человеческих.

Хачатуряны – из немногих оставшихся в Шуше коренных жителей. Они принадлежали к небольшому армянскому меньшинству в преимущественно азербайджанском городе. В феврале 1988 г., когда карабахские армяне начали кампанию протеста, шушинские азербайджанцы испугались. «Никто не спал», – вспоминал Захид Аббасов, работавший тогда в горисполкоме. Шушинские армяне, такие, как Лариса и Альберт Хачатурян, испугались вдвойне. Они были учителями, и при советском режиме им жилось довольно неплохо. У них было много друзей и коллег азербайджанцев. Но в 1988 г. Хачатуряны вдруг оказались членами особенно уязвимой социальной группы: армянами, живущими в азербайджанском городе, расположенном в преимущественно армянской области на территории Азербайджана. От кого они могли ждать защиты? Их история – да и история Шуши в целом – рассказ о том, как советские соседи сначала стали бояться друг друга, а затем и воевать друг с другом.

Шуша не знала социально-экономических проблем Сумгаита. И поначалу между обеими этническими общинами города не было вражды. Но сумгаитские погромы февраля 1988 г. немедленно привели к возникновению напряженности, которая стала быстро нарастать, когда в Нагорный Карабах начали прибывать беженцы – сначала армяне из Сумгаита, а затем азербайджанцы из Армении. В Шуше пламя вражды разгоралось медленнее – возможно, в силу годами укреплявшегося взаимного доверия. Взрыв произошел в сентябре 1988 г., когда всех армян в считаные дни изгнали из Шуши, а всех азербайджанцев – из Степанакерта. В разговоре со мной Альберт вспоминал тот день, когда он вернулся домой и застал толпу, топчущую его сад и крушащую имущество: «Мы думали, что все решится мирно. Было очень трудно, потому что Шуша город небольшой. Мы все друг друга знаем, мы все приятели, мы ходили друг к другу на свадьбы и похороны. Я вхожу и вижу, как портной Гусейн крушит мою веранду. Я спрашиваю: "Гусейн, что ты делаешь?" А я ведь устроил в партию его зятя. Он, не сказав ни слова, развернулся и ушел».

С конца 1988 до начала 1992 г., уже после того, как армяне покинули город, Шуша оставалась непокорным азербайджанским форпостом в самом сердце Нагорного Карабаха, оказавшегося под контролем армян. В 1992 г., после развала Советского Союза, в регионе развернулись полномасштабные боевые действия, и армянские войска в конце концов овладели Шушой. Шушинские армяне, подобно Хачатурянам, вернулись в город, который вновь стал их родным домом – хотя и полностью разоренным.

Когда Хачатуряны пили чай в своем саду, им было видно разрушенное здание, в котором оба проработали много лет. Неоклассическое реальное училище являло собой печальное зрелище. В этом трехэтажном доме, построенном в 1906 г., когда-то училось четыреста детей, в том числе все отпрыски местной буржуазии, а выпускники уезжали поступать в университеты Москвы и Санкт-Петербурга. Сегодня величественный фасад школы с тремя рядами выжженных окон напоминал пустой блок таблеток с выдавленными ячейками. Едва мы вошли в здание, в глаза бросилась сохранившаяся на мраморном полу у входа надпись: латинское приветствие «Salve». Полукруглая лестница из розового мрамора вела наверх, к засыпанным щебенкой лестничным площадкам и коридорам, где сквозь каменные плиты пола пробивалась трава.

Чтобы воссоздать историю Шуши, мне пришлось ездить туда и обратно между самим городом в контролируемом армянами Карабахе

[1] В этой главе я по этическим причинам изменил имена большинства бывших жителей Шуши.

и Шушой в изгнании – азербайджанской общиной города, нашедшей пристанище в других городах Азербайджана. Две части древней Шуши оказались насильственно разлучены – сначала боями, а потом линией прекращения огня.

Я начал свое исследование на каспийском побережье Азербайджана, в санатории, на ступеньках которого большими белыми буквами было выведено слово «ШУША». На протянутых между окнами длинных веревках сушилось белье. В 1992 г. война выбросила тысячи шушинских азербайджанцев в этот старый приморский курорт, расположенный к северу от Баку в засушливой песчаной местности. Лишь несколько высоких сосен напоминают им родные карабахские леса.

Семья Джафаровых живет в темной комнате с грудой подушек и одеял. Они рассказали мне, что их сына Чингиза убили армяне 8 мая 1992 г. во время штурма Шуши. Когда я спросил у них о жизни в советское время, то услышал те же слова, которые слышал десятки раз от людей с обеих сторон: «Мы раньше с армянами жили нормально». Разрушительный вирус ненависти проник в их души извне, а не зародился внутри.

Лучший друг Чингиза Заур – приятный мужчина с густыми усами и фигурой регбиста – вошел в комнату Джафаровых, хромая и опираясь на палку. Он рассказал, что весной 1992 г. служил в милиции и в числе других азербайджанцев защищал город. За шесть недель до решающего штурма Шуши армянскими войсками рядом с ним разорвался снаряд «Града», и ему осколками изувечило ноги. Зауру ампутировали левую ногу, и, прежде чем встать с больничной койки, он перенес двадцать две операции. Теперь, сказал он, у него нет постоянной работы, и большую часть времени он проводит в переполненном санатории: «Приближается лето, и месяца через три-четыре мы будем умирать от жары. Мы же горцы, мы не привыкли к такой жаре. Вот когда мы начинаем сильно тосковать по родным местам».

У Заура когда-то было двое близких друзей армян. Они выросли вместе на одной улице, которая бежит вниз от мечети. Вместе играли в волейбол и футбол, помогали друг другу покупать вещи на черном рынке. Когда Заур пошел в армию, один из его армянских друзей заплатил за его стрижку в парикмахерской, в знак пожелания ему удачи. «Я все время боялся увидеть Вигена или Сурика в прицел моего автомата. Я даже видел кошмары по ночам», – вспоминал он.

Заур ввел меня в круг шушинских азербайджанцев в изгнании. Известие о том, что я собираюсь совершить поездку в их родной город, взволновало их. Среди моих новых знакомых оказался адвокат Юсиф. Ему было лет тридцать-сорок, и во всем его облике: тихом голосе, тонких черных усах, грустных глазах – ощущалась какая-то

чеховская печаль. Он был более замкнутым и ожесточившимся, чем Заур. Юсиф признался, что только совсем недавно нарушил данный им обет не жениться до тех пор, пока его город не будет освобожден от армян. Юсиф просил меня узнать, что сталось с его домом. На клочке бумаги он нарисовал план и подробно объяснил, как найти его дом в городе.

Весной 2000 г. в полуразрушенной Шуше проживало менее трех тысяч человек – примерно одна десятая часть его прежнего населения. Большинство составляли неимущие армянские беженцы из Азербайджана. Возле облицованного мрамором источника в очереди за водой стояли люди с ведрами в руках. Среди них было лишь два местных старожила, которые знали город.

Я подумал, что, скорее всего, друзей Заура в городе не осталось. Однако вскоре меня подвели к четырехэтажному дому рядом с церковью, где представили коренастому мужчине с густыми усами и большими черными глазами. Это оказался друг Заура Виген. Пока я объяснял цель своего появления, его жена приготовила нам кофе.

Поначалу Виген был озадачен, но потом очень обрадовался, узнав, что я принес ему привет от Заура, с которым он не виделся уже десять лет. «Как там его семья? – спросил Виген. – У него, кажется, отец умер». Война на мгновение была забыта, поскольку его интересовали новости и сплетни о старой Шуше, но я не мог сообщить ему ничего особенного. Он уже знал, что его старый друг потерял ногу. «Я воевал в районе Мардакерта, – сказал Виген. – Я услышал по рации голос одного знакомого из Шуши. Я настроился на их частоту, мы разговорились, и он рассказал, что Заура ранили». Шушинский «уличный телеграф» работал через линию фронта. Некоторые «враги» по-прежнему оставались друзьями.

Я рассказал ему, как Заур боялся увидеть в прицел своего автомата лицо друга, и Виген с улыбкой заметил: «И я боялся того же». Будущее он оценивал достаточно трезво. Ведь он все-таки тоже прошел войну и теперь работал на правительство сепаратистского квазигосударства в Нагорном Карабахе. Смогут ли шушинские азербайджанцы вернуться в город? Кивнув в сторону своего шестилетнего сына, Виген сказал: «Думаю, его поколение успеет повзрослеть, прежде чем такое случится».

Мое следующее задание представлялось более сложным. У меня было мало надежды найти в разрушенном городе дом Юсифа. И тем не менее через несколько дней я вместе с двумя приятелями-журналистами отправился на поиски. Мы разыскали бывшего соседа Юсифа, который вспомнил его и проводил нас к четырехэтажному

жилому дому. Почти все квартиры в доме сгорели, но в пяти-шести жили люди. Квартира 28, где раньше жил Юсиф, оказалась среди уцелевших. С ее балкона на втором этаже смотрела темноволосая армянка.

Ее звали Ануш. Она позвала нас наверх. Извиняясь, мы стали объяснять причину нашего прихода. Наш неожиданный визит ее сильно взволновал – что неудивительно, – но она все равно пригласила нас войти. Ануш работала учительницей, ей было столько же лет, сколько и Юсифу, – чуть за тридцать. Пока мы, сидя на диване, слушали рассказ Ануш о том, каким образом она оказалась в этой квартире, ее дочка сварила нам кофе. Мы услышали очередную историю жизни, исковерканной войной. Шуша еще горела, когда Ануш приехала сюда 10 мая 1992 г., то есть меньше чем через двое суток после того, как Юсиф с отцом покинули город. Новые власти Карабаха убеждали людей, оставшихся без крыши над головой, перебираться в Шушу, и побыстрее, потому что мародеры могли спалить весь город. Ануш являлась идеальным кандидатом на получение нового жилья: три месяца назад она лишилась квартиры в Степанакерте, когда в ее дом попал снаряд «Града», выпущенный из Шуши, а перед этим ее дом в родной деревне был сожжен во время наступления азербайджанцев. Вот она и заняла квартиру номер 28, которая стала ее единственным домом. «Дверь была не заперта, все вещи вынесены», – объяснила она. Мы поспешили успокоить ее, сказав, что пришли вовсе не за тем, чтобы предъявить права прежнего владельца или оспорить ее право здесь жить. Но тяжелый и не имевший ответа вопрос: «Кому принадлежит этот дом?» – все равно повис в воздухе.

Всю стену от пола до потолка в гостиной новой квартиры Ануш занимала огромная фоторепродукция русского осеннего пейзажа, типичная картина, которую можно встретить в миллионах советских квартир: группа серебристых березок с красными и золотыми листьями на фоне северного леса. Ануш обратила наше внимание на оторванный с одной стороны край картины и рассказала, что им с дочкой пришлось дорисовать краской отсутствующие деревья. Реставрационная работа была выполнена так тщательно, что не сразу бросалась в глаза. Ануш нервно улыбалась, как бы давая понять, что это знак ее привязанности к дому.

Фотообои с березками стали самым убедительным доказательством того, что мне удалось найти квартиру Юсифа. Вернувшись, я разыскал его в шумной адвокатской конторе в центре Баку и показал несколько снимков, которые сделал в Шуше. Когда мы дошли до фотографии с березками на стене, он глубоко вздохнул и сказал: «Да, это мой дом». Мы вышли на шумную улицу, продолжая разговаривать, потом зашли в кафе на площади Фонтанов, где нам подали кебаб. Постепенно Юсиф стал терять нить разговора, по-видимому погружаясь в свои мысли. Возможно, я поступил неправильно. Одно дело, когда он до некоторой степени отвлеченно вспоминал, что жил в квартире 28 в Шуше, и совсем другое – когда он убедился, что его квартира все еще цела, но в ней проживают враги.

Затем Юсиф стал пристально рассматривать другую фотографию, на которой я запечатлел его сад. От многоквартирного шушинского дома шла водопроводная труба к небольшому пятачку, где тянулись выложенные плиткой дорожки, росли фруктовые деревья и смородиновые кусты – в общем, располагался крохотный зеленый оазис. «Когда мы увидели, откуда проложена труба, мы решили, что этот садик принадлежит хозяевам этой квартиры», – пояснила Ануш. Она выращивала там овощи. Юсиф в Баку рассказал мне, что этот садик был предметом гордости и радости его отца. «Не знаю, смог бы отец выдержать все это?» – пробормотал он, внимательно разглядывая фотографию своего сада во всем великолепии майского цветения.

В Баку я встретился со многими «шушалылар» – шушинскими изгнанниками. Кроме хромого милиционера Заура и адвоката Юсифа, я познакомился с журналистами Керимом и Хикметом и художником Арифом. Тот факт, что я посетил их родной город, ныне для них недосягаемый, в их глазах придал мне некий особый статус талисмана. Фотографии вновь пробудили в них горечь утраты Шуши, но и открыли двери в потерянный мир воспоминаний, служивший им отдушиной. Они подолгу рассматривали эти снимки, не упуская ни одной, даже самой мелкой детали. «На какой это улице он стоит?» – спрашивал один из них, разглядывая снимок маленького мальчика на углу. Или: «Если посмотреть за мечеть налево, можно увидеть дом Гусейна».

Однажды ветреным июньским днем «шушалылар» повели меня обедать в кафе у озера на окраине Баку. Во время нашего четырехчасового разговора они вновь и вновь возвращались к одной и той же теме – своих армянских друзей-врагов. Керим, бывший редактор шушинской газеты, обладал хорошим чувством юмора и несколько раз ироничной шуткой разряжал возникавшее напряжение. Заур, одетый в темно-синий блейзер и смахивающий на профессионального регбиста в выходной день, был настроен наиболее миролюбиво. Он с видимым удовольствием рассказывал истории из жизни своих приятелей и отзывался об армянах без всякой неприязни, хотя и не верил в положительный итог мирных переговоров.

Другие проявляли больше агрессивности. Когда я заметил, что Франции и Германии после многих десятилетий вражды, например, удалось заключить мир, один из них возразил: «Да, но прежде надо разгромить армянский фашизм, так же как немецкий фашизм». Ариф, с всклокоченной седеющей бородой и худощавым мрачным лицом, оказался самым непримиримым. Он призывал к новой войне за «освобождение» Шуши и возлагал все свои надежды на следующего азербайджанского лидера, который придет на смену президенту Гейдару Алиеву. «После Алиева у нас будет демократически избранный президент, и он будет воевать до тех пор, пока в Карабахе не останется ни одного армянина», – объявил он. Ариф был также самым артистичным из них всех. Он овладел профессией мастера по цветным витражным окнам «шебеке» – старинным азербайджанским ремеслом, в наши дни уже, к сожалению, почти позабытым. После высылки из Шуши его жизнь покатилась под откос, и в Баку он едва сводил концы с концами. К концу трапезы Ариф раскрыл еще одну причину своей обиды на армян. Оказывается, он когда-то женился на армянке, но их брак распался через восемь месяцев.

Я все время замечал, что мои новые друзья обвиняли Россию во всем, что было не так. В их изложении, в войне 1991–1994 гг. они воевали не только против армян, но и против русских – впрочем, когда я попросил их подкрепить эти заявления фактами, они не смогли привести ни одного. За столом они могли сказать: «Шушу взяли не армяне, а русские!», или «Я армян не осуждаю, их используют русские», или «Русские заселили Карабах армянами в девятнадцатом веке, чтобы вбить клин между нами и Турцией». Действительно, есть данные, доказывающие, что во время войны Россия оказывала помощь армянам, но мои друзья явно преувеличивали. Послушать их, так можно подумать, будто армяне и вовсе не участвовали в боевых действиях. Возможно, так они пытались рационализировать болезненное поражение Азербайджана в войне посредством переноса ответственности на большую Россию? Или просто хотели снять обвинения со своих соседей-армян, взваливая вину за конфликт на Россию? В этой войне, как я заметил, ни у кого из них не было личных врагов. Они всегда обвиняли некие таинственные внешние силы.

Шуша – прекрасный объект для изучения того, как соседи вдруг перестают быть друзьями и начинают воевать друг с другом. В прошлом столетии этот город был сожжен дотла трижды – в 1905, 1920 и 1992 гг. В первый раз его сожгли обе общины, во второй – азербайджанцы, в третий – армяне. Даже в истории братоубийственных войн на Кавказе это рекорд. Но в промежутках между сполохами адского костра Шуша процветала, и смешанные браки между представителями обеих общин были широко распространены.

Связующими звеньями для обеих общин всегда служили торговля и российская власть. Первая представляла собой вполне естественное звено, вторая – скорее искусственное. Жуткие погромы прошли в Шуше в 1920 г. сразу же после того, как на излете очередного периода экономической разрухи и гражданской войны русские оставили город. В тот раз азербайджанские войска смели верхнюю, армянскую часть города, выжигая целые улицы и сотнями убивая армян. Когда же русские вернулись, уже в большевистских кожанках и с наганами, новой столицей Нагорного Карабаха был объявлен Степанакерт. Руины армянского квартала Шуши, точно призрак, простояли нетронутыми более сорока лет. В 1930 г. поэт Осип Мандельштам посетил город и ужаснулся его пустым безмолвным улицам. В одном из своих стихотворений он вспоминает, какой страх внушили ему «сорок тысяч мертвых окон».

Наконец, в 1961 г. коммунистическое руководство Баку приняло решение о сносе руин, хотя многие старые здания вполне поддавались восстановлению. Сергей Шугарян, бывший в то время одним из партийных руководителей Шуши, рассказал мне, что отказался возглавить специальную комиссию по сносу развалин. Я встретился с ним в Ереване, и его старческий голос задрожал при воспоминаниях о том, как бульдозеры сравнивали с землей армянский квартал. «Остатки стен еще были крепкие, – говорил Шугарян. – Эти развалины еще можно было восстановить. Требовалось лишь положить новые деревянные перекрытия и установить двери. Многие годы я бродил по этим руинам. Я находил там заброшенные колодцы, истлевшие кости. В душе я ненавидел тех, кто поджег мой город»[2].

Кто-то сказал, что главная причина войны – это война, и, возможно, в данное определение надо включить и память о войне, которую хранят следующие несколько поколений. В Карабахе ощущение исторического горя с особой остротой испытывали армяне-горожане. Многие из них еще помнили Шушу до 1920 г. Актриса Жанна Галстян, одна из основательниц армянского националистического движения в Карабахе, рассказала мне, что в детстве не раз подслушивала разговоры взрослых о дореволюционной жизни, и эти воспоминания оставили в ее душе глубокий след. Семью ее бабушки депортировали из села Алгулы. Они были вынуждены бежать в Ханкенди – село, позднее ставшее городом Степанакертом. Алгулы потом заселили азербай-

[2] Интервью с С. Шугаряном, 13 дек. 2000.

джанцы. «У нас была маленькая кровать, – вспоминала Галстян, – и мы с бабушкой спали на ней. Каждый вечер приходили бабушкины родственники из Алгулы – избитые, изгнанные люди, которые пешком пришли в Ханкенди и там и остались. Эти старики тогда еще были живы, а я была совсем маленькой, и они говорили об этом шепотом. Тогда это было запрещено, это же были годы сталинизма. Знаете, как устроен детский мозг: он все записывает, как магнитофон»[3].

В неприбранном офисе без окон в одном из закоулков Баку я встретился с еще одним шушинским патриотом. Круглолицый Захид Аббасов заведовал отделом культуры Шушинской исполнительной власти в изгнании. Должность в общем-то довольно бессмысленная, предоставлявшая ему много времени для размышлений о том, что могло бы быть, если бы... В 1980-е гг. он возглавлял комсомольскую организацию Шуши. Работая в области с преимущественно армянским населением, он общался в основном с армянами и всех их довольно хорошо помнит. Когда я упомянул о Хачатурянах, он воскликнул: «Какая приятная пара!» Разглядывая сделанную мной в саду фотографию Ларисы, произнес: «Как же она постарела!» О Жанне Галстян он отозвался с иронией: «Жанна однажды подарила мне хрустальную вазу. Но я эту вазу оставил в Шуше. Она может забрать ее, когда захочет»[4].

Потом Аббасов достал из своего письменного стола стопку старых черно-белых фотоснимков. На одном из них, выгоревшем на солнце, красовались шестеро загорелых улыбающихся юношей за столиком кафе на террасе. Среди них улыбался до ушей парень в больших темных очках – сам Аббасов. Лицо крайнего справа на снимке юноши в белой рубашке с короткими рукавами и с отсвечивающими на солнце часами показалось мне знакомым. И неудивительно: это был молодой Роберт Кочарян, занявший ко времени моей встречи с Аббасовым пост президента Армении. Группа друзей из Нагорного Карабаха проводила каникулы в санатории «Гурзуф» в Ялте летом 1986 г.

Судьба распорядилась так, что Аббасов потерял почти все, что имел, и оказался в изгнании, а некоторые из его старых друзей по комсомольской юности стали лидерами независимой Армении. Ближайшими коллегами Аббасова по работе когда-то были первый секретарь степанакертского горкома комсомола Серж Саргсян, его заместитель Роберт Кочарян и Нелли Мовсесян – в 2000 г. соответственно министр обороны Армении, ее президент и министр образования Нагорного Карабаха.

В те далекие годы Аббасов каждый день ездил из высокогорной Шуши на работу в Степанакерт, и, чтобы в обеденный перерыв ему не приходилось ехать обратно в горы, сослуживцы поочередно приглашали его к себе на обед. Я поинтересовался, когда он впервые заметил проявления армянского национализма. «Накануне всех событий я почувствовал это у Сержика [Саргсяна], – ответил Аббасов. – Он стал какой-то неразговорчивый. Но за Робиком [Кочаряном] я ничего подобного не замечал. Даже во время футбольных матчей, когда патриотические настроения болельщиков естественно прорываются наружу. В областном комитете у нас были сотрудники, которые болели за "Арарат", но Робик не разделял их страсти». Аббасов признался, что продолжал поддерживать отношения с приятелями даже после 1988 г., но из-за нарастающего политического конфликта их встречи становились все более мимолетными и тайными, поскольку борьба за национальные интересы сделала дружбу с представителями другой этнической общины нежелательной. Аббасов склонился над своим письменным столом, помрачнев еще больше. Он словно все еще отказывался верить в то, что произошло. «Ну сколько это еще может продолжаться?» – спросил он у меня, как будто этот конфликт был всего лишь ужасным недоразумением, которое можно уладить в ходе нескольких дружеских застолий.

В Ереване министр обороны Армении Серж Саргсян засмеялся, когда я передал ему привет от бывшего друга и коллеги. Да, он его прекрасно помнит, сказал Саргсян, хороший был человек. Саргсян поведал мне, что неплохо говорит по-азербайджански, что у него было немало друзей среди азербайджанцев, но подчеркнул при этом, что образование он получил в Армении, – это Аббасов пропустил. Борьба армянского народа гораздо важнее личной дружбы, словно хотел сказать министр. «...Проблема, видимо, была и в советской системе, – заявил он. – Тот же Захид, та же Рохангиз, первый секретарь Шушинского райкома комсомола, приятная нормальная женщина»[5].

Чем дальше я шел в поисках ответов, в поисках первопричины этих убийств, тем сильнее разочаровывался. Никто не считал себя в чем-либо виноватым. В беседе со мной Роберт Кочарян высказал лишь самые общие соображения по поводу дружбы и межэтнического конфликта: «Конечно, у меня есть друзья [среди азербайджанцев]. Так уж сложилось, в силу выбранного мной жизненного пути, что у

[3] Интервью с Ж. Галстян, 10 окт. 2000.

[4] Интервью с З. Аббасовым, 10 нояб. 2000.

[5] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000.

меня не было широкого круга друзей. Но я помню всех своих друзей, мне их не в чем упрекнуть, у нас сохраняются нормальные дружеские отношения. Но обычно, когда начинается этнический конфликт, дружба всегда отходит на задний план»[6]. Президент Армении с 1988 г. входил в число лидеров армянского карабахского национального движения «Крунк». В 1992 г. он участвовал в боевой операции по взятию Шуши. Тем не менее он говорил обо всем так, будто не сыграл никакой роли в разжигании этого конфликта, словно конфликт разгорелся сам по себе. И формулировками пользовался неопределенными, словно этнические конфликты «начинаются» естественным образом. У президента не имелось объяснений случившемуся.

[6] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

Глава 4
1988–1989
Кризис в Армении

КОМИТЕТ «КАРАБАХ»

В мае 1988 г. волна враждебности между армянами и азербайджанцами, распространяясь по Нагорному Карабаху, как инфекция, достигла деревни Туг. Этот момент стал решающим. Туг, расположенный на юге Карабаха, был единственным в регионе поселением со смешанным населением. Представители обеих национальностей десятилетиями жили здесь бок о бок, разделенные лишь узким ручьем. И если уж тут не сохранилось взаимопонимания между общинами, оно не смогло бы сохраниться нигде больше. 3 мая в Туг с целью предотвращения столкновений между сотнями его жителей были введены отряды МВД. Эмиссар Москвы Григорий Харченко посетил деревню в феврале 1988 г. и вновь вернулся туда через семь месяцев. Он увидел, насколько обострилась за прошедшие месяцы враждебность: «Это была старая деревня. Все армяне и азербайджанцы давно породнились друг с другом... Они все поделили между собой, сами разрешили все эти национальные противоречия. Я прекрасно помню, как они мне говорили: "Вражда не затронет нас, этот идущий ниоткуда обвал не заставит нас рассориться". Затем в сентябре я приехал туда снова вместе с солдатами и разместил их в здании школы. К тому времени площадь уже разделили и провели границу. Одна половина селения отошла к армянам, другая – к азербайджанцам. Был даже случай, когда муж-азербайджанец с тремя детьми остался в одной части деревни, а его жена-армянка с тремя детьми переселилась в другую»[1].

Идея объединения с Арменией захватила почти всех армян Карабаха. Разногласия касались только тактики. Функционеры

[1] Интервью с Г. Харченко, 4 дек. 2000.

коммунистической партии все еще хотели сотрудничать с Москвой, радикалы же вырабатывали более конфронтационную программу. В марте 1988 г. радикалы сформировали новую группу под названием «Крунк», что в переводе с армянского означает «журавль» – символ тоски по родине – Армении[2]. Роберт Кочарян, возглавлявший партийную организацию степанакертской шелкопрядильной фабрики, стал руководителем «идеологической секции» группы «Крунк». «Крунк» был первой организацией в Советском Союзе эпохи Горбачева, которая начала использовать стачки в качестве политического оружия.

Армения в 1988 г. стала местом рождения первого массового оппозиционного движения в горбачевском СССР. Его лидеры, одиннадцать человек, входившие в состав комитета «Карабах», к концу года почти полностью затмили коммунистическую партию. Комитет, состоящий в основном из представителей ереванской интеллигенции, в мае вытеснил из своих рядов двух карабахских армян и членов компартии, бывших лидеров комитета Игоря Мурадяна и Зория Балаяна, и сформировал новый состав, без единого лидера. Семь членов комитета были видными учеными, а четверо позднее вошли в руководство посткоммунистической Армении[3].

Хотя новые лидеры все еще называли себя комитетом «Карабах», сфера их политических интересов простиралась далеко за пределы Карабаха. Они все принадлежали к поколению, в формировании которого важную роль сыграли ереванские националистические демонстрации 1965–1967 гг. В результате этих выступлений в городе был открыт мемориал с вечным огнем в память о жертвах геноцида 1915 г., а день 24 апреля объявлен в Армении Днем геноцида. Они явились носителями идеи решения «армянского вопроса», или «Ай дата», – давней мечты о сплочении всех армян мира, от Бейрута до Лос-Анджелеса, вокруг общих националистических целей.

Два года спустя комитет и его преемник, «Армянское общенациональное движение», стали первой некоммунистической организацией, пришедшей к власти в союзной советской республике. Своим новым успехом они были обязаны в основном организаторским способностям двух главных лидеров группы Вазгена Манукяна и Левона Тер-Петросяна. Много позже эти двое рассорились и яростно оспаривали результаты президентских выборов 1996 г., но в период, предшествовавший обретению республикой независимости, Манукян и Тер-Петросян образовывали сильный тандем.

[2] Есть еще одно объяснение названия «Крунк»: по-русски эта аббревиатура расшифровывается как «Комитет революционного управления Нагорного Карабаха».

[3] Бабкен Араркцян, Ашот Манучарян, Вазген Манукян и Левон Тер-Петросян.

Круглолицый Манукян, математик по профессии, отличался импульсивным характером. Он играл роль главного организатора и специалиста по улаживанию разногласий в комитете «Карабах» нового образца, чьи заседания проводились у него на квартире. Манукян говорил, что намеренно собрал вокруг себя людей, которые «не были обижены судьбой», или, другими словами, тех, кто присоединялся к движению не из-за личных обид на власть. Он считал карабахский вопрос средством пробуждения армян от летаргии при советском режиме, а прочие политические цели, такие, как демократия, второстепенными: «В Армении доминирующей проблемой всегда был национальный вопрос... Стремление к демократии само по себе не могло породить такую волну. В Армении эта волна была вызвана карабахской проблемой. В балтийских республиках же главным был вопрос о независимости»[4].

Левон Тер-Петросян являлся главным стратегом комитета. Его отец, один из основателей Сирийской коммунистической партии, перевез свою семью в Армению в 1940-х гг. Тер-Петросян был ученым, специалистом по древнесемитским языкам. Академическое образование оказало сильное влияние на его политическое мировоззрение. Во всем его облике чувствуется спокойная сила, а его глубокие, полуприкрытые тяжелыми веками глаза, кажется, высасывают из вас энергию. На протяжении всего интервью он глубоко затягивался сигаретами в длинном мундштуке и каждый вопрос обдумывал так, будто от него требовалось дать толкование сложному тексту. Он устало отмахивался от вопросов, связанных с «общественным мнением», словно от второстепенных для высокой политики. Тер-Петросян согласился с тем, что объединение Нагорного Карабаха с Арменией стало «катализатором» движения 1988 г., хотя и не было его основной целью: «Члены первого комитета "Карабах" – Игорь Мурадян, Зорий Балаян, Сильва Капутикян и другие – думали только о Карабахе. Для них вопросы демократии или независимости Армении просто не существовали. И это послужило причиной раскола. Почувствовав, что мы начинаем представлять опасность для советской системы, они отступили. И произошла естественная перемена. Они считали, что карабахский вопрос должен быть разрешен в рамках советской системы. Мы же пришли к пониманию того факта, что эта система никогда бы не разрешила карабахский вопрос и что требуется как раз обратное: для решения проблемы Карабаха необходимо сменить систему»[5].

[4] Интервью с В. Манукяном, 5 мая 2000.

[5] Интервью с Л. Тер-Петросяном, 24 мая 2000.

ПОЛИТБЮРО В РАСТЕРЯННОСТИ

В начале 1988 г. московское руководство уже было обеспокоено масштабом кризиса в Армении и Азербайджане. «Решается кардинальный вопрос, – заявил Горбачев на заседании Политбюро 21 марта. – Речь идет о судьбе нашего многонационального государства, о судьбе нашей национальной политики, заложенной Лениным»[6]. Создается впечатление, будто партийные руководители чуть ли не ожидали, что напряженность медленно перерастет в конфликт, – но не могли этому противостоять.

В одном пункте, а именно в нежелании согласиться с какими-либо изменениями границ внутри Советского Союза, позиция Политбюро была абсолютно незыблемой. По словам Андрея Гиренко, в то время работника новообразованного сектора национальной политики, «из Таджикистана приходили просьбы о передаче им ряда горных пастбищ в качестве уступки со стороны Киргизии (нынешний Кыргызстан). Я лично отклонил эти предложения, потому что, если бы мы что-то начали передавать, там бы началось то же самое, что и в Нагорном Карабахе»[7].

Большую часть очередного заседания Политбюро 21 марта заняли дебаты о том, как укрепить стремительно падающий авторитет партии в Армении. Мораторий на политические демонстрации в Армении, о котором Горбачев договорился с армянскими писателями, истекал через пять дней. Члены Политбюро опасались, что новая оппозиция попытается захватить власть в республике. Обсуждение этого вопроса демонстрирует глубокие внутренние противоречия в горбачевской политике реформ. С одной стороны, сам он выступал против использования силовых методов для подавления оппозиционного движения в Армении. С другой – наметил ряд жестких мер для подрыва авторитета комитета «Карабах». Эти меры включали полный контроль над местными средствами массовой информации, отключение телефонной связи между Арменией и зарубежными странами, запрет на посещение региона иностранными журналистами и, в случае необходимости, арест активистов комитета «Карабах». Вместе с тем Горбачев также говорил о необходимости мобилизации «здоровых сил» и о вовлечении общественности в политическую дискуссию. Эти противоречивые намерения ярко проявились в весьма путаной речи, с которой советский лидер обратился к членам Политбюро. Он рассуждал об открытости и тут же, в одной фразе, не переводя дыхания, упоминал об изоляции: «Видимо, мы должны говорить в прессе более откровенно и изолировать [комитет "Карабах"], но так, чтобы не сделать из них героев».

Однако усилия московских руководителей по удержанию ситуации под контролем в значительной мере сводились на нет, поскольку их представители – лидеры коммунистических партий Армении и Азербайджана – уже не были послушны и лавировали между требованиями Москвы и общественности в своих республиках. Горбачев выражал недовольство этим на заседании Политбюро 29 февраля: «Необходима информация, а ее не добьешься – скрывают и те и другие. Все повязаны. Бездействуют, замешаны в этом товарищи из ЦК КП Азербайджана и КП Армении – и тот и другой товарищ»[8].

Горбачев решил отправить в отставку руководителей компартий обеих республик Кямрана Багирова и Карена Демирчяна и поставить на их место Абдурахмана Везирова и Сурена Арутюняна, которые работали за пределами региона и предположительно не были вовлечены в местную клановую политику. Везиров был советским послом в Пакистане; Арутюнян работал в аппарате ЦК в Москве. Для представления новых первых секретарей на внеочередных партийных форумах в Баку и Ереван выехали два члена Политбюро. Здесь Горбачев совершил серьезную ошибку. Он послал своего ближайшего сподвижника либерала Александра Яковлева в Армению, а лидера консерваторов в Политбюро Егора Лигачева – в Азербайджан. В результате Яковлев, твердо уверенный в необходимости реформ, выразил сочувствие требованиям армян и даже выступил на массовом митинге в Ереване. Лигачев же в Баку решительно заявил, что никто и никогда не позволит отобрать Нагорный Карабах у Азербайджана – и азербайджанцы встретили это заявление с благодарностью.

Как говорит сегодня Яковлев, ему удалось убедить армянских коммунистов отложить призывы к объединению Нагорного Карабаха с Арменией взамен на заявление из Баку об отказе от притязаний на Карабах. По его словам, он по телефону говорил об этом с Горбачевым, и тот обещал позвонить Лигачеву в Баку и сообщить об этой инициативе: «Однако ночью меня разбудил телефонный звонок, и я услышал: "Вы нас обманули, вы – обманщик, мы не верим вам". Это был один из участников [ереванского] митинга, на котором я выступал. Что имелось в виду? Оказывается, Лигачев только что заявил, что

[6] Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.003, 89/42/19.

[7] Интервью с А. Гиренко, 2 июня 2000.

[8] Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.003, 89/42/18.

Карабах навсегда останется в составе Азербайджана и что мы никогда не изменим эту позицию. После этого я вообще отказался заниматься вопросами, связанными с Карабахом»[9].

Между членами Политбюро обнаружились серьезные расхождения по карабахской проблеме. Как утверждает специалист по национальным вопросам Вячеслав Михайлов, партийная элита в обеих республиках использовала эти расхождения в своих интересах: «Так как в Политбюро не было единого мнения по этому вопросу, [республиканские] элиты почувствовали, что стоит только нажать на Политбюро немного сильнее, оказать давление на определенных членов Политбюро, и нужное решение будет принято на самом высоком уровне. Так все и получилось. Это произошло в результате известной двусмысленности позиции Политбюро, что проявлялось не в официальных документах – на бумаге все были очень корректны, – а в беседах с глазу на глаз, в личных контактах, что вселяло надежду. И так вели себя все члены Политбюро. Лигачев летит в Баку и говорит, что территориальная целостность является высшим принципом и тут никаких проблем нет, а Александр Яковлев, ко всеобщему ликованию, заявляет, что армяне занимают правильную позицию по данному вопросу»[10].

По свидетельству помощника Горбачева Георгия Шахназарова, в Политбюро начались разногласия: «Явная потеря управляемости вызывала все большую тревогу у нашего правящего синклита. Это все чаще прорывалось в раздраженных репликах при обсуждении карабахских дел, а вопрос этот затрагивался едва ли не на каждом заседании Политбюро. На одном из них, 4 июля, лейтмотивом выступлений Лигачева, Воротникова, Соломенцева и других членов руководства было: "Хватит уступок, нужно навести порядок!" При этом, однако, никто не потребовал применения вооруженной силы, а ведь это были неглупые люди, и они наверняка отдавали себе отчет, что одними словами ничего не решить. Паралич воли, который приписывают теперь только Горбачеву, в действительности был свойствен и его коллегам»[11].

[9] Интервью с А. Яковлевым, 8 дек. 2000. Лигачев подтверждает в своих мемуарах сказанное им в разговоре с Горбачевым из Баку, см.: Ligachev Ye. Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev. Boulder; Oxford: Westview Press, 1996. P. 173.

[10] Интервью с В. Михайловым, 5 дек. 2000.

[11] Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика-Зевс, 1993. С. 212.

ВОЙНА ЗАКОНОВ

В мае 1988 г. провалилась последняя серьезная попытка достичь компромисса между Арменией и Азербайджаном. Возникло предложение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, но повысить его статус и объявить автономной республикой. Таким образом, область получила бы новые привилегии – в частности, местный парламент, собственную конституцию и свое правительство. Генрих Погосян, армянин, руководитель Карабаха, видимо, склонялся к согласию с этим планом. «У него в кармане уже была конституция автономной республики, причем с очень широкими полномочиями, фактически такими же, как у союзной республики, и в том числе ему было дано добро на строительство лачинской трассы, которая устранила бы многие проблемы, в том числе и страх перед азербайджанизацией», – говорит Вячеслав Михайлов. Однако в последний момент Погосян пошел навстречу местным радикально настроенным избирателям и решил отвергнуть предложенный план.

Назначение на должность новых руководителей в Армении и Азербайджане не способствовало прекращению кризиса. Новый армянский лидер Сурен Арутюнян быстро уловил доминирующие националистические настроения. 28 мая 1988 г., спустя неделю после вступления в должность, Арутюнян позволил впервые за последние почти семьдесят лет вывесить в Ереване запрещенный флаг первой Армянской Республики – красно-сине-оранжевый триколор. 15 июня Верховный Совет Армении принял постановление, формально одобрившее идею присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Это решение положило начало тому, что впоследствии было названо «войной законов». Региональные партийные органы, похоронив старый советский принцип «демократического централизма», принимали законодательные акты, открыто противоречившие друг другу. 17 июня азербайджанский Верховный Совет принял контрпостановление, в котором вновь подтверждалось, что Нагорный Карабах является частью Азербайджана. Тогда областной совет в Степанакерте 12 июля одобрил постановление еще более жесткое, чем принятое в феврале: он проголосовал за односторонний выход области из состава Азербайджана и за переименование Нагорного Карабаха в «Арцахскую Армянскую автономную область».

Армения, прежде одна из самых послушных республик, вдруг встала во главе смуты в Советском Союзе. Наиболее бескомпромиссный член Политбюро Анатолий Лукьянов, говорят, угрожал членам комитета «Карабах»: «Вы меня не испугаете вашими демонстрация-

ми, я видел Чехословакию [в 1968 г.]»[12]. 5 июля были посланы войска для вытеснения демонстрантов из здания ереванского аэропорта Звартноц. Раздались выстрелы, пошли в ход дубинки. Погиб один из протестующих, студент. После этого вспыхнула новая волна демонстраций, под более откровенными антисоветскими лозунгами.

18 июля в Москве было созвано заседание Президиума Верховного Совета СССР, чтобы вынести окончательное решение по этому вопросу. Атмосфера накалилась до предела, после того как разъяренный Горбачев вступил в перепалку с армянскими делегатами. В итоге Президиум принял решение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана. В своем заключительном слове Горбачев объявил: «Я скажу вам, что сегодняшнее совещание Президиума показало, что у азербайджанцев больше самокритики, чем у представителей Армении». Он обвинил армян в том, что они ведут «недопустимую» кампанию, идущую вразрез с задачами перестройки[13]. Но генеральный секретарь также предпринял шаг, непопулярный в Азербайджане. Он решил направить в Нагорный Карабах «специального представителя», наделенного полномочиями отменять решения бакинского партийного руководства.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ДЕПОРТАЦИИ

Жесткое решение Президиума Верховного Совета в июле 1988 г. привело к изменению тактики армянской оппозиции. Комитет «Карабах» принял план длительной борьбы и приступил к формированию общенациональной организации, которая получила наименование «Армянское общенациональное движение» (АОД)[14]. Его программа предусматривала проведение в Армении широкомасштабных реформ, хотя и не ставила задачу достижения независимости республики. В ответ московское руководство направило в Ереван войска МВД и ввело комендантский час.

Осенью 1988 г. армяне пошли против азербайджанского меньшинства в Армении и изгнали его. Есть неправильное мнение, будто азербайджанское население Армении не пострадало в конфликте. Многие действительно уехали мирно, и в Ереване почти или вовсе не происходило межнациональных столкновений, однако в армянской столице было очень мало азербайджанцев, и силам безопасности не составляло труда поддерживать порядок. В сельских районах случаи насильственных действий отмечались повсеместно. Банды армян совершали набеги на азербайджанские села, многих жителей избивали или убивали, остальных прогоняли, а их дома поджигали. К концу года в сельских районах Армении насчитывались десятки покинутых деревень, из которых были выдворены более 200 тысяч постоянно проживавших в Армении азербайджанцев и курдов-мусульман[15].

К 1989 г., несмотря на то что насильственные действия в основном прекратились, все азербайджанцы, остававшиеся в Армении, были депортированы. Возникла система взаимообменов, когда азербайджанцы могли продавать свои дома армянским переселенцам, бежавшим из Азербайджана. Сейран Степанян, прежний заместитель руководителя городской администрации в армянском курортном городе Джермук, рассказывал, как наладил контакт с коллегами из партийных органов в Азербайджане. Во второй половине 1989 г. он организовал выезд из Джермука тысячи азербайджанцев на автобусах и поездах. А в гостиницах и санаториях Джермука разместили семьсот армянских беженцев из Мингечаура и Баку[16]. Такие обмены по этническому принципу продолжались до тех пор, пока обе республики, и Армения и Азербайджан, почти полностью не избавились от представителей «нежелательных» этнических групп. Иногда они принимали едва ли не комичные формы: история, возможно, апокрифичная, но рассказывают, будто в 1989 г. на границе Армении и Азербайджана произошел обмен пациентами двух психиатрических больниц. Потребовалось несколько часов, чтобы убедить пациентов, обнаруживших больше политического здравомыслия, чем их правители, распрощаться с медперсоналом и пересечь границу[17].

В Армении в 1988 г. царили хаос и разгул насилия: в течение нескольких жутких недель в конце ноября – начале декабря здесь погибли десятки азербайджанцев. В результате тщательного опроса, проводившегося более двух лет среди азербайджанских беженцев, Ариф Юнусов составил списки убитых и раненых. Подавляющее большинство жертв относилось к 1988 г. Юнусов пришел к выводу,

[12] Цит. по: Григорян В. Армения, 1988–1989 гг. Ереван, 1999. С. 118.

[13] См.: Malkasian M. Gha-ra-bagh! The Emergence of the National Democratic Movement in Armenia. Detroit: Wayne State University Press, 1996. P. 116–117.

[14] В Армении АОД известно как «ААШ» – аббревиатура названия на армянском «Айоц амазгаин шаржум».

[15] По статистическим подсчетам Арифа Юнусова, из Армении в Азербайджан бежали 186 тысяч азербайджанцев и 18 тысяч курдов-мусульман; позднее 7 тысяч курдов перебрались в Россию. См.: Юнусов А. Миграционные потоки – оборотная сторона независимости // Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М.: Финстатинформ, 2000. С. 108.

[16] Интервью с С. Степаняном, 28 апр. 2000.

[17] По словам Г. Бояджяна в интервью 26 сентября 2000 г. Этот рассказ не нашел подтверждения.

что армянами в это время были убиты 127 азербайджанцев. Людей избивали, жгли или убивали. Во время самого ужасного инцидента в ноябре 1988 г., обстоятельства которого еще не до конца прояснены, были заживо сожжены двенадцать азербайджанцев из села Вартан на северо-востоке Армении. Полный список Юнусова насчитывает 216 убитых азербайджанцев; в это число он включает тех, кто замерз насмерть в дороге, покончил с собой, умер позднее в азербайджанских больницах или по прошествии трех лет все еще числился пропавшим без вести.

Министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин в конце 1988 г. выезжал в Армению и Азербайджан, пытаясь остановить массовые депортации. В своих мемуарах он пишет, как встречал запуганных азербайджанцев недалеко от города Спитака в Армении и запуганных армян в азербайджанском городе Кировабаде. Все они просили о защите, обеспечить которую он был не в состоянии. Бакатин дал указание функционерам министерств внутренних дел в обеих республиках проследить, чтобы беженцы не пострадали. Однако, судя по стандартным заявлениям сотрудников правоохранительных органов, полагаться на них не стоило: «Местное руководство рассмотрело все [заявления], дало обещание все уладить, но я уже не верил, что они что-нибудь сделают. Там оставалось совсем немного людей, на которых я как министр мог бы положиться. Ведь нельзя же было всех уволить»[18].

Исследование Юнусова показывает, что в высылке азербайджанцев принимали активное участие многие функционеры компартии Армении и сторонники комитета «Карабах». 27 ноября 1988 г., например, один из руководителей КГБ, начальник управления внутренних дел и местный партийный руководитель объехали села Сарал и Гурасли в районе Спитака на севере Армении и приказали азербайджанскому населению «убраться в течение двух недель». Когда же азербайджанцы отказались уехать, на эти села напали вооруженные банды. Чиновники вернулись и повторили свои требования, сопровождая их угрозами. Жители сел уехали на автобусах, увозя с собой только самое необходимое, но по дороге по колонне машин открыли огонь, в результате чего три человека погибли[19].

По злой иронии судьбы, изгнание азербайджанцев из района Спитака фактически спасло их от полного уничтожения во время Спитакского землетрясения, которое произошло несколько дней спустя. В результате землетрясения 7 декабря погибли 33 азербайджанца. Если бы большинство их не подверглось депортации в течение предыдущих недель, потери среди азербайджанского населения были бы намного больше[20].

АРМЯНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Землетрясение произошло в 11.41 утра 7 декабря 1988 г. Эпицентр был недалеко от города Спитака. Построенные при советском режиме жилые дома рухнули, похоронив под обломками тысячи людей. Спитак оказался фактически стерт с лица земли, а в соседнем Ленинакане (ныне Гюмри) произошли страшные разрушения. Согласно некоторым оценкам, во время землетрясения было разрушено 1 500 сел и 35 000 домов. За считаные секунды природной катастрофы погибло, по официальным данным, 24 817 чел., то есть почти наверняка больше, чем за все шесть лет вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе[21].

Землетрясение выявило и лучшие, и худшие черты жителей региона. Тысячи армян голыми руками растаскивали каменные обломки в поисках оставшихся в живых и оказывали помощь жертвам землетрясения, однако впоследствии звучали обвинения в мародерстве, и большая часть средств, предназначенных для восстановления, была расхищена. В Азербайджане тысячи людей, забыв о политических разногласиях, пытались оказать помощь жертвам катастрофы. Но в то же время были сообщения о том, как ликующие азербайджанцы устраивают праздничные фейерверки по случаю «наказания» Армении[22].

Катастрофа не погасила армяно-азербайджанский конфликт, хотя многие на это надеялись. Московский журналист Виктор Лошак, командированный в зону землетрясения, вспоминает об охватившем уцелевших людей пугающем «психозе», в котором пережитый ужас смешался с национальными предрассудками: «О чем говорили эти люди со мной, журналистом, и друг с другом? Не о смерти, не о своих родственниках, не о прогнозах возможного нового землетрясения. Они говорили о том, что азербайджанцы послали им груз лекарств – было выслано несколько грузовиков с медикаментами, потому что азербайджанцы находились близко, и Центральный Комитет помог

[18] Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. М.: Дом, 1999. С. 146.

[19] Юнусов А. Погромы в Армении в 1988–1989 годах // Экспресс-Хроника. 1991. № 9 (186).

[20] Юнусов А. Погромы в Армении в 1988–1989 годах.

[21] Rost Yu. Armenian Tragedy. London: Weidenfeld and Nicholson, 1990. P. 192.

[22] О празднествах на улицах Баку см.: Лебедь А. За державу обидно. М.: Московская правда, 1995. С. 255–256.

им это сделать, – азербайджанцы послали им лекарства, и они считали, что азербайджанцы, конечно, хотели их отравить. Все это было уже на уровне полного психоза»[23].

Бедствие изменило не только природный ландшафт Армении, но и политический облик страны. Впервые советские власти позволили армянской диаспоре непосредственно участвовать в делах Советской Армении, поскольку армяне всего мира оказывали помощь пострадавшим. Члены комитета «Карабах» сформировали чрезвычайный штаб помощи в здании Союза писателей в Ереване. «Сразу после землетрясения незаметно для нас самих мы обнаружили, что несем ответственность за людей и даже за спасательные работы, помощь жертвам и так далее, – вспоминает Рафаэл Газарян. – Мы этого даже не ожидали. Рычаги власти перешли от правительства к нам»[24].

7 декабря Михаил Горбачев был в Нью-Йорке, в Организации Объединенных Наций. Он поспешил обратно в Москву и затем прилетел в Армению – это его единственная поездка на Кавказ за все время пребывания на посту руководителя Советского Союза. В политическом плане поездка оказалась крайне неудачной. Горбачев посетил зону землетрясения и затем отправился в Ереван. По сложившейся традиции он вышел на одну из площадей города, чтобы поговорить с людьми. Председатель Президиума Верховного Совета Армении Грант Восканян присутствовал при этом, и вот что он вспоминает: «[Горбачев] сказал: "Мы не оставим вас один на один с вашей бедой, мы поможем вам". И кто-то выкрикнул из толпы: "А Карабах?" Горбачев вспылил и заявил: "Слушайте, я думал, что вы не будете снова поднимать карабахский вопрос в час национального бедствия. Я думаю, многие этого не поймут"».

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров был с ним и наблюдал за реакцией толпы: «Михаил Сергеевич не столько урезонивал бородача, сколько апеллировал к окружавшим его людям. И некоторые женщины действительно откликнулись, бросив по-армянски слова упрека молодому человеку. Но остальные безмолвствовали. Стоя рядом, я вглядывался в лица и видел, что их не возмутило упоминание Карабаха. Видимо, мысль о нем сидела гвоздем в голове каждого, не давала покоя, даже землетрясение не могло от нее отвлечь»[25].

Прежде чем вернуться в Москву, Горбачев дал интервью армянскому телевидению, в котором заявил, что карабахский вопрос эксплуатировался «недобросовестными людьми, демагогами, авантюристами, коррупционерами, чернорубашечниками», теми, кто «жаждал власти»[26]. Эти его высказывания стали сигналом для ареста комитета «Карабах». Здание Союза писателей окружили войска, девять членов комитета были арестованы. Еще двоих задержали через несколько дней. Все одиннадцать были доставлены в Москву и помещены в следственный изолятор, но спустя шесть месяцев их освободили до суда[27].

РЕАКЦИЯ РОССИИ

После землетрясения в Армению приехал еще один видный визитер – самый известный советский диссидент, которого называли совестью нации, – Андрей Сахаров. Он завершал поездку по Азербайджану, Нагорному Карабаху и Армении вместе со своей супругой Еленой Боннэр. В Армении они посетили зону землетрясения и встретились с оппозицией.

Взгляды Сахарова на карабахский вопрос были противоречивы. Вначале он занимал проармянскую позицию, заявляя, что Сталин несправедливо передал Нагорный Карабах Азербайджану в 1921 г., и называя проблему Карабаха «пробным камнем перестройки и ее способности преодолеть сопротивление и инерцию прошлого». Проармянская позиция Сахарова сформировалась под влиянием второй жены. Отец Елены Боннэр, носивший фамилию Алиханян, был армянином из Шуши, вынужденным покинуть город в 1920 г. Семейные воспоминания, видимо, произвели на нее глубокое впечатление. И все же Сахаров и Боннэр, выслушав обе стороны, несколько пересмотрели свое мнение. В качестве решения конфликта Сахаров предложил провести референдум, на котором жители каждого карабахского села могли бы решить, присоединяться ли автономной области к Армении или к Азербайджану. Но, посетив Нагорный Карабах и увидев, насколько сложна его география, Сахаров понял, что его идея неосуществима. Позже Боннэр признала, что тот план «не был идеальным решением», но защищала его как, по крайней мере, пример

[23] Интервью с В. Лошаком, 6 дек. 2000.

[24] Интервью с Р. Газаряном, 22 мая 2000.

[25] Шахназаров Г. Цена свободы. С. 216.

[26] 11 декабря 1988 г. См.: Roxburgh A. The Second Russian Revolution. London: BBC Books, 1991. P. 123.

[27] По сравнению с другими заключенными советских тюрем членов комитета «Карабах» содержали в относительно хороших условиях. Например, Левона Тер-Петросяна поместили в просторную двухместную камеру тюрьмы «Матросская тишина» вместе с узбекским диссидентом из Бухары, лидером оппозиционной партии. В августе 1991 г. в ту же камеру попал участник путча и глава КГБ Владимир Крючков.

творческого подхода к проблеме, поскольку ранее все дискуссии по карабахскому вопросу неизменно велись лишь в конфронтационном ключе: «Мы хотели увести разговоры с пути, ведущего к войне»[28].

Первоначальная позиция Сахарова отражала в целом проармянские настроения российской интеллигенции. Между армянской и российской интеллигенцией традиционно существовали близкие отношения, и после погромов в Сумгаите большинство представителей московской интеллектуальной элиты всецело поддерживало армян. Сегодня российский журналист Виктор Лошак соглашается с тем, что этот проармянский консенсус представлял известную опасность: «Нам казалось, что возвращение Карабаха Армении было частью процесса демократизации Советского Союза. Нам тогда казалось, что восстанавливалась справедливость. Нам казалось, что мы правы. Но на самом деле мы были абсолютно не правы в том, что полностью игнорировали настроения другой стороны. Мы не думали о том, какой будет реакция тех, кто считал Нагорный Карабах частью своей страны».

Нарождавшуюся азербайджанскую оппозицию возмущало подобное отношение. В феврале 1989 г. азербайджанский ученый и активист Зардушт Ализаде посетил одно из заседаний «Московской трибуны» в Доме ученых в Москве. Сахаров был председателем этого диссидентского форума. Участники собрания приняли обращение с требованием освободить членов комитета «Карабах», арестованных двумя месяцами раньше. По словам Ализаде, на этом собрании он говорил о том, что деятельность комитета «Карабах» принесла страдания азербайджанцам. Потом, вспоминает Ализаде, один бывший диссидент возмутился, посчитав, что он не имел никакого права делать такие заявления. Ализаде в своей речи цитировал знаменитую фразу Достоевского о том, что никакое благое дело не стоит слезинки ребенка. Его оппонент настаивал: «Какое право имеете вы, азербайджанцы, говорить о слезах детей после Сумгаита?» На что Ализаде ответил: «А вы что же, действительно думаете, что в сумгаитских погромах участвовал весь народ?»[29]

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

В июле 1988 года, когда кризис приобретал затяжной характер, Горбачев, по-видимому, решил, что у него нет иного выбора, кроме введения в Нагорном Карабахе прямого правления Москвы. 24 июля он вызвал в Кремль промышленного руководителя Аркадия Вольского, который уже посещал автономную область тремя месяцами ранее. После длившейся всего несколько минут беседы Вольский согласился стать представителем Политбюро в Карабахе на «шесть месяцев». Как оказалось, ему пришлось остаться там почти на полтора года[30].

Официально должность Вольского называлась «Представитель Центрального Комитета и Верховного Совета», фактически же он стал своего рода генерал-губернатором, несущим ответственность, по его собственным словам, «за все, начиная с осеменения коров до военных вопросов». По общему мнению, такая работа была как раз для него. Человек большого личного обаяния, он снискал – по крайней мере, сначала – уважение обеих конфликтующих сторон, и ему удавалось, во всяком случае на первых порах, снимать напряженность в межэтнических отношениях. Те же качества Вольский вновь проявил в роли российского посредника в Чечне в 1995 г., наладив нормальные рабочие отношения с делегацией чеченских повстанцев.

Главным направлением стратегии Вольского была социально-экономическая сфера. В первой половине 1988 г. из-за забастовок были остановлены предприятия Нагорного Карабаха, что не могло не сказаться на командной советской экономике. Как выразился Борис Нефедов, главный помощник Вольского, «забастовка на заводе по производству конденсаторов [в Степанакерте] привела к сбоям в работе 65 предприятий Советского Союза, выпускавших телевизоры и радиоприемники». Со своей стороны, карабахские армяне жаловались, что больше не получают прибыли от поставок в Азербайджан своих традиционных товаров – таких, как шелк-сырец и виноградный сок. Предложение Вольского состояло в том, чтобы заняться поиском новых экономических партнеров для карабахских предприятий в России – шаг, который, безусловно, вызвал недовольство в Азербайджане. Несмотря на все усилия Вольского, экономическое сражение было в конечном счете проиграно. По оценкам специального представителя Москвы, по состоянию на ноябрь 1989 г. конфликт вокруг Карабаха уже стоил советской экономике 1 млрд рублей, и эти потери значительно превосходили те 400 млн рублей инвестиций, которые за год до этого обещал выделить Горбачев[31].

---

[28] Интервью с Е. Боннэр по телефону, 17 сент. 2000.

[29] Интервью с З. Ализаде, 9 июня 2000.

[30] Интервью с А. Вольским, 1 июня 2000.

[31] Интервью с Б. Нефедовым, 7 декабря 2000; Пральников А. НКАО: будни особого управления // Московские новости. 1989. № 45 (перепечатано: Глазами независимых

Каждый день Вольский и его команда выступали в роли пожарников, пытаясь потушить огонь вражды между двумя общинами. Вспоминает российский журналист Вадим Быркин, уроженец Карабаха, который работал пресс-секретарем Вольского: «Армяне и азербайджанцы затевали споры буквально по любому поводу. Скажем, "кому можно и кому нельзя пользоваться колодцем". Например, в Кяркиджахане, горной деревушке близ Степанакерта, местные азербайджанцы запретили это делать односельчанам-армянам. Или "кому можно и кому нельзя ездить по этой дороге". Подобные спорные вопросы очень сильно обостряли ситуацию. Однажды Вольский послал меня [в Кяркиджахан], чтобы расследовать это дело... Я взял фотоаппарат и поехал выяснить, могут жители пользоваться [колодцем] или нет. Азербайджанцы напали на меня, отобрали фотоаппарат и засветили пленку»[32].

В течение 1988 и 1989 гг. обе общины Нагорного Карабаха начали пускать в ход друг против друга любое оружие. Армяне, составлявшие три четверти населения, пользовались своим численным превосходством. Армянская молодежь забрасывала камнями автобусы и грузовики, доставлявшие товары первой необходимости в Шушу. Азербайджанские рабочие были уволены со всех предприятий Степанакерта. Армяне, жители селения Ванк, даже пытались не позволить азербайджанским пастухам вывести полумиллионное стадо овец с летних пастбищ, что заставило Вольского раздраженно воскликнуть: «У овец же нет никаких национальных амбиций!»

Главным оружием Азербайджана было экономическое давление на армянский анклав, находящийся на его территории. Азербайджанцы могли блокировать поставку товаров в Карабах автотранспортом и по железной дороге. Олег Есаян, армянин, возглавлявший социально-экономический отдел администрации Вольского, жаловался, что азербайджанцы разгружают железнодорожные вагоны и забирают грузы еще на подъездах к Степанакерту. Азербайджанцы также полностью контролировали единственный в Карабахе маленький аэропорт недалеко от селения Ходжалы[33]. Когда пять лет спустя, в 1994 г., война закончилась, битва демографии с географией достигла апогея: армяне благодаря численному преимуществу вытеснили всех азербайджанцев из Карабаха; азербайджанцы же воспользовались своим

наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него: Сб. документов. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1990. С. 123–124).

[32] Интервью с В. Быркиным, 1 июня 2000.

[33] Интервью с О. Есаяном, 5 окт. 2000.

экономическим превосходством и сжали вокруг Карабаха кольцо экономической блокады.

День 18 сентября 1988 г. был отмечен невиданным доселе насилием. Толпа азербайджанцев неподалеку от селения Ходжалы напала на колонну советских солдат и армянских мирных жителей, доставлявших продовольствие и товары первой необходимости в Степанакерт. После этого несколько сот армян, вооруженных топорами и охотничьими ружьями, направились к поселку с целью возмездия. Части внутренних войск МВД преградили им путь и остановили большинство нападавших, но некоторым все же удалось прорваться в Ходжалы, и там завязался жестокий бой с азербайджанцами. По меньшей мере два десятка человек получили ранения, двое солдат позже скончались. Это кровавое столкновение предрекло несчастную судьбу этническим меньшинствам в обоих главных городах Карабаха: вскоре всех армян изгнали из Шуши, а всех азербайджанцев – из Степанакерта[34].

Вольский в это время отсутствовал, и его замещали двое из его команды – Григорий Харченко и Борис Нефедов. Харченко говорил по телефону с Горбачевым и был поражен тем, насколько плохо генеральный секретарь осведомлен о происходящих событиях: «Вольский находился в отпуске. Мы с Борисом Нефедовым действовали на свой страх и риск. Горбачев был в Красноярске и звонил мне оттуда. В городе полыхали пожары, дома поджигали, на улицах стреляли, появились раненые. Он позвонил и сказал: "Вызывайте Погосяна и членов комитета партии! Скажите им, что, если они это не остановят, они будут исключены из партии!" Я сказал: "Михаил Сергеевич, все они уже давно наплевали на свои партбилеты. Члены комитета и организовали эти выступления! О чем вы говорите? О каких партийных методах вы говорите? Они мешками собирают паспорта и отказываются от советского гражданства"».

Вольский спешно вернулся в Карабах. Он вспоминает, как его вызвали к горящему дому в Степанакерте и он помогал сорока азербайджанским детям выбираться из задымленного подвала. Он понял, что необходимо вводить военное положение, но, по его словам, Горбачев не соглашался: «Было два часа ночи. [Горбачева] разбудили. Поначалу охранники не хотели его будить. Тогда я разозлился и в 9 часов следующего утра выступил по телевидению без санкции Москвы. Я

[34] События в Ходжалы восстановлены по их описанию в кн.: Malkasian M. Gha-ra-bagh!; Rost Yu. Armenian Tragedy; Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе.

опустил слово "военный" и сказал, что мы временно вводим "особый режим". На время приостанавливалась деятельность всех партий и движений, всех конституционных гарантий... Откровенно говоря, это был единственный правильный тогда шаг».

1989 ГОД. СПОЛЗАНИЕ К НАСИЛИЮ

В 1989 г. по всей территории Советского Союза прошла волна протестов. После того как в Грузии, Прибалтике и Средней Азии вспыхнули серьезные национальные споры, неутихающий кризис в Нагорном Карабахе отодвинулся на второй план. В это время самый серьезный политический вызов режиму Горбачева был брошен из России. Первый свободно избранный парламент Советского Союза, Съезд народных депутатов, начавший свою работу весной 1989 г., стал форумом для всех новых оппозиционных движений. Зорий Балаян принадлежал к числу избранных на съезд депутатов от Нагорного Карабаха. Он использовал свой статус парламентария для сплочения рядов оппозиции.

В январе 1989 г. Москва придала «специальному режиму» Аркадия Вольского статус постоянной администрации. Вольский возглавил Комитет особого управления Нагорного Карабаха, куда помимо постоянных восьми членов входили также еще четверо русских, двое армян и один азербайджанец. Местные партийные органы были распущены, а политические митинги и собрания запрещены. Для поддержания общественного порядка вновь созданный Особый комитет имел в своем распоряжении части внутренних войск МВД численностью в 4 тысячи человек.

Но даже этого оказалось недостаточно, поскольку армяне Карабаха отказались подчиняться новому органу власти. В июле армянские жители Шаумяновского района Азербайджана к северу от Нагорного Карабаха (географически расположенного в равнинной части Карабаха) вступили в борьбу. Местные комитеты партии приняли решение о присоединении к Нагорному Карабаху. Это решение, конечно, сразу было отвергнуто в Азербайджане. 16 августа на митинге в Степанакерте карабахские армяне избрали Национальный совет из 79 членов, который заявил о принятии на себя всей полноты власти в Карабахе и о намерении сотрудничать с комитетом Вольского только по собственному усмотрению.

Нагорный Карабах разваливался. В регионе существовали теперь четыре органа власти: Особый комитет Вольского, две армянские и одна азербайджанская структура. До этого число жертв столкновений было невелико: около десятка человек погибли во всем спорном регионе. Когда жители Карабаха вместо охотничьих и самодельных ружей стали вооружаться боевым стрелковым оружием, количество убитых стало непрерывно расти. «Вторая половина 1989 г. началась с раздачи оружия, – вспоминает Вольский. – От этого факта никуда не уйти». Тогда же начали взрывать мосты, блокировать дороги и брать первых заложников. Группа азербайджанцев в Шуше даже взяла в заложники командующего группировкой внутренних войск МВД Юрия Шаталина, и Вольскому пришлось послать бронемашину для его освобождения. Конфликт разгорелся с новой силой осенью 1989 г., когда азербайджанская оппозиция объявила о блокаде ведущей к Карабаху железной дороги и попыталась прекратить поставку армянскому анклаву горючего и продовольствия.

В архиве Политбюро хранится датированное 4 сентября 1989 г. постановление, которым оно санкционировало новые драконовские меры безопасности по рекомендации двух своих членов. Оба настаивали на том, что «националистические и экстремистские вооруженные формирования» следует «разоблачить» и «разоружить», и предупреждали о возможности «массовых вооруженных столкновений» в Карабахе. Они предлагали заменить внутренние войска частями регулярной армии. Помимо всего прочего, Политбюро приняло решение об изъятии у сотрудников милиции автоматического и снайперского оружия, о взятии под охрану складских помещений, где хранятся взрывчатые вещества, а также общественных зданий и аэропортов. Оно уполномочило Министерство обороны обеспечить контроль надо всеми видами тяжелого вооружения на территории Азербайджана и Армении[35].

Тем не менее, казалось, на местах ничего не изменилось. В стране задули иные политические ветры, а в Москве Вольский постепенно впал в немилость. Осенью 1989 г. советское руководство проявляло куда больше беспокойства по поводу Азербайджана, нежели Армении. В Азербайджане укрепился Народный фронт – и оппозиция, и руководство партии требовали роспуска комитета Вольского и возвращения Карабаха под прямое управление Баку. 28 ноября Верховный Совет СССР официально распустил Особый комитет и выпустил указ о его замене Организационным комитетом, руководство которым осуществлялось непосредственно из Баку. В течение недолгого времени все оставалось по-прежнему, и Вольский со своим комитетом продолжал работать в Карабахе, сохраняя полномочия. Он выехал со своей командой из Карабаха только после событий «черного января» в Баку.

[35] Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.991. 89/10/42.

Угроза введения в Карабахе прямого правления Баку, однако, вызвала самую резкую реакцию армян, провозгласивших теперь полное объединение Нагорного Карабаха и Армении. 1 декабря Верховный Совет Армении и карабахский Национальный совет приняли совместную резолюцию, третий пункт которой гласил: «Верховный Совет Армянской ССР и Национальный Совет Нагорного Карабаха провозглашают воссоединение Армянской ССР и Нагорного Карабаха. Население Нагорного Карабаха наделяется всеми правами граждан Армянской ССР».

Ранее, в мае 1989 г., члены комитета «Карабах» были выпущены на свободу, после того как московские власти решили, что им не может быть предъявлено никакого обвинения. Они вернулись в Ереван, где их встречали как героев или, по словам Ашота Манучаряна, «как нечто среднее между Франциском Ассизским и римским папой»[36]. Они возобновили оппозиционную деятельность, пользуясь теперь значительно большим авторитетом.

В своих публичных выступлениях вышедшие на свободу лидеры оппозиции отвергали идею выхода Армении из состава Советского Союза. В июле 1989 г. Левон Тер-Петросян сказал в интервью французской газете «Фигаро»: «Мы говорим о строительстве федерации народов СССР и о продвижении к демократизации страны»[37]. Однако дискуссии о независимости более уже не воспринимались как табу, и армяне то и дело вспоминали, что они всего два поколения назад, в 1918–1920 гг., пусть на короткий период, были независимы. По признанию Тер-Петросяна, он всерьез задумался над идеей независимости летом 1989 г.: «Я скептически относился к тому, что происходило тогда в прибалтийских республиках, в Армении, на Украине, в Молдове. Я говорил, что нам еще рано говорить о независимости. Пока то же самое не начнется в России, нам независимости не видать. Я пришел к выводу, что Советский Союз доживает последние дни и что мы сможем обрести независимость, только после забастовки шахтеров в России летом 1989 г. Когда начались эти многомиллионные забастовки, Сахаров и другие сразу политизировали их... Это было чем-то мощным. После этого я сказал: "Пора, нам надо бороться за независимость". Потому что было бы очень опасно, если бы Советский Союз рухнул, а мы не были бы готовы к этому»[38].

[36] Интервью с А. Манучаряном, 4 мая 2000.

[37] Le Figaro. 1989. 26 juillet.

[38] Интервью с Л. Тер-Петросяном, 24 мая 2000.

Глава 5
ЕРЕВАН
Тайны Востока

В 1905 г. журналист Луиджи Виллари был очарован небольшим кавказским городом с двадцативосьмитысячным населением: «Сводчатые пассажи, впитавшие в себя аромат всех тайн Востока, где расположились занавешенные темной тканью лавчонки, толпы татар, облаченных в длинные синие туники, мелькающие здесь и там зеленые тюрбаны мулл – все было очень привлекательным. В маленькой открытой комнатке без дверей я увидел учителя, преподающего дюжине мальчиков основы религии. Он нараспев монотонно бубнил свой урок, раскачиваясь взад и вперед. В другой комнате цирюльник сбривал очередной своей жертве остатки волос. На каждом шагу встречались лотки с чаем и кофе, но тех диковинных вкусных восточных сладостей, которые я отведал в Константинополе и Сараево, найти мне не удалось. Огромные нескладные верблюды отдыхали в темных галереях и крошечных двориках. Миновав зловонный базар, вы неожиданно выходите к прекрасной мечети, называемой Гёк Джами»[1].

Этим городом был Ереван. В то время его смешанное население состояло из армян и мусульман при русском городском голове, а атмосфера его была напоена духом Ближнего Востока. В течение нескольких веков Ереван служил форпостом Персидской империи, но ко времени его посещения Виллари город на протяжении уже почти восьмидесяти лет находился в российском владении. Ереван стал столицей Армении чуть ли не по ошибке. «Многие армяне считают Ван своей столицей», – пишет другой путешественник, Уильям Эдрой Кёртис, побывавший в Ереване спустя пять лет после Виллари в 1910 г.[2] Кёртис имел в виду город в турецкой Армении, к югу от

[1] Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London: T. Fisher Unwin, 1906. P. 223–224.

[2] Curtis W. E. Around the Black Sea. London: Hodder and Stoughton, 1911. P. 148.

Еревана, но с таким же успехом он мог назвать и расположенную севернее столицу Грузии Тифлис, большинство населения которого тогда составляли армяне.

Современный Ереван с его прямыми улицами и квадратными зданиями из розового туфа и гранита производит впечатление советского города. Ереван сейчас стал чисто армянским, но его огромные размеры и опрятность как-то не вяжутся с прихотливым армянским темпераментом. Только летом, когда горожане заполняют парки, чтобы посидеть в кафе, выпить кофе и поболтать с друзьями, Ереван кажется как бы более обжитым. Все широкие городские проспекты ведут к опере, круглому зданию в неоклассическом стиле, перед которым располагается Театральная площадь. В 1988 г. армяне нашли применение внушительному пространству в центре города: Театральная площадь с двумя памятниками – композитору и поэту – превратилась в место проведения политических митингов, число участников которых доходило до миллиона. Не случайно армянское слово «гласность» – «грапаракайнутюн» – происходит от слова «грапарак», то есть «площадь». С тех пор Ереван сильно пострадал от энергетического кризиса, войны, массового бегства его жителей. Оставшиеся ереванцы жалуются, что некогда живой город стал скучным и безжизненным.

Однажды в поисках примет старого Еревана я свернул с проспекта Маштоца в тихий дворик. Я искал здание, которое Виллари назвал «прекрасной мечетью Гёк Джами». Постройка все еще высилась напротив центрального базара, который теперь представляет собой крытый ангар – внутри и вокруг него деревенские жители продают свежий лаваш, помидоры, пучки тархуна. В дворике, куда я свернул, у дальней кромки квадратного водоема со стоячей водой и нависшими над ним ветвями тутовых деревьев, поблескивала выложенная плиткой стена мечети XVIII в.

Моим экскурсоводом стал архитектор Григор Налбандян. Кроме пары усатых рабочих-иранцев, раскалывавших долотом каменные глыбы, здесь больше никого не было. Налбандян руководил реставрацией комплекса мечети, которую осуществляло совместное армяно-иранское предприятие. Хотя Армения и Иран – страны с разным вероисповеданием, они являлись политическими союзниками. Стены мечети были заново отстроены из красного армянского кирпича и облицованы бирюзовой персидской плиткой. Мы сняли обувь, перед тем как ступить под гулкие своды на недавно выложенный исфаханским мрамором пол. Там не оказалось ни души; в мечеть приходили на молитву лишь около десяти дипломатов из иранского посольства. Этот причудливый тихий оазис в самом центре Еревана – единственное напоминание о периоде персидского владычества.

В Ереване находятся археологические раскопки древнего города Эребуни, свидетельствующие, что армяне жили здесь на протяжении многих веков. Однако с XVI по XIX в. культурная и религиозная жизнь армян сосредоточивалась в городе Эчмиадзин, в шестнадцати километрах к западу от столицы, где находилась резиденция католикоса – главы армянской церкви. Ереван же, столица ханства, представлял собой преимущественно мусульманский город, без больших церквей, зато с шестью мечетями. Когда в 1827 г. Россия завоевала Восточную Армению, в Ереванской (Эриванской) области проживало всего 25 тысяч армян при гораздо более многочисленном мусульманском населении[3]. В XIX в., после того как метрополия направила сюда на поселение тысячи семей армянских иммигрантов из Турции и Персии, Ереван стал более армянским городом. И тем не менее еще в 1870-х гг. в нем насчитывалось всего 12 тысяч жителей, то есть даже меньше, чем в Шуше, и армянские переселенцы предпочитали искать работу в Баку[4].

Таким, как сейчас, Ереван стал благодаря очередной, намного более интенсивной волне иммиграции. В 1915–1918 гг. почти четверть армянского населения турецкой Анатолии, спасаясь от резни и жестокого преследования со стороны турок и курдов, бежала на север, в Восточную Армению. В той кровавой бойне погибло около миллиона армян. Это была величайшая, ни с чем не сравнимая трагедия в армянской истории. Армяне называют ее «Мец Егерн» – «великая резня». По-английски она обычно именуется «геноцидом армян»[5]. В 1918–1920 гг. Ереван был столицей первой армянской республики, некоторое время сохранявшей независимость, и единственным убежищем для сотен тысяч армянских беженцев из Анатолии. В 1920 г.

---

[3] Российский чиновник И. Шопен дал подробное описание жизни в новой «Армянской области» в период между 1829 и 1832 гг. По его подсчетам, ее население составляло 164 тыс. чел., армян и мусульман-шиитов (азербайджанцев) почти поровну. Среди армянского населения 25 тыс. чел. были местными уроженцами, а 57 тыс. – иммигрантами. См.: Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб.: Типография Академии наук, 1852. С. 639–642.

[4] Lourie S. V. Yerevan's Phenomenon: The Formation of a Traditional Social Community in a Modern Capital City // State, Religion and Society in Central Asia / ed. V. Naumkin. Ithaca: Reading, 1993. P. 177–178.

[5] По разным оценкам, в период между 1915 и 1923 гг. было убито от 600 тыс. до 1,5 млн армян. В издании 2003 г. я еще не решался употреблять слово «геноцид» в отношении резни армян в Анатолии. К 2012 г., прочитав гораздо больше литературы по данному вопросу, я убедился, что этот термин вполне уместен, хотя, по моему мнению, дебаты по поводу его использования, к несчастью, чересчур политизированы и отвлекают внимание от главного – обсуждения случившегося.

город стал столицей Советской Армении. Когда в 1932 г. Ереван посетил писатель Артур Кёстлер, ему, еврею, городские кварталы напомнили тогдашние еврейские поселения в Палестине: «Энтузиазм, неразбериха, ошибки и плохой вкус, сопровождавшие строительную лихорадку, – все это было мне до боли знакомо. И здесь тоже на смену завораживающему, красочному и грязному Востоку пришли однообразные, дешевые, уродливые утилитарные постройки. Ереван тоже был безликим городом первопроходцев – обрывающиеся пустырями улицы, недостроенные дома, валяющиеся повсюду трубы и обрывки проводов. Телефоны здесь все еще в большом дефиците, поэтому, чтобы кому-то позвонить, достаточно просто назвать телефонистке имя абонента, а не номер. И вавилонское смешение языков тоже было знакомо: значительная часть населения состояла из беженцев и иммигрантов из Турции, Армении, Европы и Америки. Часто бывало, когда я спрашивал у прохожего дорогу на ломаном русском языке, мне отвечали на прекрасном немецком или французском. Политическая ориентация многочисленной интеллигенции Еревана – а это общительные и хорошо образованные люди, – в отличие от тифлисской, была очень дружеской к России и советскому режиму»[6].

Современная Армения выросла под мрачной тенью великой катастрофы 1915 г. Если упростить, то самой насущной проблемой Азербайджана в XX в. являлось создание «нации». Перед Арменией стояла задача совсем иная: нация, лишенная государства, рассеялась по всему миру. Армянская Советская Социалистическая Республика и была создана как раз для того, чтобы стать для армян новой родиной. Ереван с его оперой, Национальной галереей, музеем древних рукописей Матенадараном превратился, можно сказать, в кладезь мифов и чаяний армянского народа. Кёстлер назвал его «подобием Тель-Авива, куда съехались уцелевшие потомки другого народа-мученика, чтобы построить себе новый дом»[7].

Утром 24 апреля 2000 г. я присоединился ко многолюдной процессии, направляющейся к мемориалу памяти жертв геноцида на холме Цицернакаберд, в западной части Еревана. Широкий людской поток медленно двигался по мощеной дороге к мемориалу под льющуюся из уличных репродукторов скорбную мелодию композитора Комитаса. С 1967 г. армяне отмечают годовщину страшных событий

[6] Koestler A. The Invisible Writing. London: Hutchinson, 1969. P. 109.

[7] Ibid. P. 107.

1915 г. – День геноцида. В этот день в Стамбуле были арестованы и затем убиты многие представители армянской интеллигенции.

Скорбная дата отмечалась по-семейному. Идущие вверх по склону горы люди чувствовали себя раскованно: переговаривались, фотографировались на память. Они несли букеты сирени и тюльпанов. Сановники отсутствовали: официальные лица возложили венки рано утром. Мы медленно поднимались на холм. Моих друзей поразила немногочисленность участников шествия. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в этих церемониях принимал участие буквально весь город. «Десять лет назад это для всех нас было большим событием, – сказал Тигран. – Через каждые десять метров приходилось останавливаться и ждать, и лишь потом продолжать двигаться дальше. Чтобы приблизиться к мемориалу, шли по четыре-пять часов».

И вот мы оказались на вершине. Слева от нас тянулась длинная серая стена с выгравированными на ней именами городов, где были уничтожены армянские общины: Карс, Эрзерум, Трабзон, Ван и многие другие. Прямо перед нами высился сам мемориал: двенадцать огромных базальтовых плит, каждая из которых символизирует один из вилайетов – турецких провинций. Плиты склонены над погруженной в землю чашей, где горит вечный огонь. Мы возложили принесенные букеты на внушительный, в половину человеческого роста, вал красных и белых цветов, выросший по краю чаши. Потом мы вышли к широкой лестнице, ведущей в город. Прямо перед нами гигантский белоснежный конус горы Арарат заслонял горизонт, и казалось, что этот величественный пейзаж также стал плодом вдохновения для создателей мемориала. Арарат для армян – еще один символ национальной утраты, ведь теперь он находится по ту сторону границы, на территории Турции.

В течение всего дня меня не покидало ощущение, будто атмосфера Еревана стала вдруг какой-то непривычной, и я не сразу понял, в чем дело: изменился музыкальный фон города. В День геноцида, единственный раз в году, из включенных на полную громкость радиоприемников в городских кафе и такси вместо разухабистой русской попсы лились армянские мелодии, слышались скорбные звуки дудука. На один день Армения сбрасывала свою советскую идентичность и надевала куда более привлекательный ближневосточный наряд.

Скромность проводимых 24 апреля официальных церемоний и публичных мероприятий придавала этому скорбному дню памяти особую торжественность, что, видимо, отражало и отношение современных армян к геноциду. Жители республики столкнулись с таким множеством других куда более насущных проблем – от Карабаха до экономического выживания, – что, кажется, события далекого 1915 г.

перестали быть для современных армян фактором единения нации. Мой друг Тигран высказал такую мысль: победа над Азербайджаном, по его словам, изменила устойчивое представление армян о себе как о «благородных жертвах». На этот раз они наконец-то победили, а их противник проиграл. Ну и как можно оставаться «плачущим народом», если вы нанесли поражение своему соседу?

Тем не менее для разбросанных по всему миру армян геноцид 1915 г. все еще определяет особенности национального самосознания. Это неудивительно, потому что армянская диаспора, особенно в Соединенных Штатах и Франции, состоит в основном из потомков тех, кто после резни 1915 г. бежал из Восточной Анатолии. Начиная с 1950-х гг. армянская диаспора потратила много сил и миллионы долларов, чтобы заставить Турцию и другие страны мира признать массовые убийства начала века геноцидом армянского народа.

К удивлению многих, первый президент независимой Армении Левон Тер-Петросян намеренно не стал заострять вопрос о геноциде. Закрытие армяно-турецкой границы в 1993 г. и отсутствие дипломатических отношений с Турцией стали в большей степени результатом карабахского конфликта, нежели событий 1915 г. Преемник Тер-Петросяна, Роберт Кочарян, поначалу также оставлял в стороне проблему геноцида. Однако затем в 2000 г. он принялся использовать все международные трибуны для того, чтобы добиться официального признания массовых убийств армян в 1915 г. геноцидом. Европейский парламент и Сенат Франции приняли соответствующие резолюции, в которых резня 1915 г. названа геноцидом. Конгресс США также хотел последовать их примеру, но ему помешал Билл Клинтон. Президент Соединенных Штатов, обеспокоенный возможной негативной реакцией Турции, убедил конгресс приостановить принятие этой резолюции.

Вопрос о геноциде превратился в предмет международных политических баталий. Официальная турецкая версия событий гласила, что массовые убийства 1915 г. имели отнюдь не такие широкие масштабы, как утверждают армяне, и к тому же происходили во время гражданской войны и распада Османской империи, когда гибли и армяне, и турки. Турецкая национальная идеология интерпретировала происшедшее совсем по-другому: она изображала армян «пятой колонной» великих держав, которые якобы старались задушить в зародыше новое турецкое государство. Однако Турции трудно было объяснить тот факт, что в 1900 г. в ее восточных провинциях проживало до 2 миллионов армян, а через 20 лет – ни одного.

В первом десятилетии XXI в. мужественные представители турецкого и армянского обществ вступили в диалог об этом болезненном историческом периоде. Начало диалогу положили турецкие и армянские историки. Турецкий историк Танер Акчам нарушил табу, употребив слово «геноцид» в своей книге «Постыдное дело» (так назвал резню армян отец-основатель современной Турции Кемаль Ататюрк). Огромный эффект произвела вышедшая в 2004 г. книга турчанки-юриста Фетхие Четин «Моя бабушка», посвященная ее бабушке-армянке. Эта книга пробила стену молчания, публично объявив о том, что многие знали втайне: сотни тысяч людей, называющих себя «турками», в действительности дети армян, выживших в бойне 1915 г. и принятых в турецкие семьи.

На меня произвели большое впечатление доводы Жирайра Липаритяна, армянского историка и главного советника президента Тер-Петросяна по внешней политике, считавшего, что политизировать «проблему геноцида» значит девальвировать ее. Превратившись в политическую, сказал он, эта проблема тут же стала для обеих сторон императивом, повелевающим отстаивать непримиримые позиции, вместо того чтобы вести разумные дебаты. «Складывается впечатление, что в борьбе за и против признания геноцида обе стороны, желая оправдать прошлое, следуют его логике, – писал Липаритян. – В итоге бескомпромиссность одной стороны, напрочь отвергающей позицию оппонента, подпитывает такую же бескомпромиссность другой»[8].

В Армении память о 1915 г. стала одним из столпов фундамента, на котором строилось новое государство. Существующее в национальном сознании армян ощущение, что в 1915 г. их целенаправленно уничтожали, сильно обострилось в 1988 г., в связи с началом карабахского конфликта. «Страх быть уничтоженным, и уничтоженным не как личность, не индивидуально, а как нация, страх геноцида таится в душе каждого армянина, – сказала известный армянский социолог Людмила Арутюнян. – От этого страха невозможно избавиться»[9]. Арутюнян заметила, что в разговорной речи большинство армян называет и турок, и азербайджанцев «турками», не делая между ними никакого различия. Вот почему в 1988 г. понятие «турецкой угрозы» 1915 г. было экстраполировано на азербайджанцев, и рядом с мемориальным комплексом памяти жертв геноцида в Цицернакаберде появился памятник жертвам сумгаитских погромов. Многие в Армении, сказала Арутюнян, отказываются верить в то, что армяне совершали акты насилия по отношению к азербайджанцам: «Армяне в ответ

[8] Libaridian G. Reimagining the Past, Rethinking the Present: The Future of Turkish-Armenian Relations // Insight Turkey. 2000. Vol. 2. No. 4. P. 143.

[9] Интервью с Л. Арутюнян, 2 окт. 2000.

применяли почти те же методы [что и азербайджанцы], но в исторической памяти армян это просто не остается».

Война изменила суть споров. В 2000 г., когда проблема Нагорного Карабаха все еще оставалась нерешенной, было ясно, что Азербайджан неминуемо окажется вовлечен в дискуссии о геноциде. В октябре 2000 г. президент Гейдар Алиев заявил: «В истории никогда не происходило ничего похожего на "армянский геноцид", и, даже если бы такое произошло, было бы неправильно вспоминать об этом спустя 85 лет»[10]. После поражения в войне с армянами и всех перенесенных страданий Алиев хотел закрепить за азербайджанцами право тоже считать себя жертвами.

У Еревана много тайн. Одна из них, как мне кажется, скрывается в нагромождении гаражей, сараев и овощных грядок позади жилого высотного дома № 22 по улице Вардананц, недалеко от центральной площади. Узкая каменная лестница привела меня к небольшому пустырю в окружении проржавевших зеленых гаражей с грудой кирпичей и песка посередине. Я был почти уверен, что именно здесь когда-то стояла мечеть, куда ходили ереванские азербайджанцы. Ей не посчастливилось: постройку не сочли «персидской» и снесли.

Это место казалось таким жалким и заброшенным, что у меня невольно возникло сомнение: уж не ошибся ли я адресом. У подножия лестницы сидела на раскладном стуле старуха в цветастом платье. Перед ней на земле, на расстеленной тряпице лежал ее товар: виноград, фасоль и лук. У нее было смуглое лицо, в ушах – каплевидные сережки. Наверное, она каждый день приезжала сюда из деревни продавать фрукты и овощи.

– Здесь была когда-то мечеть? – спросил я у нее, указывая на площадку наверху.

– Да, была, – ответила она.

– Что же с ней случилось?

– Мы не трогали ее до последнего дня, пока они не разрушили армянскую церковь в Баку.

Кажется, она имела в виду события начала 1990 г.

– Но зачем же ее снесли?

– А зачем было оставлять? – пожала плечами старуха. – Мы христиане, они мусульмане. Как только начались проблемы с Азербайджаном, наши армяне пришли и разрушили ее за три дня. Они привезли специальную машину, не знаю, как называется, которая делает вот так... – Она взмахнула ладонью, имитируя движение бульдозера.

Я осторожно заметил, что здание ведь не должно расплачиваться за людские деяния.

– Да, стены нельзя винить, – согласилась женщина. – Но они воюют против всего. Что остается делать людям? Разве это жизнь?

Я не вполне ее понял, но догадался, что «они», то есть те, о ком она говорила, не имели никакого отношения к мечети[11].

Армяне смогли с такой легкостью стереть с лица земли азербайджанскую мечеть в своем городе благодаря лингвистическому трюку: азербайджанцев Армении, оказывается, нетрудно вычеркнуть из истории страны, потому что до XX в. слово «азербайджанец» вообще не употреблялось, представителей этого народа называли «татарами», «турками» или просто «мусульманами». Тем не менее они не были ни персами, ни турками. Турецкоязычные шииты, подданные Персидской империи времен династии Сефевидов – предки тех, кого мы теперь называем «азербайджанцами». Таким образом, когда армяне говорят о «персидской мечети» в Ереване, название «персидская» заставляет забыть о том, что большинство молившихся в этой мечети со времени ее постройки в 1760-х гг. должны были быть, в сущности, азербайджанцами.

В современной Армении об этих простых фактах мало кто знает. Но то, что Армения – родина многих турецкоязычных мусульман, не вызвало бы удивления у армянского национального героя, великого трубадура XVIII в. Саят-Новы, чьим именем назван один из больших проспектов Еревана. Он родился в Армении, воспитывался в монастыре Санаин, но стал поэтом при дворе грузинского царя Ираклия Второго в Тифлисе. Саят-Нова писал стихи на армянском, азербайджанском, грузинском и персидском языках (одно из его самых знаменитых стихотворений написано сразу на всех четырех). Большинство сохранившихся его баллад сочинены на азербайджанском, который в то время служил языком межнационального общения на Кавказе.

Однако к XX в. азербайджанцы, на протяжении многих веков жившие в Восточной Армении, превратились в безгласных гостей, подвергавшихся дискриминации и вытесненных на социальную обочину. Армяне реализовали свое право на родину за счет этих людей. В 1918–1920 гг. десятки тысяч азербайджанцев были изгнаны из Зангезура. В 1940-х гг. еще десятки тысяч – высланы в Азербайджан, чтобы

[10] Цит. по: Russia Today. 2000. 17 October.

[11] Рассказ о разрушении мечети взят из статьи Роберта Каллена: Cullen R. Roots // New Yorker. 1991. 15 April. Каллен видел ее развалины в 1991 г.

освободить место для армянских репатриантов. Во время последней этнической чистки в 1988–1989 гг. избавились и от оставшихся.

Если современные армяне и вспоминают о своих бывших азербайджанских соседях, то чаще как о хороших земледельцах. Говорят, они всегда продавали на рынках лучшие фрукты и овощи. Тем не менее среди азербайджанцев было много и зажиточных горожан, чьи потомки сформировали в Азербайджане могущественную политическую коммуну в изгнании. В просторечии их с несколько уничижительным оттенком называют «еразами» (сокращение от «ереванский азербайджанец»). Известный «ераз», бывший советник президента Эльдар Намазов сказал мне, что его дед был торговцем и владел большими участками земли там, где сейчас расположен ереванский городской Национальный парк. В 1947 г. его семья была вынуждена покинуть Армению. «У нас в семье всегда рассказывали истории о том, что армяне сделали с ереванскими азербайджанцами, – вспоминал Намазов. – У меня много родственников, которые погибли в начале века в результате массовых убийств азербайджанцев в Ереване, и много родственников, умерших в процессе депортации»[12].

По официальным данным, в 2000 г. в Армении проживало около 8 тысяч азербайджанцев, в действительности – намного меньше: в республике осталось лишь несколько сот человек, в основном пенсионеров. Тем не менее в Ереване каждый день можно было встретить множество азербайджанцев – они приезжали в город на грузовиках, покупали на рынках овощи и фрукты, продавали дешевые товары ширпотреба, стиральный порошок. Как же так? Дело в том, что речь идет об иранских азербайджанцах, для которых Армения стала прибыльным рынком. Их ярко раскрашенные грузовички с тупорылыми рыжими кабинами и зелеными или синими тентами над кузовом ползли по дорогам Армении к нетерпеливым покупателям, оказавшимся практически невольными пленниками в своей не имеющей выхода к морю стране. Все зависит от восприятия. Иран считался дружественным соседом, и эти водители, пусть и стопроцентные азербайджанцы по языку и по происхождению, но граждане Ирана, – являлись, так сказать, живым аналогом «персидской мечети». И армяне, занимавшиеся с ними совместным бизнесом, относились к ним вполне терпимо.

Иранских азербайджанцев немного. Чтобы город обрел вновь свой былой динамизм, чтобы сюда вернулась та колоритная суета, что так очаровала Виллари в 1905 г., необходимо было бы открыть границы с Турцией и Азербайджаном. Но в 2000 г. это представлялось делом отдаленного будущего. Из-за головоломной послевоенной географии Кавказа, с закрытыми границами и линиями фронта, Москва или Лос-Анджелес оказались ближе к Еревану, чем Эрзерум или Баку. Так что Восточный базар до сих пор закрыт.

[12] Интервью с Э. Намазовым, 14 нояб. 2000.

Глава 6
1988–1990
Азербайджанская трагедия

23 июля 1988 г. в середине дня пятеро азербайджанских ученых грустно стояли на тротуаре перед зданием ЦК Коммунистической партии в Баку. Только что закончилась продлившаяся два с половиной часа встреча с новым лидером компартии Азербайджана Абдурахманом Везировым. Они были подавлены. Лейла Юнусова, находившаяся среди них в тот день, призналась, что, вопреки ее ожиданиям, Везиров оказался куда консервативнее и ограниченнее своего предшественника. Другой ученый, физик Тофик Касумов, заметил, что самое лучшее сейчас пойти домой и закончить ремонт в квартире. Как утверждает третий участник встречи, ученый-арабист Зардушт Ализаде, тогда он заявил, что единственная возможность двигаться вперед – основать оппозиционное коммунистической партии политическое движение – Народный фронт Азербайджана. Некоторые отнеслись к этой идее скептически, но Ализаде вспоминает: «...Мы пошли к Лейле, купили по дороге пирог и, придя к ней, попили чай с пирогом. А на следующий день я начал работу по созданию Народного фронта»[1].

К сентябрю группа интеллигентов разработала первый проект программы Народного фронта Азербайджана в поддержку перестройки. Как видно из названия, это была прогорбачевская реформистская организация, позаимствовавшая многие свои политические идеи из программы Народного фронта Эстонии, экземпляр которой удалось тогда случайно достать. Однако более важным, чем программа, был сам факт появления в Азербайджане альтернативного политического движения, вокруг которого могли группироваться активисты.

Начав с весьма осторожных шагов, азербайджанская националистическая оппозиция прошла долгий путь к власти. Только в 1992 г., после напряженной борьбы, она окончательно вытеснила коммунистическую партию и ее политических преемников. А в 1988 г. Азербайджан все еще оставался одной из самых консервативных республик в составе Советского Союза, где пресекалось всякое политическое инакомыслие. В Армении большая часть партийной иерархии проявила готовность сотрудничать с новым националистическим движением, поэтому переход власти там прошел сравнительно легко. В Азербайджане же у власти и оппозиции не было никакой базы для компромисса, как не было и единого мнения по поводу того, что ожидает республику в будущем. Другим постоянным источником разногласий стала пропасть, разделявшая в основном русскоговорящую космополитичную бакинскую интеллигенцию и остальное население республики. Некоторые члены «Клуба ученых» были членами партии, и их презирали радикально настроенные общественные деятели, исповедующие национализм и не интересующиеся горбачевской перестройкой. Два наиболее известных радикала, историк Этибар Мамедов и профсоюзный активист Неймат Панахов, происходили из семей «еразов», покинувших Армению в 1940-е гг.

Правительство и разобщенная оппозиция не смогли договориться о «правилах игры», что привело к продолжительной борьбе за власть. В конце концов, это спровоцировало кровавую конфронтацию между Москвой и Народным фронтом в Баку в январе 1990 г., когда советское руководство впервые направило войска в советский город, в результате чего было убито более ста человек. Эта трагедия ускорила движение Азербайджана к независимости и, вероятно, стала началом предсмертной агонии Советского Союза.

В 1988 г. как в Армении, так и в Азербайджане лишь проблема Нагорного Карабаха могла разжечь страсти и вывести людей на улицы. «Я говорил с сотнями людей, – рассказывал московский чиновник Вячеслав Михайлов, по долгу службы много раз бывавший в обеих республиках. – Я не встречал ни одного армянина или азербайджанца, от пастуха до академика, кто занимал бы компромиссную позицию по этому вопросу»[2].

В Баку искрой, от которой вспыхнул пожар массовых протестов, стало изгнание десятков тысяч азербайджанцев из Армении в ноябре 1988 г. Толпы людей заполонили площадь Ленина (впоследствии переименованную в площадь Свободы), занимавшую значительное пространство вблизи набережной между двумя самыми большими гостиницами города. С 17 ноября митинги проводились здесь беспрерывно, демонстранты ночевали тут же, на площади. По некоторым

[1] Интервью с З. Ализаде, 9 июня 2000.

[2] Интервью с В. Михайловым, 5 дек. 2000.

оценкам, по ночам здесь собиралось около двадцати тысяч человек, а днем их число доходило до полумиллиона[3]. Н. Панахов и Э. Мамедов, наиболее популярные и смелые ораторы, подогревали антиармянские настроения. Они разжигали страсти, утверждая, будто армяне планируют построить гостиницу для рабочих ереванского алюминиевого завода в прекрасной карабахской роще под названием Топхана[4]. На восемнадцатый день протеста, 5 декабря, появились части советской милиции, которые силой очистили площадь. В число арестованных попал Панахов. Введенный после этого комендантский час отменили через десять месяцев.

После разгона митинга протеста в декабре 1988 г. новое движение замедлило свой рост. Народный фронт раздирали интриги, люди подозревали друг друга в предательстве. Участникам всех возникавших в то время в Советском Союзе оппозиционных движений приходилось мириться с тем, что среди них могли оказаться провокаторы и агенты спецслужб. Как выяснилось позднее, в прибалтийских республиках некоторые первые активисты народных фронтов были связаны с КГБ, что, впрочем, не имело значения. В одном рассекреченном отчете КГБ по комитету «Карабах» упоминается, что один из членов московского отделения комитета работал на это ведомство. Имя не называется[5]. Страх оказаться под колпаком у спецслужб через внедренных агентов особенно широко был распространен во враждующих политических кланах Азербайджана. Один из основателей «Клуба ученых» Эльдар Намазов, не принимавший участия в массовых митингах, говорит, что в 1988 г. коммунистические власти сделали неудачную попытку завербовать его. Ему предложили войти в Дом правительства на площади Ленина с черного хода и затем появиться на трибуне, откуда ораторы обращались к народу, и выступить в нужном для властей ключе: «Мне были названы фамилии политических деятелей, которых они туда посылали. Я сказал: "Нет, спасибо, я в таких играх не участвую". Я пошел на митинг и остался в толпе. А люди из их списка действительно прошли через служебный вход, поднялись на трибуну и выступили. Многие из них вошли в историю как лидеры Народного фронта... Я не буду называть их имена»[6].

Такие обвинения, конечно, невозможно проверить. Единственный способ подтвердить или опровергнуть их – ознакомиться с архивами азербайджанского КГБ. Однако они так и не были обнародованы, даже в посткоммунистический период при Абульфазе Эльчибее. Хотя, вероятно, даже архивы КГБ не смогли бы дать ответы на все вопросы. Ведь и КГБ был раздроблен на фракции, вовлеченные в жестокую внутреннюю борьбу за власть.

В мае 1988 г. Азербайджан обрел нового лидера партии в лице Абдурахмана Везирова, однако в правительстве все еще доминировали бывшие соратники Гейдара Алиева, который после своей отставки находился в Москве. Даже будучи пенсионером, Алиев продолжал пользоваться большим влиянием в Азербайджане. Правивший республикой более тридцати лет и занимавший различные высокие посты в Баку и в Москве, Алиев родился в Нахичевани в 1923 г. Он был третьим из восьми детей в семье, которая лишь недавно переехала туда из Армении[7]. Он сделал головокружительную карьеру в органах безопасности. Уже в восемнадцать лет стал лейтенантом НКВД, в 1960 г. возглавил азербайджанский КГБ, а девять лет спустя его назначили на пост первого секретаря республиканской компартии. Излюбленным политическим методом Алиева всегда был полный личный контроль. Он создал сеть из нахичеванцев, занявших посты на всех уровнях власти. Они негодовали, когда в 1988 г. к власти пришел Везиров. В то время Совет министров республики возглавлял Аяз Муталибов. Вот что он вспоминает об этом периоде: «В сущности, шла борьба между двумя кланами – Алиева и Везирова. Они никак не могли договориться»[8].

Некоторые активисты новой азербайджанской оппозиции опасались, что кое-кто из их соратников служат просто пешками в этой игре. Такие предположения получили подтверждение в 1990 г., после того как Алиев вернулся из Москвы в родную республику Нахичевань и ряд ведущих активистов Народного фронта, включая и правую руку Абульфаза Эльчибея – Бежана Фарзалиева, стали работать с ним. Есть также убедительные доказательства того, что самый пламенный народный трибун, экстремист Неймат Панахов, подлер-

[3] Комсомольская правда. 1988. 27 нояб. Цит. по: Alstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford: Hoover Institution Press, 1992. P. 202.

[4] Эта история вернулась в Баку в сильно искаженном виде. Многие считали, что изначально планировалось построить завод, а не гостиницу. Андрей Сахаров, побывавший там, описывал голый горный склон без какого-либо намека на «дубраву». См.: Sakharov A. Moscow and Beyond, 1986 to 1989. New York: Vintage Books, 1990. P. 88.

[5] См.: Corley F. Dogging Dashnaks, Dissidents and Dodgy Dealers. Armenians and the KGB // Armenian Forum. 2001. Vol. 2. No. 3. P. 30–31.

[6] Интервью с Э. Намазовым, 14 нояб. 2000.

[7] Кое-кто полагает, что Гейдар Алиев на самом деле родился в 1921 г. в Армении, а не в 1923 г. в Нахичевани. Его младший брат Джалал Алиев в интервью 4 ноября 2000 г. сказал, что семья Алиевых родом из деревни Джомартлы в Зангезуре и уже после рождения Гейдара переехала в Нахичевань.

[8] Интервью с А. Муталибовым, 30 мая 2000.

живал контакты с Алиевым. Панахов – малоприятный человек с изможденным лицом, аккуратной бородкой и пронзительными глазами. Во время интервью он все время щелкал пальцами или перебирал четки, излучая при этом мощную энергию, которая в свое время гипнотизировала толпы. Семья Панахова – выходцы из Армении, сам он вырос в Нахичевани. Когда начались карабахские события, ему было двадцать пять лет и он работал токарем на заводе имени лейтенанта Шмидта.

По словам Панахова, он даже в 1988 г., когда был всего лишь двадцатипятилетним рабочим, часто захаживал в кабинет руководителя одного из районов Баку Рафаэля Аллахвердиева, старого союзника Алиева. Панахов говорит: «Рафаэль Аллахвердиев пытался убедить меня, что Гейдар Алиев – хороший человек, что он в курсе митингов протестов и так далее. Но наша встреча так и не состоялась»[9]. Однако, судя по последующим событиям, Панахов на самом деле вел двойную игру. После возвращения в 1991 г. в Азербайджан из Турции, где он скрывался, Панахов начал работать на Алиева. И в 1993 г., став президентом Азербайджана, Алиев дал Панахову должность в своей администрации, а Аллахвердиева сделал мэром Баку. Да и вообще достаточно странно, как простой рабочий сумел достичь таких высот. Сколько вреда принесли Азербайджану все эти политические игры, становится ясно лишь в ретроспективе, по прошествии многих лет.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ

1989 г. в Азербайджане начался тихо, но потом события стали разворачиваться стремительно, неотвратимо двигаясь к ужасной кульминации. 16 июля Народный фронт вступил во вторую фазу своей истории: был проведен первый съезд и выбран новый председатель – Абульфаз Эльчибей, человек, ставший в 1992 г. президентом Азербайджана. Эльчибей, считавшийся диссидентом, был ученым, специалистом по Ближнему Востоку и, как отмечали даже его противники, честным человеком, обладавшим большим моральным авторитетом. Он видел будущее Азербайджана в тесных связях с Турцией и постоянно подчеркивал, что азербайджанцы – «турки». Он неприязненно относился к Ирану и России и подчеркнуто отказывался говорить по-русски на публике, пользуясь услугами переводчика, даже когда ездил в Москву.

В новом Народном фронте все единодушно считали, что Азербайджан должен добиться независимости от Москвы. Члены организации хотели поднять статус азербайджанского языка, наладить контакты со своими этническими братьями в Иране. Также было достигнуто согласие в том, что движение должно иметь светский, а не исламский характер. Историки начали публиковать статьи, в которых ставили под сомнение официальную версию захвата Азербайджана большевиками в 1920 г. и, следовательно, законность советского режима в республике. Люди стали отказываться от русифицированных фамилий.

Но подобного согласия не было в отношении политических методов и целей. Одно крыло организации состояло из людей умеренных, либеральных взглядов, которые ставили перед собой единственную цель – победить на парламентских выборах в 1990 г. Противоположное крыло составляли радикалы типа Панахова. Выйдя из тюрьмы летом 1989 г., он начал пропагандировать идею независимости Азербайджана от Советского Союза. Эльчибей и его советники лавировали между разными фракциями, все больше склоняясь к радикальному крылу. Один из основателей Народного фронта Лейла Юнусова, придерживающаяся либеральных взглядов, жаловалась, что осенью 1989 г. в движении взяли верх «большевики», которые прибегли к тактике насилия и запугивания своих оппонентов. Позднее она писала: «Осуждая Коммунистическую партию Советского Союза за тоталитаризм, некоторые лидеры Народного фронта Азербайджана ухитрились позаимствовать худшие черты большевизма»[10].

К концу лета 1989 г. поднялась новая волна массовых протестов, вызванных карабахской проблемой. В митингах и демонстрациях принимали участие сотни тысяч азербайджанцев. Мамедов и Панахов организовали массовые митинги и заручились общественной поддержкой для своей разрушительной тактики полной блокады железнодорожного сообщения с Арменией. 85 % железнодорожных грузов поступало в Армению через Азербайджан, и эмбарго вызвало в республике трудности с бензином и продовольствием. Попытка разблокировать железные дороги и восстановить перевозки с помощью частей внутренних войск МВД СССР не принесла особого успеха[11]. Блокада послужила причиной разрыва экономических связей между Арменией и Азербайджаном, который сохраняется по сей день. Она привела также к транспортной изоляции Нахичевани, азербайджан-

[9] Интервью с Н. Панаховым (в переводе с азербайджанского), 8 нояб. 2000.

[10] Юнусова Л. Мера ответственности политика // Истиглал. 1990. № 4. С. 11.

[11] Демурян А., Пральников А. Блокада Армении в эти дни // Московские новости. 1989. 1 окт. Перепечатано: Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него: Сб. документов. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1990. С. 125–127.

ского анклава, связанного с остальным Советским Союзом через Армению.

Блокада транспортных путей стала также эффективным рычагом воздействия на азербайджанское руководство. 25 сентября Верховный Совет Азербайджана, под давлением Народного фронта, принял закон о суверенитете, по которому советские законы признавались действительными только тогда, «когда они не нарушают суверенных прав Азербайджанской ССР». Хотя этот закон и не являлся декларацией независимости, это был серьезный шаг в сторону отделения от центра – и Верховный Совет СССР сразу же объявил его недействительным[12]. 4 октября власти сделали еще одну уступку и зарегистрировали Народный фронт как законную организацию. В свою очередь, лидеры Народного фронта согласились снять железнодорожную блокаду. Тем не менее сообщение между Азербайджаном и Арменией так и не восстановилось в полном объеме.

СПОЛЗАНИЕ В ХАОС

К началу декабря 1989 г. политическая обстановка в столице Азербайджана стремительно накалялась. Оставшиеся в Баку армяне были запуганы. В середине 1980-х гг. в Баку проживало 200 тысяч армян, что составляло 10 % городского населения. Почти все они уехали. Среди тех, кто вынужден был остаться, преобладали женщины и пенсионеры. Бакинские армяне говорят, что с декабря 1989 г. они редко осмеливались выходить из дома. Вдова Белла Саакова работала на бакинской чаеразвесочной фабрике. По воспоминаниям Беллы, за ней каждый день заезжал на машине сослуживец, потому что она боялась ездить на автобусе: «Было опасно даже просто выйти на улицу и ждать автобуса на остановке, потому что там стояли молодые люди, и казалось, что они чуть ли не обнюхивают тебя, как собаки. А напряжение было так велико, что ты волей-неволей просто не могла скрыть, что ты армянка»[13].

Номинальный лидер компартии Везиров полностью утратил авторитет: митингующие на площади Ленина переделали его фамилию на армянский манер, издевательски называя «Везиряном», и носили по улицам его чучело в женском платье. Ответственность вместо него взял на себя второй секретарь республиканского ЦК Виктор Поляничко. Могучего телосложения, ничего и никого не боявшийся Поляничко приехал в Баку из Афганистана, где исполнял функции главного представителя Советского Союза и фактически из-за кулис руководил страной. Он имел склонность к политическим манипуляциям. Например, однажды Поляничко пригласил к себе двух деятелей Народного фронта из умеренного крыла, Тофика Касумова и Зардушта Ализаде, и стал убеждать их, что в программу организации следует вставить элементы радикального ислама. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Билл Келлер приводит слова Касумова: «В его кабинете был Коран, он пролистал его и сказал: "Коран – хорошая книга". Еще он сказал: "Для Баку европейские действия хороши, но в деревнях очень сильна мусульманская вера. Вы должны учитывать исламский фактор"»[14]. Странный и подозрительный совет в устах коммунистического аппаратчика.

К декабрю 1989 г. «радикалы» уже полностью управляли Народным фронтом, и Поляничко переключил свое внимание на них. Избранной группе активистов часто давали эфирное время на азербайджанском телевидении. В последнюю неделю года, как раз в тот момент, когда в Румынии был свергнут Николае Чаушеску, азербайджанское руководство начало готовиться к худшему. Аяз Муталибов, бывший тогда председателем Совета министров, вспоминает, как 25 декабря ему в панике позвонил Везиров: «Он сказал, что назревает катастрофа и мы должны просить помощи у Москвы... У нас не было собственных внутренних войск МВД, экипированных шлемами и дубинками... Они подчинялись только приказам из Москвы. Мы попросили Министерство внутренних дел и Совет министров прислать войска, иначе могла бы случиться большая беда»[15]. Но беда все-таки случилась. 29 декабря в городе Джалилабаде на юге Азербайджана активисты Народного фронта, включая Неймата Панахова, захватили здание горкома партии, при этом десятки людей получили ранения. Из-за этих событий в Баку было приостановлено обсуждение даты предстоящих выборов на сессии Верховного Совета республики.

Нахичевань стала местом действия следующей драмы. Панахов прибыл в автономную республику и повел толпы людей разбирать заграждения на границе с Ираном и жечь пограничные вышки. Тысячи азербайджанцев пересекли границу, воодушевленные первой за долгие годы возможностью братания со своими иранскими соплеменниками. Реакция советского руководства была гневной. Москва осудила эти беспрецедентные действия, в неприязненных статьях, опубли-

[12] Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. P. 201.

[13] Интервью с Б. Сааковой, 14 дек. 2000.

[14] Keller B. Did Moscow Incite Azerbaijanis? Some See a Plot // The New York Times. 1990. 19 February.

[15] Интервью с А. Муталибовым, 30 мая 2000.

кованных в центральной печати, утверждалось, что азербайджанцы бросились в объятия исламского фундаментализма.

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Черный январь» 1990 г. в Азербайджане предваряли заметные тревожные предвестия массового насилия: беззащитное армянское население, которое ни военные, ни правоохранительные органы не собирались защищать; Народный фронт, где экстремисты теснили деятелей умеренных взглядов; местное партийное руководство, теряющее власть и за нее цепляющееся; московское руководство, готовое пойти на любые меры, которые покажутся ему необходимыми, лишь бы не допустить выхода Азербайджана из состава Советского Союза.

Поступающие из Карабаха новости обостряли ситуацию. 9 января парламент Армении проголосовал за включение Нагорного Карабаха в свой бюджет – шаг, вызвавший гнев азербайджанцев. На севере Азербайджана, в деревнях Ханларского и Шаумяновского районов произошли массовые столкновения между армянами и азербайджанцами, в ходе которых были взяты заложники и убиты четверо военнослужащих внутренних войск МВД СССР[16].

6–7 января в Баку произошел раскол Народного фронта. Небольшая группа интеллектуалов, придерживающихся умеренных взглядов, вышла из состава организации и образовала Социал-демократическую партию под руководством Лейлы Юнусовой и Зардушта Ализаде. Оставшиеся члены фронта, в свою очередь разделившиеся на два лагеря, проводили массовые митинги на площади Ленина. Из Москвы в Баку прислали еще несколько тысяч солдат внутренних войск МВД СССР.

11 января группа радикально настроенных членов Народного фронта штурмом взяла несколько административных зданий и захватила власть в городе Ленкорань на юге республики. Два дня спустя корреспондент газеты «Бакинский рабочий», направленный на место событий с целью выяснения обстановки, обнаружил, что советская власть в городе свергнута: «К зданию горкома партии я подошел, предварительно договорившись о встрече с первым секретарем горкома партии Я. Рзаевым. Но в дверях стояли вооруженные ребята. Меня не пропустили, подошел один из них и сказал: "Райкома больше нет. Здесь никто не работает. Входить нельзя"»[17].

[16] Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. М.: Дом, 1999. С. 174.

[17] Джаппаров З. Тревожный январь в Ленкорани // Бакинский рабочий. 1990. 17 янв. Перепечатано: Черный январь: Баку 1990. Баку: Азернешр, 1990. С. 70–74.

12 января Поляничко выдвинул очередной план. Он провел переговоры с Народным фронтом, по итогам которых было заявлено, что в Азербайджане будет сформирован Национальный совет обороны с целью защиты границ республики от армянского вторжения. Четверо из пяти лидеров совета представляли радикальное крыло Народного фронта и были, по большому счету, заклятыми врагами партийной верхушки Азербайджана[18]. Двое из них, Панахов и Рагим Газиев, выступили по местному телевидению. Панахов заявил, что Баку заполнен бездомными беженцами, а тысячи армян до сих пор живут в комфорте – провоцируя тем самым людей на насилие против армян.

На следующий день, 13 января, Баку захлестнула волна антиармянских погромов. Огромная толпа собралась на митинг на площади Ленина, а к вечеру группа людей откололась от митингующих и стала нападать на армян. Как и в Сумгаите, действия нападавших отличались изощренной жестокостью: район вокруг армянского квартала стал ареной массовых убийств. Людей выбрасывали с балконов верхних этажей, толпы нападали на армян и забивали их до смерти. Тысячи перепуганных армян нашли спасение в отделениях милиции и в огромном кинотеатре «Шафаг», под защитой военных. Оттуда их вывели на холодную, продуваемую со всех сторон морскую пристань, посадили на паромы и перевезли через Каспийское море. Через несколько дней портовый город Красноводск в Туркмении принял тысячи избитых и перепуганных беженцев. Там уже ждали самолеты, чтобы переправить их в Ереван. Так ужасно завершились взаимные этнические чистки в Армении и Азербайджане.

Около девяноста армян погибли во время бакинских погромов. Число жертв трудно проверить, поскольку в последующие дни в Баку царил еще больший хаос, а официальное расследование так никогда и не проводилось. К тому же бакинские армяне рассеялись по Армении, России, Туркмении, несколько стариков умерли на паромах в Каспийском море или в ереванских больницах[19]. Конечно, жертв могло быть намного больше, если бы власти не предприняли меры по эвакуации армян.

Возникает масса тревожных вопросов в связи с бездействием руководителей обоих противостоящих лагерей в борьбе за власть в Азербайджане, не позаботившихся о предотвращении кровопролития во время бакинских погромов. Из Москвы в Баку были присланы части внутренних войск МВД СССР, которые почему-то не стали

[18] Неймат Панахов, Этибар Мамедов, Рагим Газиев и Абульфаз Эльчибей.

[19] По подсчетам Арифа Юнусова, общее число погибших составило 86 чел., из которых 66 умерли в Баку, а еще 20 позже.

вмешиваться в происходящее. Правозащитница Арзу Абдуллаева вспоминает, что, обратившись к милиционеру с просьбой спасти армянина от толпы азербайджанцев, услышала в ответ: «У нас приказ не вмешиваться»[20]. Рассказывают, что, когда писатель Юсиф Самедоглу позвонил в ЦК партии и попросил вмешаться, ему ответили: «Пусть режут!»[21]

Странное сотрудничество Виктора Поляничко с радикальными националистами при создании Национального совета обороны дало обильную пищу для подозрений в сговоре между властями и Народным фронтом. Один из радикалов, Этибар Мамедов, говорил, что они просто не могли упустить возможность легально взять в руки оружие. Панахов заявлял, что «мы сами попросили позволить нам выступить по телевидению, чтобы можно было охладить страсти, чтобы принять меры», – тем не менее после его появления в эфире накал страстей, конечно, усилился. Существуют и более циничные объяснения: возможно, партийное руководство Азербайджана пошло на сотрудничество с Народным фронтом и попыталось направить его деятельность в «патриотическое» русло в отчаянной попытке сохранить свою ускользающую власть; а может быть, Поляничко запланировал откровенную «провокацию» – подтолкнув Народный фронт к насильственным действиям, дискредитировать его и получить предлог для разгрома.

Существуют различные мнения по поводу роли Народного фронта в кровопролитии. Армянские беженцы из Баку в своих рассказах о «черном январе» единодушно обвиняют в погромах «людей из Народного фронта» – его бородатых молодых активистов. Активисты из Народного фронта противопоставляют этому то, что они помогали армянам спастись. На самом деле, обе версии, вероятно, верны, поскольку Народный фронт тогда представлял собой многочисленную и довольно аморфную массу. Отколовшиеся от Народного фронта Ализаде и Юнусова выдвигают более конкретные обвинения против лидеров радикального крыла, возлагая на них вину за отказ от попыток остановить надвигающееся насилие. По словам Ализаде, за несколько дней до начала погромов перед штабом Народного фронта на улице Рашида Бейбутова были вывешены списки с адресами армянских семей. Когда их сняли, кто-то повесил их снова. «После того как закончилось заседание совета, все пошли на митинг Народного фронта, где собрался весь город. На митинге постоянно слышались

[20] Интервью с А. Абдуллаевой, 11 апр. 2000.

[21] По рассказам А. Абдуллаевой и З. Ализаде.

призывы к антиармянским акциям, последний призыв был такой: "Да здравствует Баку без армян!" Этот лозунг прозвучал на митинге Народного фронта. Во время митинга и начались антиармянские погромы в Баку. Ответственны ли за это лидеры Народного фронта? Думаю, да», – продолжил Ализаде.

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кровавое изгнание армян из Баку подготовило почву для окончательного выяснения отношений между Москвой и Народным фронтом. Еще во время погромов, 14 января, в Баку прибыла возглавляемая близким политическим соратником Горбачева Евгением Примаковым делегация Политбюро ЦК КПСС, чтобы попытаться взять ситуацию под контроль. Прилетел и министр обороны СССР Дмитрий Язов, чтобы лично взять на себя командование многотысячным армейским контингентом, расквартированным в казармах на окраине города. Было принято решение ввести чрезвычайное положение в Нагорном Карабахе, пограничных районах Азербайджана и Армении и в городе Гяндже – но почему-то не в самом Баку.

На бакинских улицах хозяйничали активисты националистического движения. На подступах к солдатским казармам на окраине города они возвели баррикады из грузовиков и бетонных блоков. 17 января начали непрерывный митинг перед зданием азербайджанского ЦК, перекрыв к нему все подходы. Перед зданием появилась виселица – неясно, была ли она воздвигнута как символ с целью устрашения или как настоящее орудие казни. И московские эмиссары, и руководство Народного фронта блефовали. По словам Андрея Гиренко, члена делегации Политбюро, происходило следующее: «Мы встретились с Эльчибеем и другими лидерами Народного фронта. Мы с Примаковым приняли их, поговорили. Мне стало ясно, что Везиров полностью потерял контроль над ситуацией. Я встречался с одним из активистов Народного фронта буквально накануне событий той ночи. Было ясно, что войска не могут вечно быть отрезанными от города. Я умолял его разобрать баррикады на дорогах и аэродромах, спасти людей от опасного столкновения с войсками»[22].

Ставки были высоки. По словам Этибара Мамедова, Примаков предупреждал их, что не потерпит выхода Азербайджана из Советского Союза, и дал понять, что может быть применена сила. «Примаков ска-

[22] Интервью с А. Гиренко, 2 июня 2000.

зал мне: "Вы в двух шагах от независимости"», – вспоминал Мамедов[23]. Однако решение использовать войска еще не было принято. По некоторым слухам, Примаков в телефонном разговоре пытался убедить Горбачева не давать добро на военное вмешательство[24].

Наконец, в ночь на 20 января Горбачев и его силовые министры решили послать в Баку армейские подразделения. Начиная с полуночи вводилось чрезвычайное положение. Однако жители города не знали, что происходит, потому что телеэфир был отключен в 19.30, после взрыва блока питания на телевизионной станции, почти наверняка устроенного спецслужбами. В результате большинство бакинцев узнали о введении чрезвычайного положения только в 5.30 утра из объявления по радио и из листовок, разбрасываемых с вертолетов[25]. К этому моменту стало уже слишком поздно.

Сразу после полуночи войска вышли из казарм, и танки с грохотом двинулись к городу. Большая часть армейских частей, входившая в город с юга, была поднята из местных гарнизонов, поэтому им не пришлось с боями пробиваться к городу. Войска же, подтянутые с севера, вошли в Баку, словно в город, оккупированный неприятелем. Танки переползали через баррикады, сминая на своем пути автомобили и даже фургоны «скорой помощи». По словам очевидцев, солдаты стреляли в бегущих людей, добивали раненых. Был обстрелян автобус с мирными жителями, и многие пассажиры, в том числе четырнадцатилетняя девочка, погибли.

В ночь на 20 января 130 человек были убиты, сотни ранены. Позднее независимая военная группа «Щит» провела расследование, в ходе которого сделала вывод: Советская армия вела военные действия против населения советского города. Группа потребовала возбудить уголовное дело против министра обороны Дмитрия Язова, лично командовавшего военной операцией. В тот день погиб по меньшей мере двадцать один солдат. Как это произошло, до сих пор не вполне ясно; возможно, участники митинга протеста оказывали вооруженное сопротивление, хотя некоторые солдаты могли стать жертвами огня, открытого по своим, из-за всеобщей неразберихи, царившей в темном городе.

[23] Интервью с Э. Мамедовым, 22 нояб. 2000.

[24] По свидетельству В. Михайлова, в чьем присутствии Примаков разговаривал по телефону с Горбачевым.

[25] Из доклада военной аналитической группы «Щит», опубликованного в кн.: Меликов А. Я обвиняю! Баку: Гянджлик, 1994. С. 176–179. Многие подробности взяты мной из собранных Меликовым документов и статей, которые дают наиболее полное описание событий 20 января.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Ввод в Баку частей Советской армии, впервые за все время своего существования с боем захватившей советский город, стал трагедией для Азербайджана и Советского Союза. Армия в считаные часы взяла город под полный контроль и восстановила власть Москвы. Тем не менее именно 20 января 1990 г. Москва, в сущности, потеряла Азербайджан. Почти все население Баку вышло на общие похороны жертв ночных событий. Они стали первыми шехидами (мучениками), похороненными на Аллее Мучеников в Баку, на вершине холма. Тысячи членов коммунистической партии публично сожгли свои партийные билеты, и даже председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана Эльмира Кафарова осудила действия «военных преступников».

События «черного января» оказали глубокое воздействие на всю страну. Они показали нарастающую неспособность центра справиться с проблемами, захлестнувшими Советский Союз. То, что власти не ввели чрезвычайное положение, чтобы прекратить армянские погромы, а сделали это уже после того, как армян в городе не осталось, говорит либо об их цинизме, либо о некомпетентности, либо о том и другом вместе. Неуверенно-противоречивая, а затем жестокая реакция властей на брошенный Народным фронтом вызов стала свидетельством существования в высших эшелонах власти разных группировок с различными приоритетами, между которыми лавировал Горбачев.

На первых порах коммунистическая партия вновь вернулась к власти. Были задержаны десятки активистов Народного фронта, в том числе и члены созданного незадолго до того с согласия властей Национального совета обороны. Этибара Мамедова арестовали по дороге в Москву, где он собирался провести пресс-конференцию. Неймат Панахов скрылся – или ему позволили скрыться – в Иране, откуда потом перебрался в Турцию. Несколько дней сопротивление продолжалось в Нахичевани, которая стала первой административно-территориальной единицей Союза, в одностороннем порядке провозгласившей независимость, но, в конце концов, и здесь сопротивление Народного фронта было подавлено. Первый секретарь ЦК азербайджанской компартии Везиров покинул столицу и находился на лечении в Москве с сильным нервным истощением, а его преемником на посту руководителя партии был избран Аяз Муталибов. Полянички остался вторым секретарем и «серым кардиналом».

4 февраля Муталибов прилетел в Москву на встречу с Горбачевым. В тот же день в «Правде» вышла статья, осуждающая Гейдара Алиева

как коррумпированный реликт брежневской эпохи. Публикация статьи явно была приурочена к визиту Муталибова. Однако сам Муталибов утверждал, будто продолжает видеться с Алиевым и они беседовали до трех часов утра. То, что новый партийный лидер встретился с опальным Алиевым, доказывает, что Алиев оставался важной фигурой в закулисной политической игре в Азербайджане. Его связь – или отсутствие таковой – с январскими событиями является интересной побочной сюжетной линией официальной истории, которую никто так и не истолковал. По словам самого Алиева, во время демонстраций Горбачев позвонил ему и попросил «убрать этих людей с улиц» Баку и сделать публичное заявление. Алиев ответил, что во время бакинских событий находился в Москве и никак не связан с происходящим в Азербайджане. Звонок Горбачева свидетельствует о его уверенности в том, что Алиев все еще имеет тайные рычаги власти в Баку. Какова бы ни была роль Алиева в событиях до кровопролития, он использовал последствия «черного января», чтобы после долгого перерыва начать скорое восхождение к власти. После 20 января он созвал пресс-конференцию в азербайджанском представительстве в Москве и осудил вторжение войск в Баку[26].

В Азербайджане начался период безрадостной рефлексии. Пока оппозиция подводила итоги нанесенного ей кровавого поражения, авторитет политиков, придерживающихся умеренных позиций, – таких, как Иса Гамбар, Хикмет Гаджизаде, Сабит Багиров, – стал возрастать. Гаджизаде говорит: «Радикалы-шизофреники наконец-то поняли, что не все так просто, что нельзя вот так просто захватить власть путем революции. Это был для них серьезный удар. Их вынудили примириться с либералами, с либеральными лидерами, которые в конечном итоге и пришли к власти»[27].

[26] Рассказ о поведении Алиева в январе 1990 г. – благодатное поле для исследователей его политической карьеры. Если у него и был какой-то план действий, то, возможно, он хотел сделать новым партийным лидером Азербайджана своего старого протеже Гасана Гасанова. Гасанов, занимавший высокий пост в партийной иерархии, выступил в Баку с откровенно антимосковской речью 8 января, когда проявились первые признаки кризиса. Это послужило сигналом для некоторых членов Народного фронта, предложивших заменить Везирова Гасановым на посту первого секретаря республиканского ЦК, – и если такое предположение корректно, то, возможно, с подачи Алиева. Однако в дальнейшем Гасанов при открытом голосовании проиграл Муталибову, хотя и стал позднее министром иностранных дел в правительстве Алиева. После кровопролития Алиев также принял Этибара Мамедова в представительстве Азербайджана в Москве – незадолго до ареста последнего. По мнению тех, кто внимательно следил за карьерой Алиева и странной историей политических метаний Мамедова от оппозиции к сотрудничеству, эта встреча заложила основу их будущего альянса.

[27] Интервью с Х. Гаджизаде, 15 нояб. 2000.

Глава 7
БАКУ
Богатая событиями история

Холодным весенним днем 2000 г. под соснами, растущими на вершине высокого холма близ Бакинской бухты, стояла толпа азербайджанцев в длинных черных плащах. Каждый держал в руке по гвоздике; люди переговаривались и чего-то ждали. Мы стояли у входа в Аллею Мучеников (Шехидлер Хиябаны), в бывшем Парке имени Кирова. Эта аллея, проложенная в 1990 г., ведет к 130 могилам жертв 20 января. Каждый год в этот день десятки тысяч людей проходят по аллее и вспоминают о жертвах вторжения в Баку частей Советской армии.

Будь сегодня 20 января, в Баку проходила бы народная церемония скорби и поминовения. Но сегодня 31 марта, и пришедшие в Аллею Мучеников были специально приглашены, чтобы отметить День геноцида, объявленный недавно в память о страданиях азербайджанского народа.

Сами азербайджанцы говорят, что их нация возникла в ходе борьбы с внешними врагами. В XVIII в. территорию от Южного Кавказа до Северного Ирана занимали полунезависимые ханства, маленькие феодальные государства. Хотя их правители говорили на тюркских языках, эти ханства, тем не менее, были составной частью Персидской, а не Османской империи. Жители ханств передали потомкам стойкую традицию местничества (по-азербайджански – «ерлибазлык»), когда лояльность по отношению к местной власти превыше верности власти центральной. Русские упразднили ханства и в 1828 г., по Туркманчайскому мирному договору, установили новую границу по реке Аракс, присоединив к России часть территории Северного Азербайджана. Первая Азербайджанская республика, после революции 1917 г. ненадолго пришедшая на смену российскому правлению, была жестоко сметена большевиками в 1920 г., и Азербайджан вновь попал под владычество России.

Удивительным образом даже основные особенности азербайджанской национальной идентичности весьма противоречивы. Азер-

байджанцы по происхождению тюрки, по религиозным убеждениям – мусульмане-шииты, они далекие потомки персов, но глубоко впитали в себя советские черты. Все это может запутать стороннего наблюдателя. Например, в течение XX в. тексты на азербайджанском языке писались поочередно то арабской вязью, то латиницей, то кириллицей. Сейчас нация с трудом возвращается к латинскому шрифту. Многие азербайджанцы до сих пор ощущают непрочность своего суверенитета, поэтому война в Нагорном Карабахе с армянами воспринимается ими как попытка подорвать их хрупкое государство.

Многие азербайджанцы считают, и вполне оправданно, что внешний мир ничего не знает об их страданиях. Насильственное изгнание почти 200 тысяч азербайджанцев из Армении в 1988–1989 гг. не освещалось в должной мере ни в советской, ни в международной прессе. Мало кто знает, что около 50 тысяч азербайджанцев были депортированы из Армении в 1940-х гг. А до этого, в 1918–1920 гг., тысячи азербайджанцев погибли в кровавых конфликтах. В 1998 г. президент Алиев установил День геноцида азербайджанского народа, чтобы почтить память погибших во время этих событий. Днем поминовения стало 31 марта – в этот день в 1918 г. в Баку началась резня мусульман.

Выбор слова «геноцид» для объединения этих событий позволяет предположить, что отмечаются не столько события прошлого, сколько современная политическая ситуация. Смысл таков: если у Армении есть День геноцида, почему бы не ввести его и для азербайджанцев? Использовав этот термин, Алиев развязал дуэль между двумя народами-мучениками.

На пресс-конференции 30 марта 2000 г. советник Алиева по национальным вопросам Гидаят Оруджев бросил перчатку. По информации агентства новостей «Туран», Оруджев привел ошеломляющую цифру, затмившую данные армянской скорбной статистики: около двух с половиной миллионов азербайджанцев стали жертвами «армянского геноцида против азербайджанцев в XX веке». «Туран» сообщает: «Как заявил советник, без поддержки Российской империи армяне не смогли бы совершить столь массовые убийства азербайджанцев. Он заявил, что, фальсифицируя историю, армяне попытались скрыть от мира правду и выставить себя невинными жертвами»[1]. Политический язык армяно-азербайджанского конфликта не признает категории морали.

[1] Сообщение информационного агентства «Туран», 31 марта 2000.

В Аллее Мучеников вот-вот должна была начаться торжественная церемония. К тротуару один за другим подкатывали лимузины, из которых выходили иностранные дипломаты. Посол США вышел из «шевроле»; представитель российского посольства в плаще оливкового цвета – из черной «Волги». Мы ждали еще одного человека, и все знали, кого именно. Наконец показался кортеж президента Гейдара Алиева. Высокий и худощавый, он вышел из машины и двинулся вдоль шеренги послов, пожимая руки. Куда бы он ни шел, толпа почтительно расступалась перед ним, и возникавшее вокруг него пространство как бы подчеркивало его одиночество. Впереди него солдаты несли огромный красный венок. Алиев прошествовал по длинной аллее по направлению к Вечному огню. Духовой оркестр заиграл военную музыку.

Толпе, наконец, позволили следовать за ним, и людской поток медленно пополз по аллее. Мы прошли мимо памятников жертвам 20 января 1990 г. и жертвам карабахской войны. На надгробиях были высечены портреты погибших: чаще всего юноши в камуфляже, или в рубашках с расстегнутым воротом, или в матросских тельняшках в бело-синюю полоску. Люди останавливались, чтобы возложить цветы.

Церемония проходила в общем довольно скованно и без особых проявлений эмоций. Но вдруг из толпы выбежала женщина в платке, ударила ладонями по одному из памятников, крепко прижалась к нему и горестно запричитала. Ее скорбные завывания «ай-ай-ай» казались едва ли не песней, доносящейся из глубокого колодца боли. Может быть, здесь был похоронен ее муж? Вероятно. Высеченная на камне дата рождения погибшего – 1933 г. – примерно соответствовала возрасту женщины. Другая женщина, лет сорока, в белом плаще, скорее всего ее дочь, подошла к вдове и молча обняла ее за плечи, пытаясь унять взрыв эмоций. Горе этой женщины пробило стену общего безразличия. Толпа теперь двигалась медленнее, люди обменивались сочувственными взглядами и переговаривались вполголоса.

Баку – город с миллионным населением, столица Азербайджана, резиденция правительства страны – лишь недавно стал приобретать черты истинно азербайджанского города. За последнюю сотню лет все уроженцы Баку считали себя представителями особой национальности. Здесь родился чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров. Его отец – еврей, а мать – армянка. Однако, когда его спросили, кто он по национальности, Каспаров ответил по-русски: бакинец. Многие бакинцы все еще используют русский язык больше, чем азербайджанский. В их речи слышится мягкий южный ритм, с подъемом интонации к концу предложения.

Космополитичный вид и стиль города возник благодаря нефтяному буму конца XIX в. В те годы Баку давал половину мировой добычи нефти. В город стекались иммигранты десятков национальностей для работы в новой отрасли промышленности. Героем одной из самых известных историй о чудесном возвышении «из грязи в князи» стал Зейналабдин Тагиев. После того как на принадлежавшем Тагиеву земельном участке нашли нефть, этот неграмотный крестьянин-мусульманин сказочно разбогател. Он сделался самым знаменитым в городе меценатом и филантропом и финансировал постановку «первой оперы мусульманского мира» – «Лейли и Меджнун».

Движимый этим меркантильным духом, Баку в 1918 г. стал столицей недолговечной «первой в мире мусульманской демократической республики», которая даровала женщинам избирательное право раньше, чем Великобритания. Здесь можно было быть одновременно и мусульманином, и современным человеком, хотя иногда это требовало определенной гибкости. Пример бакинского мусульманина нового образца – Али-хан, герой повести «Али и Нино». Али-хан гордится своими персидскими корнями, но восхищается также новыми технологиями и прогрессивной политикой Баку. Он женится на грузинке, которую любил с детства. Но, даже будучи человеком XX в., Али-хан страдает, когда его грузинская жена-христианка выносит все ковры из их дома в Старом городе, чтобы освободить место для европейской мебели.

Смешение народов и политических течений в Баку отразилось на городской архитектуре. Из узких средневековых улочек Старого города попадаешь в маленькую Прагу, построенную в конце XIX в. Главная улица, проходящая через центр города, поменяла множество названий и теперь именуется «Истиглалийят», или «Независимость». Тут царит смешение всевозможных стилей: рядом с псевдовенецианским дворцом можно увидеть величественный готический портик ратуши. Стилю в этом городе до сих пор придают большое значение. Когда видишь, как каждый вечер люди в дорогих итальянских костюмах и в майках «Бенеттон», взявшись под руки, гуляют по бульвару у Каспийского моря, трудно поверить, что средний уровень жизни азербайджанцев катастрофически упал после обретения республикой независимости.

Однако за динамичность пришлось дорого заплатить: Баку известен также как город межнациональной вражды и кровавых столкновений. Самые худшие случаи кровопролития имели место в периоды ослабления Российской империи, когда армянская и азербайджанская общины видели друг в друге угрозу. Если армяне с опаской относились к азербайджанцам как к передовому отряду турецкой армии, то азербайджанцы считали армян российской «пятой колонной».

В феврале 1905 г. так называемая татаро-армянская резня унесла сотни жизней. Английский писатель Дж. Д. Генри, описывая город несколько месяцев спустя, увидел, что «жители Баку сидят на спящем вулкане этнических конфликтов, гнета рабочих, политических заговоров и революционной пропаганды»[2]. В названии своей книги Генри пообещал бакинцам «богатую событиями историю».

После Октябрьской революции в городе произошел новый всплеск насилия. «Реки крови, затопившие улицы, – заметил один английский политический деятель, – это не всегда просто метафора. Это выражение можно понимать и буквально, если говорить о Баку 1917–1919 годов»[3]. Отряд комиссаров, в основном армянского происхождения, захватил город и создал Бакинскую коммуну, небольшой оплот большевизма на антибольшевистски настроенном Кавказе. Когда в марте 1918 г. азербайджанцы подняли восстание против Бакинской коммуны, в азербайджанские кварталы хлынули войска большевиков и устроили настоящую бойню, жертвами которой стали тысячи людей. В сентябре, сразу после вывода британских войск и перед вводом османской армии, пробил час отмщения. На этот раз бесчинствовали азербайджанцы, вырезавшие тысячи бакинских армян. В противостоянии 1918 г. с обеих сторон погибло почти 20 тысяч человек.

В советскую эпоху этнические конфликты временно прекратились, и отношения между общинами внешне наладились, хотя напряжение так до конца и не исчезло. Армяне не осмеливались выходить на улицу, когда в городе играла ереванская футбольная команда «Арарат» – и тем более когда она выигрывала. На Кавказе право того или иного этноса на историческую территорию важнее гражданства, вот почему здесь большую роль играют также понятия «гость» и «хозяин». В Армении азербайджанцам всегда давали понять, что они здесь «в гостях». Так же, хотя, может быть, несколько менее явно, к армянам относились в Баку. На это обратила внимание английская писательница Сьюзан Ричардс, когда в 1989 г. гостила в Баку у двух армянок: матери и дочери. У Татьяны – дочери – почти все друзья были азербайджанцами. Ричардс пишет: «Советская власть утвердила в республике превосходство азербайджанцев тюркского происхождения. Пока этому принципу ничто не угрожало, у азербайджанцев не было оснований перестать быть радушными и приятны-

[2] Henry J. D. Baku: An Eventful History. London: Archibald Constable and Co., 1905. P. 173.

[3] Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 357.

ми в общении. Но условия игры надо было соблюдать. Это внешнее превосходство азербайджанцев следовало всячески подчеркивать... Поведение самой Татьяны служит наглядной иллюстрацией хрупкого равновесия между терпимостью азербайджанцев и их превосходством. Белая кожа красивой девушки свидетельствует о ее армянском происхождении, однако в целях безопасности она маскируется под азербайджанку. "Однажды, – рассказывает она, – мой начальник, представляя меня кому-то, сказал: "Это Татьяна, она азербайджанка", хотя было достаточно очевидно, что это не так. Просто таким образом он хотел подчеркнуть: "Она – своя". Все дело в отношении к человеку. Армяне, которые не приживаются здесь, должны винить только себя". Все это хорошо до тех пор, пока она, как опасалась ее мать, не наткнется на азербайджанца, который не будет знать, что, несмотря на армянское происхождение, "она – своя"»[4]. События января 1990 г. уничтожили всякую возможность мирного сосуществования армян и азербайджанцев. Даже армяне, интегрированные в общество, как Татьяна и ее мать, и много лет прожившие в Баку, вынуждены были покинуть город.

«Мы живем с ними мирно, мирно и спокойно», – говорит Белла Саакова. Белла, бакинская армянка, сидит в маленькой комнатушке общежития в пыльном пригороде Еревана. «Они» – это ее соседи, армяне из Армении. После депортации из Баку в 1990 г. она прожила в Армении десять лет, но по-прежнему не чувствует себя здесь как дома. Подобно многим другим армянским беженцам, Белла не приняла армянского гражданства и до сих пор считает покинутый город своей родиной. Белла – бакинка до мозга костей[5].

За столом у Беллы в Ереване собрались только бакинские беженцы. Все они армяне, но говорят по-русски, носят русские имена. Их всех отличает спокойствие, мягкость – в чем они так не похожи на коренных жителей Армении, суровых и упрямых. Как и любым беженцам, им свойственны острая ностальгия и категоричность суждений. Сейчас они спорят о бакинских школах. «Я ходил в школу № 142, это лучшая школа в Баку», – твердо заявляет Гриша. Алеша затягивает песню на азербайджанском языке о ветре, дующем в Баку с моря. Гриша поет по-русски: «Баку, ты город мой родной...»

Беседовали у Беллы в основном на две темы: делились воспоминаниями об Азербайджане и вспоминали черные дни января 1990 г., когда из Баку изгнали последних армян. У каждого из сидящих за столом была своя версия тех событий, и кажется, что отпечатавшиеся в их памяти обстоятельства изгнания стали во многом определяющими для их отношения к Баку. Гриша рассказывал о тех, кого, прежде чем перевезти на паромах через Каспийское море, избили, раздели и ограбили в кинотеатре «Шафаг».

Рассказ Беллы о последних днях в Баку свидетельствовал о ее всепрощающем сердце. Она говорила, что никогда не забудет ощущения ужаса, когда вместе с другими беженцами стояла на холодной, продуваемой ветрами пристани в ожидании парома, а шеренга советских милиционеров охраняла толпу старых и избитых армян. Но все же у нее остались самые теплые воспоминания о доброте, которую проявили к ней ее азербайджанские соседи. Она оставила одним соседям на сохранение все свое имущество и до сих пор помнит, как другие за минуту до того, как Белла с детьми покинула свою квартиру, чтобы найти убежище в милиции, собрали им в дорогу корзину, положив туда лекарства, колбасу, сыр, хлеб. «Я никогда этого не забуду, – говорит Белла. – Может быть, именно поэтому я совсем по-другому отношусь к азербайджанцам. Знаете, когда кто-то их ругает, даже если ругает и заслуженно, я всегда вспоминаю свою соседку. Я сразу вспоминаю ее и тот хлеб, который она мне дала».

Баку для Беллы до сих пор своего рода потерянный рай. Когда я собирался ехать в ее родной город, она сказала: «Я отдала бы десять лет жизни, чтобы вернуться туда хотя бы *на час*. Нет, правда...» У Беллы также совсем иное, чем у большинства других армян, отношение к проблеме Нагорного Карабаха: для нее Карабах – не священный символ борьбы армянского народа, а, скорее, камень преткновения, который окончательно испортил отношения между армянами и азербайджанцами.

Когда я спросил Беллу, бывала ли она когда-нибудь в Карабахе, та ответила, что лишь однажды, еще ребенком. «Честно говоря, я хотела бы туда съездить еще раз, чтобы просто посмотреть, из-за чего мне пришлось перенести столько мучений! – ответила она, смеясь. – Я поставила целью увидеть своими глазами, за что же я понесла такое наказание. Мне хочется верить, что для этого была какая-то важная причина».

Кедры и кипарисы отбрасывали широкие тени на посыпанные гравием аллеи поселка Дарнагюль. Здесь очень тихо. И ни души – не у кого даже спросить дорогу. Я приехал сюда, на северное кладбище города, чтобы взглянуть на места захоронения бакинских армян, чтобы рассказать потом Белле и ее друзьям в Армении, в каком виде содержатся теперь могилы их отцов и дедов. С некоторым трепе-

[4] Richards S. Epics of Everyday Life. London: Viking, 1990. P. 144–145.

[5] Все эти беседы состоялись 14 декабря 2000 г.

том вошел я в ворота запущенного кладбища и скоро наткнулся на трех сторожей, которые явно не обрадовались приходу чужака. «Вы должны получить разрешение у начальства», – буркнул один из них. Я сказал, что хочу лишь пройтись по кладбищу, и, не обращая больше на них внимания, быстро зашагал по петляющей аллее.

Свернув за угол, я понял, почему они не хотели меня пускать. По обеим сторонам дорожки железные ограды могил были выворочены из земли, надгробные памятники разбиты. На одном участке черное мраморное надгробие Розы Маркаровой (1925–1974) с выгравированным на нем портретом валялось рядом с могилой. К счастью, разрушения коснулись только участков вдоль аллеи. В глубине кладбищенской территории могилы остались нетронутыми, только сильно заросли сорняками и крапивой. Вандалы, очевидно, прошлись лишь по аллее, разрушив все, что попалось им на пути, и потом ушли.

Я побродил там некоторое время, ощутив специфическую атмосферу запустения. На обратном пути я опять столкнулся с одним из сторожей. «А что, теперь сюда больше никто не приходит?» – поинтересовался я. «Раньше приходили и армяне, и азербайджанцы, – ответил он. – Еще до того, как тут взорвали бомбу». – «Какую бомбу?» Я не был уверен, что правильно его понял. «Сюда приходили еразы и все порушили. Они-то и взорвали бомбу», – сказал старик. Под «еразами» он имел в виду азербайджанцев из Армении и всплеск ненависти в январе 1990 г.

Не так много времени прошло после водораздела 1990 г., но для того, чтобы разыскать сегодня армянский Баку, требуется, по меньшей мере, терпение археолога. Армянский район города не был полностью стерт с лица земли, как мусульманские кварталы Еревана. Это не так просто, потому что еще в середине 1980-х гг. в Баку проживало 200 тысяч армян. Упоминания об армянах исчезли из современных туристических путеводителей по Баку, а большинство армянских памятников просто уничтожено. Единственное напоминание о них – армянская церковь Григория Просветителя недалеко от площади Фонтанов в центре Баку, построенная в 1860-х гг. Одиннадцать лет назад церковь подожгли, и с тех пор она стоит заброшенная. С колокольни давно сняли крест, и я обнаружил там зал для игры на бильярде. На том месте, где раньше в тени Девичьей башни в Старом городе стояла старинная часовенка Девы Марии, теперь пустырь. Один дипломат, который работал в Баку в 1992 г., в самый разгар карабахской войны, рассказывал, как на его глазах крушили эту часовню XVIII в. Большинство бакинцев просто не знают, что некоторые городские постройки созданы армянами. Например, здание филармонии на главной улице Истиглалийят – стилизация под знаменитое казино в Монте-Карло – было построено в 1910 г. армянским архитектором Габриэлем Тер-Микеловым, по чьему проекту также возведен внушительного вида особняк напротив филармонии – веселое строение в псевдоарабском стиле, с высокими псевдовосточными балконами. Тер-Микелов родился в России, учился в Тифлисе (Тбилиси), работал в основном в Тифлисе и Баку. И я подчеркиваю его этническую принадлежность лишь потому, что сегодня в Баку национальность армянского зодчего замалчивается.

В 2000 г. маленький армянский Баку все же некоторым образом продолжал жить. Правда, здешние армяне вели призрачное существование, и отыскать их было довольно трудно. Их насчитывалось в городе от 5 до 20 тысяч, почти все – женщины, вышедшие замуж за азербайджанцев и взявшие азербайджанские фамилии. В этом смысле Баку сохранил остатки былой толерантности – хотя эти женщины не афишировали свою национальность. «Правила игры» по-прежнему соблюдались.

Меня познакомили с несколькими армянскими женами. Черноглазая Ольга с изящно выщипанными бровями точно сошла с древнеегипетской картины. Она рассказала, что почти все ее родственники, включая брата, бежали из Баку и осели кто в России, кто в Америке, но она осталась здесь с мужем-азербайджанцем и детьми. Я спросил, не страшно ли ей. Она ответила, что, когда у власти в стране был Народный фронт и национализм достиг апогея в 1992–1993 гг., она боялась выйти из дома, но, когда к власти опять пришел Гейдар Алиев, вновь почувствовала себя в безопасности. «С тех пор как вернулся Алиев, я спокойна. Теперь моя главная забота – заработать на жизнь», – твердо заявила она.

Другие женщины считали, что армянам в городе несладко. Я встретился с тремя бакинскими армянками, которые пострадали из-за своей национальности. Из их рассказов стало понятно, что в повседневной жизни Баку армянская женщина не чувствовала себя ущемленной, но, как только у нее возникала какая-то проблема, сразу выяснялось, что она совершенно бесправна.

София пришла со своим мужем-азербайджанцем, с которым прожила шестьдесят лет. Приколотые к ее жакету медали свидетельствовали, что она – участница войны. Она уже много лет не получала пенсию, и как-то в ее присутствии один чиновник сказал: «Пошлите ее документы в Ереван». Обе спутницы Софии лишились жилья. Танину квартиру заняли азербайджанские беженцы, а у Евгении квартиру отняла невестка-азербайджанка. Обе безуспешно пытались отсудить утраченную собственность. Евгения, небольшого роста, с заостренными чертами лица, выглядела вконец измученной и, каза-

лось, готова была вот-вот расплакаться. Личные трагедии этих женщин являются частью более серьезных проблем. Но в Баку живут их семьи, и уехать им некуда.

Я рассказал про этих трех армянок Гидаяту Оруджеву, советнику Гейдара Алиева и идеологу по вопросам этнических меньшинств. Оруджев одновременно выступал в роли защитника азербайджанской толерантности и обвинителя армян, причинивших столько страданий азербайджанцам. В своем кабинете на одном из верхних этажей здания президентского аппарата, окна которого выходят на Каспийское море, он заявил: «Ко мне не поступало ни одной жалобы, которая возникла бы на почве национальных отношений». Когда же я поведал Оруджеву о конкретных бедах Софии, Тани и Евгении, он пообещал во всем разобраться, но при этом предположил, что я слишком наивен и меня ввели в заблуждение: «Есть люди, которые искажают факты и хотят использовать национальный вопрос как ширму для удовлетворения своих претензий, не имеющих под собой никаких законных оснований»[6].

Оруджев восемнадцать лет прожил в Армении, где работал режиссером азербайджанского драматического театра в Ереване. Он имел достаточный опыт, чтобы реально оценить всю сложность армяно-азербайджанских отношений, но настаивал, что во всем виноваты армяне. Наша беседа приобрела сюрреалистический характер. Президентский советник подробно рассказал мне, что Азербайджан стал жертвой длительной агрессии Армении и десятки тысяч граждан республики погибли или были изгнаны из своих домов. Да, соглашался я, добавляя, что сам не раз был свидетелем проявлений враждебности азербайджанцев к армянам. «Это не к армянам, а к *правительству* Армении, – поправил меня Оруджев. – Азербайджанцы относятся к армянам толерантно, но испытывают ненависть к их руководству».

Специфика занимаемой Оруджевым должности требовала от этого чиновника немыслимого раздвоения убеждений. В какую-то минуту он яростно клеймил позором армянский «геноцид» и агрессию, а в следующую начинал с жаром доказывать, что азербайджанская традиция толерантности и добрососедства никуда не делась и ни один азербайджанец не испытывает никаких антиармянских чувств. Мне его даже жалко стало – ведь его эрзац-толерантность была почти столь же фальшива, как и здание из стекла и бетона, где он сидел. Выйдя из президентской канцелярии на залитую солнцем площадь, я свернул на улицу Истиглалийят и тут же увидел куда более благородный, но

[6] Интервью с Г. Оруджевым, 24 нояб. 2000.

незаметный образчик характерного бакинского синтеза стилей и традиций – чудесный тер-микеловский особняк в стиле арт-нуво.

Парк имени Самеда Вургуна, расположенный к югу от бакинского железнодорожного вокзала, когда-то был зеленым оазисом в самом центре города, где уединялись влюбленные парочки да выгуливали собак жители окрестных домов. Подойдя поближе к парку, я увидел массу белых палаток, разбитых на голой земле. Перед палатками стояли пластиковые столики, за которыми сидели усатые мужчины и играли в домино. Это оказалась еще одна примета сегодняшнего Баку.

После того как в 1990 г. город покинуло большинство армян, за ними последовали десятки тысяч евреев и русских. На смену им в Баку прибыли беженцы – жертвы конфликта с армянами: сначала десятки тысяч азербайджанцев из Армении, затем еще больший поток беженцев, вызванный карабахской войной. Баку постепенно превратился в сугубо азербайджанский город – впервые за свою долгую историю. Брезентовые палатки в парке Самеда Вургуна представляли собой импровизированные чайные, или чайханы, в которых хозяйничали инвалиды войны. В январе 2000 г. были сообщения о яростной стычке в парке между бакинской полицией и группой инвалидов. Полиция напала на чайханщиков с дубинками, а те, защищаясь, пустили в ход костыли – в результате пострадали шесть инвалидов и четверо полицейских[7].

Ветеран войны Руфат, сменивший военную гимнастерку на поварской фартук, пригласил меня к себе в чайную – брезентовую палатку с песчаным полом. Из плиты, на которой закипал чайник, торчали электрические провода, а под ней спал грязный серо-белый котенок. Руфат подтвердил, что тут в парке и впрямь тогда была большая драка, но, получив отпор, полицейские решили оставить инвалидов в покое. В палатке Руфата работали двое его братьев из Агдама, третий брат погиб на войне. Зарабатывали ветераны немного – всего 20–30 долларов в месяц.

За 1999–2001 гг. произошло не одно столкновение между ветеранами войны и представителями власти, и та драка в парке Самеда Вургуна была лишь одним из многих эпизодов трехлетнего противостояния. Эта драка имела важный символический аспект: кто же все-таки обладает большим авторитетом в Азербайджане – правительство или люди, искалеченные в боях за родину? Председатель Ассоциации инвалидов карабахской войны Этимад Асадов расска-

[7] Сообщение информационного агентства «Шарг», 1 февраля 2000.

зал, что правительство потребовало от ассоциации уплаты налога в размере 15 тысяч долларов, несмотря на то что ассоциация – некоммерческая организация. Ветераны получают скудные пособия, которых едва хватает, чтобы свести концы с концами[8]. Когда спустя год ветераны выступили с протестом, власти арестовали многих из них, а саму организацию закрыли.

У президента нашлись свои политические соображения для разгрома ветеранского движения. Гейдар Алиев всегда воспринимал военных как угрозу, поэтому многие командиры азербайджанской армии оказались за решеткой. Но мне все-таки показалось, что недовольство покойного президента в большей степени было вызвано тем, что эти люди не вписывались в его видение обновленного процветающего Баку. Инвалиды на костылях наводняли городские парки, устраивали митинги под окнами правительственных учреждений, вызывая воспоминания о другом Азербайджане, еще не испытавшем международный нефтяной бум.

Космополитичный Баку начал возрождаться, когда в 1990-е гг. появились надежды на новое нефтяное процветание, и пережил настоящий взлет, после того как в 2006 г. заработал нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан. В последнее десятилетие в Баку стало возможно жить в «Мариотт-отеле», сидеть в ирландских барах, лакомиться суши и покупать одежду от Гуччи. На площадь Фонтанов взирает дымчато-стеклянный фасад в мгновение ока возникшего тут небоскреба «Ай-Эс-Ар-тауэр», похожего на упавшее с небес гигантское пресс-папье американского производства. Шотландцы и техасцы, работающие в этом здании, еще более избалованы, чем даже английские солдаты, которые в 1918 г., говорят, буквально стонали от обилия черной икры в их ежедневном рационе «и постоянно жаловались, пока их не избавили от этого "воняющего рыбой джема"»[9]. Приезжие вновь превратили Баку в интернациональный город.

Однако нефтяное процветание страны, пожалуй, создало больше социальных проблем, чем решило. Некоторые люди сказочно разбогатели. Центр Баку – яркая, но обманчивая витрина благосостояния. Ведь всего в нескольких шагах от центра открывается мрачная, более типичная для всей страны картина реальной жизни. Отрасли экономики, не связанные с нефтью, не развиваются, большинство азербайджанцев получают мизерную зарплату или живут на денежные переводы, которые присылают домой члены семей, уехавшие на заработки в Турцию и Россию.

Недалеко от бывшей штаб-квартиры ветеранской организации Асадова я наткнулся на десятиэтажный дом. Раньше здесь было общежитие студентов Бакинского педагогического института, сейчас живут беженцы из Агдама. На подъезде выложена яркая мозаика, напоминающая о былых мирных временах: двое советских юношей в окружении космонавтов и космических ракет разглядывают пробирку с надписью «H_2O».

Студент Ровшан Аббасов провел меня по общежитию. С тех пор как в 1993 г. судьба забросила сюда его семью, лишь он один из всей семьи сумел прижиться на новом месте. В общежитии мы навестили его тетю Зумруд Кулиеву и увидели жалкое лицо нового Баку. В тесной комнате, где живет Зумруд, душно, комната отапливается керосиновой печкой. Четверо взрослых спят на кроватях, дети – на полу. Зумруд рассказала, что каждый беженец получает в месяц 50 тысяч манатов, это примерно 10 долларов, чего, конечно, не хватает даже на еду. «Нам кажется, что все о нас забыли, – обреченно вздохнула женщина. – Мы не знаем, что с нами будет дальше». Ровшан говорит, что водяной насос в общежитии испортился. На верхние этажи вода больше не поступает, а подвал залит водой. Несмотря на жалобы беженцев, водопровод починить некому, и люди боятся, что в один прекрасный день многоэтажное здание рухнет прямо на них. Это тревожная метафора для Баку. Снаружи все выглядит прекрасно, но однажды «крыша» социальной стабильности может обвалиться – и не под бременем межнациональных конфликтов, а из-за растущей пропасти между богатыми и бедными.

[8] Интервью с Э. Асадовым, 29 марта 2000.

[9] Bechhofer C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London: Arno Press, 1971. P. 309–310.

Глава 8
1990–1991
Советская гражданская война

ЧАС ПОЛЯНИЧКО

В январе 1990 г. с началом беспорядков в Баку ситуация в районах вокруг Нагорного Карабаха вышла из-под контроля. 15 января Москва объявила чрезвычайное положение в автономной области и в приграничных с Арменией районах. Направленная по решению Политбюро специальная комиссия прилетела в Карабах, но на аэродроме толпа жителей окрестных деревень вынудила самолет отправиться обратно. В сельской местности Ханларского района шла стрельба. Затем, после кровавых событий 20 января, Аркадий Вольский и его команда покинули область, оставив ее без дееспособной администрации.

И тогда настал час Поляничко. После «черного января» второй секретарь ЦК азербайджанской компартии, русский по национальности, Виктор Поляничко остался в республике в качестве заместителя нового партийного босса Аяза Муталибова. После того как команда Вольского покинула Карабах, Поляничко лично возглавил новый Организационный комитет, созданный в качестве исполнительного органа автономной области. Начался пересмотр советского политического курса в нужном для Поляничко направлении. Кремль стал расценивать лояльность Азербайджана как необходимое условие для выживания Союза, и второй секретарь играл роль фактического наместника Москвы в мятежной провинции. Он установил прочные связи с главами силовых ведомств – в частности, с министром обороны Дмитрием Язовым и руководителем КГБ Владимиром Крючковым, а также, видимо, заручился доверием Михаила Горбачева.

26 января 1990 г. Поляничко прилетел в Нагорный Карабах, где его в аэропорту встретил генерал Владислав Сафонов, новый глава военной администрации, которому было поручено обеспечивать режим

чрезвычайного положения. В сопровождении Сафонова Поляничко отправился в здание обкома на площади Ленина в Степанакерте, где провел первое заседание состоящего из 10 членов Организационного комитета, формально созданного еще в ноябре прошлого года. Сама же городская площадь служила ареной политических акций для местных армян, протестовавших против присутствия в области бакинских эмиссаров. Первый помощник Поляничко Сейран Мирзоев вспоминает, что на протяжении двух месяцев они находились «в полной осаде, невозможно было выйти из здания, мы не могли нормально питаться»[1].

Поляничко и Сафонов стали политическим и военным столпами новой стратегии Азербайджана в отношении Карабаха. Они хотели провести демонстрацию власти, которая заставила бы армян подчиниться воле Баку. Планировалось, что дополнительный многотысячный контингент внутренних войск под командованием Сафонова восстановит в области порядок, а Поляничко вернет политические институты Карабаха под контроль Баку. Судя по воспоминаниям очевидцев, встречавшихся в тот период с Поляничко, он вошел в свою роль с азартом героя вагнеровской оперы, бросившегося на ратный подвиг. Он внушал страх и уважение. Но американский адвокат и правозащитник Скотт Хортон, посетивший Карабах летом 1991 г., вспоминает о «чрезвычайно высоком уровне недоверия к Поляничко». По словам Хортона, «его считали чуть ли не воплощением зла»: «Я неоднократно сталкивался с ситуацией, когда люди отказывались открыто говорить [о Поляничко] – они боялись, что их могут подслушать. Зато они охотно говорили об Аркадии Вольском, о котором многие – как армяне, так и азербайджанцы – отзывались весьма благожелательно»[2].

Новая администрация сразу продемонстрировала свои намерения, арестовав несколько десятков армянских активистов и отправив их за решетку на тридцать суток. В течение последующих полутора лет многие из них снова – и не раз – оказывались в тюрьме; среди них, в частности, был журналист Аркадий Гукасян, впоследствии лидер Нагорного Карабаха, которого посадили в тюрьму в российском Ростове-на-Дону[3].

Одновременно Поляничко – несомненно, используя методы, которыми он в совершенстве овладел в Афганистане и Азербайджане, –

[1] Интервью с С. Мирзоевым, 12 апр. 2000.

[2] Интервью с С. Хортоном, 2 янв. 2001.

[3] Хроника НКАО: февраль 1988 – февраль 1990 / отв. за вып. Т. Н. Зульфугаров. Баку: Коммунист, 1990. С. 38; интервью с А. Гукасяном, 7 окт. 2000.

пытался раздуть пожар междоусобной вражды в рядах мятежников. «Мы делали все, чтобы расколоть сепаратистов, – вспоминает Сейран Мирзоев. – Когда мы прибыли в Нагорный Карабах, они представляли собой единое ядро. К концу 1991 г. нам удалось это ядро расщепить, или, точнее, мы вовремя заметили первые трещины в этом ядре». По утверждению Мирзоева, путем распространения слухов и ложных обвинений они спровоцировали публичную ссору между консервативным партийным функционером Генрихом Погосяном и молодым радикалом Аркадием Манучаровым.

Главным приоритетом Азербайджана было восстановление экономического контроля. В мае 1990 г. Муталибов вернулся из поездки в Москву с известием об отмене Госпланом отдельной строки для Нагорного Карабаха в советском бюджете – об этом Горбачев объявил еще в феврале 1988 г., а Вольский пытался это реализовать. Теперь экономика Нагорного Карабаха вновь формально стала частью азербайджанской экономики.

В то же самое время бакинские власти оказали поддержку азербайджанскому населению Карабаха, расселив азербайджанских беженцев в Ходжалы, после чего этот поселок в равнинной части автономной области официально получил административный статус города. Новыми жителями Ходжалы стали несколько сотен азербайджанцев и группа турок-месхетинцев, ранее депортированных из Средней Азии.

Весной 1990 г. Поляничко пустил в ход свое самое грозное оружие. По новому советскому законодательству союзные республики получили право создавать собственные специальные части милиции, которые являлись, по сути, легализованными военизированными структурами. В Армении эти силы именовались ОМОР, в Азербайджане, как и в ряде других республик, ОМОН, а бойцов этих военизированных подразделений часто называли «черными беретами» – по цвету форменных головных уборов[4].

Азербайджанский ОМОН был размещен почти исключительно на территории Нагорного Карабаха и в прилегающих к нему районах. Около десяти тысяч милиционеров дежурили на пропускных пунктах, патрулировали улицы, искали оружие. Они заняли карабахский аэропорт в Ходжалы, где приобрели дурную славу за вымогательство

[4] Аббревиатура ОМОР расшифровывается как «Отряды милиции оперативного реагирования»; ОМОН – как «Отряды милиции особого назначения». Выражаю признательность Робину Батти за эти и другие подсказки, связанные с военизированными формированиями и структурой вооруженных сил.

с сомнительных, на их взгляд, пассажиров и за сексуальную агрессию по отношению к женщинам. В июле 1990 г. члены международной правозащитной делегации подали официальную жалобу на то, что омоновцы подвергли их издевательствам и задержали пятерых сопровождающих их армян, подчеркнув, что среди омоновцев, с которыми им пришлось общаться, почти все оказались азербайджанцами, ранее депортированными из Армении[5].

Спустя год после прибытия в автономную область Поляничко докладывал центру, что его жесткая тактика доказала свою эффективность. Его помощник Сейран Мирзоев утверждает, что к весне 1991 г. армянские колхозники поставляли молоко, мясо и вино в Азербайджан и практически смирились с неизбежностью реставрации власти Баку в автономной области: «Политическое влияние было восстановлено если и не на всей территории Нагорного Карабаха, то, во всяком случае, на его значительной части, и нагорнокарабахское население определенно признало полномочия республиканского Организационного комитета».

Но существовали также иные мнения. Вадим Быркин, работавший в то время корреспондентом ТАСС в Нагорном Карабахе, считает, что Поляничко пользовался лишь условной властью: «[Поляничко] не обладал реальным механизмом управления, потому что в его распоряжении не было никаких властных структур. У него был Организационный комитет из 10 человек, но армяне не принимали участия в его заседаниях. В Баку шли отчеты, что здесь все отлично, что армяне начали сотрудничать. А на самом деле никакого сотрудничества не было... Только один армянин, Валерий Григорян, посещал заседания комитета, но и его потом убили... Они могли использовать только один механизм – Советскую армию, с помощью военного коменданта генерала Сафонова»[6].

АРМЕНИЯ: ВЗЯТИЕ ВЛАСТИ

Летом 1990 г. Армянское общенациональное движение (АОД) окончательно взяло власть в республике. На выборах в новый Верховный Совет Армении в мае 1990 г. члены АОД получили большинство мест и решили воспользоваться этой победой как тараном для реализации своих притязаний на власть.

[5] Доклад делегации Первого международного Сахаровского конгресса, посетившей Армению и Азербайджан, 13–16 июля 1991 г.

[6] Интервью с В. Быркиным, 1 июня 2000.

4 августа Левон Тер-Петросян был избран спикером Верховного Совета Армении – этот пост позволил ему стать фактическим главой республики. Другой лидер АОД Ваген Манукян получил пост премьер-министра. 23 августа Верховный Совет принял декларацию о независимости, в которой говорилось о продвижении Армении к полноценному суверенитету. Статую Ленина в центре Еревана демонтировали.

Лидеры АОД – первые некоммунисты, пришедшие к власти в советской республике. И их первой заботой стало удержание этой власти. Манукян и Ашот Манучарян вылетели в Москву и в ходе двухчасовой беседы с членом Политбюро Евгением Примаковым попытались показать себя прагматиками, не представляющими опасности для советского строя. По словам Манукяна, осторожный Примаков вынужден был задуматься, «стоит ли игра свеч», должна ли Москва свергать новую администрацию, – и в конце концов решил отказаться от идеи интервенции[7].

Больше всего московское руководство беспокоили незаконные вооруженные формирования в Армении. 25 июля 1990 г. Горбачев подписал указ «О запрещении создания вооруженных формирований», направленный главным образом против Армении, где в 1989 г. появились два негосударственных военизированных формирования. Армянскую армию независимости (ААН) основал Леонид Азгалдян, убитый в Нагорном Карабахе три года спустя. Армянскую освободительную армию (АОА) создали Размик Василян и Вартан Вартанян. В общей сложности численность обоих формирований составляла около 2 тысяч человек – причем вооружение для личного состава было куплено или похищено с советских военных баз. В 1990 г. в Ереване произошло несколько вооруженных столкновений между членами этих военизированных отрядов и советскими войсками.

В августе на участке северной границы между Азербайджаном и Арменией завязалась трехдневная перестрелка. Для восстановления порядка туда были переброшены части внутренних войск МВД СССР, но в ходе вооруженных стычек с обеих сторон погибли 16 человек и получили ранения 50. Тер-Петросян воспользовался этим инцидентом, чтобы взять под контроль ополченцев. Его парламентская администрация формально распустила одно из негосударственных вооруженных формирований. «Нам сказали, что мы следующие, – вспоминал Левон Эйрамджянц, один из основателей ААН. – Когда стало ясно, что с нами поступят так же, как с АОА, мы решили создать партию, чтобы обеспечить себе политическую крышу». ААН превратилась в политическую партию и после принятия Декларации о суверенитете формально сложила оружие. Две тысячи бывших ее бойцов присягнули на верность новому Министерству внутренних дел Армении[8].

Новое армянское руководство не желало иметь в республике вооруженные отряды, которые могли бы посягнуть на его власть и вызвать недовольство Москвы. Оно приветствовало их решение отправиться в Карабах, где тлеющий конфликт стал разгораться с новой силой после приезда туда администрации Поляничко. «Мы поняли, что они просто позовут на помощь внутренние войска Министерства внутренних дел СССР, чтобы их руками задушить нас, – говорит карабахский лидер Аркадий Гукасян. – А потом стали формироваться партизанские группы, которые наносили удары по частям внутренних войск. Стало ясно, что война неизбежна». В самом Карабахе оружие либо покупали у советских солдат, либо изготавливали сами. Один бывший боец рассказывал, как в то время на мебельной фабрике в Степанакерте тайно наладили выпуск самодельных пистолетов и оболочек для мин. ОМОН несколько раз устраивал на фабрике обыски, но ее тайна так и осталась нераскрытой[9].

В борьбу включалось все большее число ополченцев из Армении, проникавших в горные районы Карабаха и армянские деревни на территории Азербайджана. Новые подразделения повстанцев выбирали себе названия, которые не вспоминались со времен армянского партизанского движения на рубеже веков. Они создавали «джокаты» «отряды». А себя именовали «фиданнами». Это слово, заимствованное из арабского, означало бойцов, готовых жертвовать своей жизнью ради священной борьбы. Армянский писатель и политический активист Зорий Балаян рассказывал о более чем двухстах операциях армянских партизан против администрации Поляничко. Они взрывали мосты и участки железных дорог, нападали на колонны военной техники, брали заложников, которых затем обменивали на армянских заключенных из шушинской тюрьмы[10]. В ответ на их действия Поляничко закрыл все дороги, связывающие Нагорный Карабах с Арменией.

[7] Интервью с В. Манукяном, 5 мая 2000.

[8] Интервью с Л. Эйрамджянцем, 28 сент. 2000; Киселев В. Дорога в никуда // Московские новости. 1990. № 35 (2 сент.).

[9] Интервью с Г. Авшаряном, 18 мая 2000.

[10] См.: Balayan Z. Between Hell and Heaven: The Struggle for Karabakh. Yerevan: Amaras, 1997.

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»: ПЛАНИРОВАНИЕ

В 1991 г., в последний год существования Советского Союза, Армения и Азербайджан уже двигались по совершенно разным политическим маршрутам. Горбачев работал над новым Союзным договором, который, как он надеялся, смог бы сохранить Союз путем делегирования союзным республикам более широких властных полномочий. Армения совместно с Грузией, Молдовой и прибалтийскими республиками начала движение к независимости и отказалась сотрудничать с Горбачевым. Азербайджан согласился принять участие в работе над договором и остаться в составе Союза – на определенных условиях.

Азербайджанский партийный босс Аяз Муталибов становился ключевой фигурой в процессе политического торга. В «черном январе» он стал лидером республики едва ли не случайно, но теперь цепко держался за свое кресло. Муталибов был нетипичной в тогдашнем Азербайджане политической фигурой, главным образом потому, что родился в Баку, а не в Нахичевани, вотчине Гейдара Алиева. Он сделал традиционную партийную карьеру, много лет проработав директором машиностроительного завода. Культурный, но поверхностно мыслящий, Муталибов хотя и не обладал природным авторитетом Алиева, но оказался достаточно умелым политиком, чтобы участвовать в московских партийных играх. Он использовал свою лояльность, дабы заручиться сильной политической поддержкой Москвы.

Направленный в январе 1991 г. в ЦК КПСС письменный доклад Муталибова изобиловал тревожными предсказаниями относительно будущего Азербайджана. Отзыв на этот доклад, датированный 11 января и написанный Вячеславом Михайловым, экспертом ЦК КПСС по национальному вопросу, сохранился в партийном архиве. Михайлов приводит слова Муталибова о том, что ситуация в Азербайджане все более осложняется из-за «притязаний Республики Армения на Нагорный Карабах»: «В телеграмме особо подчеркивается, сколь значительное количество вооружений сосредотачивается у вооруженнык формирований, узаконенных Верховным Советом Армении, и указывается на возможность эскалации вооруженного конфликта».

Судя по изложению Михайлова, письмо Муталибова было отчасти предупреждением, отчасти угрозой: «Дальнейшее развитие событий может привести к широкомасштабному военному противостоянию между Азербайджаном и Арменией и в конечном счете к захвату власти экстремистскими кругами Народного фронта Азербайджана... Вполне вероятно, что в случае неспособности центра принять экстренные меры Верховный Совет Азербайджанской ССР примет решение о создании национальной армии, упразднит автономный статус Нагорно-Карабахской автономной области и откажется подписать новый Союзный договор. Положение Коммунистической партии и ее авторитет, завоеванный на выборах в Верховный Совет республики, будут подорваны самым серьезным образом»[11].

Михайлов рекомендовал, чтобы «Министерство обороны, Министерство внутренних дел и КГБ СССР немедленно осуществили специальную операцию в регионе совместно с соответствующими республиканскими органами Армении и Азербайджана с целью разоружения незаконных вооруженных формирований». 17 января 1991 г. ЦК КПСС согласился с этими рекомендациями.

Оба документа показывают, насколько тесно проблема Нагорного Карабаха была связана с политикой Москвы. Муталибов использовал призрак внутренних беспорядков в Азербайджане, чтобы заручиться согласием на еще более жесткое подавление армян. Московский истеблишмент согласился на сделку и оказал решительную поддержку Муталибову и Поляничко. В краткосрочной перспективе это решение оказалось выгодным азербайджанскому руководству, так как в регионе для острастки карабахских армян были размещены части Советской армии и МВД. Однако в долгосрочной перспективе оно стало губительным для Азербайджана, поскольку республика значительно отстала от Армении в строительстве собственных силовых структур.

17 марта 1991 г. советское руководство провело всенародный референдум о будущем СССР. Азербайджан принял участие в референдуме и послушно сказал «да» сохранению Советского Союза в рамках нового Союзного договора. Армения, где правило АОД, была одной из шести непокорных республик, которые бойкотировали референдум. Более того, Армения заявила о проведении в сентябре собственного референдума о независимости.

Продемонстрированная руководством Азербайджана лояльность стала необходимым условием для проведения очередного раунда политики твердой руки как внутри, так и вокруг Нагорного Карабаха – реализации плана «разоружения незаконных вооруженных формирований». В самом Азербайджане эту операцию именовали «проверкой паспортного режима», но она обрела печальную известность под своим кодовым названием «Операция "Кольцо"». Сутью операции стала проверка наличия штампа прописки в общежит-

[11] Russian Archives Project. Fond 89. Reel 1.989. 89/4/17.

данских паспортах. Азербайджанские власти говорили о намерении проверить паспорта у жителей ряда населенных армянами деревень вдоль границы с Карабахом, в которых якобы укрывались фидаины, выселить лиц без прописки и тем самым восстановить порядок.

Муталибов сейчас признает, что план операции, как он говорит, по «ликвидации террористов» существовал на бумаге еще с 1989 г. и лишь ожидал своей реализации. Он откровенно рассказывает, каким образом ему удалось убедить кремлевское руководство в политической целесообразности такой операции: «Я изложил суть дела в политических терминах, ведь я знал, как надо работать в Москве»[12].

А далее вспыхнула маленькая советская гражданская война, которая велась в очень неравных условиях. На одной стороне воевала советская 4-я армия, базировавшаяся в Гяндже, чья 23-я дивизия, укомплектованная танками и артиллерией, была задействована в ходе этой операции. Дивизии были приданы части азербайджанского ОМОНа и группы азербайджанских ополченцев из соседних деревень, которые грабили и терроризировали местное армянское население. На другой стороне сражались армянские фидаины. При значительно меньшей численности – возможно, всего несколько сотен человек – они отличались исключительно высоким моральным духом. Фидаины пользовались открытой поддержкой нового руководства Армении, им активно помогало в передвижениях местное армянское население, у них имелись даже вертолеты, которые перебрасывали их с места на место.

Один из лидеров АОД Ашот Манучарян в 1991 г. стал министром внутренних дел Армении. Он оказывал военизированным отрядам помощь, снабжая их незаконно купленным оружием и осуществляя его переброску в Карабах. Значительное количество вооружения, по признанию Манучаряна, было приобретено на советских военных базах: «Мы закупили много оружия в грузинских воинских частях». В основном речь шла о легком стрелковом оружии, автоматическом стрелковом оружии и гранатометах, которые можно было переправить в Карабах вертолетами или перенести по горным тропам[13].

Весной и летом 1991 г. отдельные вооруженные стычки переросли в боевые столкновения между соседними селами, когда устраивались набеги в духе партизанских вылазок и захватывались заложники. Во время одного такого рейда армянских боевиков на деревню

[12] Интервью с А. Муталибовым, 30 мая 2000.

[13] Интервью с А. Манучаряном, 4 мая 2000.

Карадоглы были убиты шесть азербайджанцев[14]. Армяне стали применять новый вид оружия – ракету «Алазань», не предназначенную для военных действий. Ракета представляла собой тонкую трубу около шестидесяти сантиметров длиной с боезарядом, советские метеорологические службы использовали ее в горных районах для разгона грозовых облаков и предотвращения снежных бурь. Ракеты «Алазань» наносили значительный ущерб и при прямом попадании могли убить человека. Армяне впервые применили их в качестве боевого оружия в апреле, подвергнув Шушу обстрелу, во время которого было повреждено несколько домов и ранено трое горожан.

Спустя месяц, 10 мая 1991 г., в рабочий кабинет Виктора Поляничко попала граната, выпущенная из гранатомета армянским партизаном. Сам Поляничко тогда не пострадал. (В апреле 1991 г. в Ростове-на-Дону армяне покушались и на генерала Сафонова, но по ошибке убили другого русского офицера.) Поляничко все же был убит спустя много времени после того, как покинул Карабах. В июле 1993 г. он погиб в результате нападения неизвестных в Северной Осетии. Существовали версии, что это дело рук армян, однако последние отнюдь не являлись единственными подозреваемыми.

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»: КАК ЭТО БЫЛО

Весной 1991 г. главным театром военных действий в армяно-азербайджанской партизанской войне служил не сам Нагорный Карабах, а лесистые горы к северу от Ханларского и Шаумяновского районов[15]. Население обоих районов состояло преимущественно из армян. Фидаины проникали в армянские села, отчасти беря на себя функции защитников местного населения от азербайджанских омоновцев, а отчасти используя их как перевалочные пункты на пути в Карабах. Несколько десятков бойцов укрепились в поселке Геташен (или, как его именовали азербайджанцы, Чайкенд) и в расположенном вблизи него поселке Мартунашен (или Карабулах) в Ханларском районе. Ими командовал Татул Крпеян, дашнак из Армении, который раньше работал учителем сельской школы.

10 апреля 1991 г. было принято решение о начале операции против Геташена и Мартунашена[16]. В течение последних двух недель

[14] Сообщено на Сахаровском конгрессе в июле 1991 г.

[15] В январе 1991 г. Шаумяновский район был переименован азербайджанскими властями в Геранбойский.

[16] Подробности Геташенской операции взяты из докладов общества «Мемориал» и Сахаровского конгресса, а также: Murphy D. Operation «Ring»: The Black Berets in Azerbaijan // Soviet Military Studies. 1992. Vol. 5. No. 1. P. 86.

месяца около трех тысяч жителей обоих населенных пунктов были полностью отрезаны от внешнего мира. Поселки окружили войсками, телефонные линии перерезали, подачу электроэнергии прекратили. Сигналом к началу операции стала ликвидация поста советских внутренних войск. Внутренние войска были в основном укомплектованы русскими, которые, скорее всего, могли бы встать на сторону армянских жителей. Армейские части состояли в основном из азербайджанцев, а в ОМОНе служили только азербайджанцы[17].

Московская правозащитная организация «Мемориал» восстановила ход событий. 30 апреля военнослужащие 4-й армии, а за ними следом и омоновцы вошли в Геташен. Кое-где им оказали вооруженное сопротивление, но в ходе перестрелок Крпеяна убили, а его люди взяли в заложники нескольких солдат. Омоновцы совершали нападения на дома, грабили, подвергали избиениям многих сельчан. Было убито около десяти человек, причем в основном восьмидесяти- и девяностолетние старики, захвачено около пятидесяти заложников, половину из них впоследствии обменяли на пленных солдат, а остальных отправили в тюрьму Гянджи. Атакованным превосходящими силами фидаинам удалось ускользнуть. В течение недели жителей обоих поселков депортировали – большинство вертолетами отправили в Степанакерт, а оттуда в Армению. Многих заставили подписать бумаги о том, что они добровольно оставляют свои дома. После этого была осуществлена до той поры не афишируемая часть операции «Кольцо»: азербайджанцев-беженцев, покинувших Армению в 1988–1989 гг., перебросили в Геташен/Чайкенд, где они поселились в брошенных армянами домах.

Успешная в военном плане операция Азербайджана против деревенских жителей имела тяжкие политические последствия. Новый российский парламент во главе с председателем Борисом Ельциным заключил тесный союз с руководством Армении. У них был общий враг – элита советских силовых структур. Российские парламентарии встали на защиту осажденных армянских сельчан. Позднее состоялись первые парламентские слушания по поводу операции «Кольцо». Началась новая эра истории армяно-российских политических отношений.

На 6–7 мая было назначено проведение еще одной операции – против села Воскепар на северном участке армяно-азербайджанской границы. Воскепар находился на территории Армении, но между его жителями и азербайджанцами, живущими по другую сторону границы, то и дело вспыхивали перестрелки. Силовая операция Азербайджана по «нейтрализации» села показала, насколько размытой стала грань между официальными и неофициальными силовыми структурами. Недалеко от Воскепара автобус, в котором ехали около 30 армянских милиционеров, попал в засаду, устроенную солдатами 23-й дивизии. 11 человек были убиты, остальные взяты в плен. С точки зрения азербайджанцев, это были члены армянских военизированных отрядов, армяне же с таким же успехом могли бы утверждать, что азербайджанцы убили советских милиционеров в зоне их юрисдикции.

На место событий прибыли четыре российских парламентария и один из них, Анатолий Шабад, остался в селе. Шабад наполовину армянин, но основным его мотивом было активное неприятие коммунистических силовых структур. Когда впоследствии в регионе развязалась полномасштабная война, он дистанцировался от движения карабахских армян, а еще позже стал одним из наиболее ярких критиков операции российских войск в Чечне.

По воспоминаниям Шабада, в Воскепаре царили тревога и смятение. Сам он не видел вооруженных бойцов, которые, вероятно, действовали по своему усмотрению на окраинах села. Через громкоговорители советский офицер объявил жителям о конечном сроке сдачи оружия. После того как никто не откликнулся на его призыв и срок ультиматума истек, начался артиллерийский обстрел. Большинство снарядов падали позади или в стороне от села, но три жителя, в страхе бежавшие из-под обстрела, были убиты. Шабад говорит, что, как он понял только потом, артиллерийский обстрел преследовал цель лишь напугать сельчан и заставить их подчиниться приказу, а не уничтожить армянских партизан. Он был свидетелем применения точно такой же тактики в Чечне в 1995–1996 гг.: «Вооруженных людей, у которых есть опыт участия в войнах, такими вещами трудно испугать. Им становится страшно, только когда огонь ведется непосредственно по ним. Уже потом я понял, что, если вокруг стоит грохот канонады, а снаряды летят в другом направлении, можно спокойно пить коньяк и не обращать внимания. Все эти вещи делаются для того, чтобы посеять панику среди гражданского населения. Женщины начинают

[17] Генерал-майор А. Зайцев, командовавший контингентом советских внутренних войск в Нагорном Карабахе, говорил: «Стало ясно, что внутренние войска ни на шаг не отступят от закона и поставят жесткий заслон грабежам, осуществляемым омоновцами. Тогда 23-я мотострелковая дивизия советского Министерства обороны, на 80 процентов укомплектованная азербайджанскими военнослужащими, была вызвана для проведения насильственной депортации армян. После этого ситуация радикально изменилась: азербайджанское руководство прибегло к новой тактике. До начала депортации было отменено объявленное ранее в данном районе чрезвычайное положение. Мы были вынуждены вывести свои подразделения, после чего азербайджанская сторона провела "специальную операцию", о которой нас даже не проинформировали». См.: Военные в Карабахе – посредники или заложники? // Аргументы и факты. 1992. 7 февр.

плакать, собаки лаять, коровы мычать, и возникает соответствующая обстановка»[18].

Очевидно, только благодаря присутствию российского парламентария жители Воскепара не стали жертвами операции «Кольцо». Войска 23-й дивизии не вошли в поселок, а Шабаду удалось затем выкупить из плена армянских милиционеров за солидную сумму, предоставленную ему Министерством внутренних дел Армении. Через неделю, впрочем, все жители семнадцати небольших армянских деревушек в Гадрутском и Шушинском районах Нагорного Карабаха подверглись депортации. По оценкам правозащитников, в ходе первой фазы операции 5 тысяч армян были депортированы и от двадцати до тридцати – убиты.

ПОПЫТКА КОМПРОМИССА

Если операция «Кольцо» задумывалась именно как акция устрашения карабахских армян, то вскоре она начала приносить плоды. После первой фазы, когда поток беженцев из Геташена хлынул в Степанакерт, в армянском карабахском движении наметились признаки раскола. 19 июня 1991 г. депутаты все еще сохранившегося областного совета приняли резолюцию, выражающую их намерение сменить «курс от политики конфронтации к политике диалога и переговоров». Казалось, они предлагали вступить в политический торг: в обмен на воссоздание партийных органов и «демилитаризацию» Нагорного Карабаха проголосовать за приостановку выхода области из состава Азербайджана. Это было серьезной уступкой. Делегация во главе с партийным функционером Валерием Григоряном отправилась с этими предложениями в Москву. Мирзоев, член азербайджанского Организационного комитета, с гордостью говорит: «Люди поняли, что в Нагорном Карабахе появилась авторитетная власть, и начали с этим считаться»[19].

Несмотря на это, кровопролитные столкновения между жителями азербайджанских и армянских сел не прекращались. Когда в июле стали проводиться операции в Шаумяновском районе, полевой командир по кличке «полковник Феликс» организовал более профессиональную оборону армянских сел. Выставив пулеметные стволы, вертолеты из Армении пролетали над азербайджанской территорией

[18] Интервью с А. Шабадом, 7 дек. 2000.

[19] Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика-Зевс, 1993. С. 220–221; интервью с С. Мирзоевым.

и приземлялись неподалеку от поселка Гюлистан, где в 1813 г. был подписан знаменитый российско-персидский мирный договор[20].

Сигналом к началу операции в Шаумяне стал подписанный Горбачевым указ, отменяющий с 4 июля 1991 г. чрезвычайное положение в районе в связи с «нормализацией» обстановки. Это была циничная уловка, чтобы отозвать из региона советские внутренние войска, которые либо придерживались нейтралитета, либо защищали армянские села. Как только они были выведены, солдаты 23-й дивизии и азербайджанский ОМОН сразу же окружили деревни Эркеч, Бузлух и Манашид.

Болгарская журналистка Цветана Паскалева зафиксировала на видеопленке драму последних дней Эркеча. На пленке видно, как над деревней кружит вертолет, а русский офицер 23-й дивизии объявляет через громкоговоритель, что в деревню будут введены войска «для проверки паспортного режима» и, если жители деревни откажутся сотрудничать, к ним будут применены «самые решительные меры». Перепуганные сельчане показывают Паскалевой своих детей, желая доказать, что Эркеч – вовсе не партизанское гнездо. Они жалуются, что находятся в блокаде уже полгода: электричество подается с перебоями, не хватает продуктов питания и воды. В другом конце поселка мы видим вооруженных бойцов – группу крепких бородатых парней в грязных полевых гимнастерках, перепоясанных лентами с патронами. Сопротивление здесь сильнее, чем раньше. Бойцы курят, спорят и распевают фидаинские песни[21]. Начинается артобстрел, и жители покидают свои дома. Бойцы отходят колонной, перед тем как в деревню входит ОМОН. Снаряд попадает в грузовик. Двое убегающих жителей деревни убиты.

Паскалева вернулась в деревню в сентябре, когда ею вновь овладели армянские бойцы. В видеорепортаже об этой поездке мы видим, что произошло с Эркечем после того, как туда пришли азербайджанцы. Деревня полуразрушена, на металлических воротах остались написанные белой краской фамилии азербайджанцев, которые еще совсем недавно вселились в эти дома, но были изгнаны.

После шаумяновской операции партийная делегация карабахских армян отправилась 20 июля в Баку для проведения мирных переговоров с Муталибовым. В письме к азербайджанскому лидеру они заявили о своей готовности вести переговоры «на основе Конституции Советского Союза и Республики Азербайджан и союзных докумен-

[20] Интервью с А. Шабадом.

[21] Цветана Паскалева. Высоты надежды, 1991. Выпущено снова как «Раны Карабаха» (TS Film, Ереван, 1996).

тов по Нагорному Карабаху» и о желании обсудить сроки проведения новых выборов в местные органы власти[22]. Это было, по существу, предложение о капитуляции в обмен на гарантии самоуправления области внутри Азербайджана. Интересно предположить, что могло бы случиться, если бы подобные переговоры состоялись в 1988 г. или если бы дальнейшие события не перечеркнули эту мирную инициативу. С высоты сегодняшнего дня, однако, представляется маловероятным, что делегация обладала достаточными полномочиями для заключения компромиссной сделки, к тому же по возвращении в Степанакерт ее миссия подверглась жесткой критике.

10 августа Валерий Григорян, главный проводник идеи компромисса, был убит на улице Степанакерта. Возможно, он пал от руки своих армянских собратьев, которые сочли его предателем. Шведский ученый Эрик Меландер приводит слова активистки карабахского движения Жанны Галстян в беседе с ним: «Кто бы ни подписал такой документ – документ, не имевший силы, потому что ни мы, ни народ не могли ему подчиниться, – он ставил свою жизнь под угрозу: такого человека просто убили бы, даже если бы он был нашим близким другом»[23]. Попытка компромисса была сорвана.

РАСПЛАТА

Операция «Кольцо» ознаменовала начало открытой, военной фазы карабахского конфликта. Вместе с тем сама по себе она стала, вне всякого сомнения, первой и последней «гражданской войной советского периода», в которой части Советской армии участвовали в боевых действиях на советской территории. То, как дезорганизованно и жестоко велись эти действия, проливает свет на общее состояние советских вооруженных сил и, в более широком смысле, всего СССР в 1991 г.

Официальная азербайджанская версия операции сводится к тому, что Азербайджан был вынужден противостоять серьезной угрозе со стороны армянских партизан, проникавших в Карабах. По словам бывшего президента Азербайджана Аяза Муталибова, армянские фидаины использовали Ханларский и Шаумяновский районы как перевалочный пункт в Нагорный Карабах и «терроризировали азербайджанское население». Сейран Мирзоев, помощник Поляничко,

[22] Melander E. The Nagorno-Karabakh Conflict Revisited. Was the War Inevitable? // Journal of Cold War Studies. 2001. Vol. 3. No. 2. P. 70.

[23] Ibid. P. 71.

человек умеренных взглядов, уверял, что к ним неоднократно поступали жалобы от жителей армянских сел на действия карабахских бойцов. Так, например, шесть стариков из Гадрутского района буквально умоляли его помочь им уехать из деревни, где они оказались совершенно беззащитны после того, как ее покинули все молодые мужчины, а вооруженные партизаны из Армении появлялись и исчезали, когда им заблагорассудится.

В этом есть доля правды. Фанатично настроенные бойцы в поисках продовольствия и прибежища доставляли немало хлопот простым людям, нарушая их мир и покой. Во время первой чеченской войны 1994–1996 гг. бывали случаи, когда жители сел просили чеченских бойцов покинуть деревню, чтобы избавить их от атак российских войск. Но это не означает, что жители хотели покинуть свои дома без возможности вернуться в родные места – и уж тем более невозможно вообразить, будто жители Гадрута или Геташена желали присутствия в своих селах азербайджанских омоновцев. Даже если у них возникали трения с армянскими партизанами, то вооруженное нападение на село с последующей депортацией не было для них выходом из положения. А немедленное размещение азербайджанских беженцев в покинутых армянами селах показывает, что цель таких операций не сводилась лишь к «выявлению террористов».

Две правозащитные группы, проводившие интервью с беженцами, обнаружили свидетельства систематического насилия. Одна из них заключала: «Официальные лица Азербайджана, включая председателя Верховного Совета республики Аяза Муталибова и второго секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Виктора Поляничко, продолжают оправдывать эти депортации, представляя их как добровольное переселение жителей Нагорного Карабаха. Однако у нас есть неопровержимые свидетельства того, что эти действия проводились с применением физического насилия и оружия, что приводило к убийствам, истязаниям и утрате личного имущества»[24].

Так какова же была истинная задача операции? Ясно, что она преследовала стратегическую цель. Опустошая армянские села на границах Карабаха, азербайджанские власти пытались блокировать фидаинов, отрезать пути их снабжения и создать вокруг Карабаха новое «кольцо» азербайджанских сел. Вместе с тем, однако, представляется, что политические цели операции были даже важнее.

[24] Доклад делегации Первого международного Сахаровского конгресса о событиях в Нагорном Карабахе, 13–16 июля 1991. С. 3.

Советские власти хотели добиться лояльности Азербайджана, проводя в отношении Нагорного Карабаха жесткую линию. Они пытались подавить карабахское националистическое движение – и в какой-то мере их действия увенчались успехом. Давление Азербайджана произвело впечатление не только на местных карабахских руководителей, но и на нового лидера Армении Левона Тер-Петросяна. 20 июля 1991 г. он в первый и последний раз встретился с Горбачевым в рамках переговоров по новому Союзному договору в Ново-Огареве и дал понять, что готов пойти на уступки. В то же самое время в Ереване развернулся серьезный конфликт между руководством АОД и руководством компартии. Тогдашний лидер коммунистов Арам Саркисян обвинил Тер-Петросяна в намерении отдать Шаумяновский район в обмен на более благоприятные условия договора в отношении Нагорного Карабаха[25]. Все это показывает, что в 1991 г. армянское националистическое движение было куда менее монолитным и более уязвимым, чем это могло показаться стороннему наблюдателю.

И все же, хотя компромисс обсуждался, армянское вооруженное сопротивление продолжалось. Имевшим значительное численное превосходство войскам Советской армии и азербайджанским силам, которые даже использовали танки и артиллерию 4-й армии, понадобилось несколько недель, чтобы выбить армянских ополченцев из Шаумяна. Трое очевидцев, находившихся в то время среди армянских бойцов, независимо друг от друга отметили их «высокий боевой дух», «жизнестойкость» и особенно тот факт, что они «намного превосходили противника в морально-психологическом плане». В самой же Армении карательная операция против карабахских армян вызвала небывалый рост числа добровольцев, пожелавших примкнуть к фидаинскому движению, – тем самым была сорвана одна из основных задач операции. Вот что по этому поводу говорил Шабад: «Несомненно, Муталибов убедил Горбачева в том, что там развернулось мощное партизанское движение фидаинов, что их действия приведут к отпадению от Азербайджана территорий с армянским населением, что они бандиты и что их надо уничтожить. И Горбачев – а с его стороны это была, конечно, величайшая глупость – согласился на эту операцию. Он, возможно, понимает сейчас, что операция такого рода была обречена, это было невозможно. Мы же видим в Чечне, что война с партизанами – пустое занятие».

Осенью 1991 г., когда обстановка на фронте неожиданно переменилась в их пользу, армянам относительно легко удалось вновь

[25] Интервью с А. Саркисяном, 4 мая 2000.

взять под свой контроль большинство сел в Шаумяновском районе. Таким образом, с сугубо военной точки зрения операция фактически провалилась: ее разработчики недооценили силу противостоящего им партизанского движения. Само проведение операции «Кольцо» оказалось возможным благодаря нарастающей политической неразберихе в Москве. Ее поддержали руководители силовых ведомств, которые уже готовили заговор по свержению Михаила Горбачева. Противоречивость мотивов, которыми они руководствовались, предпринимая попытку государственного переворота в августе 1991 г., – стремление сохранить Советский Союз, сделав ставку на демонстрацию силы и назидательное наказание, – просматривается уже в этой операции. Сам Горбачев, постоянно неуверенный и сомневающийся, похоже, поддержал план операции, не вполне понимая, что происходит. Не исключено также, что он был введен в заблуждение своим окружением. Тогдашний руководитель армянских коммунистов Арам Саркисян вспоминал инцидент с участием советского президента, произошедший в перерыве сессии Верховного Совета в Москве в июле 1991 г. Помимо прочего, его рассказ дает представление о хаотичном состоянии процесса принятия решений на самом верху: «В перерыве я вдруг заметил, что Муталибов, Язов и Крючков обступили Горбачева и Язов информирует Горбачева о чем-то. Я догадался, что они говорят [об операции "Кольцо"], подошел и встал у Горбачева за спиной, понимая, что вообще-то так не делается. Язов увидел меня и замолчал. Горбачев обернулся, взял меня за руку и сказал: "Отойдем!" Мы отошли в сторонку, и он мне говорит: "Что вы, армяне, там творите?" Я говорю: "А что такое?" – "Устраиваете взрывы, убиваете, изгоняете людей и так далее". Я говорю: "Простите, это информация с азербайджанской стороны. А у вас есть информация с армянской стороны?" Он говорит: "Что это значит?" Я сказал, что на самом деле это армян депортируют и небольшие группы армянского населения, более или менее организованные, пытаются сопротивляться. Он мне сказал: "Никаких депортаций там не может быть, потому что я не отдавал такого приказа". Тогда я говорю: "Очень прошу вас, вот стоит Крючков, председатель КГБ, пригласите его сюда, и пусть он мне в глаза скажет, что никаких депортаций не проводится!" [Горбачев] понял, что тут что-то не так, и сказал: "Ладно, я сам разберусь"»[26].

Поляничко, сторонник московских заговорщиков, был олицетворением этой помеси советского патриотизма и грубой силы. У Скотта

[26] Интервью с А. Саркисяном.

Хортона, члена американской правозащитной делегации, побывавшей в Карабахе в июле 1991 г., создалось впечатление, что Поляничко никакого особого расположения к Азербайджану не испытывал, а просто верил, что, провоцируя разлад в регионе, он укрепляет советскую власть. Во время недолгого полета из Баку в Степанакерт Хортон разговорился с Поляничко о его прошлом: «Он стал рассказывать мне о войне в Афганистане и о том, какую важную роль он сыграл в этой войне. Он был ученым-востоковедом, понимал племенную психологию афганцев и отвечал за формирование и осуществление советской стратегии, призванной извлечь выгоду из этого или что-то в этом роде. Я спросил: "Что это означало?" Он ответил, что они, например, переселяли разные этнические группы с места на место. Брали группу, враждующую с какой-то другой группой, и помещали ее в самую гущу чужаков так, чтобы она оказалась в их окружении. Это делалось с целью вызвать разногласия и напряженность и тому подобное. Тогда я сказал: "Это очень интересно, потому что очень похоже на операцию "Кольцо" – на то, как там осуществляют переселение разных этнических групп". Но он не захотел больше говорить об этом».

Другой член той же делегации, американец Уильям Грин Миллер, возглавлявший комитет по американо-советским отношениям, сделал другой вывод из этой поездки: «Было совершенно ясно, что там проявились осложнения, связанные с распадом СССР: приверженность советскому прошлому, неуверенность в будущем Советского Союза, неуверенность относительно применения силы в присутствии иностранцев, пусть даже только как наблюдателей. Все это было совершенно очевидно... Я думаю, Поляничко находился в том же состоянии растерянности, которое отражало общее состояние Советского Союза в тот период»[27].

Советский Союз фактически доживал последние дни. Между 19 и 21 августа 1991 г. после попытки путча в Москве и краха путчистов ему был нанесен нокаутирующий удар. Подобно всем советским людям, армяне и азербайджанцы после хаоса, возникшего в результате попытки переворота, оказались в совершенно ином мире.

[27] Интервью с У. Миллером, 9 янв. 2001.

Глава 9
ПРОТИВОРЕЧИЯ
Сюжет XX века

На границе между Советской Арменией и Азербайджаном, между городами Иджеван и Казах, чуть южнее Грузии, некогда стояла скульптура в виде дерева. На самой его верхушке цвел гигантский цветок, чьи лепестки символизировали дружбу трех братских республик Советского Закавказья.

В советскую эпоху никто, наверное, не обращал особого внимания на этот экзотический древоцвет, но разве лишь потому, что, по-видимому, для большинства людей его смысл был очевиден. Большинство жителей Кавказа сегодня говорят, что вплоть до конца 1980-х гг. жили в дружбе с соседями всех национальностей и считали себя лояльными советскими гражданами. В течение семи десятилетий почти не случалось массового насилия между армянами и азербайджанцами. Они жили бок о бок и торговали друг с другом. Межнациональные браки не были редкостью.

Тем не менее распря между армянами и азербайджанцами в 1988 г. оказалась чем-то большим, чем просто непонимание. Это был глубокий раздор, который расколол оба народа и сыграл важную роль в распаде Советского Союза. Но почему и каким образом мирное сосуществование двух народов внезапно обернулось конфликтом?

Возможный ответ на этот важнейший и тревожный вопрос следует начать с того, что, хотя между армянами и азербайджанцами раньше существовали и добрососедские отношения, и торговля, и межнациональные браки, между ними, как ни удивительно, практически отсутствовал живой диалог. Если послушать лидеров обеих сторон, рассуждающих об источниках армяно-азербайджанского конфликта, то становится ясно, что это две разные повести, герметически запечатанные и не имеющие между собой почти ничего общего. Многие азербайджанцы, к примеру, в принципе отвергают идею наличия некоего «карабахского вопроса». Они говорят, что стали жертвой опасной армянской идеологии, которая почти никакого отношения

не имела к Нагорному Карабаху как таковому. Азербайджанский оппозиционный деятель Иса Гамбар, к примеру, утверждает, что события февраля 1988 г. в Карабахе стали проявлением ирредентистского движения, импортированного из Армении, и его можно было бы подавить путем своевременных действий бакинского руководства: «Инициатива принадлежала армянской стороне. Они начали выдвигать территориальные претензии к Азербайджану. Они стояли за вспышкой сепаратистского движения в Нагорном Карабахе. Так что нет сомнений, что вся ответственность в этом вопросе лежит на армянских ультранационалистах. В то же самое время мы считаем, что тогдашнее руководство Азербайджана несет свою долю ответственности в том смысле, что оно не заняло более жесткую и решительную позицию – ведь тогда эту проблему можно было разрешить в течение первых нескольких дней»[1].

Армянский лидер Роберт Кочарян предлагает совершенно иные аргументы, полагая, что конфликт в Карабахе был исторически неизбежен: «В 1917 г. произошла революция. Когда центральная власть в [царской] России перестала существовать, эта проблема встала с предельной остротой. Три года шла война, и в итоге советские войска насильно присоединили Карабах к Азербайджану. Так что эта проблема была всегда, и было совершенно очевидно, что, как только центральная власть ослабеет или исчезнет вовсе, случится то, что мы имеем сейчас. Это было совершенно очевидно для всех карабахских армян. В этом ни у кого не возникало сомнения – и мне кажется, что это было также очевидно и для самих азербайджанцев»[2].

Противоречащие друг другу взгляды на недавнюю историю показывают, что в советскую эпоху Армения и Азербайджан двигались разными политическими, экономическими и культурными курсами, которые редко пересекались. Это вылилось во взаимное неуважение и страх.

СПОР XX ВЕКА

Пытаясь выявить корни карабахского конфликта, мы должны прежде всего отвергнуть идею, что это был «извечный конфликт». Как по форме, так и по содержанию армяно-азербайджанские разногласия возникли чуть более ста лет назад. Нагорный Карабах, ставший яблоком раздора и причиной войн в 1905 и 1918–1920 гг., был передан Азербайджану в 1921 г., а его нынешние границы окончательно установлены в 1923 г. Как заметили два американских историка, «можно сказать, что причины нынешнего конфликта скрыты в туманах XX столетия»[3].

Идеологический контекст спора имеет вполне современный характер. Националистическая идеология – убеждение, что тот или иной этнос обладает исконным правом государственности на определенной территории, – вплоть до конца XIX в. не играла сколько-нибудь существенной роли в регионе. Так что нижеследующее описание затрагивает уже историю XX в.

Корни этого спора восходят к тому периоду, когда Османская и Российская империи находились в стадии умирания, а армяне и азербайджанцы открыли для себя идею национального самоопределения. Армян вдохновил пример движений за независимость на Балканах и в Восточной Европе. Ведущая националистическая партия в Армении, Армянская революционная федерация, больше известная под названием «Дашнакцутюн» (или «дашнаки»), была основана лишь в 1890 г. В то же самое время азербайджанцы, обратив свой взор на «тюркских братьев», начали укреплять связи с Турцией и встали на путь вооруженной борьбы за отделение от России.

Катастрофа 1915 г. изменила и ускорила этот процесс. Крах Османской империи и массовая резня армянского населения положили конец вековому проживанию армян в Турции и превратили российскую Армению в страну беженцев. Затем, с падением Российской империи в 1917 г., народы Кавказа неожиданно обрели независимость. В мае 1918 г. три больших нации Кавказа образовали независимые государства. Наибольшую выгоду от независимости получила Грузия, потому что ни армяне, ни азербайджанцы не обладали всей полнотой власти в своих государствах. 28 мая Азербайджан провозгласил независимость с временной столицей в Гяндже, так как Баку все еще находился под властью большевистской Коммуны. Армяне объявили о своей независимости в тот же день и сделали это, с большой неохотой, в грузинской столице Тифлисе. Они только что остановили наступление турецких войск в битве при Сардарабаде и должны были через несколько дней подписать мирный договор.

Два националистических режима во главе с партиями Дашнакцутюн в Армении и Мусават в Азербайджане, взявших в 1918 г.

[1] Интервью с И. Гамбаром, 7 апр. 2000.

[2] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

[3] Laitin D. D., Suny R. G. Karabakh: Thinking a Way out // Middle East Policy. 1999. Vol. 7. No. 1. P. 145.

власть, заспорили о том, где пройдут границы между двумя государствами. Камнем преткновения стали три области с этнически смешанным населением, которые на карте выстроились друг за другом с запада на восток, подобно опирающимся друг на друга костяшкам домино, – Нахичевань, Зангезур и Карабах. Азербайджану удалось при поддержке Турции взять под свой полный контроль самую западную область, Нахичевань, изгнав оттуда тысячи армян. В Зангезуре, расположенном восточнее, за горным массивом, беспощадный командир армянских партизанских отрядов Андраник смерчем пронесся по всему региону, сжигая азербайджанские села и выгоняя их жителей. Ситуация в горах Карабаха оказалась более сложной: местная ассамблея карабахских армян предприняла попытку провозгласить независимость, но у нее почти не было связи с находящейся по другую сторону гор Республикой Армения.

Когда в ноябре закончилась Первая мировая война, Турция капитулировала перед Антантой и вывела свои войска из Азербайджана. В республику вошли войска Великобритании, и Азербайджан провел первый год в качестве независимого государства под британским мандатом. Заинтересованные в Азербайджане как оплоте против большевиков и источнике нефти, англичане предприняли вялые попытки разрешить территориальный спор. В декабре в Шуше была учреждена британская миссия, просуществовавшая там восемь месяцев (где-то за городской стеной похоронены два британских солдата – ланкаширский пехотинец и патан с северо-западной границы). Генерал Уильям Томсон, возглавлявший экспедиционный корпус, назначил в Карабахе крайне непопулярного среди армян губернатора-азербайджанца, доктора Хосровбека Султанова, и уговорил командира армянских партизанских отрядов Андраника вернуться в Армению. Томсон говорил, что это лишь временная договоренность и все оставшиеся вопросы будут разрешены на предстоящей Парижской мирной конференции[4].

Но Парижская мирная конференция так и не разрешила спор о границах. Англичане ушли из Азербайджана в августе 1919 г., оставив после себя обманутые ожидания и неурегулированные раздоры[5]. В Карабахе вековая дилемма – сотрудничество или конфронтация? – стала причиной раскола армянской общины. Одни – в основном дашнаки и жители сельских районов – хотели воссоединения с Арменией. Другие – главным образом большевики, торговцы и ремесленники – по словам армянского историка Ричарда Ованнисяна, «считали, что экономически область связана с Западным Закавказьем, и искали возможности примирения с правительством Азербайджана, видя в этом единственный путь спасения Нагорного Карабаха от полной разрухи»[6]. Эта группа по большей части концентрировалась в Шуше, однако сторонники обеих групп были убиты или изгнаны в ходе жестокого подавления армянского мятежа в марте 1920 г., когда погибли сотни шушинских армян.

Британский журналист К. Э. Бехгофер, путешествуя по Армении в апреле 1920 г., был потрясен картиной хаоса, экстремизма и насилия: «Невозможно убедить партию ярых националистов, что два минуса не дают в сумме плюс. Соответственно ни дня не проходило без того, чтобы обе стороны, армяне и татары, не выставляли друг другу целые списки взаимных обвинений – в неспровоцированных нападениях, убийствах, поджогах деревень и тому подобного. Налицо был порочный круг: каждое новое нападение татар или армян вызывало ответное нападение. Побуждаемые страхом, оба лагеря шли на все новые эксцессы. Дашнаки оставались у власти благодаря сложившейся ситуации, а ситуация была именно такой не в малой степени из-за того, что у власти были дашнаки»[7].

Предложенное Бехгофером решение получило неожиданный резонанс восемьдесят лет спустя: он был убежден, что единственный способ разрубить узел состоит в том, чтобы все признали границы Армении и состоялся взаимный переход армян и азербайджанцев через новую границу – как и случилось в 1988–1990 гг. Однако вскоре после поездки Бехгофера в регион вновь вернулась старая имперская власть России, надевшей новую военную форму. Большевики взяли Баку и свергли мусаватистское правительство. В мае 1920 г. 11-я ар-

[4] Армянские историки в известной степени демонизировали фигуру Томсона за признание де-факто азербайджанского владычества над Карабахом, которое продолжалось и в коммунистическую эпоху. Но, судя по архивным документам, его действия были продиктованы больше инстинктивным стремлением к стабильности, нежели армянофобией: полагая, что сохранение контроля Азербайджана над Карабахом наилучшим образом способствует стабильности в регионе, Томсон вместе с тем направил в Лондон телеграмму о том, что армянам следует отдать территории в Восточной Турции.

[5] О роли англичан на Кавказе в 1919–1920 гг. см.: Arslanian A. H. Britain and the Transcaucasian Nationalities during the Russian Civil War // Transcaucasia, Nationalism and Social Change / ed. R. G. Suny. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983.

[6] Hovannisian R. G. The Republic of Armenia. Vols. I–IV. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1971–1996. Vol. III. P. 133.

[7] Bechhofer C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London: Arno Press, 1971. P. 283.

мия большевиков вошла в Карабах и спустя полгода захватила власть в Армении.

Поначалу большевики решили отдать Армении все спорные территории, по-видимому, в награду за ее обращение в большевизм. В декабре 1920 г. коммунистический лидер Азербайджана Нариман Нариманов приветствовал «победу братского народа» и объявил, что все три спорных района, Карабах, Нахичевань и Зангезур, отныне станут частью Советской Армении. Это обещание, данное явно под давлением Москвы, так и осталось невыполненным. Весной 1921 г. баланс сил изменился, и антибольшевистский мятеж в Армении сразу испортил отношения между Москвой и Ереваном. Все прошлые договоренности утратили силу. К тому моменту судьбу Зангезура и Нахичевани уже решила военная сила. Лидер дашнаков Нжде захватил Зангезур, изгнав оттуда остатки азербайджанского населения и добившись, как эвфемистически выразился один армянский автор, «реармянизации» региона[8]. Азербайджанцы получили Нахичевань, и ее статус был подтвержден Московским договором, подписанным в марте 1921 г. между Советской Россией и Турцией. По этому же договору Карсская область, ранее в основном армянская, отошла к Турции.

Под вопросом оставалась лишь судьба Нагорного Карабаха. Окончательное решение относительно его статуса должны были принять шесть членов Кавбюро, большевистского комитета по делам Кавказа, чья деятельность находилась под неусыпным наблюдением наркома по делам национальностей Иосифа Сталина. 4 июля 1921 г. бюро проголосовало за присоединение Карабаха к Советской Армении, против чего решительно возражал Нариманов. Спустя сутки бюро решило, «исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи между Верхним и Нижним Карабахом, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах АзССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящем в состав автономной области»[9]. В июле 1923 г. советские власти создали Нагорно-Карабахскую автономную область и через месяц утвердили ее административные границы. Армянский поселок Ханкенди стал областным центром и

[8] Chorbajian L., Donabédian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabagh. London; Atlantic Highlands, N.J.: Zed Books, 1994. P. 134.

[9] Нагорный Карабах: Историческая справка. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. С. 33.

был переименован в Степанакерт в честь одного из бакинских комиссаров, Степана Шаумяна. Область, населенная преимущественно армянами (94 % от общей численности населения), получила новые границы, но оказалась оторванной от Армении.

Десятки литров чернил были изведены на споры о том, почему Нагорный Карабах в 1921 г. стал частью Советского Азербайджана. Аргументы за и против этого решения отражают самую суть политической подоплеки карабахской проблемы: экономические интересы и географические особенности Азербайджана сталкиваются с доводами армян, апеллирующих к демографической ситуации и исторической преемственности. Проще говоря, регион, который населен преимущественно армянами и в котором сильны традиции армянского самоуправления, был расположен восточнее естественного рубежа между Арменией и Азербайджаном и экономически интегрирован с Азербайджаном.

В 1921 г. позиция большевиков изменилась отчасти в силу конъюнктурных стратегических соображений. Для них тогда приоритетной задачей было укрепление своей власти в Азербайджане, который благодаря нефтяным месторождениям имел куда больше значения, чем Армения. Кроме того, в 1921 г. Азербайджан являлся формально независимым большевистским государством, близким союзником Турции. Республика имела свой комиссариат иностранных дел, дипломатические представительства в Германии и Финляндии, консульства в Карсе, Трабзоне и Самсуне. Большевики в Москве надеялись, что новая мусульманская советская республика станет, по словам бакинского большевика Султана Галиева, «красным маяком для Персии, Аравии и Турции», способствуя их присоединению к мировой революции. Коммунистический лидер Армении Александр Мясникян позднее жаловался на угрозу Нариманова, заявившего: «Если Армения будет претендовать на Карабах, мы перестанем поставлять туда керосин»[10].

Образование Нагорно-Карабахской автономной области внутри Азербайджана часто приводится в качестве примера политики «разделяй и властвуй», когда Москва натравливала один подвластный ей народ на другой, дабы упрочить свою власть. Но это упрощенный взгляд. Разумеется, большевики восстанавливали империю всеми имевшимися у них средствами. Однако если бы они хотели только

[10] См.: Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. P. 104–105; Pipes R. The Establishment of the Union of Soviet Socialist Republics // The Soviet Nationality Reader / ed. R. Denber. Boulder; Oxford: Westview Press, 1992. P. 46; Нагорный Карабах: Историческая справка. С. 33.

«разделять и властвовать», то было бы куда логичнее передать нагорнокарабахский анклав Армении, создав причудливый островок суверенной Армении внутри Азербайджана.

На самом деле, вероятно, на решение Кавбюро повлияли далеко идущие соображения как экономического, так и колониального характера. Ленин и Сталин сделали Нагорный Карабах элементом новой запутанной мозаики автономных областей и республик, которая шла на смену старой царской системе однородных губерний. Новые области должны были стать экономически жизнеспособными территориями, и все прочие соображения отходили при этом на второй план. Так, скажем, на Северном Кавказе жителей равнинных и горных районов – таких, как кабардинцы и балкарцы, – воссоединили в границах одной автономной республики. Эти народности ранее не имели этнических связей, но планировалось, что они станут работать плечом к плечу на новых стройках социализма и поведут отсталые горные племена к светлому будущему. Решение оставить Карабах в составе Азербайджана было продиктовано той же экономической логикой. Особенно на руку это оказалось тысячам азербайджанских и курдских пастухов-кочевников, которые регулярно перегоняли отары овец на высокогорные пастбища Карабаха летом и спускались на равнины Азербайджана в зимнее время[11]. В этом смысле образование Нагорного Карабаха точнее можно назвать результатом политики «объединяй и властвуй». Причем советская разновидность подобного объединения сама по себе таила немалую опасность, потому что стимулировала острую конкуренцию между новыми партнерами.

МАЛЕНЬКИЕ ИМПЕРИИ

Непредвиденным побочным продуктом изобретенного Лениным нового административного устройства страны стало то, что новая система, привязав национальность к территории проживания, консервировала внутри себя национализм в скрытой форме. СССР был образован как федерация республик, названных по национальности. Каждая «союзная республика» (в 1922 г. их было четыре, а после 1956 г. – пятнадцать) сохраняла элементы суверенитета, включая формальное право выхода из состава Советского Союза. Все они имели свой флаг, герб, гимн и политические институты.

[11] Об экономических вопросах, и в частности кочевниках, см.: Yamskov A. N. Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // Theory and Society. 1991. Vol. 20. No. 5. P. 631–661.

Большинство атрибутов суверенитета имели, впрочем, чисто декоративный характер и мало что значили в условиях жестких ограничений однопартийной системы авторитарного государства. Но при этом они подчеркивали и без того очевидные национальные различия, формализованные самой системой. Советский Союз (в отличие, например, от США) не был «плавильным котлом». Достигнув шестнадцати лет, каждый советский гражданин должен был заявить о своей национальной принадлежности, фиксируемой в печально известной «пятой графе» внутреннего советского паспорта. Это означало, что все люди в СССР принадлежали, по крайней мере, к двум группам, а некоторые национальные меньшинства, вроде азербайджанцев и курдов, проживавших в Армении, например, или армян, лезгин и русских в Азербайджане, к трем. Они являлись, во-первых, представителями национальности, указанной в их советских паспортах (курды, армяне, азербайджанцы и т. д.), во-вторых, гражданами союзной республики – России, Армении или Азербайджана, и, наконец, гражданами Советского Союза – то есть частью «советского народа» в целом.

Уже в послевоенные годы Советский Союз обрел свой стандартный серый внешний вид. Его граждане могли вступать только в одну партию, покупать только три вида сосисок, читать только «Правду», «Известия» и «Труд». Армянину или азербайджанцу многое было привычно – будь то одинаковые жилые дома или одинаковое мыло – и в Ташкенте, и в Таллине, равно как в Баку и Ереване. Тем не менее подспудно существовала масса различий. После смерти Сталина баланс экономической власти начал смещаться от центра вовне – от России к союзным республикам. Кое-кто из русских даже жаловался, что бремя империи становится слишком дорогим. Реформатор горбачевской эпохи Александр Яковлев говорил: «[В 1970–1980-е гг.] Политбюро уже не обладало такой властью, как при Сталине. Во-вторых, появилось понимание того, что нам необходимо дать республикам некоторую степень свободы. В итоге они обрели бы определенную ответственность и перестали бы вечно клянчить: "Дайте денег, дайте денег, постройте то, постройте это". Все чаще звучала идея заставить республики платить за себя – ведь они работали, они зарабатывали свои собственные средства. Понимаете, советская империя была очень странной империей. Россия доминировала политически, но экономически она страдала, все делалось вопреки экономическим интересам России»[12].

[12] Интервью с А. Яковлевым, 8 дек. 2000.

Три кавказские республики постепенно усиливали свою значимость, и ряд ярких атрибутов их нового статуса как мини-государств был закреплен в новой «брежневской» Конституции 1977 г. Так, в каждой республике язык титульной нации – грузинский, азербайджанский и армянский – стал официально считаться «республиканским языком» (в случае с Грузией Москва согласилась пойти на такой шаг после массовых уличных выступлений протеста). 72-я статья Конституции подтвердила, пусть только на бумаге, право союзных республик на выход из состава СССР, а статья 78-я гласила, что «территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия» – это и стало конституционным козырем Азербайджана в карабахском споре.

Растущая уверенность доминирующих этносов союзных республик – армян, грузин и азербайджанцев – вынуждала национальные меньшинства чувствовать шаткость своего положения. Ситуация, позволившая Андрею Сахарову назвать союзные республики «маленькими империями», нашла отражение в демографической статистике. В Армении численность армянского населения в период между двумя переписями 1970 и 1979 гг. выросла на 23 %, а численность азербайджанцев в этой республике за тот же период увеличилась лишь на 8 %. Это свидетельствовало о том, что азербайджанцы, у которых темпы роста рождаемости были весьма высоки, покидали Армению. В результате армяне составили более 90 % населения Армении, что сделало ее самой гомогенной республикой Советского Союза[13]. За тот же период в Азербайджане численность этнических азербайджанцев выросла на четверть, а вот численность армян и русских фактически упала. К 1979 г. в Нахичевани армяне составляли лишь 1 % населения, или 3 тысячи человек. Карабахские армяне приводили этот факт как пример медленной «деармянизации» Нахичевани на протяжении XX в. и того, что может случиться с ними.

Малочисленные народности Кавказа, например курды, также жаловались на ассимиляцию. В 1920-е гг. азербайджанские курды имели свою национальную автономию к западу от Нагорного Карабаха – Красный Курдистан. В 1930 г. ее упразднили, и большинство курдов постепенно стали считаться «азербайджанцами». По подсчетам одного из лидеров курдской общины, в 2000 г. в Азербайджане проживало около 200 тысяч курдов, хотя официальная статистика

[13] Данные о численности населения см.: Silver B. D. Population Redistribution and the Ethnic Balance in Transcaucasia // Transcaucasia, Nationalism and Social Change. P. 373–395.

говорила только о 12 тысячах[14]. Российский эксперт по национальному вопросу Валерий Тишков отмечал: «[Союзные республики] обращались со своими национальными меньшинствами куда жестче, чем Москва. При обсуждении причин распада [Советского Союза] основное внимание уделяется политике Москвы, но крупнейшими ассимиляторами были Грузия, Азербайджан и Узбекистан (Армения в меньшей степени только потому, что там было меньше национальных меньшинств)»[15].

ПЕРВЫЕ СЕКРЕТАРИ – ФЕОДАЛЫ

В 1960–1970-е гг. к власти в трех кавказских республиках пришли представители нового поколения первых секретарей ЦК местных коммунистических партий. Эдуард Шеварднадзе в Грузии, Карен Демирчян в Армении и Гейдар Алиев в Азербайджане стояли у власти более десяти лет и создали разветвленную сеть, основанную на безусловном подчинении вышестоящему начальнику. По сути дела, они были своего рода феодальными князьями, платившими дань Москве и единолично правившими дома. Это наследие впоследствии помогло и Шеварднадзе, и Алиеву вернуться во власть в качестве президентов независимой Грузии и независимого Азербайджана в 1992 и 1993 гг. И никого особенно не удивляло, что при одной системе оба являлись преданными ЦК партийными боссами, а при другой в одночасье стали служащими народу национальными лидерами. В 1998 г. в Армении Демирчян едва не последовал их примеру, но потерпел поражение во втором (спорном) туре президентских выборов.

Занимая с 1969 по 1982 г. пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Азербайджана, Гейдар Алиев был, вероятно, наиболее успешным республиканским руководителем в СССР. Он поднял престиж некогда непривилегированной советской республики, постоянно продвигал азербайджанцев на высокие посты в стране и мастерски льстил Брежневу. Брежнев трижды посещал Азербайджан, где его всякий раз осыпали щедрыми подношениями и устраивали ему грандиозные приемы. Однажды Алиев преподнес ему кольцо с огромным бриллиантом под названием «Брежнев», обрамленным пятнадцатью бриллиантами меньшего размера, символизирующими союзные республики. Говорят, кольцо обошлось в астрономическую

[14] Интервью с Ш. Аскеровым, 20 нояб. 2000.

[15] Интервью с В. Тишковым, 5 дек. 2000.

по тем временам сумму – 226 тысяч рублей[16]. Правда, и Брежнев отплатил не менее щедро.

В 1995 г. в одном из интервью Алиев рассказал, как ему удалось убедить Брежнева финансировать строительство в Азербайджане нового завода по производству кондиционеров. И все потому, что во время партийной конференции в Ташкенте у советского лидера разыгралась бессонница: «Утром [Брежнев] пошутил, что в его комнате всю ночь как будто какой-то трактор работал, и только под утро он понял, что это кондиционер. Кто-то ему сказал, что этот кондиционер выпущен в Баку. А мы действительно наладили выпуск кондиционеров на одном заводе, но, конечно, не имея никакой технологии. Он ужасно шумел и не особенно охлаждал воздух, но ничего другого не было. И когда Брежнев удивился, как это в нашей стране не производятся кондиционеры, я предложил построить завод кондиционеров в Баку. Он согласился. После этого я стал проталкивать, то есть буквально проталкивать, решение по этому вопросу. Потом я стал выбивать финансирование. И когда средства были выделены, министр электротехнической промышленности Антонов решил построить завод в Запорожье [на Украине], потому что он там когда-то обучал рабочих и там легче было начать производство. Его логику можно было понять, но я пошел к Брежневу, и он сдержал свое обещание»[17].

Этот рассказ проясняет многое: почему советские люди на Кавказе и в Средней Азии каждое лето страдали от жары; как командная экономика оказалась не в состоянии обеспечить производство необходимых товаров; насколько оторваны были советские руководители от повседневных проблем советской жизни; как важно было иметь доступ к Брежневу; как принимались в стране важные решения.

Рассказ Алиева служит иллюстрацией того, как советская система, при всех разговорах о гармонии и братстве республик, способствовала конкуренции и соперничеству. Это особенно ощущалось именно на Кавказе, где региональное экономическое сотрудничество было на удивление слабо развито и, в силу абсурдности системы централизованного планирования, завод в Армении мог с таким же успехом иметь смежников в Минске или Омске, как и в соседнем Азербайджане. В политической сфере брежневский авторитарный режим хоть и ограничивал полномочия местных руководителей, но зато не возлагал на них почти никакой ответственности: вместо разделения власти между Москвой и регионами шел бесконечный торг

[16] Vaksberg A. The Soviet Mafia. London: Weidenfeld and Nicholson, 1991. P. 192.

[17] Московский комсомолец. 1995. 18 окт.

за распределение благ и льгот. Будучи политически полностью подчинены центру, республиканские лидеры в Баку, Тбилиси и Ереване ревниво лелеяли свою личную власть и не имели ни малейшего стимула для взаимного сотрудничества.

В результате отношения между руководителями трех закавказских республик оставались неважными. Говорили об острейшем соперничестве между Алиевым и Шеварднадзе, хотя впоследствии они наладили взаимоотношения в 1990-е гг., возглавив независимые Азербайджан и Грузию. Но самые плохие отношения сложились, вероятно, между Алиевым и Демирчяном.

В 1970–1980-е гг. Алиев и Демирчян враждовали из-за распределения бюджетных ресурсов. Самую знаменитую их размолвку вызвали планы строительства трассы, которая, пройдя по территории Армении, соединила бы азербайджанский эксклав Нахичевань с республикой, причем этот вопрос вновь поднимался в 1999 г., хотя и в совершенно ином виде. Как азербайджанский партийный руководитель Алиев, уроженец Нахичевани, активно лоббировал идею строительства трассы союзного значения в Нахичевань через армянский Мегринский район. Это был престижный дорожностроительный проект, причем трасса должна была пролегать только по советской территории, что могло бы принести номинальную выгоду всем заинтересованным сторонам. Однако Демирчян решительно выступал против проекта, и в конце концов ему удалось его заблокировать. Он, очевидно, был убежден: что хорошо для Советского Азербайджана – плохо для Советской Армении.

Когда встал вопрос о прокладке шоссе через Мегри, Игорь Мурадян, впоследствии зачинатель движения карабахских армян, работал в республиканском Госплане. По его словам, ему дали задание: найти аргументы против строительства магистрали: «Нам нужно было доказать, что грузопоток в Нахичевань является незначительным». Как мы уже видели, Мурадян, хотя и был активистом националистического движения, пользовался негласной поддержкой Демирчяна в своих кампаниях по дискредитации Алиева и Азербайджана. Отвечая на вопрос, почему глава коммунистической партии республики оказывал помощь ему, диссиденту, Мурадян со смехом объяснил, что он просто оказался полезным оружием во внутренней борьбе за власть. «Дорогой мой, Советский Союз перестал существовать уже в начале семидесятых! – сказал он. – Существовали разные республики. Одна республика воевала с другой и так далее. Их совершенно не интересовали общечеловеческие идеалы»[18].

[18] Интервью с И. Мурадяном, 5 мая 2000.

Три первых секретаря республиканских компартий пошли еще дальше по пути создания экономической самостоятельности и суверенности собственных республик. Они активно выступали за возрождение «национальных культур», что давало им возможность узаконивать свою власть внутри и укреплять имидж своих республик за их пределами.

Хрущевская оттепель 1960-х гг. стимулировала всплеск интеллектуальной и культурной жизни во всех национальных республиках. Любые проявления нелояльности к России или коммунистической партии все еще считались недопустимыми, но писатели и историки теперь могли обращаться ко многим аспектам культуры и прошлого, которые до той поры находились под запретом. Происходила своего рода мягкая деколонизация, совершаемая без жесткой политики. Размышления двух поэтов, азербайджанца и армянина, поразительным образом схожи. Вот что сказал Сабир Рустамханлы, известный азербайджанский поэт: «Этот период – шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы – был периодом маленького возрождения в Советском Союзе. В разных республиках начался процесс самоидентификации, национальное самосознание росло... Несмотря на то что в студенческие годы нас заставляли изучать литературу, связанную со сталинизмом, и тому подобное, наше поколение полностью отрицало это. В наших стихах, в наших произведениях не было ни слова о советской идеологии, о братских узах с Москвой»[19].

А это рассказ армянки Сильвы Капутикян: «Руководство не подавляло наши национальные чаяния. Выходили совершенно необычные книги. Когда я была в Америке в 1964 г., я подарила одну из своих книг, посвященную целиком Армении, армянским проблемам, армянским трагедиям и тому подобное, одной женщине-дашначке. Она была поражена тем, как такое могло быть напечатано. Я объяснила ей, что у нас более или менее либеральное руководство – в хорошем смысле слова»[20].

Армения легко приспособилась к этому мягкому национализму. Россию и Армению так много связывало в смысле традиций и истории, что было несложно примирить армянский национализм и лояльность советскому режиму. В 1960-е гг. в Ереване стали появляться символы армянской государственности. После снятия статуи Сталина – некогда самой высокой в мире – ее заменили статуей Матери-Армении. Был создан мемориал в память жертв геноцида, установлены памятники армянскому воителю V в. Вартану Мамиконяну и даже командиру партизанских отрядов Андранику.

[19] Интервью с С. Рустамханлы, 8 нояб. 2000.

[20] Интервью с С. Капутикян, 26 сент. 2000.

В Азербайджане оказалось сложнее вписать местный национализм в советский шаблон. И все же Алиеву удалось поднять престиж Азербайджана в глазах соседей. Азербайджанский язык стал языком официального делопроизводства и политической жизни. Останки репрессированного при Сталине поэта Гусейна Джавида были доставлены из Сибири и перезахоронены в Азербайджане. Алиев открыл памятники азербайджанским поэтам, таким, как Вагиф и Низами. На этом фундаменте строилось новое здание национальной государственности Азербайджана.

КАРАБАХ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

По мере того как в послевоенный период армяне и азербайджанцы все больше осознавали свою силу, Нагорный Карабах все чаще становился ареной столкновения их национальных амбиций. Нагорный Карабах, где армянское население составляло подавляющее большинство, служил единственным совершенно явным примером в советской федеративной системе, когда члены этнической группы, имеющей собственную союзную республику, руководили автономной областью, входящей в другую республику. С самого начала партийные руководители Карабаха использовали весьма слабые институты, которые имели по статусу автономной области, для поддержания некоего уровня «армянизации» посредством библиотек, школьных учреждений, радиостанций и развития связей с Арменией.

Напряженность вокруг Нагорного Карабаха возникала еще при власти Сталина. В 1945 г. руководитель компартии Армении Григорий Арутюнов обратился к Сталину с просьбой передать область Армении. Азербайджанский руководитель Мирджафар Багиров дал отрицательный ответ в ироничной форме. После смерти Сталина карабахские армяне продолжали лоббировать этот вопрос в Москве (но никогда в Баку). В 1965 г. группа из тринадцати партийных работников и представителей армянской интеллигенции Москвы написала обращение к советскому руководству, жалуясь на методы управления Нагорным Карабахом из Баку. Многие после этого были уволены с работы, а шестеро вынуждены переехать из Москвы в Армению.

Климат изменился после того, как в 1969 г. Алиев стал руководителем компартии Азербайджана и вступил в конфликт с двумя местными армянами, Гургеном Мелкумяном и Мушегом Ованджаняном, которые в течение предыдущих десяти лет руководили автономной областью. Ованджанян, в 1960-е гг. возглавлявший исполком

Нагорно-Карабахского облсовета, то есть бывший как бы премьер-министром Карабаха, и в 2000 г. оставался членом местного парламента в Степанакерте. Он признавал, что испытывает противоречивые чувства к Алиеву, с которым в свое время тесно сотрудничал в Баку. С одной стороны, этот карабахский армянин восхвалял бывшего партийного руководителя за то, что он сделал для Азербайджана. По словам Оганджаняна, в 1970-е гг. он ездил на партийные конференции в Москву с высоко поднятой головой: «Когда Алиев был у власти, мы все гордились тем, что мы из Азербайджана. Потому что при его режиме как в экономике, так и в политике, да и в материальном плане, дела пошли куда лучше, чем при других [партийных руководителях Азербайджана]»[21]. Но с другой стороны, по словам Оганджаняна, Алиев «ужесточил политику» с целью усиления контроля Баку над Нагорным Карабахом.

В 1973 г. довольно простой вопрос – празднование 50-летия образования Нагорно-Карабахской автономной области – стал предметом спора между Баку и Степанакертом. По словам Оганджаняна, они с Мелкумяном планировали провести торжественные мероприятия, которые подчеркнули бы историю и достижения Нагорного Карабаха как административно-территориальной единицы в составе СССР, а не как части Азербайджана. С этой целью они намеревались пригласить на торжества со всего Советского Союза пятьдесят академиков и генералов, выходцев из Нагорного Карабаха. По словам Оганджаняна, высокие чиновники в Баку разгневались, увидев список приглашенных гостей – в основном из Москвы и Еревана. Они отложили проведение торжеств на несколько месяцев, а затем исключили из списка приглашенных большинство армян и русских. Лишенные помпезности торжества, на которых в основном присутствовали гости из самого Азербайджана, должны были подчеркнуть азербайджанскую принадлежность Нагорного Карабаха.

Алиев постепенно усиливал контроль над областью. В 1973–1974 гг. он сменил в Карабахе все местное партийное руководство. Мелкумян был уволен, а Оганджанян получил высокую партийную должность в Баку. Новый карабахский партийный лидер Борис Кеворков, армянин, но не уроженец Карабаха, был женат на азербайджанке и всецело предан Алиеву. Говорят, за все четырнадцать лет пребывания на своем посту он ни разу не съездил в Армению.

Оценки социально-экономической ситуации в Карабахе в этот период расходятся. Тех, кто побывал там в 1988 г., поразила общая

[21] Интервью с М. Оганджаняном, 5 окт. 2000.

атмосфера полного безразличия. «Дороги были, как после атомной войны», – вспоминает московский чиновник Григорий Харченко, которого также неприятно удивило антисанитарное состояние системы водоснабжения. Эти впечатления, впрочем, нельзя воспринимать вне общего контекста. Азербайджан в то время являлся беднейшей из трех республик Закавказья: по официальным данным, средняя заработная плата в республике была на 25 % ниже, чем в среднем по Советскому Союзу[22]. Согласно официальной статистике (к которой следует относиться с осторожностью), в Нагорном Карабахе больше экономических показателей превышали средние по Союзу, чем в Азербайджане. Недовольство карабахских армян своим экономическим положением объяснялось не тем, что они жили хуже, чем остальной Азербайджан, а тем, что могли бы жить еще лучше после присоединения к Армении.

Распределение прибылей в теневой экономике, которые с трудом поддаются оценке, являлось, по-видимому, куда более существенным фактором. Андрею Сахарову сообщили, что общий оборот капитала в теневой экономике Азербайджана в 1988 г. составлял 10 млрд рублей, а в Армении – 14 млрд рублей[23]. В Азербайджане процветал черный рынок горючего, цветов и черной икры, если ограничиться лишь тремя самыми популярными в Союзе продуктами. Азербайджанцы говорят, что в Нагорном Карабахе выращивалась марихуана. Подпольная торговля была неотъемлемой частью повседневной жизни. Вот что пишет об Азербайджане летописец «советской мафии» Аркадий Ваксберг: «По-видимому, ни в одной другой республике мафии не удалось захватить так много должностей снизу доверху в государственном и партийном аппарате, в торговле, науке, сельском хозяйстве и культуре»[24]. Еще больше удручало карабахских армян в 1970–1980-е гг. то обстоятельство, что они явно проигрывали более мощным сетям азербайджанской теневой экономики: будучи национальным меньшинством, они не обладали достаточной силой и влиянием, чтобы претендовать на большой кусок пирога.

Но вряд ли стоит сводить проблему Нагорного Карабаха лишь к социально-экономическим факторам. Карабахские армяне не от-

[22] В 1989 г. размер средней заработной платы в СССР составлял 182 руб.; в Азербайджане – 132 руб. См.: Юнусов А. Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития // Северный Кавказ и Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. М., 1997. С. 130.

[23] Sakharov A. Moscow and Beyond, 1986 to 1989. New York: Vintage Books, 1990. P. 88.

[24] Vaksberg A. The Soviet Mafia. P. 254.

рицают, что социально-экономическое положение региона отнюдь не было катастрофическим. В интервью в январе 1994 г. армянский лидер Роберт Кочарян сказал, что Карабах хоть и был отсталым регионом, но не это главное: «И все же я бы не стал сводить дело к тому, хорошо мы жили или плохо. Я не исключаю возможности, что, даже если бы в Азербайджане все было хорошо, эти проблемы встали бы в любом случае. Я убежден, что есть вещи поважнее, чем хорошая или плохая жизнь, это народ понимает, и это заставляет народы стремиться к независимости»[25].

Ставка была сделана на нечто большее и не столь материальное. Это можно назвать политикой самоопределения обеих сторон – в самом широком смысле слова. Армяне и азербайджанцы придерживались диаметрально противоположных представлений о культурной и политической идентичности Нагорного Карабаха. В этом отношении показательна советская демографическая статистика, данные которой более достоверны. Согласно этим данным, в Нагорном Карабахе на всем протяжении советского периода общая тенденция складывалась не в пользу армянского населения: в то время как численность азербайджанского населения Карабаха резко возрастала, число армян оставалось примерно на одном уровне. В 1926 г. в Карабахе насчитывалось 117 тысяч армян и 13 тысяч азербайджанцев. В 1979 г. соответственно – 123 тысячи и 37 тысяч.

Одна из причин, объясняющих такие тенденции в демографии, – целенаправленная политика бакинских властей: азербайджанцы направлялись на постоянное место жительства в крупные населенные пункты Ходжалы и Шушу. Была и иная причина: область покидали карабахские армяне – в основном имевшие высшее образование, – что укладывалось в русло демографических тенденций на Кавказе и в Советском Союзе в целом. Для наиболее профессионально активных работников единственная возможность карьерного роста существовала только в столице республики, в нашем случае – в Баку. Но карабахские армяне, будучи национальным меньшинством, не обладали достаточными связями и высокими покровителями, а следовательно, имели меньше шансов подняться по республиканской партийной лестнице. Поэтому многие карабахские армяне устремляли свой взор на Ереван или Москву, и многие родители посылали своих детей учиться в русские школы Степанакерта (нынешний Карабах – в такой же степени русскоязычный, в какой и армяноязычный). Общины

[25] Из беседы Р. Кочаряна с А. Карауловым в передаче «Момент истины» на телеканале ОРТ, 10 января 1994 г. Опубл.: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. VI. С. 271.

карабахских эмигрантов возникли в столь разных городах Советского Союза, как Ташкент, Москва и Грозный.

Для интеллигенции, как в самом Карабахе, так и в Армении, все упиралось в спор двух культур в самом широком смысле. Роль, которую интеллигенция сыграла во всех этих событиях, опровергает гипотезу о том, что в условиях конфликта образованный средний класс действует как сдерживающий фактор. В Карабахе как раз произошло обратное: советская интеллигенция первой разорвала узы дружбы со своими соседями, в то время как рабочие и колхозники продолжали трудиться и жить в согласии и мире. На вопрос о том, какой характер носили межэтнические отношения в советский период, бывший партийный работник из Карабаха Сергей Шугарян ответил: «В верхних слоях [общества] не было никаких столкновений [на межэтнической почве], потому что люди опасались конфронтации. А на среднем уровне напряженность на национальной почве существовала всегда. На самом же низовом уровне все жили дружно, там вообще никаких проблем не возникало»[26].

Армянская интеллигенция составила длинный список претензий. Например, в Нагорном Карабахе отсутствовало телевещание на армянском языке, в армянских школах не преподавали историю Армении, 24 апреля в Степанакерте не отмечался День геноцида, директор местного краеведческого музея Шаген Мкртчян был уволен по приказу из Баку. Серьезную озабоченность вызывал тот факт, что десятки древних армянских церквей в Карабахе не только не действовали, но даже не ремонтировались и постепенно разрушались. Карабахские армяне сравнивали положение дел в области и в Армении, где национальная культура с санкции официальных властей переживала возрождение. Другими словами, суть всех этих претензий сводилась к тому, что Азербайджан всячески подавляет стремление Нагорного Карабаха считаться армянским культурно-историческим анклавом. Но у азербайджанцев подобное стремление не получало никакой поддержки, ибо они имели свое представление о Карабахе как об азербайджанском анклаве с давними культурными и историческими традициями.

В этом сюжете есть и еще один немаловажный поворот: если карабахские армяне ощущали себя культурно и политически ущемленными на территории Азербайджана, то карабахские азербайджанцы чувствовали себя не менее ущемленными на территории Нагорного Карабаха. Они приводят массу примеров дискриминации со

[26] Интервью с С. Шугаряном, 13 дек. 2000.

стороны армян и рассказывают о том, как несладко им жилось в Степанакерте – городе с подавляющим армянским населением. «Армяне жили во сто раз лучше нас», – утверждал директор школы Эльхан Алекперов, возглавлявший в 1980-е гг. Министерство культуры в Шуше. Он приводит в пример маленькую армянскую деревушку в своем районе, где имелся свой Дом культуры, в то время как в гораздо большем азербайджанском поселке вообще отсутствовали какие-либо культурные учреждения. «Они нас всячески унижали, – говорил Алекперов. – Как-то мы поехали в Степанакерт на музыкальный конкурс. У нас были очень сильные исполнители. Но когда мы вышли на сцену и начали исполнять свой номер, в зале вдруг погас свет и отключились все микрофоны»[27].

ОТ РАЗДОРА К РАСКОЛУ

Советский Союз можно сравнить с огромным особняком с десятками темных комнат и отдельных квартир. Когда в 1980-е гг. утомленный и престарелый хозяин особняка – руководство Коммунистической партии – начал было менять условия договора найма, заключенного с жильцами, последние сделали несколько неприятных открытий: особняк прогнил изнутри, договор плохо составлен и полон противоречий, а дух «братства», с которым сюда вселились их деды, оказался мыльным пузырем. Тогда жильцы решили заняться ремонтом самостоятельно, да только переругались друг с другом и с домовладельцем. Даже после того, как хозяин умер, они продолжали вести яростные споры о том, кому какая квартира принадлежит по праву.

Армянские и азербайджанские «квартиросъемщики», затеявшие спор о Нагорном Карабахе, первыми обнаружили, что советская постройка обветшала и медленно рушится. Похоже, в конце 1980-х гг. на ситуацию в Карабахе, которая, в отличие от других горячих точек, быстро переросла из раздора в открытый конфликт, оказали влияние три ранее не принимавшихся в расчет фактора.

Во-первых, карабахским армянам удалось мобилизовать свои силы благодаря имеющимся в наличии автономным институтам. Они использовали областной совет для принятия резолюции о выходе из состава Азербайджана в феврале 1988 г. и применили полуофициальные средства борьбы – местную бюрократию, местную газету и радиостанцию – в целях усиления политической борьбы.

[27] Интервью с Э. Алекперовым, 7 июня 2000.

В этом смысле Нагорный Карабах оказался первым из ряда мятежных регионов, включая Чечню и Абхазию, которые воспользовались своим автономным статусом как трамплином для отделения.

Это был хотя и существенный, но недостаточный фактор для развязывания конфликта. Так, в Крыму, переданном в 1954 г. от России Украине, тоже имелись достаточно сильные институты, но русские крымчане не решились подняться на борьбу за отделение от Украины. Второй, куда более значительный фактор карабахского конфликта заключался в той легкости, с которой ненависть на этнической почве распространилась среди массы населения. Турецкий историк Халил Берктай называет эти массовые всплески страха и предрассудков «повестями ненависти». Они представляли собой оборотную сторону «возрождения» 1960-х гг. Причем вызвать подобные всплески ненависти между Арменией и Грузией или Азербайджаном и Грузией было гораздо труднее. Армянские и азербайджанские ученые на протяжении двадцати лет отвергали любые аргументы коллег из противоположного национального лагеря. В 1988 г. требовалась только инъекция политики – неразбавленного «спирта» – в эту тягучую смесь. Разгоревшаяся война брошюр, пропитанных ядом многолетнего опыта тенденциозных историографических штудий, сарказма, недомолвок и предвзятого цитирования заражала ненавистью тысячи и тысячи людей.

У двух наиболее шовинистически настроенных бойцов интеллектуального фронта были одинаковые инициалы: «З. Б.» – Зорий Балаян и Зия Буниятов. Оба состояли в КПСС, и оба вполне преуспевали при советской системе. Буниятов писал антиармянские исторические статьи еще в 1960-х гг. Возглавив азербайджанскую Академию наук, он воспользовался своим новым статусом и поставил публикацию антиармянских материалов на поток.

В 1990 г. возглавляемая Буниятовым академия выпустила 30-тысячным тиражом забытый расистский трактат, принадлежащий перу русского публициста начала XX в. Василия Величко. В книге «Кавказ» (1904) Величко утверждал, что политическая неблагонадежность армян, как и евреев, объясняется плоской формой их черепов, и восхвалял лояльность азербайджанцев царскому режиму: «Насколько армяне и евреи, в силу расового инстинкта, нутром враждебны всякой государственности и особенно идее неограниченной монархии, настолько азербейджанцы [sic!] стихийно, органически ей сочувствуют – даже мятежники, даже разбойники». Ненависть Величко к армянам, кажется, стала

единственным поводом, побудившим Буниятова переиздать сей труд[28].

Зорий Балаян, известный советский журналист и писатель, в 1984 г. опубликовал книгу «Очаг», в которой рассказал о своих поездках по армянской земле. Среди важнейших памятных мест на этом маршруте он провокационно указал азербайджанский эксклав Нахичевань и реку Аракс, протекающую по южной границе Азербайджана: «Я встретил восход на берегу Аракса. Мы беседовали с армянской рекой по-армянски»[29]. И хотя книга была написана в догорбачевскую эпоху, Балаян называл турок – в том числе и азербайджанцев – «врагами» и России, и Армении. Книга вызвала бурю протестов в Азербайджане – на что автор, вне всякого сомнения, и рассчитывал. И все же этой ненависти, возможно, так и не позволили бы выплеснуться за пределы малотиражных изданий, если бы не третий фактор конфликта: ослабление контроля со стороны Политбюро и неуклонное падение авторитета Москвы. В 1988 г. центральная власть, сама того до конца не осознавая, начала отказываться от своего имперского мандата. Советскому Политбюро даже не пришло в голову начать диалог с целью примирения конфликтующих сторон, как поступило бы любое демократическое руководство. Его единственным мощным оружием была военная сила, которую оно категорическим образом отказалось применить. Реформы Горбачева с пугающей стремительностью выявили, что фундаментальные доктрины, на которых покоился Советский Союз, были, в сущности, пустышкой. Говоря словами Юрия Слезкина, «лидеры страны поняли, как все труднее стало объяснять, что такое “социалистическое содержание”, и, когда Горбачев наконец отбросил устаревшее марксистское пустословие, остался единственный язык – отточенный и привычный язык национализма»[30].

Исследователь национализма Эрнест Геллнер использует другую метафору, говоря, что национализм заполнил вакуум, где у него не было конкурента: «Этнический национализм... естественно был порожден сложившимися после семи десятилетий советского якобинства условиями. Его питает двойной вакуум: отсутствие серьезной противодействующей ему идеологии и отсутствие серьезных противодействующих ему институтов»[31].

По мере заполнения этого двойного вакуума местные лидеры в Армении и Азербайджане с тревогой обнаружили, что «декоративный национализм», ими же санкционированный, обладает разрушительной силой, которая и смела большинство из них с властных постов. А простой народ отреагировал со смешанным чувством страха и энтузиазма, видя, как система, в которой он существовал, начала уходить из-под ног.

Чтобы дать разгореться конфликту, центру следовало просто сидеть сложа руки. В реальности же центр сделал наихудший выбор. В 1991 г. он вручил каждой из сторон по чаше с ядом – передал обеим республикам советские военные арсеналы. Тем самым Москва позволила им превратить распрю, участники которой воевали друг с другом охотничьими ружьями и острыми перьями публицистов, в полномасштабную войну с применением танков и артиллерии.

---

[28] Величко В. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Элм, 1990. С. 155.

[29] Балаян З. Очаг. Ереван: Советакан грох, 1984. С. 21.

[30] Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Becoming National: A Reader / ed. G. Eley, R. G. Suny. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 229. Образ особняка – адаптация блестящей метафоры Слезкина, уподобившего Советский Союз коммунальной квартире.

[31] Gellner E. Nationalism in the Vacuum // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities / ed. A. Motyl. New York: Columbia University Press, 1994. P. 250.

Глава 10
УРЕКАВАНК
Непредсказуемое прошлое

Самвел Карапетян развернул на полу своего кабинета двухметровый рулон ватманской бумаги. Издали этот прямоугольник плотной белой бумаги с нанесенным на него множеством цветных точек смахивал на абстракционистское полотно Джексона Поллока. Но склонившийся над ним Самвел походил не на живописца, а, скорее, на генерала, разрабатывающего план очередной кампании.

Перед нами была карта Кавказа, составленная по итогам переписи населения, проведенной в Российской империи на закате ее существования. Самвел выяснил этнический состав всех населенных пунктов – больших и малых – между Черным и Каспийским морями и присвоил каждой народности свой условный цвет. Потом он раскрасил каждую деревушку и город на карте в соответствии с национальной принадлежностью населения. В результате получился букет многоцветных созвездий, ставший своего рода исторической рентгенограммой Кавказа. В равнинных районах преобладали черные точки, которыми обозначались «татары», то есть азербайджанцы. Плотные группы зеленых точек в высокогорных районах Кельбаджарского и Лачинского районов обозначали курдские поселения. Редкие голубые кружки – русских. На территории нынешнего Азербайджана Самвел обратил мое внимание на две длинные красные полоски: одна тянулась вдоль южных предгорий Кавказского хребта, а другая по вертикали пересекала территорию Нагорного Карабаха. Это были армяне – то есть Самвел хотел показать, что именно они и являются истинными хозяевами и стражами азербайджанских предгорий.

Самвел Карапетян – один из самых непримиримых участников яростного конфликта между Арменией и Азербайджаном, а именно спора о далеком историческом прошлом обоих народов. Его шумный кабинет на шестом этаже Института искусств в самом центре Еревана похож на генеральный штаб этой кампании. В шкафах – документы, тысячи фотографий и более двухсот карт Нагорного Карабаха. На

стенах – множество карт, а также плакаты и календари с изображением карабахских монастырей.

Нагорный Карабах, из-за которого разгорелся спор, является полем ожесточенной битвы армянских и азербайджанских историков. Их мало интересует недавняя история. Они упрямо исходят из не признаваемой международным правом посылки: тот, кто первым владел данной территорией, и является ее хозяином на вечные времена – что в римском праве именовалось «prior tempore – fortior iure». В результате Карабах превратился в административно-территориальную единицу с «непредсказуемым прошлым», как когда-то говорили о Советском Союзе.

Первые перышки листьев пробились на деревьях кладбища Урекаванк. Серые стены средневековой церкви оттенялись зеленью. Эта церквушка и это кладбище, куда меня привез Самвел, стали первым пунктом нашей экспедиции по северной части Нагорного Карабаха. Самвел путешествует по этим местам каждую весну, в конце марта или начале апреля, как сейчас, когда стоит мягкая погода и редкая пока еще листва не прячет надгробий от объектива его фотоаппарата.

Самвел и две его ассистентки приступают к работе с прусской деловитостью. Прежде всего Эмма и Нарине развернули длинную рулетку и принялись обмерять церковь. Потом с помощью прутиков и карандашей соскоблили грязь с длинных холодных могильных плит в церкви, чтобы прочитать высеченные на них надписи. Самвел, разбирая армянские буквы, говорил, кто захоронен в могиле. Внешне он производил внушительное впечатление: высокий, с быстрыми внимательными глазами и совершенно лысой головой.

Под этими надгробными плитами, объяснил Самвел, покоятся епископы и князья из рода Бегларянов. Бегларяны были одним из пяти кланов «меликов», или князей, которые правили Карабахом в XV–XIX вв. Это крупные феодалы, которые не допускали сюда завоевателей и свято хранили армянские традиции в карабахских горных крепостях, за что и удостоились чести считаться хранителями армянской государственности даже в мрачную пору персидского владычества. Впрочем, судя по летописям, их холодные замки становились ареной интриг и распрей, скорее заставляющих вспомнить кровавые сюжеты «Макбета» и «Генриха V». Брат убивал брата ради титула, семьи меликов строили козни друг против друга. В 1824 г., незадолго до отмены феодальных титулов, российский генерал-губернатор Кавказа Алексей Ермолов в отчаянье направил царю письмо с под-

робностями кровавых междоусобиц Бегларянов из-за родовых поместий и прикрепленных к ним крепостных крестьян[1].

Самвел и его помощницы ходили по росистой траве родового кладбища Бегларянов, точно члены киносъемочной группы, расчищающие площадку для натурных съемок. Они выдирали из земли ягодные кустики и молодые побеги, обмеряли каждую могилу, соскребали с каждой плиты мох и грязь, копировали все надгробные надписи. Потом Самвел фотографировал каждую могилу, а Эмма и Нарине держали самодельный метр с прилаженными к нему тремя карточками с числами. Впоследствии все фотографии были переведены в цифровой формат и сохранены на компакт-диске.

«В Карабахе нет ни одной деревни, где бы я не смог почувствовать себя как дома», – сказал Самвел. Наступил вечер, и мы сидели за столом в гостиной у Сармена Даллакяна. Дровяная печка с ржавыми дверцами служила одновременно и отопительным прибором, и кухонной плитой, и тостером. На ней подогревалось молоко, надоенное от коричневой коровы Марал. На ужин нам подали хлеб, сыр и зелень. Самвел останавливался в этом доме двадцать один год назад, когда ему было девятнадцать. С тех пор деревня Талыш была захвачена азербайджанцами, сожжена и почти два года удерживалась ими, пока армяне опять ее не отбили. Большинство домов в Талыше до сих пор лежали в руинах.

Самвел занялся историей в 1978 г., в семнадцать лет. Вместо того чтобы поступать в институт, он отправился в долгий поход по Нагорному Карабаху, снимая старые армянские памятники фотоаппаратом «Смена» – самой дешевой моделью советского производства. Через два года – тогда-то он впервые и попал в Талыш – он путешествовал все лето и пересек Азербайджан и Нагорный Карабах, одолев тысячу километров и останавливаясь на постой в таких вот деревенских домах. Так родилась его миссия.

В Советском Азербайджане Самвел вызывал подозрения. «В Азербайджане нет ни одного областного центра, где бы я хоть раз не попадал в милицию или в местное отделение КГБ», – вспоминал он. Очень скоро причина стала ему ясна. По его словам, он стал препятствием в целенаправленной кампании по «азербайджанизации» культурной истории республики путем уничтожения всех армянских артефактов. Возвращаясь сюда каждый год, он обнаруживал

[1] Письмо Ермолова опубл.: Армяно-русские отношения: Сб. документов: В 3 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953. Т. 2. С. 178–181.

уничтоженные памятники, которые еще совсем недавно стояли целые и невредимые, как, например, церковь IX в. в Кедабекском районе на северо-западе Азербайджана. «Я приехал туда во второй раз в 1982 г., – рассказывал Самвел, – а первый раз побывал там в 1980-м, – и она была наполовину разрушена. Я увидел лопату и топор на земле, словно кто-то оставил их там, а сам ушел обедать. Единственное, что мне оставалось, – выбросить инструменты в ущелье».

К двадцати пяти годам Самвел уже был ходячей энциклопедией. Он составил опись сотен церквей, древних надписей и захоронений, которая хранилась в коробках у него в ереванской квартире. Все свободное время и деньги он тратил на свои изыскания: «Если мне приходилось выбирать, что купить – фотопленку или еду, я выбирал пленку». Но для достижения поставленной им перед собой цели – составить полный реестр всех армянских памятников за пределами Армении – не хватило бы целой жизни.

Хозяин дома Сармен налил нам по стаканчику тутовки – забористой карабахской тутовой (шелковичной) водки. На следующий день в Ки-Уэсте, в американском штате Флорида, должны были начаться мирные переговоры о будущей судьбе Нагорного Карабаха. Мне хотелось услышать мнение Самвела об этих переговорах, хотя я мог бы заранее догадаться, каков будет его ответ. Самвел сказал, что он категорически против любых дипломатических сделок с Азербайджаном, связанных с исконно армянскими землями: «Я даже думать об этом не хочу. Надеюсь, никакого урегулирования не будет!» Тем не менее он поинтересовался моим мнением относительно того, что ждет армянскую сторону в случае мирного соглашения. Я ответил, что в этом случае армянам придется вернуть по крайней мере шесть оккупированных районов вокруг Нагорного Карабаха и согласиться на возвращение изгнанных оттуда сотен тысяч азербайджанских беженцев. «Даже Кельбаджар?» – осведомился Самвел. Я кивнул. «Это невозможно!» – заявил он. Он не воевал. Но, как только Кельбаджарский район был «освобожден» в 1993 г., он отправился в полностью обезлюдевший район и нашел там сотни армянских могил, церквей и фрагментов. Это историческая сокровищница армянского искусства, убежден он, и она должна принадлежать армянам.

Но какие претензии историческое прошлое может предъявлять к настоящему? В каком смысле Кельбаджар можно назвать «армянским», если на протяжении последних ста лет там не проживал ни один армянин? Я не могу согласиться с тем, сказал я Самвелу, что Кельбаджарский район является «освобожденной» территорией, коль скоро оттуда изгнаны все пятьдесят тысяч его жителей, азер-

байджанцы и курды. Безусловно, доказывал я, все эти люди имеют полное право жить в домах, в которых родились. Но для Самвела прошлое затмевало настоящее. Для него изгнанные были «турками» и захватчиками. В ту пору, когда он ездил на автобусе по Азербайджану, его всегда рано или поздно сгоняли с сиденья. «Каждый турок или азербайджанец, – уверял он, – просит клочок земли: "Дайте немножко земли, чтобы было, где жить!" А через несколько лет оказывается, что у тебя – крохотный клочок земли, а у него все остальное».

Записанная история Карабаха не упорядочена. Первым европейцем, ступившим на эту землю, был служивший в монгольской армии немец Иоганн Шильтбергер, который провел зиму 1420 г. в равнинной части Карабаха и видел там и христиан, и мусульман. «Неверные называют этот край, на своем неверном наречии, Караваг, – писал он. – Неверные владеют всем этим краем, и тем не менее он расположен в пределах Эрмении. В деревнях проживают также и армяне, но они обязаны платить дань неверным»[2].

Оставленное Шильтбергером описание этой территории со смешанным населением соответствует истории правления мусульманских ханов и армянских меликов, которые управляли этим краем, как правило, независимо друг от друга, но иногда и совместно. С течением веков состав населения Карабаха из-за набегов завоевателей, голода и миграций менялся весьма существенно. Дополнительная сложность связана с тем, что большая часть азербайджанского населения вела кочевой образ жизни. Европейский аристократ барон фон Гакстгаузен, совершивший в 1843 г. путешествие по этим землям, пишет: «Татары и армяне Карабаха образуют пестрое и смешанное население, первые в основном ведут кочевую жизнь и в летнюю пору, засеяв свои поля, скитаются по краю, а осенью получают скудный, но достаточный для выживания урожай. Они кочуют по горам, где есть густые леса и тучные пастбища, а в жаркие месяцы поднимаются в районы вечных снегов, где расположены поселения кровожадных курдских татар. В осеннюю пору они спускаются снять урожай на равнины, которые в дождливый сезон становятся прекрасными пастбищами для их скота. Это зажиточный и гостеприимный народ: отдельные татары владеют многотысячными табунами лошадей лучших пород»[3]. Учитывая факт сезонных миграций, мы должны с

[2] Schiltberger J. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa, 1396–1427. London, 1879. P. 86.

[3] Haxthausen B., von. Transcaucasia, Sketches of the Nations and Races between the Black Sea and the Caspian. London, 1854. P. 438.

большой осторожностью относиться к демографической статистике XIX в. Представляется вполне вероятным, что большинство населения в высокогорных и западных районах Карабаха составляли летом азербайджанцы, а зимой – армяне.

Несмотря на это, историки как в Азербайджане, так и в Армении умудрились создать противоречивые версии истории региона, которые обращены в глубину веков, если не тысячелетий, и заявляют о непрерывном армянском или азербайджанском присутствии в этом крае. И разумеется, не удовлетворяясь отстаиванием своих историографических доводов, они всячески принижают доводы противоположной стороны. Как в Армении, так и в Азербайджане можно услышать, что другой этнос – это самые настоящие «цыгане», то есть кочевой народ, который никогда не знал истинной государственности.

Армянская версия говорит о непрерывающейся традиции армянского владычества в Карабахе, восходящего к древнему царству Арцах две тысячи лет назад. Карабахские мелики не столь далеких времен трактуются как могущественные князья, при этом роль мусульманских суверенов всячески принижается. Армяне не забывают подчеркнуть, что в конце XVII в. карабахские мелики обратились одновременно к римскому папе, баварскому курфюрсту и Петру I с просьбой о защите от соседей-мусульман. Когда же Армения оказалась под пятой Османской империи, мелики держались до последнего. Именно в Карабах в 1822 г. бежал, спасясь от османского плена, Ефрем, католикос Эчмиадзина.

У армянских историков-патриотов есть явное преимущество – надгробные надписи, которые собирает Самвел: они выступают как бы в роли немых свидетелей прошлого армянского народа. Однако эта версия истории обходит молчанием многие дружественные и деловые союзы, заключенные в прошлом двумя этническими общинами региона. В 1724 г., например, карабахские армяне и азербайджанцы из Гянджи заключили договор о совместной защите от Османской империи[4]. И если мусульмане оставили после себя мало свидетельств в камне, то не потому, что их тут не было, а потому, что они в меньшей степени были склонны к оседлости. Они, конечно, строили и караван-сараи, и мосты, но все же их непреходящими культурными достижениями оказались куда менее осязаемые артефакты, такие, как песни и ковры.

[4] Мамедов С. А. Исторические связи азербайджанского и армянского народа. Баку: Элм, 1977. С. 172–180.

Армянские националисты используют два основных аргумента, чтобы очернить своих соседей. Один аргумент заключается в следующем: так как большинство из них были «кочевниками», то они представляли низший класс по отношению к оседлым сельским жителям. Отвергая претензии беженцев из Кельбаджара, Самвел сказал мне: «Те, кто потерял свои дома, – это местные жители в третьем, максимум в четвертом поколении. Они же были кочевниками, и царь силой заставил их осесть в этих местах». Другое направление атаки – сам Азербайджан: это, мол, искусственное образование, создано только в XX в., и посему у его граждан меньше «исторических прав». В одном из интервью в феврале 1988 г. писатель Зорий Балаян надменно заявил: «Мы можем понять слова "Грузия", "Россия", "Армения" – но только не "Азербайджан". Употребляя это название, мы подтверждаем факт существования такой страны»[5]. Это напоминает знаменитое изречение, приписываемое Голде Меир, что палестинцы «никогда не существовали» как народ.

В ответ азербайджанские историки могли бы с успехом сконцентрировать свои усилия на изучении богатой истории сефевидского периода, когда Карабах входил в состав тюркоязычной династической империи с центром в Северном Иране. Глубокое исследование этой эпохи могло бы пролить свет на удивительную и разнообразную историю Карабаха в промежутке между XVI и XIX вв.

Но они этого не сделали. Вероятно, по причине того, что советским политикам для подкрепления историй новых союзных республик требовались буквальные примеры доморощенной государственности, азербайджанские ученые воспользовались другим маршрутом. Роль главного историка-патриота досталась весьма противоречивой фигуре. Зия Буниятов, по крайней мере, мог претендовать на звание настоящего бойца. Солдатом Красной армии он прошел во Вторую мировую войну через всю Европу, дошел до Германии. На его глазах над Рейхстагом в 1945 г. водрузили красное знамя Победы. За свои боевые заслуги он был удостоен золотой звезды Героя Советского Союза. Награда помогла ему сделать успешную научную карьеру и стать видным историком-кавказоведом. Позднее Буниятов занялся политикой. Его противоречивая карьера завершилась загадочным убийством на пороге собственного дома в феврале 1997 г.

[5] Интервью З. Балаяна: The Armenian Mirror-Spectator (Boston). 1988. 20 February. Перепечатано: The Karabagh File. Documents and Facts on the Question of Mountainous Karabagh, 1918–1988 / ed. G. Libaridian. Cambridge; Toronto: Zoryan Institute, 1988. P. 76.

Одно из самых ранних исторических наблюдений Буниятова хорошо обосновано. Он одним из первых среди историков заметил, что добрая часть армян в Армении и в Карабахе – потомки иммигрантов XIX в. В 1828–1830 гг., вскоре после завоевания Юго-Западного Кавказа, Россия переселила 57 тысяч армян из Турции и Ирана в Армению и Нахичевань. Небольшие группы осели также в Карабахе, где армяне – выходцы из Персии основали селения Меликджанлу, Цакури и Марага. Историки пока не пришли к окончательному выводу, какую долю девятнадцатитысячного армянского населения Карабаха в 1830-е гг. составляли поселенцы (половину, четверть, десятую часть?), но очевидно, что их там было немало.

Этот интересный исторический нюанс пробивает брешь в теории «непрерывной генеалогии» карабахских армян. Азербайджанских полемистов, впрочем, интересовали не бреши, а сокрушительные удары – вот почему Руфат, владелец чайной в парке Самеда Вургуна в Баку, втолковывал мне, что «всех армян» привез на Кавказ в 1820-е гг. русский поэт Александр Грибоедов, служивший российским послом в Персии.

В 2001 г. выходящая в Баку объединенная азербайджанско-чеченская газета прибегла к «аргументу Грибоедова», чтобы выразить поддержку освободительной войне чеченцев, отвлекаясь при этом от аналогии между стремлением чеченских сепаратистов отделиться от России и стремлением армянских сепаратистов отделиться от Азербайджана. В редакционной статье говорилось: «В отличие от армян, перемещенных из Турции и Ирана в Карабах в XIX в., чеченцы живут на земле предков. По этой причине никто не имеет права запретить чеченцам жить на своей земле»[6].

Спор вокруг событий XIX в. выглядит мелкой перепалкой в сравнении с битвами на переднем крае войны между армянскими и азербайджанскими историками: речь идет о периоде средневековья, а также о старинных церквях и кладбищенских памятниках, таких, как Урекаванк, который изучает Самвел Карапетян. Дебаты ведутся относительно таких фигур, как правивший независимым княжеством в Карабахе князь Хасан-Джалал, который выстроил красивейшие монастыри и чей кинжал, украшенный армянскими надписями, ныне выставлен в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Можно предположить, что владельцем этого кинжала был армянин – что вполне логично применительно к XIII в. Но все не так просто.

[6] Салам. 2000. № 1 (издано как приложение к: Эдилер. 2000. № 12 (97). С. 19–30).

Вот где профессор Буниятов выступает с самыми смелыми утверждениями. Он избрал основной сферой своих научных изысканий «древнюю историю Азербайджана», и в частности историю «Кавказской Албании». Согласно предложенной им теории, карабахско-армянские правители вроде Бегларянов и Хасан-Джалала были вообще-то не армянами, а... армянизированными албанцами!

«Албанцы», о которых говорит Буниятов, не имеют ничего общего с нацией на Балканах. «Албанцами» римляне называли кавказский народ, с которым встретились во время своих первых набегов на Кавказ в I в. до н. э. Когда в 1960-е гг. Буниятов начал популяризировать свою теорию, кавказские албанцы были давно забытым древним народом. В исторической науке существовало общепринятое мнение, что это христианская народность или группа народностей, ранее населявшая территорию на севере нынешнего Азербайджана и ко времени арабских завоеваний X в. начавшая ассимилироваться с окружающими народами. Так что, хотя «албанская» кровь в эпоху средневековья текла в жилах всех кавказских народов, «Албания» как политический и культурный феномен к тому времени уже исчезла. Впрочем, она продолжала существовать как топонимический термин: уже после полной ассимиляции самих албанцев название «Албания» иногда использовалось для наименования территории внутри и вокруг Нагорного Карабаха.

Буниятов оспорил эту общепринятую точку зрения и заявил о великой исторической роли албанцев. На самом деле, говорил он, албанцы – один из трех больших христианских народов Кавказа и прародители большей части населения нынешнего Азербайджана; они дожили до современной эпохи, но армяне устроили гонения на их церковь, перевели их литературные памятники, после чего уничтожили оригиналы. Не только сам Карабах, но и значительные территории Восточной Армении, уверял Буниятов, в действительности были «албанскими».

Буниятов развязал ядовитую полемику, за которую сами кавказские албанцы не несут никакой ответственности (в результате их история ничуть не прояснилась)[7]. Достоинства теории Буниятова весьма спорны. Впоследствии даже выяснилось, что две статьи о Кавказской Албании, которые он опубликовал в 1960 и 1965 гг., представляли собой прямой плагиат. Он напечатал под своим именем, не указав авторство, переводы двух англоязычных статей, написанных западными учеными Чарльзом Доусеттом и Робертом Хьюсеном[8]. Однако преследовал он прежде всего политические цели, в чем и преуспел. Подтекст его теории был ясен всякому жителю Кавказа: карабахские армяне не имеют никакого отношения к армянам, проживающим в Армении. Они являются либо «гостями» Азербайджана (иммигранты XIX в.), либо азербайджанцами по крови (как потомки албанцев) и, значит, должны вести себя соответственно.

Армянские ученые пришли в ярость. Армянский историк А. С. Мнацаканян, дабы развенчать историческую географию Буниятова, переселил кавказских албанцев далеко на северо-восток, к Каспийскому морю. По уверениям Мнацаканяна, они полностью исчезли к X в. Что же до средневековой «Албании», существовавшей в западной части региона, вокруг и на территории Карабаха, то ее он назвал «Новой Албанией» – областью, управляемой Персией и полностью заселенной этническими армянами, где от прежней Албании осталось разве что историческое наименование.

В 1970-е гг. представители молодого поколения армянских и азербайджанских историков подхватили знамя войны за Кавказскую Албанию и опубликовали ряд статей с язвительными сносками. Затем молодая ученица Буниятова Фарида Мамедова открыла в полемике новый фронт. Ее диссертация «Политическая история и историческая география Кавказской Албании» была настолько провокационна, что ей в течение пяти лет не разрешали защититься. Говорят, Горбачев лично заинтересовался возникшим вокруг этой диссертации шумом, и ее экземпляр лег ему на стол. Встретившись с Мамедовой в ее тесном кабинете в Западном университете в Баку, я сначала не мог поверить, что эта миниатюрная приятная брюнетка могла вызвать столь

[7] Приношу благодарность проф. Роберту Хьюсену, ставшему моим проводником по этому дремучему историческому лесу. Все неверные истолкования следующего ниже материала следует приписать исключительно мне. Прекрасное освещение всей «кавказской» полемики см.: Karny Y. Highlanders: A Journey to the Caucasus in Quest of Memory. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000. P. 371–404.

[8] В работе Буниятова «Мхитар Гош, албанская хроника. Предисловие, перевод и комментарии З. М. Буниятова», вышедшей в 1960 г., переведены без указания авторства комментарии к публикации Ч. Доусетта: Dowsett C. F. J. The Albanian Chronicle of Mxitar Gosh // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1958. Vol. XXI. Pt. 3. Правда, Буниятов указывает принадлежность перевода самой хроники Доусетту. Статья Буниятова «О хронологическом несоответствии глав "Истории Агван" Моисея Каганкатваци», изданная в Баку в 1965 г., является переводом, без указания авторства, статьи Р. Хьюсена: Hewsen R. On the Chronology of Movses Dasxuranc'i // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1954. Vol. XXVII. Pt. 1. (Информация уточнена при подготовке переработанного издания.) Буниятов также избирательно цитировал и неверно переводил европейские источники и записки путешественников по Карабаху, включая И. Шильтбергера, см.: Bournoutian G. A. Rewriting History: Recent Azeri Alterations of Primary Sources Dealing with Karabakh // Journal of the Society for Armenian Studies. 1992–1993. Vol. 6. P. 185–190.

громкий скандал. Но потом, когда она начала торопливо и убежденно излагать основные положения своей диссертации, рассказывая, как «армяне вынесли мне смертный приговор», ее глаза заблестели: было видно, что она с удовольствием смакует войну с армянами.

Насколько я понял, Мамедова ухватилась за албанскую теорию, чтобы полностью вытеснить армян с Кавказа. Она поместила Кавказскую Албанию на территории нынешней Республики Армения: все земли, церкви и монастыри в Республике Армения оказались албанскими. Она камня на камне не оставила от армянских святынь. Обращение Армении в христианство в IV в.? На самом деле, с ее точки зрения, сей факт имел место в тысячах километрах к югу от сегодняшней Армении, на реке Евфрат. Резиденция главы армянской церкви в Эчмиадзине? Она была албанской вплоть до XV в., когда туда переселились армяне.

Что же до основных письменных памятников этой албанской цивилизации, то, уверяет Мамедова, их намеренно уничтожали – сначала совместно армяне и арабы, а затем в ходе второй кампании по систематическому уничтожению этих памятников в XIX в. Мамедова рассказала мне, как в 1975 г. она с группой французских ученых посетила знаменитый Гандзасарский монастырь в Карабахе, бывшую резиденцию Хасан-Джалала. Ее спутники поначалу с недоверием отнеслись к ее теориям, и тогда, воспользовавшись своим блестящим знанием средневекового армянского, который изучила в Ленинградском университете, она зачитала им надпись на фасаде монастыря. Надпись гласила: «Я, Хасан-Джалал, выстроил эту церковь для моего народа Агванка...» «Агванк» – древнее название Албании. Мамедова добавила еще одну деталь, которую, как она полагала, мне следовало знать: в деревне Ванк, в равнинной части региона, она заметила физиономические особенности местных жителей – ни один, по ее словам, не похож на армянина, потому что они и не армяне. Все они на самом деле албанцы.

Но почему же тогда сотни «албанских» надписей, сказал я, в таких местах, как Гандзасар или Урекаванк, написаны на средневековом армянском? Мамедова объяснила, что, хотя албанцы вроде Хасан-Джалала и писали по-армянски, они никогда не называли себя армянами, а только – «агванк», то есть албанцами. По поводу этих надписей у нее имелась еще одна теория, правда, не подкрепленная фактами: «Есть гипотеза, что эти надписи появились гораздо позднее, уже в XIX в., но у нас пока нет тому доказательств».

Мамедова постоянно подчеркивала, что не занимается политикой, но во время нашей второй встречи ее политические взгляды проявились вполне отчетливо. «Карабахскую проблему невозможно разрешить без албанцев», – заявила она. Должно быть, на моем лице отразился скепсис. «В мире существуют только два народа, имеющие национальную идентичность, но не имеющие государственности, – продолжила Мамедова. – Это евреи и армяне. Разница в том, что евреи создали государство на своей исторической родине, а армяне создали государство не на своей исторической родине»[9].

Теории обходительной госпожи Мамедовой представляют собой усовершенствованный вариант того, что стало в Азербайджане очень грубым инструментом. Упрощенная версия «албанской теории» нашла в Азербайджане широкое распространение. Мне неоднократно приходилось слышать, как любую церковь, построенную в любом месте страны до XIX в., называют не иначе как «албанской». Албанцы попали даже в далекий юго-восточный регион Нахичевани: все уцелевшие там армянские церкви получили название албанских.

В вышедшей в 1997 г. брошюре Играра Алиева и Кямиля Мамедзаде «Албанские памятники в Карабахе» вопрос о средневековых армянских надписях вообще обойден стороной. На обложке помещен рисунок фасада церкви в Гандзасаре, откуда художник аккуратно убрал все армянские надписи. Фотографии в интерьере церкви сделаны с безопасно далекого расстояния, чтобы у азербайджанского читателя и мысли не возникло о том, что тут могут быть надписи по-армянски. Алиев и Мамедзаде завершают свой исторический очерк такими словами: «Из вышесказанного следует бесспорный вывод, что у так называемых армян Карабаха и собственно азербайджанцев (которые являются потомками албанского населения) Северного Азербайджана – общая мать. Оба эти народа являются очевидно и бесспорно бывшими албанцами, и поэтому собственно армяне, проживающие на территории Нагорного Карабаха, куда они в массовом порядке переселились в первой четверти XIX в., не имеют никаких прав»[10].

Между тем в Армении «албанский вопрос» помог многим специалистам по древней истории выдвинуться на передовые рубежи политики. Одним из основателей комитета «Карабах» в 1988 г. стал Алексан Акопян, ведущий армянский специалист по албанскому периоду. Когда мы с ним познакомились, он совмещал энтузиазм историка и археолога с обязанностями «губернатора» оккупированного азербайджанского Лачинского района, расположенного между Арменией и Нагорным Карабахом.

[9] Интервью с Ф. Мамедовой, 8 июня, 28 нояб. 2000.

[10] Алиев И., Мамедзаде К. Албанские памятники Карабаха. Баку: Азербайджан девлет нешрияти, 1997. С. 19.

Я встретился с Акопяном в его рабочем кабинете в здании парламента Армении. Приятный мужчина с густыми усами обрадовался, услышав имя Фариды Мамедовой. «О, моя сестра!» – воскликнул он. Они оба изучали древнеармянский в Ленинграде у одного и того же научного руководителя, и Акопян, похоже, с умилением вспоминает об их яростных баталиях, развернувшихся на страницах малотиражных научно-исторических журналов. «У меня в Азербайджане много братьев и сестер, – объяснил он, – я всегда с ними воевал. Я десять лет участвовал в войне между армянскими и азербайджанскими историками. Война началась раньше, но я принимал в ней участие в последние десять лет»[11]. Затем Акопян с энтузиазмом принялся излагать мне свою версию границ «Албании». Его представление об Албании как о древней северной провинции не имело почти ничего общего с азербайджанскими теориями. Ее, по мнению Акопяна, не следовало путать с «Новой Албанией», расположенной в Нагорном Карабахе, – областью, которая позаимствовала у албанцев одно лишь название в пору их быстрого исчезновения как отдельной народности. А то, что Хасан-Джалал именовался князем «Албании» в XIII в., считал он, равносильно титулу младшего сына английской королевы Елизаветы – «граф Уэссекский», данному ему в честь давно уже не существующего английского королевства.

Мне бы понадобились несколько лет научных изысканий и знание нескольких древних языков, чтобы составить компетентное суждение об «албанской проблеме». К счастью, мне помог профессор Роберт Хьюсен из Роуэнского колледжа в штате Нью-Джерси, ведущий специалист по данному периоду истории Кавказа. В его элегантном, тщательно составленном ответе на целый список моих вопросов я уловил интонации человека, не раз преодолевавшего на протяжении своей научной карьеры рифы кавказской исторической политики.

Хьюсен прислал мне свою статью 1982 г., посвященную анализу оригинальных источников. Он сурово выговаривал Буниятову за плохо изложенную историю, но критиковал и Мнацаканяна за избирательный подход к свидетельствам[12]. В своем письме он подчеркнул, что свидетельств о Кавказской Албании на самом деле мало, но согласился с утверждением, что к X в. албанцы, скорее всего, уже распались: «...Поскольку, по свидетельству Страбона, албанцы образовали союз двадцати шести племен, то принято считать, что их государство начало распадаться в период арабского завоевания и к X в. полностью прекратило существование; албанский же этнос, возможно, просуществовал дольше, но мы этого не знаем».

По словам Хьюсена, найти следы албанцев трудно. Многие ученые предполагают, что удины – небольшой христианский народ, некогда населявший северную часть современного Азербайджана, – были потомками албанцев. Они говорили на исконно кавказском языке, близком к лезгинскому. Кроме того, сохранилось несколько фрагментов текстов, которые еще требуют расшифровки. Нет почти никаких доказательств в поддержку обвинения, будто армяне сознательно уничтожили албанские литературные памятники. Если «Албания» и уцелела, то в виде отдельной ветви армянской церкви с центром в Карабахе. Наконец, мы подошли к карабахскому князю Хасан-Джалалу. Профессор Хьюсен заключает: «...Я не нашел ни малейших свидетельств того, что [мелики] когда-либо называли себя иначе, нежели армянами, хотя и принадлежали к албанской ветви армянской церкви».

Хьюсен также проследил генеалогию Хасан-Джалала и обнаружил в его роду почти исключительно армян: «Происхождение [Хасан-Джалала] можно проследить вплоть до IV в., и в его роду встречаются представители следующих домов. По мужской линии: 1) князья (позднее цари) Сюника. По линии нескольких княгинь, вышедших замуж за его предков, Хасан-Джалал происходил 2) от царей Армении или династии Багратуни, с центром в Ани; 3) от армянских царей Васпуракана династии Арцруни, с центром в районе Ван; 4) князей Гардмана; 5) персидской династии Сасанидов и 6) Аршакидов, второго царского дома Албании, которые, в свою очередь, были потомками 7) царей древней Парфии»[13].

Все это доказывало то, что, вероятно, и так не подлежало сомнению: человек, на чьем кинжале, хранящемся в коллекции Эрмитажа, имеется надпись на армянском языке, действительно не был новоиспеченным кавказским албанцем. Но чтобы это доказать, потребовалось вмешательство ученого из Нью-Джерси.

Густые буковые леса Нагорного Карабаха на карте Самвела Карапетяна изображены в виде красных ленточек. Прежде чем расстаться, мы с Самвелом совершили экспедицию в этот лесной край. Наш путь лежал к затерянному в глуши знаменитому карабахскому монастырю.

[11] Интервью с А. Акопяном, 13 окт. 2000.

[12] См.: Hewsen R. Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians // Classical Armenian Culture, Influences and Creativity / ed. T. J. Samuelian. Philadelphia: Scholars Press, 1982. P. 27–40.

[13] Письмо Роберта Хьюсена от 10 января 2001 г.

Нам указывали путь два местных проводника, Борис и Слава из деревни Талыш, оба с охотничьими двустволками. Мы вошли в вековой дикий лес и шли несколько часов, пробираясь через огромные гниющие поленья под серебристыми стволами буков. Самвел шел с проводниками, не теряя темпа. Глядя на него, размашисто шагающего впереди, можно было подумать, что это не человек, а какое-то диковинное морское животное, выбравшееся на сушу. Я испытывал по отношению к этому неутомимому историку смешанное чувство восторга и тревоги. Он был, по выражению одного нашего общего армянского знакомого, «конструктивным ультранационалистом». И что бы он ни желал доказать, важнейшим результатом его деятельности будет знакомство мира с сокровищами средневекового христианского искусства, которые почти не известны за пределами Армении и могли бы быть утрачены навсегда. Но если бы его политические взгляды доминировали, вышел бы когда-либо Кавказ из продолжительного увлечения средневековьем?

Спустя три часа мы увидели цель нашего путешествия: сквозь зеленую листву блеснул белый камень, устремленной к небу небольшой квадратной колокольни. Егише Аракял (Апостол Егише) стоит на каменистом выступе над ущельем, на дне которого пенится река Тертер. Семь церквей окружены толстой крепостной стеной: сразу видно, что средневековым князьям требовалась надежная защита. Как только мы вошли в ворота, Самвел и его команда, достав рулетки и фотоаппараты, незамедлительно приступили к работе.

Когда спустилась ночная тьма, мы оказались во власти очарования карабахского леса. Я прислушивался к тихому потрескиванию костра, уханью совы и далекому рокоту горной реки. А потом до моего слуха донесся новый звук: чуть слышная скороговорка армянской речи. Я поднялся и, шагнув в темноту, двинулся вдоль бледных очертаний монастырских часовен, жавшихся друг к дружке, точно корабли у причала. Самвел, Эмма и Нарине стояли прямо у низкого каменного входа в часовню. Нарине направляла луч фонарика на письмена над дверным проемом, Эмма держала наготове ручку с блокнотом, а Самвел, чью большую лысую голову прикрывала оранжево-синяя вязаная шапочка, одну за другой вслух читал армянские буквы. Самвел был непреклонен. Даже ночные часы использовал он, чтобы собрать еще больше информации для ведения своей многолетней войны.

Глава 11
АВГУСТ 1991 – МАЙ 1992
Начало войны

ДНИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ранним утром 19 августа 1991 г. депутат российского парламента Анатолий Шабад проснулся в селе Атерк, расположенном в северной части Нагорного Карабаха. Он прибыл сюда вести переговоры об освобождении сорока солдат внутренних войск МВД СССР, взятых в заложники армянскими партизанами. Части советской 23-й дивизии, базировавшейся в Азербайджане, окружили село, получив приказ освободить заложников силой. Были опасения, что дело кончится кровопролитием.

Шабад включил радио и услышал потрясающую новость. Только что созданный в Москве Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) объявил об отставке президента СССР Михаила Горбачева. Это был государственный переворот. Случившееся изменило в Советском Союзе всё. К власти пришли люди, занимавшие высшие посты в силовых ведомствах, поэтому советские военачальники в Карабахе стали еще более агрессивными. Приехавшие из Еревана эмиссары договорились об освобождении захваченных солдат.

На следующий день Шабад отправился в покрытые густым лесом горы над Атерком, чтобы встретиться там с освобожденными пленниками и сопровождать их к селу. Группа спускалась вниз горными тропами, и Шабад заметил, что молодые крепкие солдаты еле плетутся позади него, московского чиновника-интеллигента, к тому же отнюдь не атлетического телосложения. Его охватило беспокойство: «Я спросил: "Что с вами такое? Вас били? Может быть, вас не кормили эти две недели?" Мне ответили: "Нет, нет, все в порядке". Позднее выяснилось, что накануне заложники крепко выпили вместе со своими охранниками, празднуя отставку Горбачева. И те, и другие

ужасно обрадовались, что Горбачева свергли, – вот все и напились в стельку»[1].

В глазах политических руководителей Азербайджана Аяза Муталибова и Виктора Поляничко захват власти сторонниками жесткого курса в Москве оправдывал их приверженность устоям советской системы, и теперь они могли рассчитывать на поддержку в жестком подавлении карабахских армян. 19 августа Муталибов был в Иране. Его главный советник по внешней политике Вафа Гулузаде говорит, что посоветовал ему до возвращения в Баку воздержаться от комментариев по поводу ситуации в Москве. Тем не менее азербайджанский лидер не последовал его совету: «Находясь в Тебризе, [Муталибов] связался по телефону с Поляничко, вторым секретарем, и тот сказал ему: "Поздравляю вас, это наша победа". Муталибов очень обрадовался... И у мемориала азербайджанскому поэту Шахрияру он оказался в центре всеобщего внимания. Я стоял рядом с ним. Журналисты засыпали его вопросами о том, что же на самом деле произошло в СССР, и Муталибов начал говорить, что Горбачев проводил неверную политику и так далее, и так далее...»[2]

Однако уже через три дня попытка переворота провалилась, и ситуация вновь круто изменилась. Горбачев вернулся, заговорщики отправились в тюрьму, а Ельцин торжествовал победу. В Азербайджане просчитались. Рассказывают, что Поляничко, выступая по бакинскому радио, заявил: «Я готов поделиться моим карабахским опытом с ГКЧП Советского Союза»[3]. Поляничко уехал из Азербайджана. Осторожные заявления Муталибова в Иране позволили ему остаться у власти, однако с меньшими полномочиями.

Все происшедшее создало в Нагорном Карабахе вакуум власти. Оставшиеся члены Оргкомитета Поляничко покинули регион в сентябре, а советский воинский контингент, служивший инструментом власти Азербайджана в регионе, был деморализован и обезглавлен. Не встречая больше серьезного сопротивления, армянские ополченцы вернулись в Шаумяновский район и вновь захватили поселки Эркеч, Манашид и Бузлух, потерянные в ходе операции «Кольцо».

Августовские события ускорили распад Советского Союза, и союзные республики начали принимать декларации о суверенитете. Муталибов провозгласил независимость Азербайджана 30 августа, азербайджанская коммунистическая партия 14 сентября самораспустилась, хотя прежнее руководство осталось у власти. 8 сентября Муталибова избрали первым президентом Азербайджана, но победа его была автоматической: в избирательном бюллетене стояло только его имя, поскольку кандидаты от оппозиции или бойкотировали выборы, или отказались от участия в них. На той же неделе Гейдар Алиев вернулся в большую политику: он был избран спикером парламента в Нахичеванской автономной области и приобрел новую самостоятельную политическую базу.

В Армении намеченный на 21 сентября 1991 г. референдум о независимости стал простой формальностью: 95 % населения республики проголосовали «за». Через три недели, 16 октября, Левон Тер-Петросян подавляющим большинством голосов был избран президентом. Десять членов комитета «Карабах» (из одиннадцати) получили высокие посты в правительстве или парламенте, что сделало их победу еще более убедительной.

После обретения Азербайджаном и Арменией независимости, признанной мировым сообществом в начале 1992 г., карабахский конфликт вышел на новый, межгосударственный уровень. Власти Азербайджана почувствовали, что у них появились еще более сильные аргументы, чем раньше. Формально новые государства сохранили старые границы, согласно которым Нагорный Карабах был – и остается – международно признанной частью Азербайджана. Предъявляя претензии на часть суверенного государства, армяне рисковали подвергнуться критике на международном уровне. Они обошли эту проблему, объявив Нагорный Карабах «независимым» и, следовательно, неподотчетным Еревану. 2 сентября 1991 г., через три дня после провозглашения независимости Азербайджана, региональный совет в Степанакерте провозгласил независимость новой «Республики Нагорный Карабах». Представители совета уверяли, что по советским законам автономные области обладают правом выхода из вновь образованных независимых государств.

Объявление «независимости» Нагорного Карабаха – региона с населением немногим более 100 тысяч человек – являлось, по сути дела, политической уловкой, позволившей Армении утверждать, что она всего лишь заинтересованный наблюдатель, а не участник конфликта. Однако это послужило также и актом самоутверждения карабахских армян, чья политическая программа действий никогда полностью не совпадала с целями и задачами ереванских политиков. Спикером только что избранного карабахского парламента и фактически руководителем области стал молодой историк Артур Мкртчян. Он и многие его товарищи состояли в националистической партии Дашнакцутюн, которая была в плохих отношениях с администрацией

[1] Интервью с А. Шабадом, 7 дек. 2000.

[2] Интервью с В. Гулузаде (на английском языке), 28 нояб. 2000.

[3] 20 августа 1991 г. Цит. по: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. IV.

Тер-Петросяна. 14 апреля 1992 г. Мкртчян погиб при загадочных обстоятельствах. По официальной версии, он чистил ружье и нечаянно выстрелил в себя; однако есть мнение, что он покончил с собой или убит политическими противниками. После его смерти отношения Степанакерта и Еревана улучшились.

В связи с интернационализацией конфликта в Нагорном Карабахе появилось новое поколение посредников. Первым в роли миротворца выступил Борис Ельцин, который приехал в Степанакерт в сентябре 1991 г., когда еще свежи были воспоминания о его триумфальной победе над московскими заговорщиками. В этой поездке его сопровождал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Переговоры проходили в российском курортном городе Железноводске, и при посредничестве российской делегации была подписана «Железноводская декларация», в которой намечался рамочный мирный договор.

Хрупкое ельцинское мирное соглашение было нарушено 20 ноября, когда азербайджанский вертолет с 22 пассажирами и экипажем на борту разбился на юге Карабаха, близ Мартуни, видимо, подбитый армянами. Среди погибших азербайджанцев находились и высокопоставленные лица – глава Шушинского района Вагиф Джафаров и пресс-секретарь президента Муталибова Осман Мирзоев. Погибли также российские и казахстанские официальные лица, приехавшие для осуществления мирного соглашения. В Азербайджане как правительство, так и оппозиция были разгневаны. Уступив давлению оппозиции, Муталибов передал значительную часть полномочий республиканского 360-местного парламента небольшой «Милли Шуре», или Национальному совету, половина из пятидесяти членов которого принадлежала к оппозиции. 26 ноября новый Национальный совет Азербайджана проголосовал за отмену автономного статуса Нагорного Карабаха и объявил его обычной областью Азербайджана, не обладающей особыми правами. Кроме того, Степанакерт официально переименовали в Ханкенди. В ответ на это карабахские армяне провели 10 декабря референдум о независимости, в котором, разумеется, не принимали участия азербайджанцы. Согласно официальным данным, 108 615 человек проголосовали за независимость Нагорного Карабаха и только 24 против. «Война законов» дошла до абсурда, и компромиссы теперь стали невозможны.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ АРМИИ

Распад Советского Союза сделал Армению и Азербайджан независимыми государствами, находящимися в состоянии войны друг с другом, но при этом не имеющими национальных армий. Несмотря

на то что Армения отрицала свое участие в конфликте, фактически так называемая карабахская война представляла собой также конфликт между новыми государствами – Арменией и Азербайджаном. Простые жители Армении воспринимали это как факт. Экономика страны почти развалилась с закрытием границы с Азербайджаном, который теперь стал зоной боевых действий. Тяжелее всего игнорировать то, что граждане Армении гибли в карабахском конфликте.

Армения оказалась лучше готова к войне. Группа советских офицеров приступила к созданию армянской армии. Некоторые из них были служившими в Армении русскими, как генерал-лейтенант Анатолий Зеневич, который начал сотрудничать с карабахскими армянами в 1992 г. Другие – армянскими офицерами, демобилизовавшимися из Советской армии, как заместитель начальника советского Генерального штаба Норад Тер-Григорянц, ставший главой нового армянского Генштаба.

Но участие в войне этих офицеров было менее важно, чем участие фидаинов, которые уже получили боевую закалку в горах Карабаха. Провозглашение независимости способствовало новому притоку армянских добровольцев, которые ехали сюда по зову сердца и из чувства патриотизма. Самвел Даниэлян принадлежал к группе студентов-дашнаков Ереванского университета, отправившихся добровольцами на фронт. «От государства мы не получили ничего, – вспоминал он. – Каждый сам находил себе одежду, оружие, камуфляж и обувь. Иногда бывало, что приходили дашнаки и раздавали вещи»[4].

Ситуация была близка к хаосу. Оружие нередко попадало в руки людям, которые чувствовали лишь желание идти убивать. Один из лидеров карабахских армян Серж Саргсян вспоминал: «...Тогда все-таки впервые к оружию тянулись ребята, так скажем, немножко криминального характера. И нельзя было этого допустить». Почти не координировались действия и боевая подготовка. Телеоператор и репортер Вартан Ованесян, который участвовал в освещении первой фазы войны, рассказывал: «Вначале это были разношерстные подразделения, возникавшие на совершенно разных принципах: на базе идеологии партии Дашнакцутюн или по принадлежности к тому или иному региону. Села создавали собственные подразделения, или бывало, что два человека встречались во дворе, садились в машину и просто уезжали "на фронт". У кого-то было боевое оружие, у кого-то охотничье ружье. Бывало, люди вооружались совершенно необыч-

[4] Интервью с С. Даниэляном, 14 окт. 2000.

ным оружием, некоторые даже сами делали оружие, которое разрывалось у них в руках»[5].

Положение Азербайджана оказалось намного хуже. Главные проблемы власти не были решены, люди опасались вспышки гражданской войны между сторонниками президента Муталибова и националистической оппозицией. Для многих политиков война в Карабахе имела меньше значения, чем борьба за власть в республике.

В октябре 1991 г. президент Муталибов создал министерство обороны. Однако офицеров, способных работать в новом ведомстве, нашлось мало. В Советской армии солдаты-мусульмане обычно подвергались дискриминации, поэтому если среди армян насчитывались тысячи старших и высших офицеров, имевших боевую выучку, азербайджанцы в Советской армии чаще бывали поварами или строителями, чем профессиональными офицерами. Основой новой азербайджанской армии мог стать только ОМОН, который использовался в Нагорном Карабахе лишь для поддержки советских армейских частей. Министр внутренних дел Армении Ашот Манучарян сказал: «Поскольку мы были вынуждены действовать тайно, незаметно, в обход советских органов власти, все, что мы создали, в конечном счете стало армией. В распоряжении же азербайджанцев были только силы милиции»[6].

В результате штат нового Министерства обороны Азербайджана был укомплектован менее чем сотней человек. Штаб размещался в здании бывшего клуба КГБ в центральной части города. За те полгода, когда в Азербайджане один политический кризис следовал за другим, в оборонном ведомстве сменилось по меньшей мере четыре министра. Второй министр обороны, советский кадровый офицер Таджеддин Мехтиев, сумевший продержаться на этом посту два месяца, так описывал министерство, которое он возглавил в декабре 1991 г.: «Совершенно не было военно-технического оборудования... Не было и средств связи. Сейчас у нас есть мобильные телефоны. А тогда не было абсолютно ничего. Невозможно было разговаривать. Все прослушивалось. В то время все правительственные линии связи проходили через российское ГРУ [Главное разведывательное управление – военная разведка], и они слушали все наши разговоры. Других же линий не было. У нас не было ни казарм, ни учебных полигонов, ни оружия, ни оборудования»[7].

[5] Интервью с В. Ованесяном, 15 дек. 2000.

[6] Интервью с А. Манучаряном, 15 окт. 2000.

[7] Интервью с Т. Мехтиевым, 31 марта 2000.

Мехтиев, крупный мужчина с военной выправкой и румяным лицом, рассказал, что за все девять недель, что он занимал пост министра, у здания, где находился его кабинет, постоянно проходили демонстрации Народного фронта с требованиями его отставки. Мехтиев нашел простое решение. Он сказал Муталибову, что для наведения порядка «нужно расстрелять сотню, а лучше пятьсот человек». Нежелание Муталибова последовать его совету он расценил как «нерешительность».

Министерство обороны почти не контролировало реальных участников боевых действий. Это были многочисленные вооруженные группы, часть которых создавалась лидерами оппозиции для личной охраны. Лидер Народного фронта в южном городе Ленкорань Аликрам Гумбатов сформировал собственную бригаду. То же самое сделал и ветеран оппозиционного движения Этибар Мамедов, который уверяет, что к середине 1992 г. под его началом находилось около 2 тысяч вооруженных людей – преимущественно студентов. Было ясно, что оружие в руках этих людей предназначалось не только для боев против армян, но и для борьбы за власть в самом Азербайджане. По словам Мамедова, президент Муталибов сначала намеревался подчинить его батальоны новой вышестоящей инстанции – Совету обороны, – но потом передумал: «Субординация полностью отсутствовала, потому что был создан Совет обороны; но прошло только одно заседание, и после этого мы уже не встречались. А 27 января [1992 г.][Муталибов] выпустил указ о роспуске Совета обороны. Однако к тому времени было уже слишком поздно. Вместо того чтобы самому возглавить процесс, [Муталибов] опасался, что эти вооруженные группы выступят против него самого, и сделал все, чтобы остановить их формирование»[8].

Город Агдам, расположенный на равнине ниже Степанакерта, официально был форпостом азербайджанской армии, однако в 1992 г. он жил по своим законам. Проблемы Агдама отражали ситуацию в стране в целом. Этот город всегда имел репутацию пристанища для людей вне закона и спекулянтов, и теперь некоторые лидеры преступного мира пытались взять под контроль военные действия. Весной 1992 г. нейрофизиолог Кямал Али приехал в Агдам воевать: «Когда я приехал в Агдам в 1992 г., армии как таковой не было, а было шесть или семь отдельных подразделений, сражающихся с армянами. Эти группы были организованы местными преступниками, бандитами, которые провели много лет в советских тюрьмах за убийства и

[8] Интервью с Э. Мамедовым, 22 нояб. 2000.

другие преступления... Но эти группировки конфликтовали между собой точно так же, как и с армянами. Например, договаривались захватить склады русского оружия. После захвата одному доставалось пять танков, а другому – ни одного. И все! Отныне они враги! Поэтому эти шесть группировок были не в состоянии осуществить ни одной совместной боевой операции. Кто-то шел в атаку, а другой говорил: "А я не пойду, сегодня я не хочу воевать"»[9].

Командиром одной из таких вооруженных групп был Ягуб Мамед, который раньше занимался гравировкой могильных плит. Он расположил свой отряд на городском кладбище; позже его арестовали и предъявили обвинение в вымогательстве денег за тела погибших солдат, которые он держал замороженными в холодных хранилищах. Другим командиром был Асиф Магеррамов, недавно вышедший из тюрьмы, где отбывал срок за убийство. Он носил кличку «Фрейд», так как имел репутацию интеллектуала[10]. Кямал Али заметил: «Преступники часто оказываются великими патриотами. Война – хорошее место для уголовников. На войне можно делать что угодно. Можно пырнуть ножом, можно убить. Образованный человек не пойдет на войну, а вот уголовник пойдет. В то время нашей армией командовали преступники».

КАРАБАХ ВООРУЖАЕТСЯ

В конце 1991 г. Нагорный Карабах еще представлял собой мозаику из азербайджанских и армянских сел. После ухода советских войск каждая из сторон попыталась нарисовать сложную карту региона заново – в свою пользу. Обитатели сравнительно немногочисленных азербайджанских сел попали в плотную сеть небольших ловушек, оставшись на милость армянских фидаинов. Согласно армянскому лидеру Роберту Кочаряну, «когда [советские] войска ушли из Карабаха, мы остались с азербайджанцами один на один, но мы были организованы и имели как минимум трех- или четырехлетний опыт подпольной деятельности»[11]. Армянские бойцы стали угрожать карабахским азербайджанцам и тем самым вынуждали их покидать свои села. Армянский военачальник Серж Саргсян дал эвфемистическое объяснение этой тактике: «Мы приняли решение... попытаться сократить линию фронта»[12].

Впрочем, если азербайджанцы были загнаны в массу маленьких ловушек, армяне попали в одну большую западню. Областной центр Карабаха Степанакерт, главный город Карабаха и столица армян, был крайне уязвим. Он располагался на открытом пологом склоне горы, его со всех сторон окружали азербайджанские населенные пункты. В 25 километрах к востоку находились Агдам и равнинная часть Азербайджана, в 10 километрах к северу – населенный азербайджанцами город Ходжалы с единственным в Карабахе аэропортом. Прямо над Степанакертом, в южной стороне, на горе – город Шуша. Единственную связь Степанакерта с внешним миром обеспечивали вертолеты, летавшие в Армению над горами.

Армяне вооружались, захватывая арсеналы расквартированных в Карабахе советских воинских частей. «Это было очень серьезно, – сказал Роберт Кочарян. – Все вооружение осталось у нас, мы не дали его вывезти».

Часть вооружения взяли у четырех полков внутренних войск МВД СССР, размещенных в Карабахе в 1991 г. 22 декабря группа вооруженных армян ворвалась в казармы полка внутренних войск в Степанакерте, захватила склад боеприпасов и бронетехнику и заставила российских солдат покинуть Карабах без оружия. В перестрелке погиб один русский водитель. По крайней мере, такова официальная версия событий – вполне вероятно, что эта вылазка служила лишь прикрытием для тайной сделки[13].

В регулярных частях 4-й армии Азербайджана, укомплектованных призывниками из разных концов Советского Союза, царил беспорядок. Солдаты из провозгласивших независимость союзных республик просто оставили казармы и уехали домой. В Степанакерте с августа 1988 г. базировался 366-й мотострелковый полк. Офицеры этого полка начали помогать армянам, а военнослужащие подразделений 23-й дивизии в Гяндже – сотрудничать с азербайджанцами. Анатолий Шабад стал очевидцем этой, по сути дела, приватизации Советской армии: «Части 23-й дивизии фактически воевали друг с другом: те подразделения, которые базировались в Степанакерте, открыто поддерживали армянские вооруженные силы. Для меня это было очевидно... и я наблюдал, как командир воинского подраз-

[9] Интервью с К. Али, 4 апр. 2000.

[10] «Мамеде-муле», см.: Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, N.Y.; London: M. E. Sharpe, 1998. P. 149–153.

[11] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

[12] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000.

[13] Официальное сообщение о порядке вывода внутренних войск приведено в статье: Петров А. Для политиков Карабах – урок, для солдат – второй Афганистан // Красная звезда. 1992. 19 февр.

деления в Степанакерте обеспечивал боевую поддержку армянской стороне, в то время как командир Будейкин в Гяндже, без сомнения, помогал азербайджанцам»[14].

Около 50 из примерно 350 оставшихся солдат 366-го полка были армянами, включая и командира второго батальона майора Сейрана Оганяна. Для карабахских армян сам полк и его обширные запасы боевой техники были даром богов. Даже до августовского путча в Москве солдаты продавали оружие или сдавали его напрокат. Американский правозащитник Скотт Хортон говорит, что в июле 1991 г. некий офицер по имени Юрий Николаевич, приняв его за бизнесмена, предложил ему купить танк за 3 тысячи долларов. Рассказывали также, что армяне просто платили полковым офицерам водкой или рублями, чтобы те вели стрельбу или готовили оружие к бою[15].

Наиболее ценным имуществом 366-го полка были десять танков, причем другой тяжелой бронетехники в Нагорном Карабахе не имелось. В начале 1992 г. армяне несколько раз «одалживали» эти танки. Азербайджанский прокурор Юсиф Агаев рассказывал, что в феврале был в южном поселке Юхары-Вейсаллы, когда туда прибыла полковая бронетехника для огневой поддержки наступления армян, развернутого с целью изгнания азербайджанского населения.

Большинство призывников полка, однако, оказалось между двух огней. В феврале 1992 г. московский еженедельник «Аргументы и факты» опубликовал письмо молодого призывника другу Максиму. В нем он описывал базу, где на осадном положении находились двести или триста солдат. Там не было ни газа, ни воды, солдаты убили и съели всех собак, они не могли выйти за территорию гарнизона, так как рисковали попасть под огонь армян, и были вынуждены пережидать в казармах ракетные обстрелы с азербайджанских позиций в Шуше. Вот что писал боец: «Когда нас освободят, я даже и не знаю, каким образом мы выберемся отсюда. Азербайджанцы не пустят нас дальше Степанакерта. Каждый, кто покидает часть, должен или "продать" наш полк, или же стать заложником. В таких условиях думаешь только о том, как бы нажраться, чтобы не сойти с ума. Забор вокруг

[14] Интервью с А. Шабадом.

[15] Интервью с С. Хортоном, 2 янв. 2001. Ашот Манучарян сказал: «Мы часто платили Степанакертскому полку, и они стреляли по Шуше» (из интервью 15 октября 2000 г.). Ариф Юнусов даже приводит расценки, хотя и без ссылок на источники. По его словам, за обстрел Шуши платили 20 л спирта; 5 тыс. руб. стоило участие БТР в боевой операции, 1 тыс. руб. – один выстрел из пушки БТР. См.: Юнусов А. Трагедия Ходжалы // Зеркало. 1992. № 26 (20–26 июня). По оценке Александра Касатова, из 1 200 солдат 366-го полка после его официального вывода в НКАО осталось 350 чел. См.: Касатов А. Сама не своя // Столица. 1992. № 48. С. 1–4.

расположения полка заминирован, мы вооружены до зубов и не сдадимся без боя»[16].

ВОЙНА СОСЕДЕЙ

Война в Нагорном Карабахе никогда не была официально объявлена, и только в самом конце в ней сражались две армии. В 1991–1992 гг. ополченцам платили мало или ничего, и война превратилась в своеобразный бизнес. Обе стороны фактически торговали друг с другом. Самвел Даниэлян вспоминал, что во время боев на северном участке фронта в 1991 г. у него и его товарищей совсем не было еды, зато было полно спиртного, поэтому они вступили в деловые отношения с врагом: «Мы торговали ночью и воевали днем». Армяне меняли коньяк и спирт на сухари и консервы[17]. Самым отвратительным видом подобной коммерции был захват заложников, который практиковался в Карабахе с 1989 г. и потом получил самое широкое распространение. Азербайджанские бойцы ехали в Баку, брали там в заложники кого-то из оставшихся в городе армян и пытались обменять на своих пленных товарищей. Это прекратилось только после того, как карабахские армяне отказались принимать бакинских армян в качестве живой валюты. Только в 1993 г. стороны создали специальные комитеты для организации обмена пленными, но отдельные случаи захвата заложников все же имели место[18].

По большому счету конфликт протекал стихийно, импровизированно, доходя до выяснения личных отношений. Отсутствие каких бы то ни было правил и обязательств делало его крайне жестоким. Обе стороны вернулись к практике отрезания ушей убитых врагов в качестве военного трофея, которую применял в начале XX в. лидер армянского партизанского движения Андраник. Британский фотограф Джон Джонс вспоминал, как зимой 1992 г. некий командир в Гадруте достал из кармана сверток из вощеной бумаги, развернул его и продемонстрировал отрезанное ухо. Это был сувенир с последнего боя.

Азербайджанский доброволец Кямал Али говорил: «Гуманность сохраняется только до того момента, пока не происходит нечто ужас-

[16] Военные в Карабахе – посредники или заложники? // Аргументы и факты. 1992. № 7.

[17] Интервью с С. Даниэляном, 14 окт. 2000.

[18] Goltz T. Azerbaijan Diary. P. 150; интервью с К. Али; Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. New York; Washington; London; Brussels: Human Rights Watch, 1994. P. 51–57.

ное. После того как вы увидите, что сделали с вашим другом, гуманность исчезает, и вы хотите только одного – сделать что-нибудь похуже. Так случилось с армянами, то же самое происходило и с нами. Я еще мог себя сдерживать. Мне было за тридцать, я был образован, но вокруг меня были в основном двадцатилетние деревенские мальчишки».

«Я видел, – продолжал он, – как мы убивали пленных и как они убивали пленных. Им отрубали пальцы, уши. Я по образованию нейрофизиолог. Во время последней поездки на фронт я работал в военном госпитале в Кубатлы, и к нам привезли наших солдат, освобожденных из плена. Их обменивали и отправляли на лечение. Все они умерли в госпитале. Человек прибывает здоровым, а через неделю умирает. Так вот, во время вскрытия оказалось, что им вводили подкожно бензин. Под видом антибиотиков им делали подкожные инъекции бензина...»

Тем не менее разделенные линией фронта бойцы хорошо знали друг друга, и в каком-то смысле это была «война соседей». Седа Мелконян, вдова армянского военачальника, вспоминала, как один солдат из Мартунинского района на юге Карабаха совершенно случайно взял в заложники друга своего отца: «Заложник сидит в комнате, входит [ополченец], и они начинают беседовать, расспрашивать друг друга о семьях. "Как поживает твой отец? А мать как? А тот, а этот, а братья?" И они так рады видеть друг друга, но при этом один находится в плену, а другой волен распоряжаться его жизнью»[19].

Поскольку карабахские азербайджанцы и армяне понимали язык друг друга, они нередко настраивались на радиочастоты противника и обменивались новостями или взаимными оскорблениями. Ходит множество историй о бывших друзьях, неожиданно столкнувшихся на поле боя. По рассказам очевидцев, в Корнидзоре один армянин из числа защитников села прицелился из винтовки в азербайджанца, бегущего в атаку, но друг остановил его с криком: «Стой, не стреляй! Это же мой сосед Ахмед, он мне должен 800 рублей!»[20] Седа Мелконян рассказывала о солдате из отряда ее мужа, который ухаживал за азербайджанской девушкой из Физули, города, расположенного за линией фронта. Он продолжал общаться с ней даже после резкого обострения конфликта. Когда его убили в бою, ей так и не смогли передать эту весть. Многолетний опыт соседской жизни мог снизить степень жестокости этой войны, но так происходило не всегда.

[19] Интервью с С. Мелконян, 7 мая 2000.

[20] Агаджанов Л. Е. Светлая сторона войны. Ереван: Нойан Тапан, 1999. С. 57.

ХОДЖАЛЫ

Начиная с 1 января 1992 г. армяне стали предпринимать вооруженные вылазки за пределы Степанакерта. Они захватили азербайджанские деревни вокруг города, изгнав сотни оставшихся там азербайджанцев. Их главной целью теперь оказался Ходжалы, город, расположенный в девяти километрах к северо-востоку от Степанакерта, где находился единственный в регионе аэропорт. Когда-то в Ходжалы в массовом порядке были размещены азербайджанские переселенцы. В 1991 г. его население составляло 6 300 человек[21].

В октябре 1991 г. армяне отрезали дорогу, соединяющую Ходжалы с Агдамом, и до города стало возможно добираться только на вертолете: короткий перелет из Агдама и затем резкое снижение по спирали. Когда в январе американский репортер Томас Гольц совершил этот жуткий перелет, его взору предстал холодный и незащищенный город. «В Ходжалы не работали телефоны, вообще ничего не работало: не было ни электричества, ни отопления, ни водопроводной воды, – писал Гольц. – Единственным средством сообщения с внешним миром были вертолеты, – и каждый рейс был связан с риском». К 13 февраля 1992 г., когда вертолет выполнил последний рейс в Ходжалы, оттуда в общей сложности эвакуировали, наверно, менее 300 жителей, а в городе оставались 3 000 человек. Оборону Ходжалы обеспечивали командир ОМОНа аэропорта Алиф Гаджиев и около 160 легковооруженных ополченцев. Жители с тревогой ожидали наступления армян[22].

Штурм начался в ночь с 25 на 26 февраля. Этот день был, вероятно, выбран в память об армянских погромах в Сумгаите, случившихся четырьмя годами ранее. Боевую поддержку армянам оказывала бронетехника 366-го полка Советской армии. Они окружили Ходжалы с трех сторон, после чего армянские солдаты вошли в город и подавили сопротивление защитников.

Только один выход из Ходжалы оставался открытым. Говорят, Гаджиев убеждал мирных жителей бежать в Агдам, обещая дать им для защиты отряды ОМОНа, которые сопровождали бы их до самого города. Ночью огромная толпа людей побежала по колено в

[21] Юнусов А. Трагедия Ходжалы // Зеркало. 1992. № 25 (13–19 июня).

[22] См.: Goltz T. Azerbaijan Diary. P. 119; интервью Э. Мамедова, главы городской администрации Ходжалы, телекомпании АНС в Агдаме в феврале 1992 г.; Юнусов А. Трагедия Ходжалы. Гольц пишет, что у Гаджиева было 60 омоновцев, а по подсчетам Юнусова общее число защитников города составляло 160 чел.

снегу через лес и начала спускаться в долину речки Гаргар. Ранним утром жители Ходжалы в сопровождении немногочисленных омоновцев вышли на равнину недалеко от армянского села Нахичеваник. Здесь их шквалом огня встретили армянские бойцы, засевшие на горных склонах прямо над равниной. Милиционеры открыли ответный огонь, но силы были очень неравны, и их перестреляли. К месту ужасающей бойни прибывали все новые и новые беженцы. Хиджран Алекперова, бывшая жительница Ходжалы, рассказала представителю правозащитной организации «Хьюман райтс уотч»: «Мы добрались до Нахичеваника к девяти утра. Там было поле, на нем лежало много убитых. Наверное, их было сто человек. Я не пыталась их сосчитать. Меня на этом поле ранили. Гаджиева Алифа подстрелили, и я хотела ему помочь. Пуля попала мне в живот. Я видела, откуда стреляли. Я видела много трупов на этом поле. Они были убиты совсем недавно – у них еще не изменился цвет кожи»[23].

Взору журналистов и следователей, приехавших сюда несколько дней спустя, предстала жуткая картина кровавой бойни. Растерзанные тела лежали повсюду на мерзлой земле. Анатоль Ливен из лондонской «Таймс» писал: «...У некоторых из них, в том числе и у одной маленькой девочки, на теле были ужасные раны. У нее уцелело только лицо». Азербайджанский прокурор Юсиф Агаев заметил следы пороха около входных пулевых отверстий, из чего сделал вывод, что многие жертвы были расстреляны в упор: «В них стреляли с очень близкого расстояния. Мы приехали на место, где все это случилось. Мне, специалисту, сразу все стало понятно»[24]. Помимо тех, кто получил огнестрельные ранения, десятки людей погибли от холода и обморожения в лесах. Более тысячи жителей Ходжалы были взяты в плен, среди них и несколько десятков турок-месхетинцев, беженцев из Средней Азии.

Существуют разные оценки числа убитых азербайджанцев в Ходжалы и окрестностях. Пожалуй, наиболее правдоподобная цифра – та, которая получена в ходе официального расследования, предпринятого азербайджанским парламентом. По этим данным, число погибших составило 485 человек. Даже принимая в расчет, что здесь учтены не только погибшие в перестрелке, но и умершие от переохлаждения, эта огромная цифра затмевает данные о потерях за всю историю войны в Нагорном Карабахе. Ответная стрельба

[23] Human Rights Watch. Bloodshed in the Caucasus. Escalation of the Armed Conflict in Nagorno-Karabakh. September 1992. P. 22.

[24] Lieven A. Bodies Mark Site of Karabakh Massacre // The Times. 1992. 3 March; интервью с Ю. Агаевым, 25 нояб. 2000.

азербайджанцев была незначительной и никоим образом не может служить оправданием хладнокровного убийства в открытом поле сотен беспомощных мирных жителей, в том числе и детей[25].

Постепенно известия о бойне в Ходжалы стали достоянием общественности. Поначалу многие просто отказывались в них верить, поскольку до той поры мировые средства массовой информации, освещавшие конфликт, в основном изображали армян как жертв этого конфликта, но не как агрессоров. Оправдательное интервью, данное бывшим президентом Азербайджана Аязом Муталибовым, не помогло. В попытке приуменьшить свою роль в неспособности защитить город Муталибов всю вину за бойню в Ходжалы возложил на руководство Народного фронта. Его интервью широко цитировалось в Армении[26].

И все же сейчас армяне уже не отрицают, что во время бегства из Ходжалы погибло много азербайджанских мирных жителей. Некоторые обвиняют армянских ополченцев, будто бы действовавших самовольно. Сотрудник армянской полиции майор Валерий Бабаян считает главным мотивом тех событий личную месть. Он сказал американскому журналисту Полу Куинн-Джаджу, что многие участвовавшие в нападении на Ходжалы «были родом из Сумгаита и других подобных мест»[27].

[25] После трагедии Ходжалы появились разноречивые статистические данные, что, принимая во внимание обстоятельства, неудивительно. Доступ к месту массовых убийств был затруднен, сотни людей захвачены в плен и на протяжении многих дней об их судьбе ничего не было известно. Следует также учитывать и главную особенность этого события, так же как погромов в Сумгаите и Баку: в списки погибших попадали люди, считавшиеся пропавшими без вести, но, как выяснялось позднее, оставшиеся в живых, или те, что неподвижно лежали на земле, но оказались не убитыми, а ранеными. По событиям в Ходжалы появлялись следующие данные о погибших (приводятся в возрастающем порядке). Намик Алиев, член парламентской комиссии, расследовавшей события в Ходжалы, заявил представителям «Хельсинки уотч» в апреле 1992 г., что в Агдаме похоронено 213 жертв. Другой азербайджанский чиновник Айдын Расулов заявил той же самой группе, что более 300 трупов с признаками насильственной смерти (как можно предположить, в это число не входили умершие от холода) отправлено на судмедэкспертизу (обе цифры приводятся в докладе: Human Rights Watch. Bloodshed in the Caucasus. Escalation of the Armed Conflict in Nagorno-Karabakh. September 1992. P. 23). Газета «Карабах» сообщила, что Комиссия помощи беженцам из Ходжалы распределила гуманитарную помощь 476 семьям погибших (письмо А. Юнусова автору от апреля 2001 г.). Имам в Агдаме показал Томасу Гольцу неполный список из 477 убитых, составленный по показаниям родственников погибших (Goltz T. Azerbaijan Diary. P. 122–123). Азербайджанская газета «Орду» (номера 9, 16 и 20 за 1992 г.) опубликовала список 636 погибших (письмо А. Юнусова).

[26] Находившемуся в Агдаме Томасу Гольцу с трудом удалось убедить своих редакторов серьезно отнестись к его репортажу. Интервью Муталибова появилось 2 апреля 1991 г. в «Независимой газете».

[27] Quinn-Judge P. Armenians, Azerbaijanis Tell of Terror; Behind an Alleged Massacre, a Long Trail of Personal Revenge // Boston Globe. 1992. 15 March.

Армянский военачальник Серж Саргсян на вопрос о взятии Ходжалы ответил осторожно: «О таких вещах громко не говорят». Что касается числа жертв, то, по его словам, «многое преувеличено», да и убегавшие азербайджанцы оказали вооруженное сопротивление. Однако суть происшедшего Саргсян выразил честнее и жестче: «Но, думаю, самое главное в другом. До Ходжалу азербайджанцы подумывали, что они просто с нами шутят. Азербайджанцы подумывали, что армяне – люди, которые не смогут поднять руку на мирное население. Нужно было все это переломить. Так и получилось. Еще нужно учесть, что среди этих ребят были те, кто бежал из Баку, из Сумгаита».

Оценка Саргсяна заставляет под другим углом взглянуть на самую жестокую бойню карабахской войны. Не исключено, что эти массовые убийства явились, хотя бы отчасти, преднамеренным актом устрашения[28].

ПАДЕНИЕ МУТАЛИБОВА

Массовые убийства в Ходжалы спровоцировали кризис в Баку. Азербайджанцы обвиняли правительство в неспособности защитить город. Сотни людей, которым события в Карабахе до сих пор казались чем-то далеким, записывались добровольцами на войну. Обвинений звучало много, в том числе, например, почему не была предпринята попытка прорыва блокады. Салман Аббасов, выживший после событий в Ходжалы, позднее жаловался: «За несколько дней до тех трагических событий армяне много раз предупреждали нас по радио, что собираются захватить город, и призывали нас уйти. Долгое время в Ходжалы летали вертолеты, и было непонятно, думал ли кто-нибудь о нашей судьбе, проявлял ли интерес к нам. Мы не получили практически никакой помощи. Более того, когда была возможность вывезти наших женщин, детей и стариков, нас уговорили этого не делать»[29].

На заседании азербайджанского парламента 3 марта депутаты от оппозиции потребовали показать документальный фильм, снятый телеоператором Чингизом Мустафаевым. «Пошли первые кадры фильма – и следующие десять минут изменили историю страны», – пишет Гольц. Мустафаев полетел на вертолете в горы над Агдамом. После приземления его видеокамера зафиксировала десятки разбросанных по долине трупов. Среди них были сельские жительницы в ярких головных платках и зимних пальто, лежащие в грязи и на талом снегу. Рыдающий мужчина поднял мертвого ребенка в теплой куртке и с обмотанным шарфиком лицом и принес его к вертолету.

Под напором таких жутких кадров правящий режим пошатнулся. 6 марта, после выдвинутого оппозицией ультиматума, Муталибов подал в отставку. Исполняющим обязанности главы государства официально стал новый спикер парламента Якуб Мамедов. Он, правда, был не профессиональным политиком, а ректором Бакинского медицинского университета. Реально власть перешла в руки оппозиции. Мамедов признал это, назначив министром обороны Рагима Газиева, придерживавшегося радикальных взглядов активиста Народного фронта. Новые президентские выборы должны были состояться через три месяца, и на этих выборах Народный фронт надеялся одержать победу.

ОСАДА СТЕПАНАКЕРТА

После той позорной роли, которую сыграл 366-й полк при взятии Ходжалы, из Москвы поступил приказ вывести его из Карабаха. В начале марта 1992 г. в Степанакерт направили колонну для сопровождения полка, однако местные армяне блокировали дороги, чтобы

[28] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000. Цитаты о Ходжалы из моего интервью с Саргсяном больше всего заинтересовали читателей «Черного сада», особенно азербайджанцев и особенно после того, как С. Саргсян стал в 2008 г. президентом Армении. Ниже я привожу полную версию ответа Саргсяна на мой вопрос о событиях в Ходжалы (Саргсян пользуется армянским названием Ходжалу). Я также выложил в Интернет полную расшифровку интервью на русском языке: http://www.carnegieendowment.org/files/DeVaalinterview_r.pdf.

«Вы знаете, о таких вещах громко не говорят. Говорят то, что возможно. Я так тоже поступлю. Ну, во-первых, бывший руководитель Азербайджана [Аяз Муталибов] говорил, что это были не армяне, а сами азербайджанцы. Но скажу, что истина может быть в другом. Все-таки Ходжалу сильно надоедал одно время всему Карабаху, потому что там находился аэропорт, потому что единственной нашей связью с Арменией был воздушный транспорт, потому что там был ОМОН, что-то там обшаривали, очень многих людей арестовывали. Кроме того, находясь буквально под Степанакертом, они позволяли себе его обстреливать. Но, думаю, самое главное в другом. До Ходжалу азербайджанцы подумывали, что они просто с нами шутят. Азербайджанцы подумывали, что армяне – люди, которые не смогут поднять руку на мирное население. Нужно было все это переломить. Так и получилось. Еще нужно учесть, что среди этих ребят были те, кто бежал из Баку, из Сумгаита. Хотя считаю, что все-таки очень многое преувеличено, очень многое. Азербайджанцам нужен был повод, чтобы приравнять какое-то место к Сумгаиту. Но их никак нельзя сравнивать. Да, в самом деле в Ходжалу было мирное население. Но вместе с мирным населением были и солдаты. И когда летит снаряд, он не отличает мирного жителя от солдата, у него нет глаз. Если мирное население там остается, хотя была прекрасная возможность уйти, значит, оно тоже участвует в боевых действиях... И коридор был им оставлен не для того, чтобы их где-то расстреливать, расстреливать можно было в Ходжалу, а не на подступах к Агдаму».

[29] Ходжалы: Хроника геноцида. Баку, 1992. С. 32.

воспрепятствовать выводу техники. В конце концов личный состав полка перебросили на вертолетах, а почти все военное снаряжение оставили. В гарнизоне остался майор Оганян, чьему примеру последовали многие его армянские однополчане и ряд офицеров-славян, включая и несостоявшегося торговца танками Юрия Николаевича, который позднее был замечен в роли инструктора по боевой подготовке карабахских ополченцев[30]. Переброшенный в Грузию 366-й полк 10 марта был расформирован.

А 3 марта, незадолго до вывода полка, Гагику Авшаряну, офицеру-отставнику, бывшему командиру танкового экипажа, позвонил его товарищ Самвел Бабаян: «Мы встретились [с Бабаяном], и я спросил: "Ты куда?" – "На базу". И мы пошли туда. Он сказал: "Можешь завести этот танк?" Я завел танк и угнал его, как говорится, прямо из расположения части. Было ли это организовано, и если было, то как, я сказать не могу. Ведь невозможно увести из части танк, чтобы [об этом] не знал командующий. Либо они уже взяли на себя командование, либо подняли мятеж, я не знаю. Факт, что, когда мы пришли, я сел в этот танк, завел его, и мы подцепили на буксир еще один танк»[31].

По словам Авшаряна, солдаты полка намеренно взорвали один из десяти танков, еще один стоял без двигателя и поэтому был не на ходу, а остальные восемь просто бросили. После некоторого ремонта эти танки стали пригодны для боевых действий. Однако у армян возникла другая проблема. Авшарян ранее служил в советских танковых войсках и знал танк Т-64, но не Т-72, а некоторые из его теперешних товарищей по оружию раньше вообще никогда в танке не сидели. Им нужно было всему учиться буквально на ходу. 6 марта им пришлось отражать атаку азербайджанских войск в Аскеране на самой окраине Степанакерта: «Когда мы впервые пошли в бой, мы даже не знали, как заряжать пушку. Мы могли заложить снаряд в ствол вручную, как это делается во всех танках, но не знали, как это сделать в автоматическом режиме. Мы шли в бой, держа снаряды в руках и на коленях. Наш командир находился в БМП-2. Когда [азербайджанцы] атаковали Аскеран, нам приказали выдвинуться и остановить их. А он не знал, как заряжать снаряд в ствол БМП-2. Нам сказали, что Сейран Оганян сейчас в Аскеране и что "он может показать, как это сделать". Они встретились на дороге, Сейран показал ему, как загонять в ствол снаряд, и после этого они пошли в бой».

[30] Quinn-Judge P. Armenians, Azerbaijanis Tell of Terror.

[31] Интервью с Г. Авшаряном, 18 мая 2000.

Всю весну 1992 г. Степанакерт был в осаде. По официальным данным, в городе проживало 55 тысяч человек. Не имея в течение почти двух лет наземного сообщения с Арменией, большинство жителей Степанакерта фактически находились в западне. В начале февраля военачальник Народного фронта Азербайджана Рагим Газиев передислоцировал две ракетные установки «Град» в расположенную над Степанакертом Шушу, чтобы оттуда вести обстрел города[32].

Пусковая установка «Град», хотя и не обладает высокой точностью стрельбы, представляет собой чудовищное оружие, предназначенное для использования против живой силы противника, но никак не гражданского населения. В стволы, установленные на подъемной решетке на грузовике, можно зарядить до сорока ракет и запустить их одновременно. При залпе ракеты издают ужасный вой и градом обрушиваются на большую территорию. К тому времени армяне тоже имели две ракетные установки «Град» с советской военной базы в Армении, но у них оказалось меньше ракет. Видимо, в данном случае против армян сыграло то обстоятельство, что боезапас приходилось доставлять на вертолетах из Армении. В начале 1992 г. азербайджанцы получили преимущество. Степанакерт лежал перед Шушой как на ладони и являлся легкой мишенью для артиллерии. Однако стрельба из установок «Град» велась несогласованно. Азербайджанский офицер Азай Керимов рассказывал: «Любой мог проснуться утром с похмелья, после ночной попойки, сесть в "Град" и стрелять, стрелять, стрелять по Степанакерту без цели, без каких-либо координат»[33].

Начиная с середины февраля сотни ракет сыпались на Степанакерт из Шуши, сея разрушения и панику. В течение весны 1992 г. общее количество погибших в результате этих обстрелов исчислялось, наверное, сотнями. Многие горожане жили в панельных многоэтажках, которые служили легкой мишенью для азербайджанской артиллерии. 12 марта семья Азизянов пошла за водой, когда ракета угодила в их гостиную. Вернувшись домой, Азизяны обнаружили, что фасадная стена их квартиры вырвана, а шторы валяются в нескольких сотнях метров от дома – во дворе детского сада.

[32] Как вспоминает бывший азербайджанский президент Аяз Муталибов, он узнал, что Газиев приобрел установки «Град», только после начала обстрелов Степанакерта: «Однажды мне кто-то сообщил, что Рагим Газиев обстреливает Степанакерт из "Градов". Я ему позвонил и говорю: "Ты что, с ума сошел?" Он отвечает: "А что мне остается делать?" Я говорю: "Ты что же, думаешь, армяне не смогут достать "Грады"? Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?"» (интервью с А. Муталибовым, 30 мая 2000).

[33] Интервью с А. Керимовым, 13 нояб. 2000.

Все ночи жители города проводили в подвалах своих домов; освещение сначала было газовым, когда же подача газа прекратилась, стали жить при свечах. Утром люди выбирались наружу, чтобы сходить за водой к роднику в нескольких километрах от города. Продовольствие и медикаменты были на исходе. Журналист Вадим Быркин вспоминал: «Единственное, что я помню, это холод. Когда вы проводите ночь в бомбоубежище, в подвале, и когда печка гаснет под утро, становится ужасно холодно. Утром, когда вы поднимаетесь наверх, вы не знаете, уцелел ваш дом или нет»[34].

В мае после захвата Шуши и снятия осады Степанакерт лежал в руинах. Рассказывает британская журналистка Ванора Беннет: «Степанакерт охватила лихорадка весенней уборки. На залитых солнечным светом улицах маленькие старушки подметали каменные и бетонные обломки стен. Самым громким звуком был звон битого стекла, которое убирали с развороченных мостовых. Кругом руины, почти на каждом доме война оставила свой след: разрушенная кровля, отверстия от пуль, трещины на стенах, выбитые стекла. Не было ни магазинов, ни газа, ни электричества, ни телефонов, ни почты, ни наличных денег»[35].

За пределами Степанакерта и Шуши шла война между селами, и многие из событий этой войны так и не зафиксированы документально. Почти неизвестна очень жестокая бойня в Мараге, армянской деревне в северной части Карабаха, недалеко от границы, рядом с азербайджанским городом Тертер. 10 апреля азербайджанцы захватили деревню, ее защитники-армяне отступили. На следующий день армяне отбили деревню и сообщили, что нашли и похоронили тела по меньшей мере сорока трех жителей. Группа представителей организации «Кристен солидарити интернешнл» (Christian Solidarity International) во главе с пэром Британии, горячей сторонницей карабахских армян баронессой Кэролайн Кокс приехала в Марагу для расследования обстоятельств этой бойни. Члены группы записали рассказы местных жителей, эксгумировали и сфотографировали «обезглавленные и обугленные тела». Как минимум пятьдесят жителей Мараги были также взяты в заложники, девятнадцать из них так и не вернулись[36].

[34] Интервью с В. Быркиным, 1 июня 2000.

[35] Bennett V. Crying Wolf: The Return of War to Chechnya. London: Picador, 1998. P. 65.

[36] О событиях в Мараге см.: Human Rights Watch. Bloodshed in the Caucasus. Escalation of the Armed Conflict in Nagorno-Karabakh. September 1992. P. 29; Cox C., Eibner J. Ethnic Cleansing in Progress: War in Nagorno-Karabakh. London: Institute for Religious Minorities in the Islamic World, 1993; Трагедия Мараги: четыре года спустя // Голос Армении. 1996. 9 апр.

ПАДЕНИЕ ШУШИ

Весной 1992 г. эпицентр войны сместился в Шушу, горную цитадель в самом сердце Карабаха. Азербайджанцы уже были изгнаны почти из всех населенных пунктов в Карабахе и оставались только в Шуше и в ряде окрестных сел. Они все еще контролировали дорогу из Карабаха в Армению и поэтому могли держать Степанакерт в осаде. Окруженная с двух сторон скалами, Шуша была построена как крепость, которую легко оборонять. Она с успехом выдержала две долгие осады персидских войск в 1795 и в 1826 гг. Если бы азербайджанцы сумели здесь удержаться, они могли бы еще надеяться, что карабахские армяне будут в конце концов вынуждены повиноваться.

Однако Шуша сама находилась в осаде. Попасть в город наземным транспортом можно было только с запада, через город Лачин, находящийся в непосредственной близости от Армении. После того как 28 января над Шушой был сбит вертолет, все пассажиры которого погибли, этот длинный путь стал для города поистине дорогой жизни. Подходили к концу запасы воды, с которой в Шуше и так постоянно возникали проблемы. Командиры приезжали и уезжали. Второй министр обороны Азербайджана Таджеддин Мехтиев прибыл в Шушу 20 января. Предпринятые им меры показали, что за многие годы службы в советском Генеральном штабе он так и не сумел набраться опыта ведения военных действий. Мехтиев возглавил обреченную вылазку из Шуши с целью захвата армянского села Каринтак (азербайджанское название Дашалты). Его отряд попал в засаду, около 70 солдат погибли в завязавшемся бою, остальных убили во время бегства. Посетивший место событий фоторепортер Джон Джонс увидел заснеженный горный склон, весь усеянный трупами. После этого сокрушительного разгрома Мехтиев покинул Шушу и вскоре был отстранен от должности министра обороны[37].

В начале февраля в Шуше появился новый военный руководитель – Рагим Газиев. Газиев был не профессиональным военным, а преподавателем математики: он умел много и страстно говорить, но идеи его не отличались практичностью. Он заявил на митинге, что оставит город «только по дороге на Ханкенди [Степанакерт]». Однако ему так и не удалось объединить четыре разрозненные вооруженные группы, находившиеся под его началом. Их командиры не доверяли

[37] Сам Мехтиев говорит, что в ходе операции в Каринтаке/Дашалты потери составили только 17 человек убитыми.

друг другу и не поддерживали контактов даже по радиосвязи. Азай Керимов, один из руководителей местной милиции, вспоминал: «У каждого лидера партии был собственный батальон. Единого командования не существовало. У нас были люди, которые хотели воевать, было оружие и провиант, было все, что нужно. Но люди не хотели защищать город»[38].

Политические междоусобицы в Азербайджане стали отрицательно сказываться на обороне Шуши. Обещанное подкрепление так и не прибыло. В марте Газиева назначили министром обороны, и он вернулся в Баку. В апреле была сформирована новая «шушинская бригада» под руководством подполковника Эльбруса Оруджева, кадрового армейского офицера. Оруджева назначили военным комендантом еще трех южных городов помимо Шуши – Лачина, Кубатлы и Зангелана, возложив на одного человека непомерно тяжелое бремя ответственности. Когда он приехал в Шушу, воинские части просто покидали город. Репортер Миршахин Агаев вспоминал, что видел колонну солдат и бронетехники, уходившую из Шуши ночью с выключенными фарами[39].

Для армян захват Шуши являлся стратегической задачей номер один. Операция по взятию города была поручена Аркадию Тер-Татевосяну по прозвищу «Командос». У Тер-Татевосяна, тихого профессионального офицера из Грузии, имелось одно большое достоинство – отсутствие каких-либо политических амбиций. Он стал получать из Армении новые партии оружия, когда после захвата Ходжалы вновь открылся единственный в области аэродром.

Тер-Татевосян говорил, что поставил себе первоочередной целью окружить Шушу, занять окрестные села и отвлечь часть азербайджанских сил от обороны города: «Нам нужно было сделать вид, что мы хотим захватить эти села, чтобы сбить с толку противника»[40]. Часть самых жестоких сражений происходила за пределами города. В ходе кровопролитного боя в конце апреля азербайджанцам почти удалось выбить армян с так называемой «26-й высоты» в пригороде. Армяне понесли большие потери. «Если бы они приложили больше усилий, чтобы взять 26-ю высоту, им бы это удалось», – сказал Тер-Татевосян. В начале мая все было готово к штурму, но его отложили на несколько дней, видимо, из-за плохой погоды. Таким образом, начало штурма совпало с визитом президента Армении Тер-Петросяна в Иран.

За два дня до наступления связь Шуши с внешним миром была отрезана. Оруджев рассказывал, что в городе остались только несколько сотен защитников и он по радио запросил подкрепление: «Я сказал: "Кто-нибудь меня слышит? Я в Шуше. Со мной только семь человек. Вы меня слышите?" В это время я находился на городской телевизионной станции. Мне отвечают: "Агдам на связи. Я вас слышу". "Барда на связи. Я вас слышу". "Кубатлы. Я вас слышу". Я отвечаю: "Это Эльбрус Оруджев, комендант Шуши. Мы удерживаем город. Я отбил атаку армян. Умоляю вас, пришлите сюда людей, всех, кто у вас есть. Все, кто любит свою страну, берите оружие в руки, идите сюда и защищайте город"»[41].

Среди азербайджанских военачальников откликнулся на эту мольбу только родной брат Оруджева, Эльхан Оруджев, который предпринял отвлекающую атаку из Агдама, но слишком поздно. Пока Оруджев передавал свой призыв, войска спешно покидали Шушу. Один из оборонявших город, Юсиф Гусейнов, вспоминал: «...Даже седьмого мая некоторые воинские части еще покидали город. И мы не знали об этом. Я сам ходил туда [восьмого числа] и увидел, что казармы пусты и вся техника вывезена»[42].

Штурм начался в 2.30 8 мая. По словам Тер-Татевосяна, он рассчитывал, что вся операция займет «три-четыре дня». Он надеялся посеять панику среди защитников города и заставить их покинуть город без боя. Крупный воинский контингент был выставлен у открытой дороги на запад из Шуши, причем солдатам был дан приказ не стрелять в людей, бегущих из города, однако блокировать доступ в город для подкрепления. В числе других на этой позиции находился Роберт Кочарян, впоследствии президент Армении. Еще одно десантное подразделение получило приказ взобраться на высокую скалу над Каринтаком, но помешала плохая погода. Таким образом, основное бремя наступательной операции легло на плечи тех армянских солдат, которые подходили к городу по горным тропам с севера и востока. «Мы поднимались по тем самым тропам, по которым они сами раньше шли на нас в атаку и которые мы заметили», – вспоминал Тер-Татевосян.

Днем шли ожесточенные бои за шушинскую телевизионную башню на северной окраине города и за тюрьму на востоке. Гагику

[38] Многие подробности о событиях в Шуше взяты из фильма «Падение», показанного в Баку по каналу АНС.

[39] Интервью с М. Агаевым, 13 апр. 2000.

[40] Интервью с А. Тер-Татевосяном, 28 сент. 2000.

[41] Интервью с Э. Оруджевым, 29 нояб. 2000.

[42] Интервью с Ю. Гусейновым, 12 апр. 2000.

Авшаряну был дан приказ поставить танк Т-72 на дороге и прикрыть северные подступы к городу. Когда показался один из трех азербайджанских танков, оба танка открыли огонь друг по другу с расстояния в 350 метров. «Он отлично стрелял», – заметил Авшарян. Сам он сумел открыть люк как раз в тот момент, когда в его танк попал третий снаряд противника. Авшарян выскочил наружу и, несмотря на сильные ожоги, выжил, а механик-водитель и стрелок погибли[43].

К вечеру защитники города решили, что атака армян отбита. По словам Оруджева, в восемь часов вечера он услышал по радио, как русский командир по прозвищу «Казак» отдал приказ отступить от города. «Если бы мы продержались еще два часа, они бы отошли», – говорил Азай Керимов. Роковым для города оказалось то, что, как и предполагал Тер-Татевосян, в течение этого дня большинство защитников попросту бежали из Шуши.

Многие азербайджанские мирные жители оставались в городе до конца и только на исходе дня тоже обратились в бегство. Сона Гусейнова, работавшая в Шуше поваром, говорит, что покинула город «в последнем танке» с четырнадцатью другими беженцами. Артиллерийская канонада была такая громкая, что у Соны «долго потом в ушах гудело» и она «ничего не слышала»[44]. Юсиф Гусейнов вспоминал, что буквально волоком вытащил своего отца из города, когда уже исчезла всякая надежда: «Люди потеряли веру и больше не ждали никакой помощи. В конце концов, эти пять лет подготовили жителей к мысли о том, что город придется покинуть. И даже в последний день, когда все уже было известно о штурме, нам не оказали хоть сколько-нибудь существенной помощи, то есть вообще никакой». У Оруджева не хватало людей для продолжения боя, и он дал приказ к отступлению. В числе последних покинул Шушу и чеченский доброволец Шамиль Басаев, в дальнейшем печально известный лидер боевиков в чеченской войне, организатор серии терактов в 2000-х гг.

Бой продлился всего один день, но погибло, вероятно, около трехсот человек[45]. Первые армяне вошли в Шушу только утром 9 мая. Они боялись, что внезапно затихший город может оказаться для них ловушкой.

ШУША ЗАХВАЧЕНА

10 мая сотни армян хлынули в захваченную Шушу. В церкви Казанчецоц они нашли сотни ящиков с ракетами для установки «Град», которые азербайджанцы так и не использовали. «Когда я вошел и увидел эти боеприпасы, у меня чуть не случился сердечный приступ», – сказал Тер-Татевосян. В кадрах снятого тогда фильма запечатлена цепочка армянских добровольцев, которые осторожно выносят из церкви деревянные ящики, похожие на маленькие гробы. Пока они этим занимались, мародеры и поджигатели в разных уголках города начали устраивать пожары, пропуская мимо ушей протесты вернувшихся в родной город армянских жителей и представителей армяно-карабахских властей. «У карабахцев существует дурной обычай, вернее, предрассудок – сжигать дома в захваченных городах, чтобы враг не мог вернуться», – пояснил Тер-Татевосян.

Падение Шуши произошло в тот момент, когда президент Армении Левон Тер-Петросян встретился в Тегеране с исполняющим обязанности главы Азербайджана Якубом Мамедовым для мирных переговоров. Это были первая попытка Ирана выступить посредником между конфликтующими сторонами и первый визит Тер-Петросяна к влиятельному южному соседу. 9 мая две делегации подписали коммюнике по основным принципам мирного соглашения. По словам Мамедова, Тер-Петросян пытался убедить его, что он сторонник мира, но у него есть сложности с карабахскими радикалами: «У него в стране была такая же оппозиция, что и у нас. Я чувствовал, что он стремится решить эту проблему позитивно и политически»[46].

Переговоры закончились. Тер-Петросян с армянской делегацией улетел в Исфахан, а президент Ирана Хашеми Рафсанджани проводил Мамедова в тегеранский аэропорт. На трапе самолета Мамедову вручили сообщение о том, что армяне атаковали Шушу. Эта новость стала катастрофой для посреднической миссии иранцев – и в результате их первая попытка играть роль посредника в урегулировании конфликта оказалась последней. Новость также вызвала большое замешательство у Тер-Петросяна, который знал о плане захвата Шуши, но не был извещен о точной дате проведения операции. Теперь все выглядело так, будто он или пытался обмануть азербайджанцев, или

[43] Командиром экипажа танка в Шуше был Альберт Агарунов, бакинский еврей, погибший позднее в бою на дороге между Шушой и Лачином. Томас Гольц присутствовал на его похоронах на Аллее Мучеников в Баку.

[44] Интервью с С. Гусейновой, 12 апр. 2000.

[45] Тер-Татевосян оценивает потери армян в 58 чел. убитыми, азербайджанцев – 200 чел. Оруджев говорит, что армян погибло больше, а он потерял 159 чел. убитыми и 22 пропавшими без вести.

[46] Интервью с Я. Мамедовым, 14 нояб. 2000.

не контролировал ситуацию. Кое-кто даже подозревал, что наступление отложили вовсе не по причине плохой погоды, а все это заранее спланировали карабахские лидеры, чтобы сорвать мирные переговоры в Иране и унизить Тер-Петросяна[47].

Потеря Шуши явилась для Азербайджана самым большим военным ударом. Теперь азербайджанцы лишились последнего оплота в Карабахе, но этим значение их военного поражения не исчерпывалось. Ведь Шуша известна как колыбель азербайджанской культуры. Даже восемь лет спустя в глазах Эльбруса Оруджева блестят слезы, когда он говорит о последних днях города: боль от пережитого и горькое осознание своего бессилия защитить Шушу, по-видимому, все еще живы в его душе.

Захват «неприступной крепости» Шуши тотчас породил различные конспирологические теории о причинах падения города: говорили, что Шушу продали; что с армянами заключили сделку; что Рагим Газиев сдал город русским, чтобы вернуть к власти Аяза Муталибова... Однако в своих интервью оба главных участника этого сражения отвергали подобные теории. И Оруджев, и Тер-Татевосян настаивали на том, что Шуша просто была плохо защищена. «У них не было одного командира, которому бы все подчинялись», – заявил Тер-Татевосян. Сам же он являлся единоличным командиром, проводившим боевую операцию, и под его началом воевали солдаты, для которых провал штурма Шуши означал продолжение обстрелов Степанакерта. Азербайджанцы не смогли организовать оборону города вплоть до того момента, пока туда не прибыл Оруджев, а это случилось всего за несколько дней до начала штурма. К тому времени многие защитники уже давно уехали в Баку. Сам Оруджев обвиняет бакинских политиков в том, что они не сочли организацию обороны города приоритетной задачей. По его словам, «если бы в Баку не царил такой беспорядок, никто и никогда не смог бы захватить Шушу». Столь прямолинейное объяснение причины падения города подкрепляется словами одного из его защитников – не кого иного, как чеченского боевика Шамиля Басаева. В 2000 г. в интервью, которое он дал корреспонденту азербайджанской телевизионной компании АНС высоко в горах Чечни, Басаев сказал: «Шушу просто бросили на произвол судьбы. Около семисот армян пошли в наступление, ну и что с того! Имея такой крепкий гарнизон и такое количество оружия, к тому же учитывая, какое стратегически выгодное положение занимала Шуша, сто людей могли бы, по крайней мере, год удерживать город. Но не было организации. Сегодня можно арестовать какого-то конкретного генерала или министра, просто арестовать и сказать, что он предал город, что он его сдал, он его продал. Но это все болтовня. Просто не было единого управления. Никто ни за что не отвечал»[48].

[47] Это мнение А. Манучаряна, бывшего тогда советником президента Тер-Петросяна по национальной безопасности.

«САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ ХАОС»

Падение Шуши усилило политические разногласия в Азербайджане. В Баку стороны обменивались обвинениями в некомпетентности или предательстве. Гейдар Алиев, в то время спикер парламента Нахичеванской автономии, продолжал свою тонкую игру, стремясь стать «третьей силой» в Азербайджане. Он сказал корреспонденту информационного агентства «Рейтер», что, «когда в Азербайджане бушует война», провести в назначенные сроки президентские выборы невозможно – имея в виду выборы, в которых он не участвовал по возрастным ограничениям. «В Баку сейчас нет руководства, – категорически заявил Алиев. – Там царит самый настоящий хаос»[49].

14 мая 1992 г. парламент возобновил работу, и депутаты от бывшей коммунистической партии неожиданно устроили конституционный переворот с целью возвращения к власти Аяза Муталибова. Депутаты объявили, что поскольку предварительные результаты расследования в Ходжалы доказали невиновность Муталибова, то его отставка, следовательно, неконституционна. Муталибов вернулся в зал заседаний парламента и объявил, что с радостью соглашается со своим восстановлением в должности президента. Естественно, следовало отменить президентские выборы 7 июня, поскольку он вновь стал президентом Азербайджана.

Этот маневр явился фактически объявлением гражданской войны. На стороне азербайджанской националистической оппозиции была конституция, по которой были уже запущены все механизмы для проведения новых выборов; кроме того, решение о восстановлении в должности Муталибова принималось без необходимого кворума. Тем не менее Муталибов вернул себе контроль над парламентом и президентской администрацией. Добровольцы стекались в штаб Народного фронта, чтобы присоединиться к акции протеста,

[48] Интервью Ш. Басаева телекомпании АНС, 17 июля 2000.

[49] Goltz T. Azerbaijan Diary. P. 185–186; Ljunggren D. Azerbaijanis Say Armenians Attack Town Near Karabakh // Reuters. Baku, 12 May 1992; Kaban E. Azeri Strongman Says War Makes Elections Futile // Reuters. Ankara, 11 May 1992.

запланированной руководителем азербайджанской военизированной организации «Серые волки» Искандером Гамидовым. 15 мая во второй половине дня Гамидов возглавил колонну солдат и бронетехники, которые штурмом взяли стоящее на холме здание парламента и городскую телестанцию. Поразительно: в перестрелках погибло менее двенадцати человек. Муталибова снова свергли – на сей раз окончательно.

Оппозиция закрепила свою победу. Ветеран оппозиции Иса Гамбар стал не только спикером парламента, но также исполняющим обязанности главы государства вплоть до проведения вновь назначенных на 7 июня президентских выборов. Гамидов, возглавивший контрпереворот, занял пост министра внутренних дел, другой ветеран оппозиции Тофик Касумов – министра иностранных дел, Газиев сохранил пост министра обороны. После этого старый парламент под давлением новых властей объявил о самороспуске, и его заменила «Милли Шура», законодательный орган, состоящий из пятидесяти человек.

В результате политических пертурбаций в Баку, однако, азербайджанские вооруженные силы вновь ушли из Карабаха. «Геранбойский батальон» Народного фронта и многие другие небольшие вооруженные формирования оставили передовую и поспешили в Баку, чтобы оказать своему руководству помощь в свержении Муталибова. Самое главное, никто не позаботился об укреплении Лачина, азербайджанского города в узком коридоре между Нагорным Карабахом и Арменией. Оборону Лачина обеспечивали около 3 тысяч бойцов, но дополнительного подкрепления туда не направили. Не было единого командующего с тех пор, как месяцем раньше расформировали «лачинский полк» под командованием местного военного лидера Арифа Пашаева. «Полк к тому времени был ликвидирован, но никаких распоряжений по поводу того, кому должны подчиняться солдаты полка и что они вообще должны делать, не поступало», – жаловался Пашаев, один из лидеров Народного фронта, который продолжал быть в своем родном городе неофициальным комендантом[50].

К 17 мая карабахские армяне подошли к высотам над Лачином. И в этом городе, выгодно расположенном на горе, вполне можно было бы обеспечить надежную оборону. Но и тут, как и в Шуше, большинство защитников просто сбежали. «У меня складывалось впечатление, что они сдерживали нас только для того, чтобы люди могли покинуть город», – вспоминал армянский командир Сейран Оганян, чьи отряды столкнулись в Лачине лишь со слабым сопротивлением противника[51]. В фильме, снятом съемочной группой телекомпании АНС, показано массовое бегство из Лачина: вещи везли на телегах, запряженных лошадьми, горожане шли пешком, пастухи гнали своих овец, а бронемашины и грузовики были забиты солдатами. Чингиз Мустафаев, телерепортер АНС, призывал солдат вернуться, обвиняя их в трусости и предательстве, но они отвечали, что понятия не имеют, где их командиры. 16 мая телекомпания АНС сняла фильм о брошенном командном пункте, где не осталось почти ни одного вооруженного защитника[52].

18 мая 1992 г. армяне захватили и сожгли Лачин с минимальными потерями с обеих сторон. Теперь Нагорный Карабах имел связь с Арменией. Заново была открыта дорога, более двух лет оставшаяся закрытой, стали возможны хозяйственные и военные поставки из Армении прямо в Карабах. Из области выгнали всех азербайджанцев. Армянам все это казалось кульминацией победоносной кампании – но на самом деле активная фаза войны только началась.

[50] Интервью с А. Пашаевым (в переводе с азербайджанского), 13 нояб. 2000.

[51] Интервью с С. Оганяном, 16 мая 2000.

[52] «Никто не забыт, ничто не забыто». АНС. 1992. Менее чем через месяц, 15 июня 1992 г., Чингиз Мустафаев был убит около Агдама.

Глава 12
ШУША
Последняя цитадель

На скале, над дорогой, серпантином поднимающейся от Степанакерта до Шуши, установлен монумент победы. Это тот самый танк Т-72, из которого в полдень 8 мая 1992 г., в самый разгар боя, выбросило Гагика Авшаряна. После того как армяне одержали победу в войне за Карабах, они восстановили сгоревший танк, выкрасили его в защитный цвет и поместили на горе, выведя белой краской номер на броне: 442. Танковая пушка нацелена на Шушу.

Спустя восемь лет и один день, 9 мая 2000 г., армянский Нагорный Карабах праздновал свой День Победы. Праздничные мероприятия на пути к высокогорной цитадели состоялись в трех пунктах, которые стали как бы остановками своеобразного крестового хода, начавшегося у танка-памятника и закончившегося в церкви Казанчецоц, где отслужили благодарственный молебен.

Башня танка была усыпана красными и белыми гвоздиками. Члены семей героев стояли рядом. Из трех членов экипажа танка номер 442 выжил только Гагик, командир. Рядом с ним стояли Стелла, вдова механика-водителя Ашота, и Ованес, его десятилетний сын. Стелла выглядела бледной, потерянной и неправдоподобно юной. Бабушка наводчика Шагена, с черным покрывалом на голове, комкала в руке платочек. Оплакивая своего погибшего внука, она начала горестно причитать, а потом завыла в голос, стуча кулаками по корпусу танка.

Вдруг скорбящие родственники оказались в центре официальной церемонии. Построившийся у подножия мемориала духовой оркестр грянул военный марш, череда высокопоставленных гостей потянулась вверх по лестнице. Облаченный в высокий черный клобук архиепископ Карабахский Паркев, военные чины в парадной форме и премьер-министр в щеголеватом сером костюме по очереди возложили к монументу цветы. Уже через несколько минут оркестранты спешили к своему автобусу. Колонна машин с ревом унеслась по направлению к Шуше, где прошла очередная церемония: в нижней части

города был открыт памятник герою Великой Отечественной войны летчику-истребителю Нельсону Степаняну.

Конечным пунктом нашего похода стала возведенная в 1887 г. церковь Казанчецоц, которая была одной из крупнейших армянских церквей в мире и символом процветания армянской буржуазии в Шуше. При коммунистическом режиме ее закрыли, после 1992 г. восстановили. Теперь она, облицованная белым известняком, как и прежде, сверкала девственной белизной, гордо возвышаясь над городскими руинами. Внутри храма было гулко и безлико. Архиепископ Паркев, импозантный в своем высоком черном клобуке, пророкотал армянскую литургию, которую сопровождало пение хора, эхом отскакивавшее от стен. Отдав дань памяти павшим в недавней войне с Азербайджаном и в Великой Отечественной войне и получив благословение, присутствующие могли спуститься в Степанакерт, где на футбольном стадионе готовился поп-концерт.

Шушу называли «карабахским Иерусалимом». Владеющий городом контролирует не только стратегически важную цитадель в самом сердце анклава, но и место, имеющее историческое значение. О Шуше говорят как о колыбели азербайджанской музыкальной культуры и поэзии, из которой вышли такие поэты, как Вагиф и Натеван. Потеря Шуши в 1992 г. для культурной жизни Азербайджана стала жесточайшим ударом. Один бакинский интеллигент сказал мне: «Когда до нас дошла эта весть, я и многие мои друзья просто рыдали».

А вот для армян Шуша стала, скорее, неутихающей болью. Когда смотришь на одинокую колокольню храма Казанчецоц над развалинами, в голову невольно приходит мысль, что Шуша теперь больше символ, чем живой город, который люди хотели бы назвать своим домом. Задолго до описанных событий, в 1920 г., Шуша была крупным армянским торговым городом. В недавнем прошлом армяне, выступая в роли современных крестоносцев, приходили сюда либо поживиться чужим добром, либо помолиться святым местам, но никто не желал здесь жить. Думаю, армяне, с которыми мы стояли плечом к плечу во время празднования Дня Победы, не столько ликовали по поводу того, что Шуша снова стала армянской цитаделью, сколько радовались уничтожению важного стратегического оплота азербайджанской армии. Ведь контроль над горной цитаделью служит гарантией их безопасности, и едва ли кто-нибудь из армян смирится с возвращением в Шушу азербайджанского населения после окончательного заключения мира[1].

[1] Лидер карабахских армян Аркадий Гукасян сказал, что при заключении справедливого мирного соглашения он не стал бы возражать против возвращения азербайджанцев в Шушу, но тут же добавил, что на практике такое вряд ли возможно.

Вечером в шушинский День Победы меня пригласили на обед в Степанакерт. В старом двухэтажном доме в центре города собрались представители всех слоев карабахского армянского общества. Женщины заняли одну половину длинного стола – поближе к кухне, мужчины – другую. На столе лежали пучки тархуна и рейгана, на горячее подавали горную дичь – оленину и зайчатину.

Эти армяне сильно отличались от армян из Армении. Карабахские армяне – горцы, славящиеся своим гостеприимством и любовью к выпивке. К армянам, населяющим равнины, они относятся настороженно, а те, в свою очередь, зачастую называют их ишаками за упрямство. Равнинные армяне с трудом понимают сочный карабахский диалект, где ударение падает иначе, ближе к концу слова, диалект, пестрящий персидскими, турецкими и русскими словами. За ужином многие гости общались по-русски – привычка, приобретенная за годы жизни в Советском Азербайджане, и результат традиционных связей с Россией. В Степанакерте мне кто-то сказал: «Мы, карабахцы, ненавидим армян. Мы любим русских и персов, а армян ненавидим». Шутка, конечно. Но с долей истины.

Среди армян распространено мнение, что Карабах – последний оплот христианства перед лицом исламского Востока. Это и привело к тому, что держать в руках оружие стало для жителей Карабаха делом таким же привычным, как для шотландцев в Великобритании. В числе родившихся здесь советских военачальников-армян два маршала Советского Союза, несколько Героев Советского Союза, в том числе Нельсон Степанян, и даже – хотя до моря и далеко – советский адмирал Иван (Ованес) Исаков. А еще раньше Карабах подарил миру генерала российской царской армии Валериана Мадатова, сражавшегося против Наполеона, и Рустама, воевавшего на стороне французов и служившего у Наполеона денщиком.

Карабахцы настолько увлеклись почитанием своих славных военных традиций, что записали себе в земляки великого маршала наполеоновской армии и короля Неаполитанского Иоахима Мюрата. Мне все уши прожужжали о том, будто Мюрат – армянин по происхождению и родился в карабахской деревне Кяркиджахан. Но это миф. Биографы Мюрата утверждают, что тот в действительности сын хозяина постоялого двора из центральной французской провинции Гиень. Курбан Саид, автор великого кавказского романа «Али и Нино», вообще-то побывал здесь раньше меня. Его герой, посетив Шушу еще в 1914 г., делится своими наблюдениями: «...[Местная знать] дни напролет сидит на ступеньках крылечек, покуривая трубки и обсуждая, сколько раз Российская империя, да и сам царь были спасены карабахскими генералами и какая ужасная участь постигнет россиян, если карабахцы бросят их на произвол судьбы»[2].

Большой неожиданностью для армян должен стать тот факт, что карабахские азербайджанцы, оказывается, тоже отличные воины. После того как провинция в 1805 г. вошла в состав Российской империи, знаменитые карабахские скакуны носили азербайджанских всадников Карабахского полка, одного из четырех мусульманских полков русской армии. На первый взгляд кажется удивительным, что азербайджанцы сражались в рядах русской армии против Османской империи. Но они были шиитами, выступавшими против суннитов, – таков результат великого раскола в исламе[3]. В 1829 г. Александр Пушкин воочию увидел Карабахский полк в деле под Карсом, когда тот вернулся в лагерь с восемью турецкими знаменами. Он даже посвятил стихотворение юному воину Фархад-Беку, адъютанту командира полка:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой,
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой![4]

О широте и щедрости натуры карабахцев гораздо лучше свидетельствует разнообразие блюд, которыми меня угощали за ужином в Степанакерте, чем начищенная броня отремонтированного танка или восстановленная церковь Казанчецоц. Карабах был точкой соприкосновения христианского и мусульманского миров, местом встречи армян, азербайджанцев, персов и русских. Нет нужды напоминать об этом старшему поколению. В 1924 г. армянский ученый Степан Лисициан провел детальное этнографическое исследование только что образованной Нагорно-Карабахской автономной области. Этот труд, который он предложил напечатать в Баку, так и не был опубликован при его жизни, скорее всего, потому, что высказанные в нем

В интервью 30 марта 2001 г. он заявил: «Мы верим, что беженцы, вне зависимости от их национальности, имеют право вернуться в свои дома. Это относится как к армянским, так и к азербайджанским беженцам. Другое дело, захотят ли этого беженцы, когда нет прочного мира, а есть риск возобновления войны?»

[2] Said K. Ali and Nino. London: Hutchinson, 1970. P. 44.

[3] Шушинский Ф. Шуша. Баку: Азерб. гос. изд-во, 1968. С. 134–135; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. P. 10. Свентоховский отмечает, что шиитские добровольцы также сражались на стороне русских против суннитов в Русско-турецкой войне 1853–1855 гг.

[4] Шушинский Ф. Шуша. С. 135. Пушкин описывает шушинский полк в своем «Путешествии в Арзрум».

идеи расходились с советской концепцией о том, что такое Нагорный Карабах. Но работа Лисициана вовсе не является националистической. Напротив, его приводит в восхищение гибридная культура Карабаха: «Продолжительное соседство равнинных районов (Карабах и Мугань) и горных плато (горный Курдистан) с тюркско-татарскими племенами, вековая политическая зависимость от верховной власти персидских шахов, постоянное общение с тюркскими родовыми старейшинами (нередко имели место случаи заключения брачных союзов между ними и семьями меликов, местных князей) – все это привело к усилению турецко-иранского влияния не только на местную феодальную знать, но и на прочие слои армянского населения Карабаха. Это проявлялось и во всеобщей образованности (особенно среди мужского населения), и в распространении тюркского языка, и в обычае давать детям мусульманские имена и обучаться музыке в тюркско-иранских традициях, и в том, что положение женщины становилось все более бесправным и униженным, и в отдельных случаях полигамии (как в семье меликов Шахназарянов), и в том, что вполне допускалось взять в дом вторую жену, если первый брак оказался бесплодным, и тому подобных вещах. К великому сожалению, важнейшие вехи взаимодействия армянской и тюркско-азербайджанской культур так и остались до конца не исследованными»[5].

За столом, накрытым по случаю Дня Победы, по правую руку от меня сидел старик с орлиным профилем, чьи щеки обрамляли седые бакенбарды. Он рассказал мне, что вот уже семьдесят лет живет в этом городе, еще с тех пор, когда это была небольшая деревушка. Наверное, трудно себе даже представить, как все тут изменилось за это время, заметил я. «Изменилось прежде всего то, – лаконично сказал старик, – что раньше здесь жило много азербайджанцев, а теперь их нет».

В разгар трапезы мой сосед поднялся с места и произнес тост, держа в руках рюмку тутовки – местной жгучей, но сладкой тутовой водки. Начал он, к моему удовольствию, по-русски, потом плавно перешел на сочный карабахский диалект, а затем на певучий язык, в котором я, к своему изумлению, узнал азербайджанский. Я уловил несколько раз повторенное слово «Агдам» и пришел к заключению, что он рассказывает забавную историю про свою поездку, еще в советские времена, в горком партии Агдама. Во время рассказа сидевшие за столом старики, прекрасно знавшие азербайджанский язык, хохотали до слез. А молодежь, не понимавшая ни слова, только переглядывалась и сконфуженно улыбалась.

[5] Лисициан С. Армяне Нагорного Карабаха: этнографический очерк. Ереван: Академия наук, 1992. С. 44.

Все лучшее и все худшее, что сплелось в истории Нагорного Карабаха, особенно ярко проявилось в истории Шуши. Взаимному процветанию и прогрессу положил конец разрушительный ген нигилизма, проявившийся в обеих общинах, уничтожавших все самое ценное и у противников, и у себя самих. В некотором смысле развалины Шуши – свидетельство непримиримого отношения обоих сообществ к наследию друг друга.

История города берет свое начало в 1740-х гг., когда Панах-хан, глава азербайджанского рода Джаванширов, сделал попытку стать правителем Карабаха. Персы и турки в то время уже сдали свои позиции, а русские еще не посягнули на Кавказ. Панах-хан возвел ряд крепостей, чтобы утвердиться в звании хана Карабахского. Он еще больше укрепил свое положение, женив сына на дочери Шахназара из Варанды, одного из пяти армянских меликов, или князей. В 1750 г. Панах-хан построил крепость Шушу. Отвесные скалы с южной стороны обеспечивали естественную защиту, и в новых крепостных стенах достаточно было всего двух ворот.

В годы правления преемника Панах-хана, Ибрагим-хана, начался бурный расцвет города. Здесь в 1750 г. обосновался азербайджанский поэт и политический деятель Вагиф, который стал придворным поэтом и великим визирем Ибрагима. Вагифа убили в конце продолжительной войны с Персией 1795–1797 гг., в ходе которой персидский шах Ага Мухаммед-хан был также убит в Шуше. В мае 1805 г. Ибрагим-хан начал переговоры с Россией об условиях капитуляции. Он сохранил в основном свою власть, но обязался прекратить любые отношения с другими державами и ежегодно выплачивать России дань в размере 8 тысяч золотых монет. Последовавшие Гюлистанский и Туркманчайский мирные договоры, заключенные соответственно в 1813 и 1828 гг., усилили контроль России над Карабахским ханством. Последний хан, Мехти Кулу-хан, в 1822 г. был вынужден бежать в Иран.

В XIX в. Шуша была одним из крупнейших городов на Кавказе, превосходящим размерами и богатством Баку и Ереван. Здесь, на пересечении множества караванных путей, стояли десять караван-сараев. Славилась Шуша своими шелками, мощеными улицами, большими каменными особняками, яркими узорчатыми коврами и чистокровными скакунами. В 1824 г. сюда заехал по пути из Ирана Джордж Кеппел, граф Албемарль, который возвращался из Индии в Англию и пересек «черные и неприступные горы плодородной про-

винции Карабах». «Шуша» произвела на него большое впечатление: «Город построен на склоне высокой скалистой горы. Склон настолько крут, что кажется, будто дома подвешены к нему наподобие птичьих клеток. Я два часа карабкался наверх, пока достиг вершины»[6]. Кеппел насчитал в городе две тысячи домов. Три четверти их обитателей составляли азербайджанцы, одну четверть – армяне. «Язык, – писал Кеппел, – представляет собой диалект турецкого, но местные жители, за исключением армян, прекрасно говорят и пишут на персидском. Торговлей занимаются преимущественно армяне, которые ведут дела с городами Шеки, Нахичевань, Хой и Тебриз»[7].

Этот город был настоящей кузницей талантов. Среди армян преобладали строители и архитекторы. Два армянских скульптора, выходцы из Шуши Степан Агаджанян и Акоп Гурджян, снискали себе славу в Париже. Для азербайджанцев Шуша являлась «консерваторией Кавказа» и средоточием их музыкальных традиций. Самая известная азербайджанская поэтесса Натеван – дочь последнего хана Мехти Кулу. Здесь родились Узеир Хаджибеков и один из первых азербайджанских писателей XX в. Юсиф Везир Чеменземинли.

Тем не менее благополучие Шуши зависело от покровительства России. В 1905 г. город пал жертвой ожесточенной армяно-татарской войны. Британский журналист и писатель Луиджи Виллари описывает, как она закончилась: «2-го числа [сентября] мусульманские военачальники послали к армянам гонца, и в русской православной церкви наконец-то состоялись мирные переговоры. Татары и армяне прилюдно заключили друг друга в объятия и поклялись в вечной дружбе – до поры до времени. Состоялся обмен пленными, – как и подобает цивилизованным противникам. Число убитых и раненых достигало 300 человек, из которых две трети составляли татары, поскольку армяне были лучше вооружены и находились в более выгодном стратегическом положении. Ущерб оценивался в сумму от 4 до 5 миллионов рублей. [Русские] воинские части численностью в 350 человек, казалось, ничего не предпринимали в разгар военных действий, зато любезно предоставили военный оркестр для торжеств по случаю примирения»[8].

Еще дважды Шуша подвергалась разграблению, и ее былому величию пришел конец. В марте 1920 г., когда город взяла азербайджанская армия, армянский квартал был сожжен и около пятисот армян убито. В советскую эпоху численность населения в городе, где ранее проживало 40 тысяч человек, сократилась вдвое. А затем, в мае 1992 г., уже сами армяне разрушили Шушу до основания.

И армяне, и азербайджанцы сделали все возможное, чтобы уничтожить культурное наследие противной стороны. В 1992 г. азербайджанцы устроили в церкви Казанчецоц склад ракет для установок «Град». Они выбросили из храма все каменные скульптуры и продали большой бронзовый колокол. В декабре 1992 г. некий армянский чиновник сообщил, что обнаружил этот колокол на рынке в украинском городе Донецке. Он выкупил святыню за 3 млн рублей и отправил ее назад в Армению[9].

Захватив город, армяне в отместку демонтировали и продали бронзовые бюсты трех азербайджанских музыкантов и поэтов, уроженцев Шуши, причем и эти реликвии были чудом спасены, на сей раз благодаря скупщику металлолома в Тбилиси. Я видел эти три бронзовых бюста – в плачевном состоянии, со следами от пуль, они валялись во дворе штаб-квартиры Красного Креста в Баку: поэтесса Натеван с покрытой платком головой, держащая книгу в руке с отбитым большим пальцем; композитор Гаджибеков, исцарапанный пулями, в двубортном пиджаке и сломанных очках, и знаменитый певец Бюль-Бюль, похожий на мыслителя, с выпуклым бронзовым лбом.

Но если бы не усилия горстки храбрых армян, потери могли быть значительно больше. Армянский художник Мгер Габриэлян рассказывал мне, как вернулся в родной город после его взятия утром 9 мая 1992 г. и с ужасом увидел, что вандалы и мародеры сравнивают его с землей. Мгер и несколько его друзей встали перед одной из двух городских мечетей XIX в., чтобы остановить ватагу юнцов, собравшихся стрелять по фасаду здания из пушки бронетранспортера. Храбрецы забаррикадировались в городском музее и в течение нескольких дней держали там осаду, чтобы предотвратить разграбление коллекции ковров, утвари и картин. У Мгера как представителя армянского меньшинства большого азербайджанского города было много друзей-азербайджанцев. Он убеждал меня, что уничтожение Шуши для него стало такой же личной утратой, как и для них: «Я знаю, для них это большое горе, но и для нас тоже. Лично я не ощущаю себя в этом городе победителем. Потому что город как таковой мертв»[10].

[6] Keppel G. Personal Narrative of a Journey from India to England in the Year 1824. London, 1827. P. 188.

[7] Ibid. P. 194.

[8] Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London: T. Fisher Unwin, 1906. P. 199.

[9] Сообщение информационного агентства «Снарк», 25 дек. 1992, цит. по: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. IV. С. 301.

[10] Интервью с М. Габриэляном, 15 дек. 2000.

Трудно поверить, что Шуша когда-нибудь вернется к былому величию. В 2000 г. она была фактически городом-призраком. Большинство ее двухтысячного населения составляли беженцы, которые приехали сюда только потому, что им негде больше жить. Я видел нищету в их глазах. Возле верхней мечети, хотя и уцелевшей, но запустелой, я впервые за все время пребывания в Нагорном Карабахе встретил попрошаек: ко мне пристали двое ребятишек, прося милостыню. Единственным знаменитым армянином, выполнившим свои обещания в отношении Шуши, стал местный архиепископ Паркев. Он поселился здесь в 1992 г., спустя всего несколько дней после взятия города, и сразу начал сбор средств на восстановление городских храмов. Но, похоже, немногие разделяют его энтузиазм по поводу восстановления Шуши.

«Многие вернулись бы сюда, если бы мы нашли для них работу, – говорил мне Паркев. – Мы уже открыли торговлю чаем и ювелирное дело. Есть предложение по созданию производства варенья, которое даст нам тридцать-сорок рабочих мест. Но нам нужны деньги на восстановление зданий». Этот разговор состоялся через три дня после Дня Победы. Мы сидели в его рабочем кабинете в Шуше. У архиепископа пронзительные умные глаза, темпераментная речь и такая окладистая черная борода, что в ней, верно, птички могли бы вить гнезда. О нем ходит молва как о человеке, пользующемся в Карабахе непререкаемым авторитетом. Он часто вступал в дискуссии с политиками в качестве выразителя чаяний простых людей. Похоже, он не только духовный лидер области, но и инициатор развития малого бизнеса в Шуше[11].

Архиепископ рассказал, что впервые приехал в Карабах весной 1989 г., когда администрация Аркадия Вольского дала разрешение на возобновление церковной деятельности. В начале XX в. на территории Карабаха было 118 церквей и 12 монастырей, но после 1930 г. их закрыли, а всех священнослужителей либо сослали, либо посадили, либо расстреляли. Он поставил перед собой задачу начать возрождение Армянской апостольской церкви в Карабахе. Я поинтересовался, можно ли быть армянином, но не христианином. «Нет, невозможно, – ответил Паркев, – быть армянином и быть христианином – это одно и то же».

Судя по рассказам архиепископа, христианство в Армении скорее коллективный символ национальной идентичности и непокорности, чем духовное кредо. Паркев всегда находился в гуще событий. Он рассказал, как однажды ноябрьской ночью 1991 г. в Степанакерте вошел к себе в спальню, а через несколько минут ракета, выпущенная из Шуши, попала в комнату, из которой он только что вышел, и все было уничтожено пожаром.

Паркев говорил, что, когда вечером 8 мая 1992 г. захлебнулась первая атака армян на крепость Шуша, именно он разгадал суть проблемы и предложил ее решение. Дело, по его мнению, было в том, что на центральной площади Степанакерта стоял памятник Антихристу – Ленину: «Я сказал: "Сбросьте Ленина!" – и вскоре мы заняли Шушу. Вот как это было. Через пару часов наши уже вошли в центр города».

Архиепископ Паркев сказал, что поддерживал штурм Шуши молитвой, а в самих военных действиях участия не принимал. Однако я знал как минимум одного священнослужителя, не отличавшегося такой щепетильностью. Четырьмя годами раньше, в 1996 г., когда я впервые посетил Шушу, недалеко от того места, где мы сейчас сидели с Паркевом, я встретил настоящего отца-воителя, как будто уцелевшего со времен средневекового христианства. Было воскресное утро, и мы с коллегой пришли на службу в маленькую церквушку Канач Жам. В ее каменных стенах звонко звучали слова армянской литургии. Службу проводил отец Корюн, высокий, молодой священник с густой черной бородой и ясными восторженными глазами.

По окончании службы отец Корюн пригласил нас к себе домой, в полуразрушенное многоквартирное здание. Он выставил на стол коньяк и познакомил нас с женой и сыном. Большая часть беседы представляла собой страстный монолог энтузиаста национальной истории, у которого современная война перемешалась с событиями более чем тысячелетней давности. Корюн сказал, что не мог не приехать в Карабах, поскольку его «призвала сюда кровь предков». И его долг состоял не только в том, чтобы править церковную службу, но и воевать. «Я целовал крест, потом откладывал крест и Евангелие в сторону, – рассказывал он, помогая себе жестами, – снимал сутану, надевал военную форму, брал в руки оружие и шел сражаться».

Должно быть, мы выглядели удивленными. Но святой отец, нимало не смущаясь, пояснил, что он не просто служитель церкви, но и «сын армянского народа». «Все наши территории будут освобождены, – заявил он. – Взгляните на карту! – Он ткнул пальцем в висевшую на стене карту Великой Армении, на которой границы современной сухопутной Армении раздвигались, тянулись через Турцию, Грузию и Азербайджан к двум морям. – Не знаю, суждено ли мне увидеть это, не знаю, увидит ли это мой сын. Но наше дело завершит мой внук».

[11] Интервью с архиепископом П. Мартиросяном, 12 мая 2000.

Когда четыре года спустя я спросил архиепископа Паркева об этом воинственном священнике, он уклонился от ответа и заявил, что тут, должно быть, произошла какая-то ошибка. Существует практика, когда священники проводят обряд крещения солдат в зоне боевых действий и используют каски как потиры для святой воды, но не более того. «Оружие священника – его крест», – заявил он, рассчитывая, что эту метафору я приму за чистую монету. Я не стал его больше расспрашивать.

Архиепископ оказался гораздо большим реалистом, чем его воинственный собрат, но выражался не менее жестко. Паркев заявил, что Шуша, или Шуши, – исконно армянский город. Когда же я упомянул о заброшенных городских мечетях, он возразил, что азербайджанскими их называть нельзя, поскольку построены они в XIX в., когда – армяне не устают вас в этом убеждать – азербайджанцев в Карабахе не было. «Так почему же их не восстанавливают?» – «Мы переговорили с иранцами и дали им разрешение на восстановительные работы, – ответил Паркев. – Но они пока не торопятся». Когда же я затронул тему возвращения азербайджанцев в Шушу, архиепископ стал мрачнее тучи. Он сказал, что родился в деревне в Нижнем Карабахе, к северу отсюда, откуда в настоящее время изгнано все коренное армянское население. «Моя деревня, Чардахлу, сейчас в руках азербайджанцев. Испокон веков это была армянская деревня. Как по-вашему, когда я смогу туда вернуться?» Затем, немного подумав, он добавил: «Слишком все запутано. Нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить, но нужно время, чтобы мы смогли ответить на больные вопросы».

«Хотел бы я, чтобы Шуши вновь стала столицей», – сказал Паркев. Мы стояли на пороге его дома, прощались и смотрели на шпиль церкви Казанчецоц и окружающие ее руины. Но каким образом? И столицей чего? В начале XXI в., когда от города осталась груда развалин и там живет от силы две тысячи горожан, надежды на это практически нет. А ведь еще сто лет назад здесь проживало сорок тысяч человек, действовали шесть церквей и две мечети, издавалось двадцать газет...

Архиепископ поинтересовался, где я изучал русский. Я сказал, что защитил диплом по русской литературе, и бородатое лицо Паркева просветлело: «И я изучал русскую литературу. Тема моего диплома – "Мастер и Маргарита" Булгакова». Он продолжил по-английски, тщательно подбирая слова: «Я и английский изучал». Оказалось, что английский он учил дома с помощью проигрывателя. «Я очень любил "Битлз"», – признался Паркев и скороговоркой выпалил длинный список своих любимых песен: «Yesterday», «A Hard Day's Night», «Eleanor Rigby», «Paperback Writer»... И я покинул разрушенный город с неожиданной симпатией к архиепископу – любителю «Битлз».

Глава 13
ИЮНЬ 1992 – СЕНТЯБРЬ 1993
Эскалация конфликта

ПОРАЖЕНИЕ АРМЯН

В середине июня 1992 г. многотысячный поток беженцев устремился через Нагорный Карабах к югу: перед лицом вражеской атаки люди бросали свои дома. Этот исход запечатлен на видеоленте: забитые людьми грузовики на проселочных дорогах, люди, идущие пешком... Это сельские жители: старухи в платках, молодые женщины с детьми на плечах, крестьяне, ведущие на веревке бычков или подгоняющие их хворостинами. Усталые люди соскребают дорожную грязь с домашних тапочек, в которых выбежали из дома. Изможденная женщина с растрепанными седыми волосами кричит прямо в объектив камеры: «Кто нас проклял? Мы что, вселенские сироты, что они так мучают нас?»[1]

То был армянский исход, но беженцами могли быть и азербайджанцы. Массовое изгнание мирных жителей – одна из наиболее ужасных сторон армяно-азербайджанской войны, причем среди азербайджанцев число ее жертв в конечном счете оказалось намного больше. В карабахском конфликте погибло меньше людей, чем в сопоставимых с ним региональных войнах, например в Боснии или Чечне: с обеих сторон, вероятно, около 20 тысяч человек. Но кризис с беженцами, порожденный этой войной и оставивший без крова сотни тысяч людей, стал одной из самых масштабных трагедий современного мира.

Армянские беженцы спасались от азербайджанских войск, которые 12 июня 1992 г. неожиданно перешли в наступление и стремительно овладели всей северной частью Нагорного Карабаха. За че-

[1] Из фильма Цветаны Паскалевой «Дорогие мои, живые и мертвые» (1993, повторно выпущен в Ереване студией «TS Film» в 1996 г.).

тыре дня азербайджанцы захватили Шаумяновский район, вынудив спасаться бегством тех самых людей, которые год назад в ходе операции «Кольцо» уже были один раз депортированы из родных мест, а затем вновь вернулись домой. В течение следующих трех недель был полностью захвачен Мардакертский район.

Большинство людей, как военные, так и мирные жители, просто убегали до того, как территориями овладевали наступающие азербайджанские части. Доброволец Кямал Али в числе первых солдат вошел в Мардакерт вечером 4 июля, спустя всего несколько часов после того, как город покинул последний армянин. Он увидел, что все защитники бежали в панике. «Они побросали оружие и удрали, – вспоминал Али. – Когда мы вошли в город, у нас создалось такое впечатление, что все просто легли спать, чтобы утром встать и пойти на работу. На земле не было ни одной стреляной гильзы. Все осталось в целости и сохранности. Они бросили все: мебель, вещи...»[2] К началу июля около 40 тысяч армян стали беженцами, и людской поток двигался к Степанакерту.

Азербайджанское наступление началось спустя пять дней после того, как 7 июня 1992 г. президентом республики был избран Абульфаз Эльчибей, который наконец привел к власти Народный фронт. Победа Эльчибея, казалось, разрешила затянувшийся политический кризис в стране, и моральный дух азербайджанских войск на передовой окреп. Боевые части, подобные дивизии «Серые волки» под командованием ультранационалиста Искандера Гамидова, сражались теперь за правительство, которое они поддерживали. Армянами же, напротив, после захвата Шуши и Лачина овладела обманчивая эйфория. Многие бойцы-фидаины, решив, что война уже выиграна, попросту вернулись в Армению. Армянские лидеры Нагорного Карабаха ожидали, что азербайджанские войска развернут наступление с востока, и ослабили северный сектор области. И когда наступление началось, фронт просто развалился.

На острие азербайджанской атаки двигалась фаланга бронетранспортеров и танков – по некоторым данным, до 150 единиц, – которые смяли оборону плохо вооруженных армянских частей. Использование тяжелой бронетехники привело к резкой эскалации конфликта. В июле российский военный журналист Павел Фельгенгауэр писал: «Партизанский период конфликта в Карабахе окончен. Начинается "нормальная" война, в которой роль добровольца, с "калашниковым" в руках защищающего свою родную деревню от любых врагов, будет становиться все меньше и меньше»[3].

Тяжелая бронетехника была российского производства, и механики-водители – тоже русские. Азербайджанские командиры быстро завладели советским военным имуществом в Азербайджане, договорившись с командованием 23-й дивизии 4-й армии, которая базировалась в Гяндже. Несмотря на предпринятые попытки скрыть присутствие в рядах азербайджанской армии российских военных, было ясно, что Азербайджан не располагал таким количеством опытных водителей танков. Но российских военных видели – не только жители армянских деревень, но и один западный дипломат и один американский журналист[4].

Российские военные возглавили наступление, русские же – как ни удивительно это звучит – его и остановили. В начале июля карабахские армяне столкнулись с угрозой поражения. По свидетельству высокопоставленного армянского чиновника, «этот поток [людей] приближался к Степанакерту, как стадо, и не было никакой возможности задержать его или организовать оборону города. И должен сказать, что этот поток остановили русские». Чиновник, попросивший не называть его имени, сказал, что армянские власти уговорили российских военных вмешаться и помочь им переломить ситуацию на фронте. Поднятые в воздух российские штурмовые вертолеты нанесли ряд ударов, благодаря которым азербайджанское наступление захлебнулось. В итоге получилось, что российские военные в какой-то момент воевали друг против друга. Армянский чиновник подчеркнул, что это единственный случай за всю карабахскую войну, когда российские военные активно вмешались в боевые действия, чтобы помочь армянской армии (впрочем, его утверждение решительно оспорило бы большинство азербайджанцев).

Тот же чиновник вспоминал, что после российско-армянской контратаки «потребовалось два-три дня для восстановления линии фронта». Но карабахские армяне все еще были на волоске от краха. Азербайджанские войска оккупировали почти половину территории Карабаха и с востока стояли в получасе пути от Степанакерта. В августе азербайджанцы с помощью русских или украинских пилотов приступили к воздушным налетам на город. Бомбардировщики уничтожили десятки домов, уцелевших после зимних и весенних артобстрелов. Местный парламент пребывал в смятении. Правительство

[2] Интервью с К. Али, 4 апр. 2000.

[3] Фельгенгауэр П. Накануне решающих сражений // Независимая газета. 1992. 18 июля.

[4] Интервью с западным дипломатом.

Тер-Петросяна в Ереване и его союзники в Карабахе решили наконец взять руководство в свои руки. Роберт Кочарян вспоминал: «Обстановка была паническая. Азербайджанские войска захватили 48 % территории Карабаха, появилось огромное количество беженцев, постоянно шли заседания президиума Верховного Совета [Карабаха], который находился чуть ли не в шоке и был не в силах принять какие-либо решения. Тогда я внес два или три предложения и выдвинул условие, что если они эти предложения принимают, то я готов взять на себя ответственность за все последующие действия. План был такой: ввести военное положение, создать государственный комитет обороны... Мой план был принят буквально за тридцать или сорок минут»[5].

Моделью для созданного 15 августа нового Государственного комитета обороны Нагорного Карабаха стал – и по названию, и по назначению – одноименный властный орган, который Сталин в 1941 г. сформировал в СССР. Комитет принял на себя всю полноту исполнительной власти. Все армянское мужское население Карабаха в возрасте от 18 до 45 лет было призвано в новую армию, насчитывавшую около 15 тысяч человек. Все местные предприятия стали работать на военные нужды.

Новому главе комитета и лидеру карабахских армян Роберту Кочаряну было тогда 37 лет. Среди карабахских активистов он был самым спокойным и упрямым и оставался своего рода загадкой даже для хорошо знавших его людей. В советскую эпоху Кочарян возглавлял парторганизацию степанакертской шелкопрядильной фабрики и считался хорошим коммунистом, хотя и с реформаторскими наклонностями. (Аркадий Вольский вспоминал, что он часто цитировал философа-марксиста Плеханова.) Он не был блестящим оратором и лучше говорил по-русски, чем по-армянски. Его азербайджанский друг и коллега Захид Аббасов вспоминает, что он всегда сохранял спокойствие, никогда не пил и не курил. Более подходящим объяснением его агрессивной внутренней энергии может служить то, что он увлекался активными видами спорта – вроде парасейлинга (полет на парашюте за катером) и дельтапланеризма, – к каковым, говорят, причислял также и «войну».

В то же самое время на старинного друга Кочаряна – Сержа Саргсяна было возложено материально-техническое обеспечение карабахской военной кампании. Когда они оба работали в степанакертском горкоме комсомола, Саргсян занимал более высокую должность, чем Кочарян, и, по словам самого Саргсяна, «почти не было недели, чтобы [они] на охоту, на рыбалку не пошли»[6]. Аббасов вспоминал, что «Сержик» Саргсян отличался большей общительностью, любил выпить и вообще со стороны казался прирожденным лидером. В новом комитете обороны оба стали работать в тесной связке и впоследствии тандемом вознеслись на вершину власти в Армении.

БОЛЬШОЙ ДЕЛЕЖ

15 мая 1992 г. на встрече в Ташкенте Армения и Азербайджан официально унаследовали большие арсеналы советского вооружения, оставшиеся после распада Советской армии. На бумаге оба новых государства получили право забрать по 220 танков, 220 бронемашин, 285 артиллерийских стволов и 100 боевых самолетов. Для двух воюющих сторон, которые еще год назад довольствовались метеорологическими ракетами и охотничьими ружьями, это был гигантский прорыв в укреплении их разрушительной мощи[7].

На практике же обе стороны получили куда больше вооружений, чем предусматривалось заключенным договором. Весной 1992 г. на военных базах как в Армении, так и в Азербайджане произошла серия загадочных взрывов, в результате чего было списано немало вооружений. А вот другое вероятное объяснение: советское оружие многократно переходило из рук в руки, что стало возможным, по словам одного армянского военного эксперта, благодаря «деньгам, личным связям и морю водки»[8].

Такая бесплатная раздача оружия поначалу дала преимущество Азербайджану. В советские времена Армения, ближайший сосед члена НАТО Турции, рассматривалась как зона боевых действий в случае будущей войны, и поэтому в республике стояли лишь три дивизии, а военных аэродромов не было. Азербайджан же считался тыловой зоной вероятного конфликта, и концентрация войск там была более высокой: в республике базировались пять дивизий и, кроме того, располагались пять аэродромов. Вдобавок на территории Азербайджана хранилось на складах значительно больше вооружения, чем в Армении. Согласно одной оценке, если на территории Армении

[5] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

[6] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000.

[7] Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. New York; Washington; London; Brussels: Human Rights Watch, 1994. P. 87.

[8] Интервью с Л. Эйрамджяном, 28 сент. 2000.

размещалось только 500 вагонов боеприпасов, то в Азербайджане – 10 тысяч вагонов[9].

Лейла Юнусова, тогдашний заместитель министра обороны Азербайджана, вспоминала, что азербайджанцы, зная, кому нужно сунуть в карман, сумели приобрести львиную долю этого арсенала, обеспечив себе военное преимущество: «Чтобы [русские] передали нам больше оружия, чем предусмотрено договором, мы просто платили командирам дивизий. Армянам это было труднее сделать, потому что у них не было столько дивизий». Буквально все, от директоров заводов до домохозяек, приняли участие в широкой патриотической кампании по сбору средств для закупки оружия. «Мы все платили, – говорила Юнусова, – каждый магазин вносил свою долю, все заводы переводили деньги... Женщины отдавали золото и бриллианты на оружие. Каждый что-то отдавал»[10].

Двум высокопоставленным азербайджанским чиновникам удалось закупить у русских оружие сравнительно легко и на выгодных условиях. Министр обороны Рагим Газиев с нехарактерным для сторонника Народного фронта энтузиазмом поддерживал Россию. Его старый знакомый Хикмет Гаджизаде говорил, что, когда после январских событий 1990 г. Газиев оказался за решеткой в Москве, «у него в голове произошел сдвиг»: «После Лефортовской тюрьмы у него возникла идея, что с Россией надо дружить, что Россию надо подкупать»[11]. Другим азербайджанским русофилом был Сурет Гусейнов, холеный молодой директор текстильной фабрики в Евлахе. Не имея никакого военного опыта, Гусейнов создал вооруженную бригаду и, отправившись в Карабах воевать, добился там таких успехов, что был удостоен звания Героя Азербайджана и должности «специального представителя» по Карабаху. Гусейнов был очень богат. Будучи одним из королей азербайджанского черного рынка, он истратил на военные нужды страны больше любого из своих конкурентов: его солдаты получали высокое жалованье, и, что самое важное, Гусейнов стал близким другом генерала Александра Щербака, командира советской 23-й дивизии в Гяндже. В результате к лету 1992 г. Азербайджан уже обладал огромным арсеналом. В ноябре 1993 г. Министерство иностранных дел Азербайджана признало, что к маю 1992 г. в азербайджанской армии насчитывалось 286 танков, 842 бронетранспортера и 386 орудий;

[9] Отчасти в этом виноваты сами армяне. Армянские политики резко возражали против создания в 1989 г. крупного склада боеприпасов вблизи озера Севан, поэтому склад был размещен недалеко от города Агдам на территории Азербайджана.

[10] Интервью с Л. Юнусовой, 20 нояб. 2000.

[11] Интервью с Х. Гаджизаде, 28 марта 2000.

это значительно превышало предусмотренные ташкентскими соглашениями лимиты вооружений[12].

Армяне обратились к России с просьбой помочь восстановить военный паритет. Традиционные дружеские отношения Армении с Москвой и личные связи, установившиеся между Борисом Ельциным и Левоном Тер-Петросяном, сыграли главную роль. Сегодня Тер-Петросян утверждает, что президент Ельцин лично санкционировал поставки российских вооружений в Армению. По его словам, он направил Ельцину письменный запрос о поставках оружия, и тот попросил российского министра обороны обеспечить Армению соответствующими типами и количеством вооружений. Как вспоминал Тер-Петросян, поскольку Азербайджану досталась значительно большая доля советского военного арсенала, чем Армении, Ельцин хотел обеспечить баланс сил в карабахском конфликте: «Выяснилось, что у Азербайджана втрое больше оружия, чем у Армении. И в ходе переговоров с российской стороной мы пришли к выводу – и мне удалось убедить их, – что нам следует получить компенсацию. И Ельцин согласился, он согласился, что надо обеспечить равенство сил. Равенство – и не более того. В последующие годы, в 1992-м, 1993-м, 1994-м, мы почти полностью компенсировали свое военное отставание от Азербайджана. А в 1994 г. добились паритета. Я имею в виду, по материальной части, по танкам, артиллерии, БТРам, стрелковому оружию»[13].

Истинные масштабы военных поставок в Армению выяснились только в 1997 г. в докладе, представленном в Государственную думу генералом Львом Рохлиным. Рохлин, оценив общую стоимость заключенных сделок в 1 млрд долларов, заявил, что обнародовал эти факты лишь потому, что они расходятся с обязательством России не вооружать ни одну из воюющих сторон в этом конфликте. Если верить Рохлину, большинство поставок тяжелого вооружения в Армению было осуществлено уже после окончания боевых действий, то есть в 1995–1996 гг. Эти поставки включали 84 танка Т-72 и 50 единиц БМП-2. Однако ряд поставок осуществлялся уже летом 1992 г. С августа 1992 г. по июнь 1994 г., по утверждению Рохлина, масштабные поставки боеприпасов в Армению шли со складов российской военной базы в Моздоке. В тот же период Россия поставляла Армении запчасти и горючее. Он, правда, не уточнил, когда именно

[12] Danilov D. Russia's Search for an International Mandate in Transcaucasia // Contested Borders in the Caucasus / ed. B. Coppieters. Brussels: VUB Press, 1996. N. 161.

[13] Интервью с Л. Тер-Петросяном, 24 мая 2000.

были отправлены туда другие виды боеприпасов, в частности 350 тысяч ручных гранат[14].

Переправка в Армению всего этого вооружения представляла собой масштабную и довольно сложную операцию. Павел Фельгенгауэр рассказал: «Это было санкционировано Кремлем и подписано Колесниковым. Я спросил: "Значит, была получена санкция?" Да, конечно, была. В России такие вещи – вроде переброски танков по воздуху – не происходят без санкции свыше. Их доставку осуществлял самый большой в России транспортный самолет "Антонов-124", или "Руслан"»[15].

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Военные поставки из Москвы в Армению – только фрагмент самой большой загадки карабахского конфликта – российского фактора. Сама по себе это очень непростая проблема. К концу 1992 г., когда Россия уже начала поставлять в Армению оружие и горючее, российский министр обороны Павел Грачев, похоже, наладил тесные связи со своими коллегами в армянском военном ведомстве. Правда, до сих пор не вполне ясно, каким образом его дружба с армянами проявилась на полях сражений. Причем, что еще больше усложняет общую картину, российская сторона в это же время продолжала помогать и Азербайджану. Так что, хотя российская военная помощь, несомненно, сыграла важную роль в преодолении отставания Армении от Азербайджана в 1992–1993 гг., надо еще доказать, стала ли эта помощь решающей предпосылкой победы армян в 1993–1994 гг.

Еще одним усложняющим элементом является то обстоятельство, что «российская помощь» обеим воюющим сторонам по большей части поступала вовсе не из России. На ранней стадии конфликта, в условиях неразберихи, возникшей сразу после распада Советского Союза, появились десятки, если не сотни «русских» добровольцев и наемников, воевавших как на армянской, так и на азербайджанской стороне. Многие из них не были «русскими» в точном смысле слова. Это бывшие советские солдаты – в основном русские, но также украинцы и белорусы, которые после вывода воинских частей из Гянджи или Степанакерта остались там, чтобы заработать на кусок хлеба, главным образом военные специалисты, востребованные на местах, – такие, как, например, украинский летчик Юрий Беличенко, сбитый над Степанакертом в августе 1992 г. Через месяц азербайджанцы в Кельбаджарском районе захватили в плен шестерых русских солдат. По словам пленных, они входили в группу из двенадцати российских наемников, бывших спецназовцев 7-й армии, которые воевали на стороне Армении. Они избежали смертного приговора только благодаря личному вмешательству российского министра обороны Павла Грачева.

Русские также воевали в качестве механиков-водителей танков. Они возглавили азербайджанскую наступательную операцию в июне 1992 г., и есть свидетельства, что позднее несколько русских танкистов служили в армянских частях. Как выразился один армянский житель карабахской деревни Талыш, «русские сначала помогали азербайджанцам, а потом развернулись и стали воевать за нас». Азербайджанский офицер Захид Нефталиев вспоминал, как в феврале 1993 г. в результате атаки армян на высоту «Глобус» в окрестностях Мардакерта он со своими товарищами оказался в окружении. У них закончились боеприпасы, им грозила неминуемая гибель: «Нам нечем было отстреливаться. Нам пришлось бы или умереть, или сдаться. Подъехал русский танк с русским экипажем. Из башни вылез парень и сказал: "Уходите, я не стану вас убивать". Русские дали нам уйти и сказали: "Мы не хотим вас убивать. Просто уходите отсюда". Они захватили территорию и передали ее армянам»[16].

Представляется, что многие, если не все, русские военные участвовали в этой войне как наемники, независимые от Москвы. Об этом периоде рассказывала Лейла Юнусова: «Знаете, сколько там было бывших офицеров Советской армии? Умные образованные офицеры, ракетчики, радисты – их буквально оставили без гроша! Им не на что было жить. Были летчики. Они жили в военных гарнизонах, с семьями, с детьми. Им не платили зарплату, у них ничего не было. Им буквально не на что было купить еды. Вы думаете, они слушались Москву? Да какая Москва! Все решали деньги!» Кямал Али вспоминал русских, которые работали у мафиозного командира Фрейда в Агдаме и даже денег не просили: «У [Фрейда] была военная техни-

[14] По оценкам Рохлина, вооружений было поставлено на общую сумму в 720 млн долларов. Цифра 1 млрд долларов включает также транспортные расходы, стоимость запчастей и горючего. Фельгенгауэр считает, что армяне возместили какую-то часть расходов. В июле 1992 г. Фельгенгауэр также писал, что армянам передали вооружение Ереванской дивизии 4-й армии (см.: Фельгенгауэр П. Накануне решающих сражений). Наиболее полный анализ распределения вооружений см.: Рохлин Л. Спецоперация или коммерческая афера? // Независимое военное обозрение. 1997. № 13. Рохлин был убит в июле 1988 г., но предположений о том, что это убийство как-то связано с его разоблачениями, не возникало.

[15] Интервью с П. Фельгенгауэром, 6 дек. 2000.

[16] Интервью с З. Нефталиевым, 28 нояб. 2000.

ка, которую он купил у русских где-то. Никто не умел ремонтировать российскую военную технику. Стрелять они еще могли, но оружие быстро выходило из строя. Тогда они привезли из Гянджи трех полковников, чтобы те сделали ремонт. Русские отработали с утра до полудня, а потом начали пить вино и пропьянствовали всю ночь. Утром [люди Фрейда] побоями заставили их проснуться и протрезветь. После этого они вновь приступили к работе и отремонтировали всю технику».

Азербайджанцы постепенно утратили военное превосходство. Осенью 1992 г. Россия начала выводить войска из Азербайджана и закрывать свои военные базы. В результате азербайджанцам удалось лишь один раз поживиться в 1992 г., когда они «приватизировали» несколько сотен бывших офицеров советской 4-й армии. А в Армении 7-я советская армия, расквартированная в Гюмри, осталась и вошла в состав новой Российской армии. Таким образом, на армянской земле по-прежнему пребывало множество дружественных российских офицеров. Эти военнослужащие новой армии были также незаметно «национализированы», потому что большинство из них в действительности являлись этническими армянами. Как выразился один российский военный наблюдатель, «армию, в которой от 60 до 80 % солдат и от 20 до 30 % офицеров – армяне, вряд ли можно назвать российской»[17]. Поэтому никого не удивило, когда в январе 1994 г. азербайджанцы захватили на поле боя восемь грузовиков и пятерых офицеров-армян 7-й российской армии.

Обе стороны продолжают спорить о том, принималось ли в Москве политическое решение помочь Армении одержать победу в войне. Что касается российских военных поставок, то Тер-Петросян уверяет, что Ельцин ставил целью только достижение «баланса сил» между Арменией и Азербайджаном и что фактически Москва не была заинтересована ни в победе, ни в поражении Армении: «Все эти россказни, будто Москва больше помогала Армении, – это все легенды, это абсурд! Русские вели себя честно и просто поддерживали баланс сил. Откуда мне это известно? Потому что я знаю, что, когда мы просили немного увеличить помощь, они нам отказывали. Я это знаю. Они никогда не давали больше, чем требовалось для поддержания равновесия».

Со своей стороны, азербайджанские официальные лица в категоричной форме утверждают, что по крайней мере с осени 1992 г. Москва действовала против них. По их словам, российские официальные лица постоянно прибегали к скрытым угрозам, намекая, что Азербайджан может потерпеть поражение на поле боя, если будет навязывать свой вариант мирного урегулирования. В более явной форме эта российская позиция проявилась уже после того, как весной 1993 г. прозападное правительство Егора Гайдара ушло в отставку, а националистический режим Эльчибея продолжал оставаться у власти в Азербайджане. Эльчибей настаивал на выводе российских военных баз из республики и угрожал, что Азербайджан не вступит в созданную под эгидой Москвы организацию постсоветских республик Союз Независимых Государств (СНГ). Посол Азербайджана в Москве Хикмет Гаджизаде вспоминал, что его постоянно принуждали согласиться на такой план мирного урегулирования, который предусматривал бы присутствие российских военных наблюдателей: «В течение всего периода моей работы послом я получил три [проекта] соглашения. Это началось в конце 1992 г. Так, к примеру, они говорили: "Вот соглашение – подпиши! Российские части будут размещены вот здесь. Война временно прекратится, и начнутся переговоры". А мы им отвечали: "Это может превратиться в Кипр". А они говорили: "Хорошо, тогда армянские войска возьмут Кельбаджар"...»[18]

Если намерения России, особенно в 1992 г., представляются туманными, то, по-видимому, лишь потому, что одни российские ведомства не давали себе труда ставить в известность другие ведомства о своих планах. Самым активным российским игроком на Кавказе в то время было министерство обороны, которое даже и не думало информировать о своих намерениях прочие учреждения ельцинского правительства.

Трое высокопоставленных российских военных имели свой интерес на Кавказе и постепенно оказывали армянам все большую поддержку. Генерал-полковник Федор Реут ранее командовал 7-й советской армией в Армении. Теперь, будучи командующим российскими частями Закавказского военного округа, базирующимися в Тбилиси, он помог оказавшейся в изоляции Армении получать все необходимое через грузинские порты на Черном море. Михаил Колесников, также бывший командующий 7-й советской армией, стал начальником российского Генерального штаба, и армяне могли рассчитывать на его проармянскую позицию. И что самое важное, новый российский министр обороны Павел Грачев тоже начал придерживаться проармянской линии.

[17] Касатов А. Сама не своя // Столица. 1992. № 48. С. 1.

[18] Интервью с Х. Гаджизаде, 15 нояб. 2000.

Именно Арменню Грачев выбрал для первого заграничного визита в мае 1992 г., спустя несколько дней после своего назначения на пост министра обороны России. Только что произошли вооруженные столкновения на границе между азербайджанским эксклавом Нахичевань и Арменией, напряжение усилилось также и оттого, что Турция, член НАТО, заявила о готовности действовать в обеспечение безопасности Нахичевани в соответствии со своими обязательствами по Карсскому договору 1920 г. Грачев вместе с ближайшим помощником Ельцина Геннадием Бурбулисом прибыл в Ереван, чтобы подтвердить обязательства Москвы по защите армянской границы с Турцией, и для отражения «турецкой угрозы».

Грачев был чужд дипломатических тонкостей, и его видение ситуации на Кавказе, как представляется, питалось коммерческими и личными интересами и упрощенным пониманием стратегических интересов России в данном регионе. С его точки зрения, эти интересы сводились к увеличению численности российских войск на Кавказе. Подобная стратегия не предполагала поддержку только одного режима или одной страны. Как пишет Фельгенгауэр, «министерство обороны находилось в хороших отношениях с Арменией, но и на полный разрыв с Азербайджаном не шло». Грачев строил свою политическую тактику на личной основе и установил тесные дружеские контакты с коллегами – министрами обороны. В Грузии он даже попросил министра обороны стать его крестным, когда вдруг решил креститься, – но при этом оказывал поддержку абхазским мятежникам, развязавшим войну за отделение от Грузии. В 1992 г., вскоре после визита в Ереван, Грачев подружился с азербайджанским министром обороны Рагимом Газиевым и несколько дней гостил у него дома в Шеки, в горах Северного Азербайджана. Газиев даже поехал на похороны матери Грачева.

Самые крепкие узы дружбы, однако, связывали Грачева с армянским министром обороны Вазгеном Саркисяном. Уже после смерти Саркисяна Грачев в декабре 1999 г. присутствовал на объединительной конференции союза ветеранов войны «Еркрапа» и стал почетным гражданином Еревана. В марте 2001 г. он вновь приехал в Ереван на юбилейные торжества памяти Саркисяна и заявил своим гостеприимным хозяевам: «Вазген Саркисян был моим другом и хорошим учеником. Я был счастлив обучать его военному искусству»[19].

В сентябре 1992 г. Грачев организовал в черноморском городе Сочи встречу министров обороны трех закавказских республик – азербайджанца Газиева, армянина Саргсяна и грузина Тенгиза Китовани. Газиев и Саргсян, как сообщалось, подписали краткое заявление с призывом к перемирию и к размещению в зоне карабахского конфликта «наблюдателей из стран СНГ». Однако Грачев не проинформировал об этой встрече многие заинтересованные стороны, в частности руководителей Белоруссии, Украины и Казахстана, которым и предстояло направлять «наблюдателей», а также Владимира Казимирова, которого российское министерство иностранных дел недавно назначило посредником по урегулированию конфликта. Казимиров в это время находился в Баку. Он вспоминал: «Я привез Эльчибею послание от Ельцина с предложениями по мирному урегулированию конфликта, но я понятия не имел о том, что на следующий день, 19 сентября, Грачев проводит эту встречу в Сочи»[20]. Казимиров узнал о ней лишь после того, как один коллега-дипломат обратил его внимание на заметку в «Интернешнл геральд трибюн». Когда же он собрался присоединиться к участникам встречи, оказалось, что уже поздно.

Через неделю Грачев направил в зону боев 56 российских наблюдателей, но был вынужден отозвать их, потому что боевые действия так и не прекратились. Газиев не консультировался с большинством своих коллег в азербайджанском руководстве, в результате после возвращения в Баку ему устроили разнос. На что именно он тогда дал свое согласие, так до конца и неясно, но, по словам Тофика Зульфугарова, в то время высокопоставленного чиновника азербайджанского министерства иностранных дел, русские претендовали на Лачинский коридор между Арменией и Азербайджаном в качестве своего стратегического трофея. «[Газиев] дал согласие на то, чтобы [Россия] получила так называемый Лачинский коридор во временное пользование», – сказал Зульфугаров. Как бы то ни было, президент Эльчибей, конечно, не одобрил подписанный Газиевым в Сочи документ. 28 сентября министр внутренних дел Азербайджана Искандер Гамидов заявил: «Совершенно ясно, что размещение в Азербайджане российских миротворческих сил является не чем иным, как скрытой формой агрессии»[21]. Столь явная антироссийская позиция изолировала Газиева и способствовала более тесному сближению российского министерства обороны с армянами.

[19] Армянское телевидение, 1-й канал, Ереван (на армянском языке), 5 марта 2001.

[20] Интервью с В. Казимировым, 1 дек. 2000.

[21] Интервью с Т. Зульфугаровым, 9 нояб. 2000; сообщение информационного агентства «Туран», 28 сент. 1992. Приношу благодарность Лоре Лекорню за информацию о Сочинской встрече.

АРМЕНИЯ В ОСАДЕ

Независимая Армения с трудом пережила 1992 г. Политическая обстановка в стране оставалась стабильной. Оппозиция взяла власть бескровно, и многие старые коммунисты стали работать в администрации Тер-Петросяна. Главные оппоненты Тер-Петросяна находились в стане националистической оппозиции, прежде всего – в партии Дашнакцутюн, которая летом 1992 г. сформировала на местах первые антиправительственные администрации. В целом же, однако, он пользовался широкой поддержкой.

Перед Арменией встала важнейшая проблема – экономическое выживание. Всего несколько лет назад одна из самых процветающих союзных республик, она теперь оказалась в нищете. Установленная Азербайджаном экономическая блокада лишила ее электроэнергии, железнодорожного сообщения и импорта продовольствия. Россия находилась слишком далеко, а на трех ближайших соседей положиться было нельзя. Турция выражала солидарность с Азербайджаном и после некоторого потепления в двусторонних отношениях в 1993 г. полностью закрыла границу с Арменией. Северная соседка Грузия переживала перманентный кризис, и ее трубопроводы, шоссейные и железные дороги часто перекрывались. В этих условиях самым дружественным соседом Армении стал Иран, но он тоже довольно далеко, и попасть туда можно было только по извилистой высокогорной дороге. Тем не менее без иранских товаров Армения едва ли смогла бы пережить две жестокие зимы 1991–1992 и 1992–1993 гг.

В эти зимы по уровню жизни армянские граждане были отброшены на несколько веков назад. Горожане брали воду из колодцев, рубили деревья для домашних дровяных печурок и коротали долгие вечера при свечах. Снабжение Армении электроэнергией достигло достаточных объемов только в 1996 г., после вызвавшего много споров возобновления работы Мецаморской атомной электростанции.

Острая нехватка средств жизнеобеспечения, впрочем, возымела парадоксальный психологический эффект: у населения Армении выработалось характерное для военного времени чувство солидарности. То есть бытовые тяготы лишь укрепили общественную поддержку войны в Карабахе. И тем не менее реальность за фасадом экономических трудностей была более сложной. С окончанием войны начали раздаваться обвинения, что в Армении производилось достаточно электроэнергии для последующей прибыльной перепродажи ее в Грузию и что политические лидеры страны воспользовались военной обстановкой для приватизации целых секторов экономики.

Мощным теневым игроком стала также армянская «мафия». Это неожиданно раскрылось в январе 1993 г., когда в камере московской

тюрьмы убили армянского гангстера Рафика Багдасаряна по кличке «Сво». Тело Сво отправили домой в Ереван и захоронили в самом престижном месте городского кладбища Тохмах. Советскому криминальному братству не было дела до межнационального конфликта, и старые товарищи Сво из Азербайджана решили прилететь в Ереван отдать последнюю дань уважения усопшему. Тогда в первый и единственный раз за первую половину 1990-х гг. между Ереваном и Баку возобновилось воздушное сообщение. Кроме того, гангстерам удалось добиться возобновления поставок газа и электроэнергии из Азербайджана в Армению на те три дня, что они участвовали в похоронах и поминках. После того как мафиозные гости разъехались, блокада была возобновлена, и на город вновь опустилась тьма.

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЕ АРМИИ

Победа Армении и поражение Азербайджана в 1994 г. объясняются тремя факторами: политическим и военным хаосом в Азербайджане, более масштабной российской помощью Армении и более высокой боевой подготовкой армян.

Последнее обстоятельство имеет исторические корни. Как и другой мятежный народ кавказского высокогорья, чеченцы, карабахские армяне имеют долгую традицию ведения войн. В 1993 г. карабахские бойцы получали денежное вознаграждение, если умудрялись вывести из строя вражеский танк, повредив гусеницы: это можно было отремонтировать. Если же танк подбивали выстрелом по броне, то премии бойцы не получали. Армянский журналист Вартан Ованесян вспоминал свое пребывание в Мардакертском районе, когда на его глазах три азербайджанских танка предприняли внезапную атаку. У группы бойцов, с которыми он там находился, был лишь один гранатомет. Пока Ованесян умолял их поскорее открыть огонь, они спорили, кому стрелять, чтобы потом получить награду. Стали даже вспоминать старые обиды со времен деревенского прошлого. Танки подошли уже почти на двести метров, когда один из бойцов наконец взял гранатомет и выстрелил. Граната попала одному танку в гусеницу, и тот замер. Находившийся внутри экипаж не пострадал. Остальные два танка повернули назад.

Поначалу добровольческая армянская армия была неорганизованной. «Командующего не было, – рассказывал Самвел Даниэлян. – Подразделение могло прекратить боевые действия, сняться с позиций и в полном составе отправиться в Армению хоронить убитого товарища». В фиданском движении в конце концов удалось установить дисциплину, после того как его бойцы стали выполнять осо-

бые боевые задания в составе регулярных армейских частей. Вартан Ованесян, характеризуя роль фидаинов на поле боя, использовал русское слово «штурмовики». Им хватало мужества и фанатизма атаковать неприятельские части под покровом ночи или во время тумана, сея в их рядах панику. «Нам надо было побеждать умением, а не числом», – сказал Ованесян[22].

В Карабах приехала сражаться группа армянских добровольцев из-за рубежа. Самым знаменитым из них был Монте Мелконян, археолог, родившийся в Калифорнии, бывший член террористической организации АСАЛА (Армия освобождения Армении), которая в 1970-х и 1980-х гг. убивала турецких дипломатов. Мелконян несколько лет скрывался, пока в 1990 г. не оказался в Армении. Когда в Карабахе началась война, Мелкоияна назначили командующим войсками юго-восточного Мартунинского района. Мелконян, известный под фронтовым прозвищем «Аво», был профессиональным воином и ярым армянским националистом, считавшим Карабах ареной священной войны. Он запрещал своим солдатам употреблять алкоголь и всячески боролся с мародерством. Такое поведение, по словам его вдовы Седы, создало ему немало проблем, когда он возглавил нерегулярную постсоветскую армию: «Приходили люди и предлагали [Монте] взятки. Он даже не понимал, о чем они говорят. "Что? Что это?" Ему и в голову не приходило, что ему предлагали, например, взятку за то, чтобы он вывез чью-то семью. Кто-то хочет вывезти свою семью, но Монте говорит: "Нет". Если не будет мирных жителей, солдаты не смогут хорошо сражаться. Ему, скажем, подносят бутылку спиртного, а он этого не понимает. Он боролся с мародерами, но многим это не нравилось, ведь солдаты хотели забирать вещи, которые они могли потом передать своим семьям. Он был против пыток, в том числе когда пытали раненых азербайджанских солдат, и несколько раз наказывал армян, если те издевались над ранеными азербайджанцами, били их или плохо с ними обращались»[23].

Мелконян погиб в июне 1993 г. К этому времени боевые отряды карабахских армян уже вышли за пределы собственной территории, круша на своем пути азербайджанские города и села, и даже патриотично настроенные армяне ощутили перемену в общем отношении к войне. «Когда мы сражались за Карабах, солдаты вешали у себя в казармах портреты Андраника и Нжде [армянских героев-партизан], – вспоминал военный советник Гурген Бояджян. – А когда мы заняли Агдам, солдаты развешивали картинки с голыми девицами. Психология совершенно изменилась»[24].

Азербайджанскому командованию приходилось формировать боевые части из неоднородных элементов. Типичен в этом отношении пример кадрового военного Исы Садыгова. Азербайджанец Садыгов переехал в Азербайджан из Грузии летом 1992 г. и стал комендантом Казахского района в северо-западной части республики. К нему под начало попала группа недисциплинированных, одетых кто во что горазд бойцов. «Главной проблемой в то время было пьянство», – рассказывал Садыгов. К тому же «это были добровольцы, люди уже в летах, бородатые. Они не хотели сбривать бороды, но все же я их заставил побриться». Садыгов ввел суровые наказания за дезертирство и запретил солдатам эвакуировать семьи из региона. Он объяснял, что «война в основном носила психологический характер»: «Армяне стреляли по крупным населенным пунктам, возникала паника, начиналось массовое бегство населения, а за ним бежали армейские части. Я считал своей главной задачей остановить поток беженцев. И мне это удалось»[25].

Добившись военного превосходства над противником летом 1992 г., азербайджанцы из-за нехватки личного состава и боевого опыта не смогли эффективно воспользоваться этим преимуществом. В октябре 1992 г. армия застряла в горах на севере Нагорного Карабаха. В документальном фильме, снятом азербайджанским министерством обороны, есть кадры, где офицеры яростно спорят о причинах военных неудач. Командир Неджмеддин Садыгов жалуется, что ракеты «Град» запускаются куда попало и часто летят мимо цели. Заместитель министра обороны Лейла Юнусова добавляет: «Нам говорят, что у нас огромное количество ракет и мы впустую их тратим, расстреливая деревья в лесу». Хуже того, использование грозного оружия неопытными солдатами несколько раз заканчивалось ужасно – азербайджанские военные становились жертвами огня своих же войск. Был случай, когда азербайджанские самолеты подвергли бомбардировке азербайджанский город Физули. Кямал Али вспоминал: «Часто бывало, что я целый день вел огонь по какой-нибудь высоте. А потом выяснялось, что там засели наши солдаты. И они целый день стреляли в нас. В такие же ситуации попадали и армяне».

Самый впечатляющий случай «огня по своим» в этой войне произошел с армянами. У них на вооружении находилось лишь два ис-

[22] Интервью с В. Ованесяном, 15 дек. 2000.

[23] Интервью с С. Мелконян, 7 мая 2000.

[24] Интервью с Г. Бояджяном, 26 сент. 2000.

[25] Интервью с И. Садыговым, 6 апр. 2000.

требителя Су-25, и один из них был сбит карабахскими армянами, которые по ошибке приняли его за азербайджанский самолет. Летчик катапультировался, и, когда он приземлился, на него набросилась группа деревенских жителей, которые избили его. После этого выяснилось, что он армянин. Карабахцы потом шутили, что им удалось «уничтожить 50 % военно-воздушных сил Армении»[26].

В целом за все время военных действий армяне сумели лучше распорядиться своими ресурсами. Чтобы защититься от налетов азербайджанской авиации, осенью 1992 г. армяне выстроили систему противовоздушной обороны – причем, по мнению Лейлы Юнусовой, с помощью России: «Мы располагали самолетами, и небо над Степанакертом было открытым. А потом в течение нескольких недель у них появляется отличная система противовоздушной обороны». После этого применение авиации стало слишком большой роскошью.

Армяне занимались также восстановлением трофейной техники. По оценке одного армянского военного эксперта, после каждого боя из строя выходило от 15 до 20 % боевой техники, а советский танк на поле боя «жил» в среднем всего полтора дня[27]. Чтобы решить эту проблему, карабахские власти переоборудовали станцию по ремонту тракторов в цех по ремонту танков. Американский репортер Ли Хокстадер побывал там в сентябре 1993 г. и увидел тридцать танков Т-72 и более десяти БМП. «Мы в состоянии отремонтировать 90 % поступающих к нам танков, в зависимости от характера повреждений», – сказал Хокстадеру 37-летний инженер Андрей Мусаэлян, начальник цеха. По словам Мусаэляна, 80 % ремонтируемых у него в цеху танков были захвачены у азербайджанцев, и у многих на башнях все еще красовались исламские полумесяцы. А остальные, добавил он, «наши»[28].

ВЕТЕР МЕНЯЕТСЯ

Осень 1992 г. стала кульминацией военных успехов Азербайджана. В какой-то момент азербайджанцы овладели поселком Срхавенд к северу от Степанакерта и дорогой к востоку от города и готовились захватить Лачинский коридор. Министерство обороны в Баку планировало отправить туда колонну автобусов для вывоза армянского гражданского населения с территорий, которые Азербайджан собирался занять. К октябрю 1992 г., однако, продвижение азербайджанских войск было остановлено, и наступательная операция выдохлась.

Как в Карабахе, так и в Армении отряды ополченцев постепенно преобразовывались в регулярные формирования. В Карабахе деятельность нового Комитета обороны начала приносить первые плоды. Бывший автомеханик, 27-летний Самвел Бабаян, применил жестокие методы для создания карабахско-армянской «армии», насчитывавшей не менее 10 тысяч человек. Другие командиры, как покоритель Шуши Аркадий Тер-Татевосян, из-за разногласий с Бабаяном вернулись обратно в Армению.

В самой Армении Тер-Петросян в октябре 1992 г. назначил своего старого товарища и соперника Вазгена Манукяна министром обороны. Манукян, не будучи профессиональным военным, совместно с Норадом Тер-Григорянцем, начальником Генерального штаба, приступил к строительству новой армии. Он признает, что публичные заверения, будто армянская армия не принимала участия в военных действиях, предназначались исключительно для зарубежной аудитории: «Будьте уверены, что какие бы политические заявления мы ни делали, карабахская и армянская армия вели совместные боевые действия. Я не придавал значения тому, откуда мои солдаты – из Карабаха или Армении». По словам Манукяна, он неоднократно приказывал армянским командирам вступать в бой, не информируя об этом Тер-Петросяна, проводившего более осторожную политику[29].

Между тем в Азербайджане общественная поддержка режима Эльчибея постепенно таяла. Гейдар Алиев, под чьим руководством Нахичевань стала своего рода полунезависимым княжеством, представлял серьезную причину для беспокойства. Похолодание в отношениях между Алиевым и бакинским режимом наступило после того, как местные активисты Народного фронта в октябре 1992 г. попытались отстранить Алиева от власти. Алиев был непревзойденным мастером затяжных политических игр и создания альянсов. Он воспользовался открытием в мае 1992 г. новой дороги между Нахичеванью и Турцией для укрепления собственных связей с Анкарой, не испортив при этом отношений с Россией.

[26] Агаджанов Л. Е. Светлая сторона войны. Ереван: Нойан Тапан, 1999. С. 33.

[27] Интервью с А. Исазаде, бывшим пресс-секретарем Министерства обороны, 21 нояб. 2000; интервью с Д. Петросяном, 25 мая 2000.

[28] Hockstader L. Armenians Winning with Creativity, Aid // Washington Post. 1993. 12 September. Серж Саргсян утверждал, что за годы войны карабахские армяне захватили 156 танков противника.

[29] Интервью с В. Манукяном, 3 окт. 2000.

Алиев также постарался сделать все, чтобы не допустить военных действий между Нахичеванью и Арменией. После серьезных пограничных столкновений в мае 1992 г. обе стороны решили, что им не следует открывать второй фронт в этой войне. Стремясь снять напряженность в приграничной области, Алиев ежедневно поддерживал телефонную связь с Ашотом Манучаряном, советником армянского президента по национальной безопасности. Манучарян регулярно обеспечивал Алиеву воздушный коридор для полетов из Нахичевани в Баку над армянской территорией. Ходили слухи, что, когда в апреле 1993 г. Алиеву понадобилось вернуться домой из Анкары, где он присутствовал на похоронах Тургута Озала, он позвонил Манучаряну домой, чтобы получить его разрешение на пролет над Арменией, но застал только его престарелую мать. Та пообещала передать просьбу сыну, но не смогла найти его. Когда армянский истребитель поднялся на перехват самолета Алиева и пилот спросил, кто дал ему добро на вхождение в воздушное пространство Армении, ответ был: «Мама Ашота!»

В Баку президент Эльчибей столкнулся с прямым неповиновением министра обороны Рагима Газиева и главнокомандующего Сурета Гусейнова. Складывалось впечатление, что оба тайно сговорились с российскими военными. В феврале 1993 г. командир Захид Нефталиев уже не сомневался в вероломстве обоих высших военачальников.

Армяне стали постепенно отвоевывать захваченные азербайджанцами территории на севере Нагорного Карабаха, и азербайджанское подразделение попало в окружение близ села Атерк. По воспоминаниям Нефталиева, когда он прибыл в расположение штаба неподалеку от поселка, к нему выбежала знакомая телефонистка вся в слезах. Она рассказала, что подслушала телефонный разговор Газиева и Гусейнова, во время которого Газиев сказал Гусейнову, что оставляет окруженных в Атерке солдат на произвол судьбы. Нефталиев немедленно связался с министром внутренних дел Искендером Гамидовым, чтобы расследовать случай явного предательства. «Искендер Гамидов пришел в кабинет к Рагиму Газиеву, – рассказывал Нефталиев, – и они начали громко спорить. И он заставил Газиева приказать нашей бригаде покинуть Атерк. Наши солдаты покинули Атерк и вышли оттуда с большими потерями»[30]. После этого инцидента Гусейнов отвел две бригады с передовой. Эльчибей снял его со всех постов, но Гусейнов просто отправил свою 709-ю бригаду на базу в Гяндже и отказался ее расформировать. Вскоре после этого, 20 февраля, Газиев был вынужден уйти в отставку с поста министра обороны.

[30] Западный дипломат, встречавшийся с Эльчибеем вскоре после его бегства из Баку в июне 1993 г., вспоминает, что он спросил Эльчибея, почему тот так долго терпел инакомыслие Газиева и Гусейнова. На это Эльчибей ответил, что только эти двое с легкостью могли приобрести у русских оружие.

КЕЛЬБАДЖАР

Демонстративный уход Сурета Гусейнова с передовой оставил зияющую прореху на одном из самых уязвимых участков азербайджанской обороны, в высокогорье большого Кельбаджарского района. Кельбаджарский район – узкая полоска земли, зажатая между северо-западной частью Нагорного Карабаха и Арменией. Он имеет важное стратегическое значение для обеих сторон. Здесь также берет начало большинство рек региона.

Армянское наступление началось 27 марта 1993 г. Кельбаджар обороняла небольшая группа азербайджанских солдат, которые не получили никакого подкрепления. «От наших не было никакой помощи», – говорил Шамиль Аскеров, один из лидеров большой курдской общины Кельбаджара[31]. Основной удар наступательной операции армянских войск был направлен с запада, со стороны Варденисского района Армении, хотя тогда этот факт всячески отрицался по политическим соображениям. Поддержка наступления обеспечивалась со стороны Карабаха.

Эта операция обострила разногласия в армянском руководстве между президентом Тер-Петросяном, сторонником урегулирования конфликта дипломатическими методами, и теми, кто, подобно министру обороны Вазгену Манукяну и карабахским армянам, стремился развить достигнутые на фронте успехи. По воспоминаниям Манукяна, он намеренно не информировал Тер-Петросяна о масштабе участия вооруженных сил Армении в Кельбаджарской операции, так как понимал, что президент будет этим недоволен. «Я доложил ему лишь малую часть этой операции, – рассказывал Манукян, – и, получив его согласие, мы сделали больше». Тер-Петросян направил карабахскому лидеру Роберту Кочаряну письмо, в котором призвал его остановить наступление[32].

3 апреля армяне захватили город Кельбаджар. Потери были минимальны, так как большинство азербайджанских солдат покинули город вместе с мирными жителями. Новый поток беженцев устремился по единственному маршруту, который армяне не перекрыли, –

[31] Интервью с Ш. Аскеровым, 20 нояб. 2000.

[32] Баблумян С. Кельбаджар в огне // Известия. 1993. 6 апр.

80-километровой заснеженной дороге на север через Муровский горный массив. Дом Аскерова – вместе с уникальной библиотекой, насчитывавшей 30 тысяч томов, – был уничтожен ракетами «Град». Сам он в числе беженцев оказался на той горной дороге. «2 апреля мы достигли вершины Муровского перевала, – вспоминал Аскеров. – Кто-то гнал через перевал восемьдесят овец. Я попал в середину стада. Все они там погибли. Был снег и ветер. Я спрятал одного ягненка себе под пальто. У меня слезы замерзали на щеках». Большинство из нескольких сотен мирных жителей, погибших при взятии Кельбаджара, умерли от холода. Армяне заняли всю область, почти не понеся потерь.

Утрата Кельбаджара явилась ударом для режима Народного фронта. Президент Эльчибей ввел в стране чрезвычайное положение сроком на два месяца, чтобы преодолеть последствия своего первого крупного военного поражения. Начался всеобщий призыв юношей в армию[33]. В то же самое время режим Эльчибея подвергся сильному давлению со стороны Москвы, потребовавшей подписать мирное соглашение, предусматривавшее размещение в регионе российских миротворческих войск. Даже если русские и не участвовали напрямую во взятии Кельбаджара, эта победа армян явно была им выгодна, став дополнительным рычагом силового давления на Азербайджан.

Успех Кельбаджарской операции обеспечил армянам еще один мост между Карабахом и Арменией, но дипломатическая цена этой победы оказалась высока. Впервые обнаружились неопровержимые факты того, что армянские вооруженные силы вели боевые действия за пределами Карабаха на территории Азербайджана. Были сделаны предположения, что в боевых действиях принимали участие военнослужащие 7-й российской армии[34].

Захват азербайджанского района за пределами Нагорного Карабаха, вкупе с предположениями о вмешательстве внешних сил,

[33] Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. P. 16.

[34] К примеру, азербайджанцы захватили датированную 1 апреля 1993 г. военную карту, которая принадлежала майору С. О. Барсегяну. Даты на карте указывали на то, что 2 марта Барсегян находился на берегу озера Севан, 27 марта в 16.30 пересек армяно-азербайджанскую границу и направился к Кельбаджару. У Азада Исазаде, бывшего сотрудника азербайджанского министерства обороны, сохранилась копия этой карты. Что касается предполагаемого участия российских военных, то Шамиль Аскеров утверждает, что видел в небе над Кельбаджаром шесть самолетов, которые могли быть только российскими. Азербайджанское министерство безопасности позднее обнародовало аудиозапись перехваченных радиопереговоров между офицером, говорящим на чистом русском языке, и армянином, говорящим по-русски с сильным акцентом. Все армянские официальные лица категорически отрицали участие российских военнослужащих в боевых действиях.

вызвал осуждение Армении международным сообществом. 30 апреля 1993 г. Совет Безопасности ООН принял первую резолюцию по конфликту в Нагорном Карабахе. Призывая обе воюющие стороны прекратить военные действия, резолюция содержала особое обращение к Армении с требованием «немедленного вывода оккупационных сил» из Кельбаджара. И без того хрупкие отношения Армении с Турцией окончательно испортились. В 1992 г. Турция не установила дипломатические отношения с Арменией, но и не разорвала с ней все связи. К примеру, Турция дала согласие на доставку через свою территорию 100 тысяч тонн пшеницы в качестве гуманитарной помощи Европейского Союза для Армении. После взятия Кельбаджара Тер-Петросян попытался укрепить контакты с соседней страной и даже отправился в Анкару на похороны Тургута Озала, но Турция решила свернуть двусторонние отношения. Она закрыла границу, и вторая поставка гуманитарной пшеницы в Армению была заблокирована.

Уступая давлению, Тер-Петросян поддержал мирный план, согласованный между Россией, Соединенными Штатами и Турцией. Согласно этому плану, армяне должны были вывести войска из Кельбаджарского района в обмен на гарантии безопасности для Нагорного Карабаха. 14 июня армянский лидер отправился в Степанакерт, чтобы попытаться убедить карабахских армян принять такую программу мирного урегулирования. Разгорелись бурные дискуссии, и местный парламент высказался за мирный план только после того, как ушел в отставку спикер Георгий Петросян. Однако карабахцы попросили месячной отсрочки претворения плана в жизнь. У них имелась веская причина – время работало на них: они видели, что Азербайджан вот-вот станет ареной политической междоусобицы.

ПОРАЖЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Крах президентства Абульфаза Эльчибея наступил с поразительной быстротой. 4 июня 1993 г. он послал правительственные войска разоружить мятежный гарнизон под командованием Сурета Гусейнова. Когда операция провалилась, правящий режим не сделал почти ничего, чтобы себя защитить. Спустя две недели, как только Гусейнов выступил со своими войсками в направлении Баку, Эльчибей отрекся от власти и бежал из столицы.

Полковник Иса Садыгов был в числе тех, кого послали разоружить Гусейнова. По его словам, ко времени его прибытия в Гянджу 4 июня Гусейнову уже доложили, что против него направлены войска. Мятежный командующий выставил перед своим штабом «живой щит» из женщин и детей, чтобы предотвратить вооруженное столкно-

вение. Когда Садыгов с несколькими офицерами приехали в Гянджу на встречу с Гусейновым, их обманом заманили в ловушку, избили и заперли в подвале. Они чудом спаслись.

Гусейнов действовал самоуверенно: по-видимому, уже готовился к захвату власти. Правительственные делегации, прибывавшие к нему на переговоры, вели себя скорее как просители, а не официальные лица. Посетивший тогда Гянджу Томас Гольц нашел на территории военной базы зримое объяснение самонадеянности Гусейнова: ему досталось все вооружение российской 104-й воздушно-десантной дивизии, покинувшей Гянджу всего десять дней назад. Не встретив никакого сопротивления со стороны растерянной власти, Гусейнов двинулся «маршем» на столицу Азербайджана[35].

Правительство Народного фронта в отчаянии обратилось за помощью к Гейдару Алиеву, призвав его вернуться из Нахичевани в Баку. Это было, как заметил Гольц, все равно что «пригласить крокодила в загон для коз». В стремительной круговерти дальнейших событий Эльчибей лишился власти, а Алиев вместо него занял президентское кресло.

Сначала, 15 июня, Алиев сменилИсу Гамбара на посту спикера парламента. Через три дня, пока мятежные части под командованием Гусейнова продолжали двигаться на Баку, Эльчибей вернулся к себе на родину в Нахичевань. 24 июня парламент наделил Алиева чрезвычайными президентскими полномочиями: шаг, предложенный вечным оппозиционером Этибаром Мамедовым. 30 июня Алиев назначил Гусейнова – уже не мятежника – новым премьер-министром Азербайджана. Он также разорвал несколько контрактов, подписанных Эльчибеем в начале июня с рядом западных нефтяных компаний. Спустя два месяца, 28 августа, Алиев прибегнул к общенациональному референдуму, чтобы вынести Эльчибею всенародный вотум недоверия. Тем самым он расчистил себе путь к победе на президентских выборах 3 октября.

Смена правящего режима осуществлялась быстро и жестко. Многие наблюдатели полагали, что Алиев действовал вместе с Гусейновым, чтобы сбросить правительство Народного фронта и захватить власть. Однако последующие события доказали, что Гусейнов и Алиев стали союзниками лишь в силу обстоятельств. Второй мятеж в другой части страны свидетельствует, что был задуман иной сценарий развития событий. Вскоре после мятежа Гусейнова командир

[35] Наиболее подробное и авторитетное описание мятежа Гусейнова см.: Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, N.Y.; London: M. E. Sharpe, 1998. P. 356–392.

Аликрам Гумбатов поднял сепаратистский бунт в Ленкоранском районе на юге Азербайджана и провозгласил новую «Талыш-Муганскую республику». Заручившись поддержкой бывшего министра обороны Рагима Газиева, Гумбатов присягнул на верность бывшему азербайджанскому президенту Аязу Муталибову. Этот мятеж, почти бескровно подавленный в августе, по-видимому, являлся, подобно мятежу Гусейнова в Гяндже, составной частью крупной политической интриги. Можно предположить, что Гусейнов при поддержке своих друзей среди российских военных в действительности планировал вернуть к власти Муталибова, но его план был сорван неожиданно возникшим альянсом между Алиевым и азербайджанским парламентом.

Армяне безжалостно воспользовались разразившимся в Баку политическим кризисом, из-за которого карабахский фронт оказался почти беззащитен. Вскоре после мятежа Гусейнова было предпринято наступление на Агдам. 27 июня армяне вновь овладели городом Мардакерт и большей частью территории Северного Карабаха, сильно пострадавшей и разоренной в ходе вооруженного конфликта. 23 июля, почти не встречая сопротивления, они заняли имеющий важнейшее стратегическое значение город Агдам. Спустя месяц армянские войска двинулись на юг и захватили Физули и Джебраил. В конечном итоге за четыре месяца боев, пока в Баку происходила смена власти, азербайджанцы утратили пять районов, а также всю северную часть Нагорного Карабаха. Азербайджан лишился территории общей площадью около 5 тыс. км^2.

Каждое свое наступление армяне упреждали пропагандистской кампанией, настаивая, что действуют в целях самообороны против хорошо вооруженного противника. В действительности же в большинстве случаев они входили в обезлюдевшие города и деревни уже после того, как азербайджанцы их покидали. Один очевидец язвительно назвал это «военным туризмом». Габиль Ахмедов, житель одного из сел Физулинского района, вспоминал: «Наши солдаты не защищали нашу землю. Армяне просто занимали оставленные ими позиции. 18 августа армяне за три или четыре часа продвинулись на двадцать километров. Ленкоранская бригада ничего не делала. Они просто собрали свое оружие, гранатометы и ушли. У нас равнинный район, воевать там легко, но солдаты сразу оставили наше село, а последними ушли мирные жители»[36].

Эта наступательная операция вызвала один из самых массовых в Европе со времен Второй мировой войны исход беженцев. Около

[36] Интервью с Г. Ахмедовым, 19 нояб. 2000.

350 тысяч человек лишились крова. Томас Гольц стал свидетелем этой человеческой трагедии: «Издалека их можно было принять за цыганский табор, следующий на местный блошиный рынок или сельскую ярмарку. По дороге громыхали побитые машины с колесами без покрышек, доверху нагруженные коврами, чайниками и кастрюлями. Задыхаясь в клубах выхлопных газов и сгибаясь под тяжестью матрасов и железных кроватей, люди пытались обогнать трактора с кузовными прицепами для перевозки хлопка, в которых среди сваленной в кучу одежды сидели чумазые ребятишки и крякающие утки. Замыкали колонну обычно мужчины, они или сидели верхом на ослах, или вели в поводу впряженных в повозки мулов, а босоногие пастухи сгоняли на обочину перепуганных овец, коров и бычков, которые норовили попасть под колеса проезжающих мимо грузовиков»[37].

По пятам за беженцами следовали части карабахских армян, методично сжигая дома, грабя и беря в плен тех, кто не успел вовремя сбежать. Тысячи беженцев переправились через реку Аракс на территорию Ирана. Многие при этом утонули, не добравшись до спасительного берега.

[37] Goltz T. Azerbaijan Diary. P. 399.

Глава 14
САБИРАБАД
Детская республика

Из большого зала под рифленой железной крышей доносилась музыка: слышались режущие ухо звуки какого-то струнного инструмента, топот ног, переливы аккордеона, барабанная дробь. Посреди зала в такт мелодии скользила шеренга держащихся за руки девочек в розовых и зеленых платьицах. Хореограф хлопнул в ладоши – сидящие в углу музыканты перестали играть, и девочки со смехом вернулись в исходное положение.

Этот танцевальный зал, где царило жизнерадостное веселье, находился в лагере беженцев недалеко от города Сабирабад, на засушливой равнине Центрального Азербайджана. Каждый уик-энд просторный двор посреди лагеря преображался, становясь местом необычного проекта. В помещении по соседству с танцевальным классом группа ребятишек разучивала текст оперетты Узеира Гаджибекова, а на пустыре, где сквозь трещины в засохшей грязи кое-где пробивалась трава, проходил футбольный матч. Между занятиями пробегавшие мимо возбужденные дети подходили ко мне поболтать. И хотя я был в лагере беженцев, этот двор показался мне самым обнадеживающим среди всех прочих мест, которые я посетил на Кавказе.

Шестьсот или семьсот детей, живших в лагере С-1, с радостью согласились стать участниками необычного эксперимента. Несколько лет назад группа азербайджанских педагогов-психологов пришла к выводу, что даже спустя годы после окончания войны в Карабахе многие дети из семей беженцев все еще не избавились от комплекса страха и тревоги. Старшие не забыли ужасных событий, связанных с изгнанием из дому летом и осенью 1993 г. У младших имелись проблемы другого рода: они уже не помнили родного дома, росли, не имея особых целей в жизни, в атмосфере полного безразличия, царящей в лагерях для беженцев.

Психологи решили, что этим детям, пока они еще не соскользнули в пучину депрессии, нужна срочная помощь. Азад Исазаде, один из

психологов-основателей детского лагеря С-1, стал моим гидом. Он сказал мне: «Дети, конечно, не понимают, что происходит, но получившие специальную подготовку учителя наблюдают за ними и распознают их нужды».

Они разработали четыре программы занятий для детей: народные танцы, театр, изобразительное искусство и спортивные игры – и все это своеобразная форма терапии. «Это процесс, – объяснил Азад, худощавый мужчина, обладающий пытливым и изобретательным умом. – Так, к примеру, в музыке: сначала им нужно было слушать грустные мелодии, потом нейтральные, а потом веселые. Или возьмем рисование. Мы раздали детям по листу бумаги и попросили нарисовать самый печальный день в их жизни, а потом дали им много бумаги и попросили нарисовать самый радостный день в жизни».

Я убедился, что программа оказывает на детей поразительное действие. Однако жаль, что еще очень много детей-беженцев – не говоря уж об их родителях – в Азербайджане не получают такой же помощи или просто внимания.

Азербайджан, возможно, сейчас единственная в мире страна со столь высокой долей перемещенных лиц на душу населения. В абсолютных цифрах, наверное, их значительно больше в Афганистане или Конго, но в Азербайджане каждый десятый житель лишился крова в результате карабахской войны. Сначала, в 1988–1989 гг., около 200 тысяч человек бежали из Армении в Азербайджан. Затем, между 1992 и 1994 гг., перемещенными лицами стали все азербайджанцы из Нагорного Карабаха и жители семи районов вокруг Карабаха – более полумиллиона человек. В 2000 г., спустя шесть лет после подписания соглашения о прекращении огня, около 80 или 90 тысяч человек все еще проживали в лагерях беженцев. Сотни тысяч продолжали обитать в огромном архипелаге, состоящем из домов отдыха, студенческих общежитий и временных квартир. И все они останутся жить в ужасных условиях, при полной неопределенности, до тех пор пока конфликт не будет урегулирован[1].

Двух основных факторов, необходимых, с точки зрения детских психологов, для работы программы психологической реабилитации, а именно – свободного времени и неиспользуемой энергии, – в лагере для беженцев оказалось в избытке: учителя из числа беженцев, музыканты и спортсмены работали бесплатно и постепенно взяли

[1] Данные о перемещенных лицах см. в Приложении 1. В этой главе я употребляю общий термин «беженцы» для обозначения лиц, которые в строгом смысле являются «вынужденными переселенцами» или «внутренне перемещенными лицами», так как они были изгнаны из своих домов, но остались в своей стране.

на себя все обязанности педагогов. Позже, летом 1999 г., психологи создали «детскую республику» с мини-правительством, в котором работали исключительно дети – и в интересах детей. Дети избрали «парламент» в составе 12 членов, который принимал коллективные решения. «Министерство экологии» разбило сад, «министерство информации» выпускало газету, дети из двух лагерей, в которых работали психологи, устраивали конкурсы и соревнования, выезжали на музыкальные и танцевальные фестивали, на которых, к радости своих учителей, оказывались среди наиболее уверенных в своих силах.

На футбольном поле мальчик в желтых тренировочных штанах криком подбадривал игроков своей команды. «Мы избрали его в парламент, – пояснил Азад, – чтобы направить его агрессию в творческое русло». Он обратил мое внимание на кроссовки, в которые были обуты юные футболисты. Эти кроссовки стали зримым плодом политики «суровой любви», которой могли бы гордиться Тони Блэр и Билл Клинтон. «Мы не покупаем детям подарки, – сказал Азад. – Они должны добиться каких-то достижений. Дети получают спортивную обувь только в том случае, если участвуют в соревнованиях». Но такая политика создавала свои проблемы. Родители, привыкшие к бесплатной раздаче гуманитарной помощи, ожидали получить кроссовки в подарок, и тем, чьи дети не принимали участия в субботних и воскресных занятиях, пришлось уйти ни с чем.

Работа в детском лагере изменила и жизнь педагогов. Во время войны Азад работал в пресс-службе Министерства обороны Азербайджана, но после перемирия 1994 г. вернулся к своей прежней профессии, клинической психологии. Я спросил, что заставляет его на протяжении последних четырех лет каждую субботу приезжать сюда, в Сабирабад, находящийся в четырех часах езды на машине от Баку. Ответ, который я услышал от него, человека, привыкшего видеть в обществе цинизм, был впечатляющим: «Я чувствую свою ответственность за этих людей. Я же не смог их защитить».

В лагерях беженцев, развернутых в этом районе, проживало более 20 тысяч человек. В основном это жители Физулинского, Джебраильского и Зангеланского районов, завоеванных армянами летом и осенью 1993 г. «Хорошо, что это случилось летом, – сказал мне Наги Тадыров, чиновник, ответственный за беженцев. – Зимой все было бы гораздо хуже. Некоторые даже забыли свои документы. Жители Джебраила и Зангелана перебрались через реку Аракс в Иран».

Жизнь в лагере С-1 была трудной и скучной. Лагерь стоял на месте бывшего хлопкового поля, там, где встречаются течения двух серых, мелководных рек – Аракса и Куры. Зимой поле превращалось в море

грязи, а летом покрывалось иссохшей и растрескавшейся под палящими лучами солнца коркой. Мы приехали сюда в самый благодатный сезон – ранней весной. Впечатление складывалось такое, будто тут разбили лагерь участники великого библейского исхода. На солнце подсыхали слепленные из глины и соломы кирпичи. Самодельные домики были возведены из всего, что попадалось под руку: соломы, глины и даже целлофана. Азад обратил мое внимание на трактор, сонно глядевший куда-то вниз с глинистой кучи: «Аккумулятор сел – вот он и стоит теперь без движения. Нет денег на покупку даже самых простых вещей».

Мы подошли к низкой хибарке, крытой рифленым железом. Перед хибаркой на лавочке сидели Зохра с мужем. Они пригласили нас присесть. На Зохре были зеленое домашнее платье, стоптанные туфли, на голове – цветастый платок. Супруги постарались придать своему дому более или менее жилой вид. Дверные панели сделали из жестянок из-под растительного масла с надписями «FINAL». В саду росли одна-две чахлые розы. Зохра с мужем мучались от безделья. От голодной смерти их спасала только гуманитарная помощь, но работы они не имели. Все тут получали одинаковую пенсию или зарплату – 25 тысяч манатов в месяц, что составляло около пяти долларов. Помимо этого выдавалась гуманитарная продовольственная помощь: пять кило муки, кило семян, кило гороха и литр растительного масла.

Зохра рассказала, что в Зангеланском районе у них был двухэтажный дом с садом, где росли тутовые деревья. Армяне пришли в октябре 1993 г. «Мы спаслись, переправившись через Аракс. Нам удалось забрать с собой тридцать человек соседей. – Она указала на стоящий в дальнем конце двора грузовик. – Мы взяли с собой только матрасы. Наши бойцы продержались три дня, а потом тоже сбежали».

Мое появление вызвало некоторый интерес. Кое-кто из соседей Зохры подошел к заборчику, чтобы поглядеть на меня и поделиться своими мыслями. Армяне, говорили они, «вели себя хуже фашистов, сжигали все на своем пути, отрезали людям носы и уши». Как объяснил мне мужчина в серой кепке-«аэродроме», проблема восходит ко временам Петра I и империалистических замыслов России в отношении Кавказа. А Горбачев был армянским агентом, который просто продолжил дело русских царей. «Как вы тут живете теперь?» – спросил я. «Как? – горько рассмеялся он. – Как овцы!»

У этих людей было много времени. Они могли вести беседы круглые сутки, но едва ли понимали, какую судьбу готовят им политики и участники международных мирных переговоров. Они жаловались на «сатгынлык» – что по-азербайджански значит «продажность». Никто

не защитил их от армян в 1993 г., говорили они, и никого теперь не заботит их судьба. «Богатые в Баку разъезжают на "мерседесах", – заявил один мужчина. – О войне они не думают. Все бремя войны упало на нас». Я спросил Зохру, кто, по ее мнению, сможет изменить их жизнь к лучшему. «Только Аллах», – ответила женщина.

Парадокс в том, что руководство Азербайджана при любом удобном случае поднимало вопрос о беженцах, президент Гейдар Алиев постоянно твердил о «миллионе беженцев» в стране (несколько преувеличивая). Однако предпринимаемые на протяжении нескольких лет правительством меры носили кратковременный характер. Не существовало государственной программы трудоустройства или профессионального обучения беженцев. В итоге многие встали на путь преступления или занялись контрабандой – или же опустили руки и полагались лишь на скудную гуманитарную помощь. Бывший работник по оказанию помощи рассказал мне, какое недовольство у правительственных чиновников вызвали его предложения по привлечению беженцев в местное хозяйство. Подтекст был такой: в этом случае они перестанут быть беженцами и объектом сострадания, а правительству, возможно, выгоднее иметь их как символ страданий Азербайджана, а не как людей с реальными проблемами.

Тем временем международные агентства по предоставлению гуманитарной помощи переключили свое внимание на другие проблемы. «Несколько лет назад у меня отбоя не было от журналистов, – вспоминал Вугар Абдусалимов, сотрудник пресс-службы бакинского представительства Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – А теперь хорошо, если зайдут один или два. И потом, у нас всегда трудности, стоит только где-то возникнуть новому кризису с беженцами – как, например, в Конго или Косово». В 2001 г., когда планировалось распространить опыт «детской республики» на другие лагеря, финансирование проекта бакинских психологов сократилось, и программу пришлось сворачивать. В 2006–2007 гг. сабирабадские лагеря наконец закрыли благодаря новому процветанию Азербайджана, достигнутому за счет нефти и газа.

«Я оставил все свои книги, – сказал Габиль Ахмедов. – А некоторые произведения теперь просто не найти, например Фенимора Купера. Мне очень нравился его "Последний из могикан"».

Чтобы пережить унизительное изгнание из родного дома, требуется недюжинная сила характера. В лагере S-3 в окрестностях Саатлы я встретил человека, обладающего такой силой. Я искал кого-нибудь, кто мог бы сказать мне нечто непохожее на те стандартные ответы и чужие мысли, которых я наслушался от других. Учитель азербай-

джанского языка и литературы Габиль имел собственное мнение. Ему, высокому мужчине с угольно-черными бровями и щетинистым подбородком, было тесно в хижине из тростника и валунов, в которой он обитал вместе с женой.

Габиль снаружи утеплил стены старыми газетами, одеялами и мешками. Все пространство «гостиной» занимали керосиновая печурка, ковер, телевизор, на котором лежал венок из искусственных роз, и книжный шкаф. Жена Габиля – Аджият, обрадовавшись появлению в доме гостя, пожарила нам яичницу и принесла блюдо с сухофруктами. Они приехали сюда из поселка Юхары-Абдурахманлы Физулинского района, расположенного в предгорьях южнее Нагорного Карабаха. По словам Габиля, из окон их двухэтажного дома на холме открывался вид на двадцать километров: «А здесь такое ощущение, что живешь в колодце или в яме. Ничего вокруг не видно». Он тосковал по своему саду, где росли гранаты, айва, орехи, вишни, яблоки и шелковица. «Когда мой старший сын женился, он заснял на видеопленку наш дом и сад, – вспоминал Габиль. – Моя семья видела этот фильм три или четыре раза. А я не могу смотреть, потому что я своими руками построил этот дом и вырастил этот сад».

Жизнь Габиля омрачена двумя войнами. В Великую Отечественную его отец воевал в Крыму, где пропал без вести. Его мать была вынуждена одна растить четверых сыновей в ужасающей нищете. В семье вечно не хватало хлеба, и им приходилось воровать колоски с полей. У детей не было обуви, они ходили в школу босыми. Габиль вспомнил, как люди носили одежду, сшитую из марли. «Тогда еще хуже было», – вздохнул он.

После войны Габиль и его братья добросовестно отучились и устроились на хорошую работу. Он сам стал школьным учителем и уже собирался выйти на пенсию, когда началась война из-за Нагорного Карабаха. Они быстро лишились всего, что сумели заработать за всю жизнь. В середине августа 1993 г., в условиях наступившего в Азербайджане политического хаоса, когда второй президент страны Абульфаз Эльчибей ушел со своего поста, а Гейдар Алиев еще не стал президентом, армянские войска в результате молниеносного наступления вторглись в Физулинский район. Азербайджанская армия просто бросила Юхары-Абдурахманлы, и многие жители поселка не успели убежать. Армянские солдаты, сказал Габиль, хладнокровно убили двенадцать ни в чем не повинных сельчан и сожгли поселок. «Через месяц один наш сосед вернулся после обмена пленными, – продолжал он, – и рассказал, что весь поселок сожгли. Уцелело только три дома».

Я спросил его о будущем. «Мне уже шестьдесят шесть. Как же мне не печалиться, если я не знаю, что с нами будет дальше!» – хриплым

басом сказал он, скорее с обреченностью, чем с отчаяньем. Он твердо повторял, что не испытывает злобы на армян – разве что глубокое сожаление. У него, школьного учителя, было множество коллег-армян. «Долгие годы мы жили с армянами душа в душу, – сказал Габиль, который много ездил по Нагорному Карабаху и имел немало друзей в Степанакерте. И, поразмыслив, добавил: – Это все ужасно, просто ужасно. Мне стыдно – и за них, и за нас».

Изменения на карте военных действий в Нагорном Карабахе навсегда меняли судьбы людей. Поздним летом 1993 г. армяне взяли Физулинский район. В январе 1994 г. азербайджанцы, перейдя в контрнаступление, отбили две трети территории района. К несчастью для Габиля, наступление выдохлось буквально за несколько километров до его родной деревни, и его дом так и остался за линией фронта, у армян.

Спустя несколько дней после встречи с Габилем я побывал в отвоеванных местностях Физулинского района. По ним можно судить о том, с какими огромными проблемами столкнется Азербайджан, если ему суждено будет когда-нибудь вернуть себе все «оккупированные территории». За три месяца оккупации армяне превратили весь район в пустыню. Равнинный пейзаж, испещренный руинами, напоминал поле боя времен Первой мировой войны. То там, то здесь на глаза попадались по-средиземноморски яркие пятна восстановленных домов, выкрашенных на манер итальянских вилл розовой краской. Используя деньги Всемирного банка и ООН, азербайджанцы отстраивали разрушенные дома, но создавалось впечатление, что восстановительные работы только начинаются.

Железнодорожный разъезд в Горадизе уничтожили. Уцелевшему составу некуда было ехать по рельсам, тянувшимся на запад, в сторону Нахичевани и Армении. Азербайджанская районная администрация разместила своих сотрудников в здании бывшего управления мелиорации. «Всюду были проблемы, – вспоминал Магеррам Назаров, вернувшийся сюда в 1994 г. – Все было сожжено. В домах ни дверей, ни крыш. Кушать тоже было нечего». По его мнению, люди вернулись сюда слишком быстро. Они не находили работы, несколько человек подорвались на минах – так что большинство поневоле возвратилось в лагеря беженцев. «Это было жизненным уроком, – сказал Назаров, – если мы освободим другие территории, мы постараемся не дать населению вернуться, пока не будут созданы нормальные условия».

Как рассказали мне в Баку, с 1996 по 2000 г. восстановили в общей сложности около полутора тысяч домов, на это ушло около 6 млн долларов, причем коррупция приобрела такой размах, что часть денег во-

обще не дошла до Физулинского района. А ведь это лишь малая доля той огромной территории площадью 7 тыс. км², которую захватили армяне. Для Габиля и его товарищей по несчастью это был дурной знак. Даже если после заключения мирного соглашения они смогут вернуться в свои дома, их мытарства не закончатся.

В двух километрах от линии фронта чета стариков сидела перед своим кое-как сколоченным домиком в окружении коробок из-под гуманитарной помощи. Пустые желтые и белые мешки из-под риса и муки из Дубаи, Таиланда и Соединенных Штатов покрывали стены их недавно отремонтированного дома. Из садика доносилась какофония собачьего лая и куриного кудахтанья.

Курбан и Сайят Абиловы, прежде чем вернуться сюда, провели два года в лагерях Саатлы. Они рассказали, что все их восемь детей теперь живут в Баку. Старики едва сводили концы с концами – но смотрели на свое положение гораздо оптимистичнее многих обитателей лагерей беженцев. Старуха вскочила и побежала отгонять бычка от дерева, по пути шуганув цыплят с крыльца, а ее муж продолжал сыпать шутками и все рассказывал, рассказывал... Казалось, у этих стариков был один бесценный ресурс – вера в будущее (и это роднило их с ребятишками из «детской республики» в Сабирабаде). Сотни тысяч бездомных азербайджанцев больше склонны перепоручать заботу о своем будущем воле Всевышнего.

Глава 15
СЕНТЯБРЬ 1993 – МАЙ 1994
Истощение

ИНЕРЦИЯ ВОЙНЫ

3 октября 1993 г. Гейдар Алиев был избран президентом Азербайджана. Результат был предопределен: он получил неправдоподобные 98,8 % голосов. Сомнения вызывало, однако, являлся ли к тому времени Азербайджан функционирующим государством – армянские войска захватили обширный клин азербайджанской территории к востоку, западу и югу от Нагорного Карабаха. Фактически в оккупации находилась вся юго-западная часть Азербайджана, за исключением Зангеланского района с тридцатитысячным населением, который оказался в котле близ проходящей южнее границы с Ираном. В конце октября наступление с двух сторон – из Нагорного Карабаха и из Армении смело и Зангелан.

В серии речей Алиев бросил армейским командирам и главам захваченных районов обвинение в измене родине. Объявляя парламенту о падении городов Физули и Джебраил, он упрекнул военачальников в том, что они, вместо того чтобы держать фронт, сидели в Баку и занимались обустройством своих дач. 11 декабря на встрече с главами администраций утраченных районов, которая продолжалась несколько часов и транслировалась по национальному телевидению, Алиев зло распекал каждого лидера по отдельности, требуя объяснить, почему те бежали раньше основных масс населения. Президент с прискорбием указал, что весь Зангеланский район сдан противнику ценой гибели всего 27 солдат[1].

[1] Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, N.Y.; London: M. E. Sharpe, 1998. P. 413–414; Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. V. С. 252–253.

Негодование Алиева несло в себе сильный политический заряд. Таким образом он подрывал авторитет военачальников, способных за его спиной подготовить заговор с целью его смещения, – включая и его собственного союзника полковника Сурета Гусейнова, который помог ему свергнуть предыдущий режим. В какой-то степени, вероятно, неудачи на фронте были Алиеву даже на руку. Президент использовал свои новые полномочия для расформирования лояльных Народному фронту 33 батальонов общей численностью около 10 тысяч человек и пообещал создать новую национальную армию[2]. В ходе этой кампании в армию призвали десятки тысяч необстрелянных подростков. Параллельно с началом воинского призыва были введены жесткие ограничения на работу баров и ресторанов, военная цензура.

В то же время Алиев, мастерски умевший оставлять за собой право выбора, начал мирные переговоры с армянами. В сентябре 1993 г. он санкционировал проведение первой встречи между азербайджанским политиком и официальным представителем карабахских армян, тем самым впервые признав, что карабахские армяне являются «одной из сторон конфликта». Это стало подтверждением реального положения вещей: спикер нагорнокарабахского парламента Карен Бабурян вспоминал, что в этот период «от Гейдара Алиева звонили десятки раз, была масса телефонных звонков»[3]. 13 сентября в Москве заместитель спикера азербайджанского парламента и верный сторонник Алиева Афиятдин Джалилов встретился с «министром иностранных дел» Карабаха Аркадием Гукасяном. Они договорились продлить режим прекращения огня, который позднее, впрочем, был нарушен; но сам факт встречи имел большое значение.

24 сентября Алиев, еще не избранный президентом Азербайджана, но уже исполнявший обязанности президента, лично отправился в Москву на подписание договора о присоединении республики к Содружеству Независимых Государств (СНГ). На следующий день в доме приемов российского министерства иностранных дел на Спиридоновке – импозантном особняке в стиле модерн – состоялись конфиденциальные переговоры Алиева и лидера карабахских армян Роберта Кочаряна. До этого российский посредник Владимир Казимиров семь раз тщетно пытался организовать подобную встречу. Через год, 9 октября 1994 г., Алиев снова встретился с Кочаряном в Москве, на сей раз в другом доме приемов МИД, на Воробьевых горах. Встреча хоть и не принесла результатов, однако заложила основу рабочих отношений, которые возобновились между обоими лидерами через шесть лет, когда Кочарян стал президентом Армении[4].

Осенью 1993 г., казалось, возник благоприятный момент для переговоров об окончании карабахской войны. У президента Алиева появился удобный шанс достичь компромисса, возложив ответственность за военные поражения на предыдущий режим. Президент Армении Левон Тер-Петросян, пожинавший горькие плоды экономической изоляции страны и оказавшийся под огнем критики в четырех резолюциях ООН, очевидно, хотел бы заключить мирный договор. Рассказывали, что после атаки на Кельбаджар весной 1993 г. Тер-Петросян неодобрительно относился ко всем наступательным операциям армянских вооруженных сил за пределами Карабаха. «После Кельбаджара Тер-Петросян испугался чуть ли не до смерти, – вспоминал Ашот Манучарян. – После этого он категорически возражал против любых военных действий»[5]. Но конфликт уже приобрел собственную инерцию, и Тер-Петросян утратил контроль над армянской военной машиной. Окрыленные успехами на фронте, карабахские армяне стали действовать более агрессивно и самостоятельно. Сам же анклав превратился в маленькую Спарту, где все взрослое мужское население служило в армии.

Главный командир карабахских сил Самвел Бабаян в свои двадцать восемь лет стал самым могущественным человеком в регионе, и с его амбициями следовало считаться. Невысокий и щуплый, этот «маленький Наполеон» был сыном войны. Не имея образования, он когда-то зарабатывал на жизнь в кафе и тем, что мыл машины. В 1991 г. азербайджанские власти арестовали его и посадили в тюрьму. Выйдя на свободу, он стал местным героем, хотя, по словам азербайджанского прокурора Юсифа Агаева, Бабаяну вменялось в вину не политическое, а уголовное преступление[6]. В 1992 г. Бабаян прославился как смелый командир и блестящий военный организатор. Позднее он, подобно многим своим боевым товарищам, относился к захваченным азербайджанским территориям как к неиссякаемому источнику наживы.

[2] Информация о 33 батальонах предоставлена А. Юнусовым.

[3] Интервью с К. Бабуряном, 7 окт. 2000.

[4] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000; интервью с В. Казимировым, 1 дек. 2000; интервью с Т. Зульфугаровым, 9 нояб. 2000.

[5] Интервью с А. Манучаряном, 15 окт. 2000.

[6] Интервью с Ю. Агаевым, 25 нояб. 2000. По словам Агаева, Бабаян был арестован после криминальной «разборки» в Аскеране, во время которой он застрелил в кафе двух братьев-армян.

Машину войны уже нельзя было остановить. Алиев, очевидно, чувствовал сильное искушение предпринять еще одно усилие и отбить утраченные Азербайджаном территории. 10 октября, на следующий день после его второй встречи с Кочаряном и инаугурации, он выступил с воинственной речью, угрожая армянам многолетней войной. В тот же день обе стороны обвинили друг друга в нарушении перемирия. В течение десяти дней возобновились полномасштабные военные действия. Армяне развернули последнее крупное наступление на юге, захватив железнодорожный разъезд Горадиз и Зангеланский район. Тем самым им удалось укоротить южную линию фронта со 130 до 22 километров – при этом десятки тысяч мирных жителей были изгнаны из своих домов и бежали через реку Аракс в Иран. В Иране азербайджанских солдат разоружили. Беженцев разместили во временных лагерях, а потом репатриировали обратно в Азербайджан.

ПОСРЕДНИКИ

Этническая география внутри и вокруг Нагорного Карабаха настолько сложна, что уже на ранней стадии армяно-азербайджанского конфликта возникли три возможных варианта его окончания.

Один из них: Азербайджан сумеет полностью окружить Карабах, и ему удастся либо изгнать из региона всех армян, либо диктовать им условия подчинения. Этого он почти достиг в июне 1991 г., а затем вновь в июне–июле 1992 г. Аркадий Гукасян рассказывал о переговорах, в которых принимал участие летом 1992 г.: «Мы тогда были заинтересованы в прекращении огня, и в это время шли переговоры. Но они вели себя провокационно, они фактически поставили условия, на которых мы должны капитулировать... Они делали все, чтобы не допустить прекращения огня. А потом, когда обстановка изменилась, сами стали просить мира»[7].

Другой возможный исход: армяне кровью прочертят новые границы, изгнав всех азербайджанцев из Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов, и возведут оборонительные рубежи вдоль всей зоны захваченных территорий. После этого они потребуют прекращения огня на своих условиях. Что в конце концов и произошло. Уже зимой 1991 г. первый армянский руководитель Нагорного Карабаха Артур Мкртчян нарисовал карту «защищаемых границ», которая удивительным образом совпала со сложившейся впоследствии обстановкой на театре военных действий[8].

[7] Интервью с А. Гукасяном, 7 окт. 2000.

[8] Интервью с В. Манукяном, 15 окт. 2000.

Третьим вариантом исхода вооруженного конфликта могло стать достигнутое при участии посредников соглашение, в силу которого обе стороны будут вынуждены прекратить войну. К этому стремились международные посредники, но по ходу конфликта им в лучшем случае удавалось добиться временного прекращения огня. Гукасян вспоминал: «Соглашения были возможны, но, к несчастью, ни одна из сторон не рассматривала серьезно вопрос о прекращении огня; это бывало тактической уловкой. Доверия не было. Мы, допустим, соглашались на прекращение огня, но затем тут же где-то вдруг возникал локальный конфликт. В принципе, я думаю, [соглашение на более ранней стадии] было возможно, хотя мне трудно сказать, на какой именно стадии. Но если бы мировые державы отнеслись [к конфликту] более серьезно, тогда его можно было бы прекратить гораздо раньше».

В 1991–1992 гг. появлялось немало желающих сыграть роль посредников. Была совместная миссия президентов Ельцина и Назарбаева; бывший государственный секретарь США Сайрус Вэнс побывал в регионе в качестве специального представителя генерального секретаря ООН; была кратковременная посредническая миссия Ирана. Но в итоге все эти усилия еще больше запутали ситуацию, так как обе стороны конфликта занимались только тем, что «выторговывали» для себя наиболее выгодного посредника.

В 1992 г. проявлять стойкий интерес к конфликту начала одна организация – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в которое входили 49 государств. Миссия СБСЕ возникла, по выражению одного из очевидцев, «почти случайно» в конце Пражской встречи 31 января 1992 г., где в члены организации были приняты большинство бывших республик СССР. Встреча уже подходила к завершению, когда британский делегат обратил внимание присутствующих на то, что две только что принятые в члены организации страны, Армения и Азербайджан, находятся в состоянии войны и СБСЕ обязано в этой связи что-то предпринять. И тогда было решено направить в регион конфликта миссию СБСЕ для выяснения обстановки[9].

На следующей встрече организации в Хельсинки 24 марта министры иностранных дел СБСЕ решили созвать мирную конференцию по Нагорному Карабаху, которую представитель Белоруссии, еще одной новой страны-участницы, неожиданно предложил провести в

[9] Maresca J. Lost Opportunities in Negotiating the Conflict over Nagorno-Karabakh // International Negotiation. 1996. Vol. 1. No. 3. P. 475.

Минске. Никто не стал возражать – так и возникла идея «Минской конференции». Армения, Азербайджан и девять других государств – членов СБСЕ согласились принять в ней участие наряду с «избранными» и «иными» представителями Нагорного Карабаха – эта формула подразумевала как армян, так и азербайджанцев Карабаха. Встреча была впоследствии отменена в связи с эскалацией военных действий, поэтому Минская конференция превратилась в Минскую группу, первым председателем которой стал бывший заместитель министра иностранных дел Италии Марио Раффаэлли. В итоге первое заседание группы состоялось в Риме, а не в Минске[10].

В результате создания в 1992 г. Минской группы СБСЕ (позднее – ОБСЕ) западноевропейские государства, Соединенные Штаты и Турция получили возможность участвовать в процессе урегулирования карабахского конфликта. Воюющие стороны приветствовали широкое участие международного сообщества в миротворческой миссии. Но это таило в себе опасность: теперь карабахский мирный процесс был увязан с широким контекстом взаимоотношений Запада с Россией. Возрастал и риск того, что соперничество между Вашингтоном и Москвой за влияние на Кавказе будет тормозить, а не подстегивать поиск путей решения конфликта.

И армяне, и азербайджанцы саркастически отзывались о первых шагах миротворческой миссии ОБСЕ и Минской группы. Советник азербайджанского президента по международным делам Вафа Гулузаде вспоминал «совершенно некомпетентных послов Франции, других стран»: «Они участвовали в работе группы без малейшего понимания особенностей региона и сути конфликта, не имея никаких рычагов влияния на противостоящие стороны»[11]. Бывший президент Армении Левон Тер-Петросян говорил: «ОБСЕ стала серьезно заниматься проблемой только с 1996 г. До этого все было блефом, абсолютно никакого мирного процесса не было. Наоборот. Они больше были заняты соперничеством друг с другом, чем думали о решении карабахской проблемы»[12].

С такой оценкой не спорят и некоторые посредники. «Было ясно, особенно переговорщикам, представлявшим конфликтующие

[10] Состав Минской группы менялся с течением времени. В 1992 г. в нее первоначально входили Белоруссия, Чехословакия, Франция, Германия, Италия, Россия, Швеция, Турция и Соединенные Штаты, а также Армения и Азербайджан. К 2012 г. бывшая Чехословакия покинула группу, зато в нее стали входить Финляндия и, на основе ротации, тройка из предыдущего, действующего и будущего председателей ОБСЕ.

[11] Интервью с В. Гулузаде (на английском языке), 28 нояб. 2000.

[12] Интервью с Л. Тер-Петросяном, 24 мая 2000.

стороны, что карабахская война мало интересовала западные страны», – считает бывший представитель США в Минской группе Джон Мареска[13]. На очередной встрече в Стокгольме в декабре 1992 г. почти удалось прийти к выработке соглашения, но Азербайджан в последний момент его отверг. Несомненной заслугой тех, кто смог приехать в Стокгольм, стало то, что стороны начали переговоры. Председатель группы Марио Раффаэлли не приехал, сославшись на семейные обстоятельства. Российская делегация практически отсутствовала. За исключением Марески, государственный департамент США не направил своих представителей для обсуждения вопроса, который, как можно было понять, Вашингтон не считал приоритетным. Более того, сами принципы формирования группы сделали ее практически неработоспособной. Вот что писал Мареска: «И вдобавок требование итальянского председателя группы переводить все на итальянский язык привело к тому, что немецкий и французский представители также потребовали соблюдения их права на использование родных языков. Все это превратило Минскую группу в неповоротливую и громоздкую переговорную машину, состоящую из представителей одиннадцати стран и двух регионов, председателя, секретариата и пяти кабинок, в которых сидели переводчики-синхронисты. Уступки, касающиеся вопросов войны и мира, жизни и смерти, в таких условиях не вырабатывают»[14].

Мирный процесс тормозился в силу специфических особенностей конфликта, который одновременно носил и международный, и внутренний характер. Азербайджанцы придерживались позиции, что это ирредентистская война, ведущаяся Арменией против Азербайджана, и поэтому отказывались признавать карабахских армян одной из сторон конфликта. Армения возражала, что карабахские армяне ведут сепаратистскую войну против Баку, в которой Армения является лишь заинтересованным соседом. Оба утверждения, очевидно ложные, были избраны в качестве тактической уловки, что, однако, затруднило переговорный процесс.

Для выработки действенного мирного соглашения явно требовалась некая форма диалога между азербайджанским правительством и карабахскими армянами. Однако обе стороны продолжали ходить кругами, причем Азербайджан опасался придать Степанакерту политическую легитимность самим фактом официальных переговоров с

[13] Maresca J. Lost Opportunities in Negotiating the Conflict over Nagorno-Karabakh. P. 482.

[14] Ibid. Покинув Минскую группу, Раффаэлли попал в число политических деятелей, вызванных в суд для дачи показаний в связи с расследованием дел о коррупции.

карабахскими армянами, которые, в свою очередь, постоянно искали возможность повысить свой статус за столом переговоров. К тому же внешний блеск, свойственный международным дипломатическим встречам, лишь ухудшал ситуацию. Сев за стол переговоров и вооружившись резолюциями ООН и терминологией международного права, стороны превратили дискуссию о статусе спорной территории в риторическое состязание. Вартан Осканян, в 2000 г. министр иностранных дел Армении, рассказывал: «Как я теперь вспоминаю ситуацию в [19]92 и [19]93 гг., мы спорили о каких-то детских вещах: какой формы должны быть столы, где будут сидеть представители Карабаха, как к ним следует обращаться, являются они равноправными участниками переговоров или нет. Помню, мы дрались из-за запятых, из-за того, где надо расставлять запятые в тексте. Помню, на будапештском саммите мы спорили, какие слова следует употреблять: "среди" или "между". Если спор шел "между", то, значит, между двумя участниками, но "среди" могло означать, что участников больше двух, а следовательно, подразумевать и Карабах. Словом, мы дрались за символы. Но после шести или семи лет таких пререканий понастоящему устаешь и начинаешь больше думать о результатах»[15].

Возможно, СБСЕ могло бы решить проблему непризнанного государственного образования вроде Нагорного Карабаха легче, чем ООН, которая институционально ориентирована на целостные государства. Но существенный недостаток СБСЕ по сравнению с ООН состоял в том, что оно не имело опыта операций по поддержанию мира. Это стало серьезной причиной, помешавшей реализовать самый серьезный мирный план СБСЕ летом 1993 г. Все знали, что лишь одна страна готова незамедлительно направить войска или наблюдателей в горы Кавказа. И это была Россия.

ТЕ ЖЕ И Г-Н КАЗИМИРОВ

Россия имела множество преимуществ в Армении и Азербайджане. В 1992 г. Кавказ и Россия все еще были частью единого экономического пространства, все говорили по-русски, и даже телефоны старой правительственной связи все еще обеспечивали прямую связь с Москвой. В мае 1992 г. Россия направила для работы в Нагорный Карабах Владимира Казимирова – по общему мнению, наиболее талантливого и опытного дипломата среди всех, кто занимался карабахским вопросом.

[15] Интервью с В. Осканяном, 13 дек. 2000.

Казимиров, закаленный советский дипломат, работал послом СССР в Анголе в самый разгар войны в этой африканской стране. Хикмет Гаджизаде называл его «дирижером» армяно-азербайджанских переговоров, посредником, который всегда лучше других знал, что происходит. Впоследствии азербайджанцы демонизировали Казимирова, веселого и добродушного человека, уверяя, что он будто бы пытался навязать им выгодный для России неоколониальный вариант мирного урегулирования. Но было бы ошибкой считать его лишь проводником российской имперской власти: он потратил куда больше времени и сил, чем кто-либо, для решения конфликта и за четыре года совершил десятки поездок по региону. И потом, уже находясь на пенсии, по-прежнему проявлял горячий интерес к карабахской проблеме и даже писал о ней стихи.

Проблема российского МИДа заключалась в том, что, по понятным причинам, у него не было никакого опыта работы в республиках бывшего Советского Союза. В МИДе работало много специалистов по Франции и Вьетнаму, но никого, кто знал бы регион, совсем недавно переставший быть частью единого государства. Это одна из причин, почему министерство обороны, имея тысячи сотрудников на Кавказе, сумело занять там лидирующие позиции. Грачев умышленно подчеркнул главенствующую роль своего ведомства, не пригласив Казимирова на переговоры в Сочи в сентябре 1992 г.

С 1993 г. политика России стала более скоординированной. 28 февраля президент Ельцин объявил, что настал момент, «когда все ответственные международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, должны предоставить России особые полномочия гаранта мира и стабильности на территории бывшего Союза». Россия заявила о своих особых правах, включая право на защиту границ территорий, которые она продолжала называть «ближним зарубежьем»[16].

Российское министерство обороны стремилось стать проводником политики на Кавказе. Идея Грачева заключалась в том, что, обеспечив соглашение о прекращении огня, российские войска станут рычагом влияния России в регионе. Именно так и произошло в грузино-абхазском конфликте, где российские вооруженные силы в конце концов были размещены между воюющими сторонами. В Нагорном Карабахе оказалось сложнее. Хотя армяне видели в военном присутствии России лучшую гарантию своей безопасности,

[16] Цит. по: Adomeit H. Russian National Security Interests // Security Dilemmas in Russia and Eurasia / ed. R. Allison, C. Bluth. London: Royal Institute of International Affairs, 1998. P. 38.

Азербайджан, напротив, сделал вывод российских войск со своей территории абсолютным приоритетом и противился их возвращению в любой форме.

Устанавливалась модель: русские лестью, а иногда и угрозами склоняли Азербайджан к подписанию мирного соглашения, предусматривавшего размещение российского воинского контингента в регионе. Хикмет Гаджизаде вспоминал: «Они показывали нам текст соглашения и говорили: "Подпишите это соглашение о прекращение огня с Арменией!" А каким образом происходит прекращение огня? Это технический процесс. Пункт первый: надо прекратить огонь начиная с двадцати двух часов в такой-то день. Пункт второй: в течение трех дней артиллерия отводится на пять километров. Пункт третий: устанавливается связь с наблюдателями, которые находятся посередине. И наконец: прибывают силы по поддержанию мира. И что это за миротворцы? У ООН нет средств, они нам так и сказали. Америка денег не даст, она далеко. Ну конечно, это русские. "У вас есть другие предложения?" – "Нет". – "Вот бумага". Мне давали пять или шесть таких листов бумаги»[17].

Для помощника президента по иностранным делам Вафы Гулузаде, основного азербайджанского критика российской политики, проблему представляла Россия как таковая. После падения Кельбаджара в апреле 1993 г. Гулузаде пригласили в Москву на встречу с первым заместителем министра иностранных дел Анатолием Адамишиным. Он вспоминал, что в московском аэропорту его встречала большая делегация министерства иностранных дел и по случаю его приезда в одной из официальных резиденций министерства был устроен роскошный завтрак. Во время завтрака московские чиновники расписывали ему достоинства плана, согласно которому необходимо разместить в Кельбаджаре российские войска: «Г-н Адамишин попросил меня убедить президента Эльчибея в том, что в наших же интересах разрешить дислокацию в Кельбаджаре российских войск. Хотя бы одного российского батальона. Тут у нас начались острые дискуссии. Я спросил, что они имеют в виду: "Почему российские военные должны быть в Кельбаджаре?"»[18] По словам Гулузаде, он убедил свое руководство отклонять любой мирный план, предполагающий участие российских войск.

Армяне не соглашаются с обвинением, будто бы они служили орудием в руках Москвы, и заявляют, что тоже подвергались давлению со стороны России. По словам Гукасяна, весной 1993 г. Россия настаивала на том, чтобы армяне вернули Кельбаджар. Год спустя Кочарян написал российскому министру иностранных дел письмо, в котором отверг совет вернуть Азербайджану в качестве «жеста доброй воли»[19] один из оккупированных районов. Суть проблемы заключалась в том, что вовлеченная в конфликт Россия одновременно была и единственным серьезным посредником. Монопольное положение России еще более упрочилось после того, как летом 1993 г. провалился мирный план Минской группы. Москва с новой силой стала продвигать идею размещения между армянскими и азербайджанскими позициями российских «разъединительных сил»[20].

ПОЗИЦИЯ США

Соединенные Штаты Америки были новичком на Кавказе, где им никогда не доводилось играть какую-либо роль. Здесь они столкнулись с конфликтом интересов. С одной стороны, Вашингтон поддерживал стремление Грузии и Азербайджана проводить более независимую от России политику и рассматривал Азербайджан в качестве потенциального объекта для инвестиций американских нефтяных компаний. С другой стороны, свои требования выдвигала миллионная община американских армян – одно из наиболее влиятельных в стране этнических лобби. В 1992 г. у Армении появился министр иностранных дел – уроженец США, Раффи Ованнисян. Армянское лобби в конгрессе при поддержке таких видных политических фигур, как сенатор Роберт Доул, пользовалось исключительно сильным влиянием и постоянно голосовало за предоставление независимой Армении крупной финансовой помощи. Финансовая помощь американского правительства Армении, в 2000 г. составившая 102,4 млн долларов, по размеру на душу населения уступала только помощи Израилю.

24 октября 1992 г., в разгар избирательной кампании в США, армянское лобби провело через конгресс поправку 907а к «Акту о поддержке свободы». Этот законодательный акт наказывал Азербайджан почти полным запретом на оказание ему американской правительственной помощи «до тех пор, пока президент не определит и не доложит конгрессу, что правительство Азербайджана предпринимает очевидные недвусмысленные шаги по отмене блокады и прочих

[17] Интервью с Х. Гаджизаде, 15 нояб. 2000.

[18] Интервью с В. Гулузаде, 28 нояб. 2000.

[19] Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Ч. V. С. 317.

[20] Казимиров В. Россия и Минская группа СБСЕ // Сегодня. 1994. 14 окт.

видов применения силы против Армении и Нагорного Карабаха». Поправка 907, окончательно отмененная только в 2002 г., на протяжении многих лет оставалась ярким примером того, как внутренняя политика может формировать внешнеполитический курс Соединенных Штатов.

В 1992 г. отношения между Вашингтоном и Москвой достигли самой высокой точки развития почти по всем вопросам, но не по Кавказу. США с подозрением относились к вмешательству России в дела Грузии и Азербайджана, а Россия обвиняла американцев в том, что они вторгаются в ее вотчину. Это соперничество проявилось и в работе Минской группы СБСЕ. В 1994 г., вскоре после завершения своей миссии в качестве американского представителя, Джон Мареска выдвинул против России следующее обвинение: «Россия стремилась восстановить свое господство в регионе и не допустить туда силы извне, в частности США и Турцию. Россия хочет доминировать в Армении и Азербайджане по ряду причин. Самая очевидная из них та, что Москва хочет восстановить контроль над бывшей советской границей с Турцией и Ираном и получить долю в нефтяных богатствах Азербайджана. Для достижения этих целей Россия оказывала давление на Азербайджан, вынуждая его согласиться с возвращением российских войск в качестве контингента, разъединяющего воюющие стороны, и для охраны границ, чтобы обеспечить участие России в нефтяных концессиях, полученных западными компаниями. В качестве инструмента давления русские использовали неявную, но эффективную угрозу: в случае неповиновения Азербайджана Россия усилит поддержку Армении (российские войска там уже размещены), что для азербайджанцев имело бы катастрофические военные последствия»[21].

Вашингтон, возразил на это Казимиров, так настойчиво выдавливает Россию из региона, что, похоже, рассматривает достижение мира в Нагорном Карабахе как вопрос второстепенной важности: «Бывший представитель США в Минской группе, игравший одно время "первую скрипку" в ее деятельности, в своих заметках и статьях довольно откровенно пишет о том, что надо было "сдерживать" Россию в ее "неоимперских амбициях", причем не делает исключений даже для прекращения огня. Записки американского посла со всей очевидностью показывают, что в подходе Вашингтона прекращение огня не имело самостоятельной ценности, а было лишь элементом в крупной геостратегической игре, нацеленной на снижение роли России в Закавказье»[22].

В период 1993–1994 гг. американское участие в решении карабахской проблемы было минимальным. 30 ноября 1993 г. швед Ян Элиассон, сменивший Марио Раффаэлли на посту председателя Минской группы, решил не слишком полагаться на совместную работу группы в целом и чаще ездить в регион для прямых переговоров со сторонами. Это уменьшило роль США в Минской группе и, соответственно, усилило влияние России. Джон Мареска ушел с поста представителя США в Минской группе. В тот период посреднические усилия требовались острее, чем когда-либо: в декабре 1993 г. война вступила в финальную стадию, отмеченную особо жестокими боями.

1993–1994 ГОДЫ: ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Последняя фаза карабахской войны оказалась самой кровавой. «Настоящая война началась 17 декабря 1993 г. и продолжалась до 12 мая 1994 г., – вспоминал Тер-Петросян. – Это была война, когда обе стороны располагали настоящими армиями». По его оценке, азербайджанская армия насчитывала 100 тысяч человек, армянская – 35 тысяч. Впервые обе стороны сделали ставку на молодых неопытных призывников, которые тысячами гибли в ожесточенных боях.

Большинство армянских солдат были выходцами из Армении, чьи попытки отрицать, что она ведет войну с Азербайджаном, уже никого не убеждали. В любом случае карабахский армянин Серж Саргсян в августе 1993 г. стал министром обороны Армении, после чего грань между воюющими силами Армении и Нагорного Карабаха окончательно стерлась. В 1994 г. сотрудники правозащитной организации «Хьюман райтс уотч» опросили военнослужащих на улицах Еревана. 30 % опрошенных служили в регулярной армии Армении и воевали в Карабахе[23]. Азербайджан призвал в свою армию от полутора до двух с половиной тысяч афганских моджахедов. Официальные лица отрицали их присутствие, но длинноволосые бородатые бойцы, некоторые в традиционной афганской одежде, так часто появлялись в Баку, что их участие в боевых действиях было секретом Полишинеля[24].

[21] Maresca J. Agony of Indifference in Nagorno-Karabakh // The Christian Science Monitor. 1994. 27 June. P. 83.

[22] Казимиров В. Карабах. Как это было // Международная жизнь. 1996. № 5. С. 49.

[23] Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. New York; Washington; London; Brussels: Human Rights Watch, 1994. P. 67–73.

[24] Ibid. P. 46.

Ожесточенные бои возобновились в декабре 1993 г. Армяне попытались продвинуться к востоку от Физули, но столкнулись с беспрецедентным сопротивлением и вынуждены были отступить. После этого Азербайджан атаковал на трех фронтах. Наступление на северо-востоке Нагорного Карабаха вынудило армян оставить ряд поселков в Мардакертском районе. На юго-востоке Азербайджан 6 января вернул железнодорожный разъезд Горадиз на Араксе и продвинулся на север в сторону Физули.

Крупнейшее азербайджанское наступление состоялось в новом 1994 г. на северо-западе. Эта кампания, самая кровавая за всю историю карабахской войны, меньше всего освещалась прессой[25]. Наступление развернулось в условиях суровой зимы на опустошенной территории, которую покинуло все гражданское население. Крупные войсковые силы переправились через высокие Муровские горы и Омарский перевал и двинулись в Кельбаджарский район. Поначалу азербайджанцы, которым на поле боя противостояли необученные призывники армянской Ванадзорской дивизии, добились быстрого успеха. 24 января они объявили об окружении и почти полном уничтожении армянского батальона численностью 240 человек близ поселка Чарплы.

К первой неделе февраля азербайджанцы вплотную приблизились к городу Кельбаджар. Однако они уже сильно оторвались от своих тылов, оставшихся по ту сторону Муровских гор, а армяне успели подтянуть для укрепления своих позиций более опытные части из Карабаха. 12 февраля армяне под сильным снегопадом перешли в контратаку. Азербайджанцы в панике бросились отступать, и в ходе этого отступления сотни молодых солдат замерзли до смерти или пропали без вести. К 18 февраля азербайджанские части отступали через Омарский перевал.

Две азербайджанские бригады оказались в окружении и попытались с боями прорваться через узкий перевал на север. Армяне обрушили на окруженные части шквальный огонь ракет «Град». Этот обстрел дал ужасающий результат, уничтожив, вероятно, до полутора тысяч солдат. Спустя несколько лет те, кто посещал Кельбаджарский район, находили в горах замерзшие трупы. Позже армяне собрали сотни военных билетов молодых азербайджанских бойцов, убитых на Омарском перевале. Съемочная группа армянского телевидения засняла одну из самых щемящих иллюстраций той войны: ворох красных военных билетов, вываленных на длинный деревянный стол, – единственное, что осталось от десятков погибших молодых азербайджанцев.

В результате зимней кампании 1994 г. линия фронта переместилась не так заметно, как после предыдущих наступательных операций, поскольку Азербайджану удалось отбить лишь небольшие части своей территории на севере и юге. Однако список потерь вырос существенно: азербайджанцы в ходе этой операции потеряли около 4 тысяч человек, а армяне – около 2 тысяч[26].

НА ПУТИ К ПРЕКРАЩЕНИЮ ОГНЯ

В феврале 1994 г., в самый разгар боевых действий, шведский председатель Минской группы Ян Элиассон и российский представитель Владимир Казимиров совершили ряд поездок в регион. Теперь они фактически стали соперниками. Позднее Казимиров вернулся в регион вместе с российским заместителем министра обороны Георгием Кондратьевым, который рассматривался как возможный командующий миротворческими силами во главе с Россией.

Есть предположения, что российские военные продолжали играть на обе стороны, стараясь добиться выгодного для себя мирного соглашения. Армяне полагают, что Азербайджан получал военную помощь от России зимой 1993–1994 гг. Как сказал один армянский правительственный чиновник, «Россия хотела помочь Алиеву, привязав его к российской колеснице».

В последнюю неделю января 1994 г. Левон Тер-Петросян отправился в Санкт-Петербург на торжества по случаю 50-летия снятия блокады Ленинграда. Согласно двум армянским источникам (хотя сам Тер-Петросян отказался подтвердить их слова), президенту Армении было необходимо добиться от России новых поставок вооружений. Чтобы встретиться с Ельциным с глазу на глаз, он пошел на балетный спектакль в Кировский театр. Ему удалось добиться личной встречи с Ельциным и договориться об увеличении поставок оружия, что помогло укрепить потрепанные позиции армян.

С азербайджанской стороны сотрудник администрации президента Эльдар Намазов вспоминал, как в начале 1994 г. был в кабинете Алиева в Баку, когда Казимиров предупредил, что если азербайджанцы откажутся сотрудничать, то рискуют потерять еще больше

[25] Описание Кельбаджарской кампании основано на информации, предоставленной бывшим пресс-секретарем Министерства обороны Азербайджана Азадом Исазаде и Тиграном Хзмаляном, работавшим тогда в расположении армянских войск в качестве корреспондента программы «Вести» российского телевидения.

[26] Данные предоставлены А. Юнусовым.

территорий: «Казимиров прибыл в Баку и стал угрожать: если вы не допустите размещения батальонов российских миротворческих сил между позициями армянской и азербайджанской армий, то армяне в течение месяца овладеют Гянджой, Тертером, Бардой и железнодорожной веткой на Грузию»[27]. Армяне действительно развернули на северо-западе новое наступление в направлении Тертера и Барды. Но каждая атака приводила к гибели многих необученных призывников. Этот факт вынуждал их осознать, что настало время заключать соглашение о прекращении огня.

4–5 мая парламентские делегации стран СНГ собрались в киргизской столице Бишкеке. На этой встрече присутствовал и Карен Бабурян, спикер карабахского парламента. По итогам встречи был выработан официальный документ, «Бишкекский протокол», который «призвал все конфликтующие стороны [в Нагорном Карабахе] вновь прислушаться к голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая». Под протоколом подписались шесть человек, в том числе Казимиров и два официальных лица из Армении.

Внимание присутствующих теперь было обращено к руководителю азербайджанской делегации, заместителю спикера парламента Афиятдину Джалилову. Но он не стал подписывать документ, сославшись на необходимость получить сначала одобрение президента Алиева. Азербайджанское руководство встало перед непростым выбором. Подписание протокола давало ему прекрасный шанс добиться мира, но тогда пришлось бы умерить свои военные амбиции и столкнуться с острым недовольством внутри страны. В Бишкеке было решено, что, пока Джалилов проводит консультации с Алиевым, под документом останется свободное место для его подписи.

Во время встречи в Бишкеке Алиев находился в Брюсселе. После его возвращения домой 8 мая Казимиров также вылетел в Баку, где встретился со всеми высшими руководителями Азербайджана. В ходе бурной встречи в кабинете Алиева спикер парламента Расул Гулиев возглавлял сторонников подписания Бишкекского протокола. В конце концов спорящие выработали консенсус: Азербайджан подпишет документ при условии, что в тексте будут сделаны две мелкие поправки и под документом будет также стоять подпись лидера азербайджанской общины Карабаха Низами Бахманова. Стали искать Бахманова, но его в Баку не оказалось, поэтому он и не смог

[27] Интервью с Э. Намазовым, 14 нояб. 2000. Сам же Казимиров отрицает, что когда-либо угрожал азербайджанцам.

поставить свою подпись. И тогда Гулиев подписал Бишкекский протокол один[28].

Позднее Гулиев поссорился с Алиевым и переехал в Нью-Йорк. Неудивительно поэтому, что в его рассказе о подписании документа о прекращении огня Алиев предстает в нелестном свете. Как вспоминал Гулиев, он только что вернулся с передовой в Тертере, где лично удостоверился в том, что азербайджанские позиции находятся в критическом положении. Это убедило его, что Азербайджану необходимо прекращение огня. Алиев, по мнению Гулиева, намеренно занял тогда двусмысленную позицию: «[Алиев] не сказал мне ни "да", ни "нет". Я счел, что нам нужно подписать его [протокол]»[29]. То, что призыв к прекращению огня подписали спикеры парламентов, конечно, было на руку президенту, которому предстояло выдержать шквал критики со стороны оппозиции. Алиев выждал несколько дней, пока не прошла буря, а потом публично поддержал соглашение о прекращении огня.

После того как обе стороны согласились с принципами прекращения огня, встала задача их практической реализации. Она была решена, по выражению Казимирова, посредством «факсовой дипломатии», которая проводилась из его московского кабинета. Азербайджанский министр обороны Мамедрафи Мамедов подписал 9 мая в Баку официальное обязательство соблюдать перемирие. На следующий день в Ереване свою подпись под тем же документом поставил армянский министр обороны Серж Саргсян. Самвел Бабаян, командующий силами карабахских армян, подписал документ в Степанакерте 11 мая. В полночь с 11 на 12 мая 1994 г. соглашение о прекращении огня вступило в силу и – несмотря на первоначальные сложности – стало соблюдаться.

Павел Грачев затем приступил к выполнению части соглашения, касающейся ввода в зону конфликта контингента российских миротворцев численностью 1,8 тысяч человек. Он пригласил в Москву трех военных руководителей: Мамедова из Азербайджана, Саргсяна из Армении и Бако Саакяна, представлявшего Нагорный Карабах (его усадили отдельно от других делегаций). В начале встречи Грачев настоял, чтобы все трое подписали соглашение о прекращении огня, видимо, не придавая значения тому, что соглашение Казимирова действовало уже четыре дня. Его бесцеремонная и агрессивная лексика рассердила Мамедова, и тот отказался поддержать план

[28] Интервью с В. Казимировым, 1 дек. 2000.

[29] Интервью с Р. Гулиевым, 13 сент. 2000.

Грачева. Министр обороны, по словам Казимирова, «не всегда считался с тем, что делают дипломаты, – он был сам себе миротворец». Азербайджанское руководство подтвердило свою приверженность режиму прекращения огня, но не согласилось на ввод российских войск в качестве миротворческих сил.

Перемирие 12 мая 1994 г. отражало реалии конфликта. Война истощила и армян, и азербайджанцев. Азербайджан, потерявший тысячи людей и добившийся незначительных успехов на фронте, согласился с необходимостью прекратить кровопролитие, но не мог смириться с присутствием российского воинского контингента. Это привело к необычной ситуации на линии прекращения огня, которая в отсутствие нейтральных сил по поддержанию мира стала, по сути, самоконтролируемой. Армяне были заинтересованы не столько в размещении миротворческих сил как таковых, сколько в сохранении укрепленной линии фронта. По словам Роберта Кочаряна, «мы самым серьезным образом начали думать о [перемирии], когда вышли на рубежи, на которых мы могли организовать серьезную оборону Карабаха»[30]. Этого они добились, захватив почти весь юго-западный сектор Азербайджана – зону, которая, включая и Нагорный Карабах, составляет почти 14 % официально признанной территории Азербайджана. В условиях действующего режима прекращения огня, но в отсутствие подписанного обеими сторонами политического соглашения конфликт вступил в странную фазу «ни войны, ни мира». Бои прекратились, но фундаментальные проблемы конфликта остались нерешенными.

[30] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

Глава 16
СТЕПАНАКЕРТ
Обособленное государство

Небольшую комнату с голыми стенами и деревянными скамейками освещали лампы дневного света. Не будь в углу металлической клетки от пола до потолка, ее можно было бы принять за классную комнату. В клетке в два ряда сидели под охраной молодые люди, а поодаль – Самвел Бабаян, невысокий мужчина с тонкими усиками и непроницаемым лицом. Бывшего командира вооруженных формирований карабахских армян судили за попытку убийства и государственную измену.

Падение Бабаяна с высот власти было стремительным. Когда через пять лет после подписания соглашения 1994 г. о перемирии с Азербайджаном его провозгласили армянским национальным героем, ему не исполнилось и тридцати. Занимая одновременно посты министра обороны и главнокомандующего в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике, Бабаян фактически являлся господином и хозяином территории. Позднее, в конце 1999 г., между ним и другими членами руководства развернулась острая борьба за власть, и его сместили со всех постов. Три месяца спустя, в марте 2000 г., избранный руководитель области Аркадий Гукасян возвращался ночью домой, и его «мерседес» в центре Степанакерта обстреляли двое неизвестных. Гукасян был ранен в ноги, его водитель и охранник также получили ранения. Бабаяна и его людей арестовали и предъявили им обвинение в заговоре с целью убийства Гукасяна и захвата власти.

И теперь, в октябре 2000 г., зал городского суда в Степанакерте каждый день заполнялся до отказа желающими присутствовать на процессе. Трое товарищей бывшего командующего, проходившие по делу, отреклись от начальника и признали свою вину, но сам он отвергал все выдвинутые против него обвинения. Адвокат Бабаяна Жудекс Шакарян заявил, что признания его подзащитного выбиты на допросах.

Судебный процесс над Бабаяном стал событием, взорвавшим это маленькое, замкнутое и скрытное общество. Адвокаты, прокуроры,

обвиняемые и свидетели – все были хорошо знакомы друг с другом. Обвинитель попросил одну из свидетельниц, врача, охарактеризовать свои отношения с главным обвиняемым. «Да, я троюродная сестра Бабаяна», – призналась та. После этого ее попросили назвать свой адрес. «Как вы получили эту квартиру?» – спросил обвинитель, пытаясь выяснить, не подарок ли это от Бабаяна. Раздача квартир – один из способов, которыми он обеспечивал лояльность своих сторонников.

А за стенами зала суда выяснялись все новые факты о Бабаяне. Перечень имущества, принадлежавшего ему и его семье и конфискованного во время ареста, включал восемь иностранных автомашин, в том числе «мерседес», БМВ и «лендровер», две фермы, два дома, пять квартир, ювелирные украшения на сумму около 40 тысяч долларов США и 60 тысяч долларов наличными[1]. По мировым стандартам это, может, и нельзя назвать несметными богатствами, но по меркам Нагорного Карабаха Бабаян был невообразимо богат.

Бабаян и его семья сделали хорошие деньги и во время, и после войны. Во время войны богатство текло с «оккупированных территорий», откуда вывозилось и продавалось все, что там было, – главным образом в Иран. Мародеры не упускали ничего, будь то металлолом, заводское оборудование, медная проволока или потолочные перекрытия. Один мой приятель-армянин рассказывал, как однажды в июне, уже после войны, ездил в разоренный Агдам и увидел там сцену, достойную фильмов Феллини: люди загружали несколько иранских грузовиков лепестками роз. Эти лепестки были собраны с тысяч розовых кустов, растущих на руинах опустошенного города, и иранцы покупали их на варенье.

В мирное время Бабаян и его семья использовали экономическую изоляцию Нагорного Карабаха в своих интересах. Бабаян основал компанию «Юпитер», которую зарегистрировал на имя жены, и, получив монополию на импорт сигарет и горючего, зарабатывал огромные деньги. Но дело не ограничивалось экономикой. «Нельзя было открыть киоск или работать школьным учителем без разрешения Бабаяна», – возмущался один из местных жителей. Всех политических соперников Бабаян нейтрализовал. Вражда между ним и полевым командиром по кличке Вачо закончилась перестрелкой, после чего Вачо покинул Карабах. Любой, кто вставал на пути Бабаяна, рисковал оказаться в шушинской тюрьме и потом выкупать самого себя за огромную взятку. От одного отца семейства потребовали

[1] Radio Free Europe / Radio Liberty, Armenian Service, 25 September 2000.

привести к Бабаяну какую-нибудь из его дочерей-подростков. Он запретил дочкам выходить из дома, а сам бросился собирать выкуп в 5 тысяч долларов.

Эта часть биографии Бабаяна была самой отвратительной, но также и наиболее труднодоказуемой, поскольку ни одна девушка в Степанакерте не стала бы открыто рассказывать о пристрастии Бабаяна к изнасилованиям. Но мне говорили, что молодые женщины боялись выходить на улицу по вечерам, потому что Бабаян со своими друзьями, на манер Лаврентия Берии, медленно разъезжал по улицам на «мерседесе» в поисках «добычи». Некоторые родители отсылали дочерей в Ереван, чтобы избавить их от жадного взгляда Бабаяна; некоторые молодые женщины рожали детей, которых называли «маленькими Само».

Отвратительный человек, но готовил ли он захват власти в марте 2000 г.? Высказывалось мнение, что если бы покушение на Гукасяна организовал Бабаян, признанный профессионал в военном деле, то уж оно бы не сорвалось. Болгарская журналистка Цветана Паскалева, большая сторонница Бабаяна, уверяла, что, когда она встречалась с ним перед самым арестом, все его мысли были заняты планами мирного восстановления политической карьеры. Но большинство жителей Степанакерта, видимо, считали его виновным. «Если не он, то кто же?» – говорили люди. Ветеран карабахского движения Жанна Галстян заявила, что суд стал логическим итогом его амбиций: «Самвел Бабаян перехватил у нас инициативу, он сделал людей рабами. Если бы не этот суд, все было бы напрасно».

Бабаян – наиболее яркий пример общего послевоенного феномена. Как и в Азербайджане, многие простые карабахские армяне считали себя преданными своими лидерами. Те, кто воевал по идейным убеждениям или потерял на войне сыновей и мужей, испытывали жестокое разочарование. Седа Мелконян, вдова армянского добровольца Монте Мелконяна, призналась мне, что ей тяжело возвращаться в Мартунинский район, где он командовал отрядом: «Я знаю семью, которая потеряла всех троих сыновей, троих молодых мужчин. Это была семья беженцев из Баку. Они приехали в Мартуни и потеряли троих сыновей. Один был женат, у него было двое детей, один из которых диабетик. У второго была невеста. Третий не был женат. И каждый раз, когда я вижу их мать, мне становится плохо. Что можно сказать матери? Это те, с кем я общаюсь, а ведь есть много других, кого я не знаю. Они думают: а стоила ли их жертва того, во имя чего они ее принесли?.. Я знаю одну женщину, она работает уборщицей в [военном] штабе. По ее лицу видно, что она чувствует. Она потеряла дом; в ее дом попала ракета "Град". У нее погибли оба сына. Погиб

ее зять. Что вы скажете этой женщине? У нее на руках шестеро внуков – а мимо проезжает человек на машине, которая стоит сто тысяч долларов!»[2]

В армяно-азербайджанской войне стороны заплатили разную цену. Для Азербайджана этой ценой стала глубокая травма, вызванная потерей территорий и огромным наплывом беженцев; однако военное поражение имело один положительный побочный эффект: благодаря ему полевые командиры лишились амбиций. Несостоявшиеся бонапарты вроде Сурета Гусейнова и Рагима Газиева похоронили в Карабахе свою политическую и военную карьеру.

Карабахские армяне торжествовали победу после подписания договора о прекращении огня в мае 1994 г., однако победа позволила военачальникам Армении контролировать мирную жизнь. Самой влиятельной в Армении стала организация ветеранов войны «Еркрапа» во главе с Вазгеном Саркисяном. А в Карабахе люди продолжали зависеть от прихотей военных лидеров.

Послевоенный армянский Карабах столкнулся с фундаментальной проблемой: какое будущее ожидает экономически изолированное и не признанное мировым сообществом маленькое государство в состоянии нерешенного спора с Азербайджаном? Какова будет цена длительного мира? Моя первая и единственная встреча с Бабаяном спустя несколько недель после того, как его сместили с должности командующего армией, и за несколько недель до ареста показала, что он начинает задумываться над этими вопросами. Внешне командующий скорее походил на Марселя Пруста, чем на грозного военачальника: невысокий, подвижный, опрятно одетый, с блестящими черными усами. Вместе с тем меня удивило его разительное сходство (такой же рост, такой же тихий голос и возраст, и даже имя почти такое же) с другим знаменитым кавказским боевиком – чеченским полевым командиром Шамилем Басаевым. Как и у Басаева, тяжелый взгляд черных глаз выдавал в Бабаяне разрушителя человеческих судеб.

Он на одном дыхании говорил о войне и мире. Уверял, что, по его выражению, «четвертый раунд» войны может окончательно поставить Азербайджан на колени: «Если состоится четвертый раунд, он и станет решающим, и тогда нам не будет необходимости останавливать военные действия и садиться за стол переговоров. Если же мы снова остановимся, как это сделали в 1994 г., тогда мы снова забудем о существовании этой проблемы»[3].

[2] Интервью с С. Мелконян, 7 мая 2000.

[3] Интервью с С. Бабаяном, 27 февр. 2000.

Однако он также хотел заключить договор с Азербайджаном. Возможно, именно потому, что в течение нескольких лет Бабаян отвечал за слабую и изолированную экономику Нагорного Карабаха, он понимал, что экономическое развитие региона возможно только на пути торговли с восточным соседом: «Мы очень заинтересованы в азербайджанском рынке». Он добавил, что как человек, который отвоевал у противника территорию на полях сражений, мог бы первым отказаться от этих завоеваний за столом переговоров. Потом Бабаян неожиданно, но явно с желанием увидеть мою реакцию бросил сенсационную фразу: «Ильхам Алиев хочет встретиться со мной в Париже. Я пока еще не сказал "да"». Речь шла о сыне и наследнике президента Азербайджана.

Бабаян так и не смог встретиться с Ильхамом Алиевым – если, конечно, предложение о такой встрече было реальностью, а не фантазией. Три недели спустя Бабаяна арестовали, а в феврале 2001 г. приговорили к 14 годам тюрьмы за организацию покушения на Гукасяна.

«Этот миф [о Бабаяне] мы поддерживали для внешнего мира. К сожалению, он не сработал», – заявил Аркадий Гукасян, избранный «президент» Нагорного Карабаха, полулежа на диване в своей резиденции. Спустя более полугода после покушения он все еще хромал, и нога у него оставалась забинтованной. Бывший журналист внешне больше напоминал управляющего банком – круглая лысеющая голова, аккуратные усики, веселое лицо. Он пришел к власти в Нагорном Карабахе в результате выборов в 1997 г., после того как Роберт Кочарян, назначенный премьер-министром Армении, переехал в Ереван. Мне было интересно услышать от него, для чего он поощрял культ героя войны Самвела Бабаяна, впоследствии превратившегося в его личного врага. «Многие люди виноваты, что он стал тем, кем стал», – признался Гукасян[4].

Быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа. Ни одна страна – даже Армения – не признала независимость Нагорного Карабаха. Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. Организация Объединенных Наций не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь.

Руководители Карабаха настаивают, что государственность определяется историей, а не международными резолюциями. Холеный

[4] Интервью с А. Гукасяном, 10 окт. 2000. Бабаян был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья в 2004 г. и занялся политикой в Ереване.

премьер-министр непризнанного государства Анушаван Даниэлян, приехавший в Карабах из Крыма – другой полунезависимой постсоветской области, – задавался вопросом, когда начинается и кончается история. «Разве есть что-либо в международном праве, говорящее, что события семидесятилетней давности – это не история, а десятилетней давности – история?» – риторически спрашивал он[5]. Иными словами, почему статус Нагорного Карабаха в составе Азербайджана до 1988 г. более юридически состоятелен, чем его статус в последние 10 лет? По словам Гукасяна, судебный процесс по делу Бабаяна стал своего рода «экзаменом», который должен был показать, как «в Карабахе развивается новое общество». Нагорный Карабах, утверждал он, превращается в государство независимо от того, что думает внешний мир.

Не признанная внешним миром Нагорно-Карабахская Республика наслаждается если не содержанием, то, по крайней мере, формой государственности. На фасаде президентской резиденции на бывшей площади Ленина вычеканен огромный герб, а на флагштоке реет флаг Нагорного Карабаха – армянский красно-сине-оранжевый триколор, где с правой стороны изображено подобие лестницы с зигзагообразными ступеньками. На столах у членов правительства теперь стоят чернильницы с символикой Нагорного Карабаха. В блокнотах на каждом листе вытиснена надпись: «Нагорно-Карабахская Республика». И каждый год 2 сентября с помпой отмечается «День независимости».

Подобная риторика самопровозглашения ставит Нагорный Карабах в ряд с другими четырьмя непризнанными мини-государствами на территории бывшего Советского Союза. Это странный клуб из пяти претендующих на государственность образований, возникших из бывших автономных областей Советского Союза, которые в 1991 г. отказались принять условия, предложенные им при разъединении страны на пятнадцать государств – бывших республик СССР. Все пять несостоявшихся государств фактически отделились от своих «родителей» и потом скатились в хаос анархии или войны. В 2000 г. ни одно из них не было удовлетворено своим положением. В Чечне вспыхнула вторая война с Москвой. Абхазия и Южная Осетия политически отделились от Грузии, но жили крайне бедно и находились в изоляции, как и Приднестровье – область, отколовшаяся от Молдовы[6].

[5] Интервью с А. Даниэляном, 16 мая 2000.

[6] Интересное рассмотрение проблем непризнанных государств см.: Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: USIP Press Books, 2004.

Среди пяти отколовшихся областей Нагорный Карабах оказался в наименее бедственном положении, в основном потому, что объявленная им независимость была, собственно, дымовой завесой. На бытовом уровне Карабах стал провинцией Армении. Карабахские армяне получили право использовать армянские паспорта, в качестве местной валюты ходил армянский драм. Бюджет Карабаха поддерживался безвозмездными кредитами, предоставляемыми Министерством финансов Армении. Это был один из элементов чрезвычайного положения.

На международном уровне, однако, Нагорный Карабах, как и Чечня, оставался изгоем. Ни один из принятых им законов и ни одна организация не признавались за пределами его границ, и на его территорию не ступала нога иностранного дипломата, за исключением тех случаев, когда официальные лица прибывали сюда с миротворческой миссией. Фактически подобное положение вещей стало стимулом для превращения Карабаха в неконтролируемую страну. Ходили слухи – в них легко поверить, но трудно проверить, – что Карабах активно пользовался своей репутацией международной «черной дыры». Военные атташе допускали, что, возможно, именно там складировались излишки российского вооружения, превышавшие квоты, предусмотренные соглашением об обычных вооружениях в Европе. Азербайджанцы утверждали, что Карабах стал перевалочным пунктом для контрабанды наркотиков. Когда лидер курдских сепаратистов Абдулла Оджалан пустился в бега, поговаривали, будто он направился в Карабах. Эти слухи не подтвердились, но предположение, что Нагорный Карабах – единственное место на земле, где он мог найти убежище от международного правосудия, вполне логично.

Чья в этом вина? Конечно, карабахцев и азербайджанцев, демонизирующих карабахских армян. Но, возможно, и наша тоже. Международная изоляция лишь способствует формированию осадного менталитета и оставляет поле для деятельности тем (особенно в армянской диаспоре), кто хотел бы вложить деньги скорее в миф о Нагорном Карабахе, чем в его реальность.

«Извини, что я это говорю, Том, – сказал Валерий. – Но мне кажется, что мы дураки и азербайджанцы тоже дураки».

Валерий возил меня по Карабаху на своем такси – кофейного цвета «Жигулях». Веселый и невозмутимый, он ехал так медленно, убаюкивая, что у нас нашлось достаточно времени, чтобы насладиться красотой окрестных лесов и поговорить на многие темы. Валерий когда-то работал в Баку, у него были друзья-азербайджанцы и остались самые теплые воспоминания о жизни в советские времена. Мы

часто в шутку повторяли, что вот если бы сейчас поехать прямиком через линию фронта, то уже через четыре часа можно добраться до Баку и провести приятный вечер на берегу Каспийского моря. Он держал в машине любимую кассету с азербайджанской музыкой, но пленка оказалась такой старой и заезженной, что вместо пения слышался сдавленный стон.

Валерий не хотел, чтобы Нагорный Карабах снова стал частью Азербайджана, однако он с удовольствием повернул бы стрелки часов назад и вернулся во времена Советского Союза, когда все жили в одном большом государстве и прекрасно ладили друг с другом. Лично он считал, что сложившаяся сейчас ситуация крайне запутана и найти выход из нее – задача не по силам маленьким людям вроде него. Мы вместе с двумя моими друзьями-армянами ехали в город Мардакерт на встречу с человеком, который был на тридцать лет моложе Валерия, но, как и он, не испытывал к азербайджанцам вражды.

На посту у военной базы в Мардакерте к нам подошел Рубен, высокий худой новобранец лет девятнадцати. Он приехал из Еревана и проходил военную службу здесь, в Карабахе, на линии фронта. Тот факт, что призывники из Армении служат в Нагорном Карабахе, подчеркивал, насколько объединены обе территории. Мы угостили Рубена в кафе недалеко от базы. Мы привезли ему деньги и несколько писем от родных из Армении, а также блок сигарет, чтобы скрасить смертную скуку будней патрульной службы. Солдатам в то время платили одну-две тысячи драмов (примерно два-четыре доллара) в месяц, увольнительных не давали, и есть им тоже было почти нечего. Они использовали свое боевое оружие в основном для того, чтобы подстрелить змею или бродячую собаку, которых потом жарили и ели.

Рубен рассказал нам, что на линии фронта есть участок, где расстояние между окопами с обеих сторон границы всего 30–40 метров. Когда поблизости нет офицеров, армянские призывники общаются с азербайджанскими. Они стреляют в воздух и кричат: «Мулла!», или азербайджанцы кричат: «Вазген!» Потом, в точности как на Западном фронте под Рождество 1914 г., они встречаются посередине, на ничейной полосе. О чем они говорят? «Мы просто встречаемся, обмениваемся сигаретами и говорим друг другу: "Мы не враги, мы все одинаковые, мы друзья"». Валерий это одобрил.

Пока мы ждали Рубена, коренастая женщина в камуфляже с короткой стрижкой внимательно оглядела нас с ног до головы и сказала с акцентом жительницы тихоокеанского побережья США: «Хелло!»

Позднее мы зашли к Ани, единственной американке, жившей в Мардакерте. Ани тараторила без перерыва: было понятно, что она рада пообщаться с людьми, говорящими на английском. Она жила в одноэтажном домике с некрашеным деревянным полом и металлической кроватью в углу. Дом отапливался дровяной печкой, а воду приходилось носить из колодца. Она сказала, что даже и не помнит, сколько раз ее обворовывали.

Армянская диаспора проявляла огромный интерес к Нагорному Карабаху. Чем чаще проживающие за границей армяне слышали о коррупции и плохом руководстве в Армении, тем больше надежд они возлагали на Карабах. Они добились, чтобы конгресс США выделил Карабаху помощь в размере 20 млн долларов ежегодно. В области появились школы, больницы и водяные насосы, финансируемые армянами из Уотертауна или Бейрута. Асфальтовое шоссе из Армении в Карабах с дорожными знаками, ограждениями и разметкой – лучшая трасса на Кавказе; она обошлась в 10 млн долларов, которые выделил фонд «Айастан», созданный армянской диаспорой. Гуманитарную помощь и пропагандистскую поддержку Карабаху оказывали также организация «Крисчен солидарити уолдуайд» и ее президент, английская баронесса Кэролайн Кокс.

Все эти друзья Карабаха работали, стараясь вытащить людей из нищеты, помогая детям и ухаживая за больными. Но их представление о Нагорном Карабахе как об осажденном врагами оплоте христиан трудно принять. Ведь, в конце концов, они поддерживали карабахцев, занимавших жесткую позицию в споре с Азербайджаном, не задумываясь о возможных последствиях. Возможно, они увидели в Карабахе место, где можно начать историю заново, с нулевого года, в «свободной от турок зоне». Валерий со своими записями азербайджанской музыки и бакинскими друзьями не вписывался в такую картину мира. Как и Рубен, обменивающийся сигаретами с азербайджанскими солдатами на линии фронта.

А также, как оказалось, и многие соседи Ани в Мардакерте. К чести Ани, надо сказать, что она – одна из, наверное, полудюжины американских армян, которым хватило смелости, следуя своим убеждениям, приехать жить в Карабах. Реальная жизнь превратила ее в армянского Дон-Кихота. Она пытается перенести на идеализированную почву свои представления об армянской солидарности – лишь для того, чтобы они разбились вдребезги, столкнувшись с реальностью постсоветской армянской провинции.

Мы спросили у Ани, зачем она отправилась в Карабах. «Я увидела во всем этом продолжение геноцида», – ответила она. Ани добровольцем приехала в Мардакерт восемь лет назад по приглашению

Монте Мелконяна, с которым училась вместе в университете Беркли. «Никогда не видела войны, никогда не видела похорон, никогда не видела покойников», – тараторила Ани. Она гордо показала нам свой крестик, выплавленный из двух пуль, – подарок семьи ее погибшего товарища: «Одна моя подруга, увидев этот крестик, очень рассердилась и велела снять, но я ей сказала: "Бог тоже сражается за свободу"».

Домик Ани представлял собой своеобразную выставку фотографий, запечатлевших ее борьбу за решение «армянского вопроса». Вот демонстрации – она участвовала в их проведении, чтобы добиться признания геноцида армян. А вот она объезжает деревушки в Кении со своей передвижной выставкой, посвященной геноциду. Она даже пыталась – безуспешно – убедить армян наладить контакты с американскими индейцами и другими угнетенными народами: «Я выступала в Нью-Йорке 24 апреля [в День геноцида] и сказала, что нам нужно пригласить на нашу церемонию американских индейцев. Ведь они, как и армяне, потеряли земли своих предков». Ани была феминисткой и единственной женщиной в Мардакерте, водившей машину. Она пыталась обучать девочек рисованию и фотографии, но многие родители запрещали своим дочерям посещать ее занятия. Она испортила отношения со всеми – полицией, священником, местными властями. Она ввязалась в долгую тяжбу с командованием военной базы. После того как ее уволили из армии, она осталась работать в гарнизоне как частное лицо и подала в суд на одного из командиров за сексуальные домогательства. По словам Ани, есть множество проблем с изнасилованиями и попытками изнасилования. Другой ее заботой стала борьба с расхищением гуманитарной помощи. Большая ее часть, поступающая от армянской диаспоры, разворовывалась или доставалась семьям тех, кто занимался распределением. «Я помогаю раздавать гуманитарную помощь из рук в руки, – говорила Ани, – американцы присылают вещи и обувь прямо мне – ведь они знают, что здесь у меня нет родственников».

Я думал: как долго сумеет Ани продержаться в Мардакерте, пытаясь воплотить свою мечту о Нагорном Карабахе, который упрямо не желает следовать ее правилам и продолжает жить по своим? Мне показалось, что она, пожалуй, рано или поздно сдастся и вернется домой в Америку. «Если ты им не нравишься, то, считай, ты не на их стороне, они закрывают перед тобой двери и хотят от тебя избавиться, – устало сказала она. – Я могу прожить здесь всю жизнь и все равно буду для них чужой».

Этот странный край, одновременно привлекательный и неприветливый, сам творит свое странное будущее.

Глава 17
1994–2001
Ни войны, ни мира

СТАБИЛЬНОСТЬ АЛИЕВА

В мае 1994 г. отношения между Арменией и Азербайджаном перешли в стадию замороженного конфликта: массовое насилие прекратилось, но политические разногласия оставались нерешенными. В течение последующих нескольких лет Армения переживала политический кризис. Отвыкший от мирного развития Азербайджан был обречен на удушающий порядок, установленный Гейдаром Алиевым.

Президент Алиев воспользовался окончанием войны для того, чтобы взять под свой контроль Азербайджан. Он постепенно избавился от реальных и потенциальных противников, начав с чистки в армии. В августе 1994 г. группу армейских командиров, в том числе бывшего министра обороны Рагима Газиева и лидера Народного фронта Арифа Пашаева, отдали под суд за то, что два года назад они сдали Шушу армянам.

В октябре 1994 г. президент был в Нью-Йорке, когда узнал об убийстве вице-спикера парламента Афиятдина Джалилова и о мятеже подразделений Отряда полиции особого назначения – ОПОНа (ранее – ОМОН). Президент спешно вернулся в Баку, где с театральной неожиданностью обвинил премьер-министра Сурета Гусейнова в попытке государственного переворота с целью захвата власти. Гусейнов скрылся в Россию вслед за Газиевым, который загадочным образом бежал из тюремного заключения. В Москве оба политических деятеля обнаружили свои симпатии, выразив поддержку бывшему президенту Муталибову. Позднее обоих депортировали в Азербайджан, где приговорили к длительным срокам тюремного заключения.

Расправившись с пророссийской оппозицией, Алиев переключил свое внимание на другого противника. В марте 1995 г. командир

ОПОНа Ровшан Джавадов, оправданный по делу о предыдущей попытке государственного переворота, захватил одну из казарм в Баку и отказался сдать оружие. Для подавления мятежа Алиев послал против оппозиционеров войска. Десятки людей были убиты, включая и самого Джавадова, умершего от потери крови по дороге в больницу. Истинные организаторы этого мятежа так и остались неизвестны, однако, вероятно, среди его теневых вдохновителей были действовавшие на свой страх и риск элементы из турецких органов безопасности, а также члены националистического движения «Бозкурт» – «Серые волки». В число арестованных и посаженных в тюрьму мятежников вошел местный лидер «Серых волков» и бывший министр внутренних дел Искендер Гамидов.

К этому моменту Алиев уже получил бесценную козырную карту, необходимую ему для стабилизации страны, – разработку азербайджанских нефтяных месторождений. В 1994 г. некоторые эксперты стали предсказывать новый нефтяной бум в Баку. Правда, часть из ранее сделанных прогнозов, например, что Каспийское море может стать новым Персидским заливом, оказалась чересчур оптимистичной, но более сдержанные оценки говорили, что Каспий может стать, по меньшей мере, вторым Северным морем и со временем давать 5 % мировой добычи нефти.

В 1993 г., незадолго до свержения, тогдашний президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей вел переговоры с западными компаниями по поводу совместной разработки каспийских нефтяных месторождений. Переговоры продолжались при Алиеве, однако их прогрессу препятствовала коррумпированность азербайджанских чиновников (ходили слухи, что некое официальное лицо попросило у британской нефтяной компании «Бритиш петролеум» 360 млн долларов в качестве аванса за подпись под контрактом). Осенью 1994 г. правительство, в конце концов, подписало контракт на разработку трех нефтяных месторождений с консорциумом компаний, которые объединились в «Азербайджанскую международную операционную компанию» – АМОК (AIOC). Сделка оценивалась в 8 млрд долларов и была названа «контрактом века».

Президент Азербайджана стремился создать широкую международную коалицию для поддержки своих новых нефтяных проектов. Первоначально центральное место в его планах занимала Россия. Он предполагал, что нефть будет переправляться по российским нефтепроводам, поэтому российская компания «Лукойл» получила 10 % акций в консорциуме АМОК. Однако львиная доля консорциума принадлежала западным компаниям, в основном «Бритиш петролеум» и «Амоко», которые начали менять политическую программу

Алиева. Под давлением США Алиев был вынужден отозвать предложение Ирану 5%-ного пакета акций АМОК.

Создание АМОК увенчалось успехом. Возможно, важнейшее событие за все президентство Алиева произошло в ноябре 1997 г., когда в присутствии высоких гостей со всего мира «ранняя нефть» из азербайджанского месторождения «Чираг» пошла в черноморский порт Супса в Грузии. Торжественный пуск месторождения в эксплуатацию, а также тот факт, что нефть пошла через Грузию, а не Россию, ознаменовали разворот Алиева на Запад. Тремя месяцами ранее он нанес весьма успешный визит в Вашингтон. В американской столице ветерана брежневской эры встречали бывшие «генералы» «холодной войны» Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер. Была определена и новая цель, цементирующая теплые отношения с Западом, – прокладка нефтепровода для экспортных поставок бакинской нефти в турецкий порт Джейхан на Средиземном море. С 1997 г. правительство США стало оказывать проекту нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан мощную политическую поддержку, несмотря на сомнения ряда нефтяных компаний в его коммерческой обоснованности. Проект «Баку–Тбилиси–Джейхан» символизировал стремление Вашингтона привязать Азербайджан и Грузию к Западу через Турцию и проводить политику сдерживания в отношении России и Ирана. Таким образом, этот проект по-новому поляризовал Армению и Азербайджан, втянув Азербайджан в орбиту Вашингтона и подтолкнув Армению к альянсу с Россией и Ираном.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО КОНКУРЕНТОВ

Хотя обе стороны соблюдали заключенное в мае 1994 г. соглашение о прекращении огня в Нагорном Карабахе, в зону конфликта не были введены международные силы по поддержанию мира, и не было подписано никакого политического соглашения. Самое большее, чего удалось добиться посредникам, – новое соглашение о соблюдении перемирия в течение неопределенного срока, подписанное 26 июля военными лидерами Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха – причем все три подписи впервые стояли на одном и том же листе бумаги.

Обе стороны постепенно укрепляли свои оборонительные рубежи на границе, превращая так называемую линию соприкосновение сторон в одну из самых укрепленных в мире. На всей границе за пределами Нагорного Карабаха между командирами противостоящих частей не было даже телефонной связи, в основном потому, что азербайджанцы опасались, как бы контакты между сторонами даже на таком

уровне не выглядели признанием легитимности сил, оккупирующих их земли. Ежегодно погибало несколько десятков солдат с обеих сторон – впрочем, от мин и в результате несчастных случаев примерно столько же, сколько от вражеского огня. Цифры потерь, как правило, росли и снижались в зависимости от состояния переговорного процесса. В 2000 г. министр обороны Армении Серж Саргсян сообщил, что от снайперского огня погибло всего 8 солдат, что существенно меньше по сравнению с 1998 г., когда были убиты 33 человека. Противоположная сторона, несомненно, располагала приблизительно такими же данными о собственных потерях[1].

Через шесть лет после подписания соглашения о перемирии министр иностранных дел Армении Вартан Осканян, один из ветеранов переговорного процесса, сожалел об упущенных в 1994 г. возможностях: «Мы не воспользовались нашим преимуществом. И поскольку мы им не сумели воспользоваться, сложившаяся на тот момент обстановка с течением времени стала восприниматься как незыблемая. Было бы легче вернуть захваченные территории через два месяца после подписания соглашения о прекращении огня, чем сейчас. Конечно, для Азербайджана было бы намного легче снять блокаду сразу после прекращения огня, чем сейчас. То же можно сказать и в отношении всего другого»[2].

Главным фактором, отрицательно сказывавшимся на процессе переговоров, были опасения Азербайджана по поводу намерений основного посредника, России. После заключения соглашения о прекращении огня Азербайджан отклонил предложение Грачева о введении в страну российских миротворческих сил. Западные дипломаты – члены Минской группы (ни одного из которых не пригласили на организованную Грачевым в мае 1994 г. встречу в Москве) при поддержке Азербайджана требовали, чтобы силы по поддержанию мира были многонациональными. Проблема заключалась в том, что СБСЕ не располагало механизмами для создания таких сил. Кроме того, страны Запада больше занимала боснийская проблема, и они не проявляли готовности согласиться на отправку войск для обеспечения безопасности в более отдаленную конфликтную зону.

В результате в 1994 г. отношения между Россией и Западом в лице Минской группы испортились еще сильнее. Русские обвиняли Минскую группу в стремлении саботировать единственно реальную на тот момент мирную инициативу, а представители Запада обвиняли русских в попытках блокировать выработку альтернативного мирного плана, имеющего широкую международную поддержку.

Стороны работали друг против друга. Российский посредник на переговорах Владимир Казимиров говорил, что перед заключением соглашения о прекращении огня шведы дважды назначали заседания Минской группы в Париже и Праге именно на те дни, когда в Москве должны были состояться встречи представителей СНГ, на которых россияне планировали проводить мирные переговоры. Он видел в этом прямую попытку подорвать посредническую деятельность России. Разногласия обострялись. Посредники из Минской группы выражали недовольство тем, что русские назначили на 8 сентября переговоры в Москве, не проинформировав их об этом. Русские, со своей стороны, возражали, что СБСЕ намеренно перенесло заседание Минской группы в Вене на 12 сентября, то есть на тот день, когда планировалось проведение переговоров в Москве. Россия не направила своего представителя на Венскую встречу[3]. Все эти склоки заставили президента Армении Левона Тер-Петросяна заявить: «Создается впечатление, что страны-посредники и международные организации заинтересованы не столько в урегулировании конфликта, сколько в выяснении не связанных с ним собственных счетов и взаимоотношений, то есть их интересует не прекращение войны, а возникающая вследствие этого новая ситуация в Закавказье»[4].

Обе стороны в условиях всех этих противоречий стремились к выработке компромиссного соглашения, которое могло быть одобрено на саммите СБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г. Планировалось выдать организации мандат на создание первого в ее истории контингента международных сил по поддержанию мира специально для Нагорного Карабаха, в котором бы участвовали, но не доминировали российские войска.

Азербайджан воспользовался этой возможностью. Перед Будапештской встречей русские пригласили в Москву президентов обеих стран. Азербайджанцы предварительно направили заместителя министра иностранных дел Тофика Зульфугарова с целью выяснить повестку дня переговоров. По словам Зульфугарова, он пришел к выводу, что русские пытаются сорвать заключение соглашения в Будапеште.

[1] Сообщение армянского информационного агентства «Снарк», 26 марта 2001.

[2] Интервью с В. Осканяном (на английском языке), 13 дек. 2000.

[3] Интервью с В. Казимировым, 1 дек. 2000; Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. New York; Washington; London; Brussels: Human Rights Watch, 1994. P. 84.

[4] Республика Армения, 1994, 23 сент. Перепечатано: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. V. С. 399.

Поэтому Алиев, сославшись на болезнь, не приехал в Москву, чем вынудил Тер-Петросяна также оставаться в стороне. Зульфугаров сказал: «Если бы они прилетели в Будапешт из [Москвы], решение о размещении международных сил не было бы выработано»[5].

На саммите в Будапеште 5–6 декабря 1994 г. СБСЕ изменило свое название и стало Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ. Не считая проблемы Нагорного Карабаха, отношения между Россией и Западом были хорошими, и западные лидеры подтвердили свою поддержку президенту Ельцину как раз в то время, когда он принимал роковое решение о вводе войск в Чечню. Что касается карабахского вопроса, то ОБСЕ признала особую роль России в конфликте и предложила ей вместе со Швецией стать сопредседателем Минской группы. Затем ОБСЕ выдала мандат на формирование новых сил по поддержанию мира. Контингент должен был насчитывать 3 тысячи человек, причем на каждую страну – участницу миротворческих сил не более 30 % общего личного состава, войска могли быть размещены только с санкции ООН и только после политического урегулирования конфликта[6].

На самом деле политическое урегулирование было менее достижимо, чем когда-либо. У сторон выявились фундаментальные разногласия по поводу нескольких ключевых проблем. Армяне были готовы в принципе обсуждать вопрос о возвращении Азербайджану шести районов, оккупированных за пределами Нагорного Карабаха, – Агдамского, Физулинского, Джебраильского, Кельбаджарского, Кубатлинского и Зангеланского – в случае, если будут удовлетворены их требования по другим вопросам. Однако они заявили, что не станут вести переговоров о возвращении Шуши, находящейся на территории Нагорного Карабаха, и Лачина, обеспечивающего наземный коридор между Нагорным Карабахом и Арменией. Азербайджан считал потерю обоих регионов неприемлемой. Кроме того, Баку по-прежнему отказывался вести прямые переговоры с карабахскими армянами.

Самым болезненным оставался вопрос о будущем статусе самого Нагорного Карабаха. Решить этот вопрос можно было, лишь примирив противоречащие друг другу требования, касающиеся территориальной целостности Азербайджана и стремления Карабаха к самоопределению (или, проще говоря, состоявшемуся де-факто отделению). В 1995 г. был установлен второй канал переговоров между

[5] Интервью с Т. Зульфугаровым, 9 нояб. 2000.

[6] Migdalovitz C. The Armenia-Azerbaijan Conflict: CRS Issue Brief for Congress, updated 3 December 1996.

специальными советниками президентов Армении и Азербайджана Жирайром Липаритяном и Вафой Гулузаде. Они стали неофициально встречаться каждый месяц для обсуждения, в частности, проблемы статуса и добились существенного прогресса.

В декабре 1996 г. ОБСЕ провела еще один саммит в Лиссабоне, который укрепил позицию Азербайджана. ОБСЕ приняла решение выработать три основополагающих принципа для урегулирования спора. Один из них подтверждал территориальную целостность Азербайджана, включая и Нагорный Карабах. Армения возразила, считая, что это предопределяет статус Нагорного Карабаха. В результате армяне оказались в изоляции и наложили вето на включение этих трех принципов в итоговое коммюнике саммита. После Лиссабонского саммита переговоры Гулузаде и Липаритяна прекратились.

КАРАБАХЦЫ БЕРУТ ВЛАСТЬ

После заключения в 1994 г. соглашения о прекращении огня Армения и самопровозглашенное государство Нагорный Карабах приступили к процессу объединения. Началось строительство новой 64-километровой дороги между городом Горис в Армении и Степанакертом: ее прокладывали вместо старой, ужасающее состояние которой и в советские времена делало сообщение между Нагорным Карабахом и Арменией почти невозможным. Прокладка новой трассы заняла пять лет и обошлась в 10 млн долларов, которые собрала армянская диаспора. Когда дорога – широкая, асфальтированная, с белой разметкой, дорожными знаками и заградительными барьерами – была сдана в эксплуатацию в 1999 г., она стала дерзким символом союза Армении и Карабаха. Армянская диаспора также помогла восстановить пострадавшую в войне инфраструктуру Карабаха и полуразрушенный Степанакерт. Отстроенные заново армянские города и села резко контрастировали с так называемыми карабахскими «зелеными селами», где когда-то жили азербайджанцы. Они так и остались разоренными и разрушенными.

Армяне расценивали военный успех Нагорного Карабаха как историческую победу. Это обеспечило Карабаху и его лидерам репутацию героев и большое влияние в Армении. В декабре 1994 г. карабахский парламент избрал главу Комитета обороны Роберта Кочаряна первым «президентом» Нагорного Карабаха. В ноябре 1996 г. состоялись выборы, на которых он был переизбран. В мае 1994 г. главнокомандующий карабахскими силами Самвел Бабаян получил звание генерал-майора армии Армении и начал расширять свое экономическое и политическое влияние за пределами Карабаха. Он участвовал в соз-

дании парламентского блока «Право и единение», который планировал принять участие в парламентских выборах 1999 г. в Армении. Говорят, как-то Бабаян пошутил, что, если бы ему не понравились действия армянского правительства, он повел бы на Ереван танки.

Армия стала в Армении самым влиятельным институтом. По официальным данным, на нужды армии уходило 8–9 % валового внутреннего продукта; по неофициальным сведениям, эта цифра была, вероятно, намного больше. Армия составила основу «карабахской партии», куда входили не только карабахцы. Главным лидером был харизматичный Вазген Саркисян, первый министр обороны Армении, выдающийся военачальник и новоиспеченный феодал. В 1993 г. он основал движение ветеранов войны «Еркрапа», которое завладело различными сферами экономики страны.

«Карабахская партия» была одним крылом армянской правящей элиты. Другое крыло представляло Армянское общенациональное движение (АОД) Левона Тер-Петросяна – партия, которая, став правящей, монополизировала политическую жизнь в стране. В 1994–1995 гг. Тер-Петросян подавил конкурирующую партию – единственную, также имевшую широкую народную поддержку, националистическую Дашнакцутюн. Он утверждал, что в ее состав входит тайная террористическая организация «Дро». Деятельность Дашнакцутюн была приостановлена, и запрет был снят только после отставки Тер-Петросяна в феврале 1998 г.

В сентябре 1996 г. Тер-Петросян выдвинул свою кандидатуру на второй президентский срок. Но его общественная поддержка шла на убыль. Десятки тысяч профессионалов эмигрировали, страна погрязла в нищете. Общество разочаровалось в правящей элите. Бывший соратник Тер-Петросяна Вазген Манукян, ставший теперь непримиримым политическим соперником, использовал общественные настроения в собственных политических целях. Его позиции усилились после того, как три кандидата отказались от участия в выборах в его пользу. Выступая на митингах, Манукян затмевал Тер-Петросяна, который на его фоне не производил впечатления.

22 сентября, в день выборов, большинство международных наблюдателей пришло к выводу, что Тер-Петросян не победил в первом туре выборов. Однако Центральная избирательная комиссия Армении объявила его победителем с 52 % голосов. Сторонники Манукяна вышли на улицы в знак протеста против результатов голосования, толпа штурмом взяла здание парламента, избив спикера и вице-спикера. Тер-Петросян вывел на улицы Еревана танки и арестовал ряд оппозиционеров. Наблюдатели объявили, что на выборах были допущены серьезные нарушения – другими словами, что переизбрание Тер-Петросяна незаконно.

Сомнительная победа Тер-Петросяна на выборах запятнала его репутацию и сделала его должником руководителей силовых структур, которые помогли ему победить Вазгена Манукяна. В самый разгар кризиса министр обороны Вазген Саркисян обронил ставшую позднее знаменитой фразу: «Даже если они [оппозиция] наберут 100 % голосов, ни армия, ни Национальная служба безопасности, ни Министерство внутренних дел не признают таких политических руководителей»[7].

Президент попытался укрепить свой авторитет, назначив на должность премьер-министра Армена Саркисяна, посла Армении в Лондоне, политического деятеля с репутацией честного человека. Однако в марте 1998 г. Саркисян заболел и был вынужден уйти с этого поста. Выбирая возможных преемников Саркисяна, Тер-Петросян остановился на кандидатуре другого политического деятеля – Роберта Кочаряна. Вот комментарий Тер-Петросяна: «Я думал, что здесь, на посту премьер-министра Армении, Роберт поймет Армению, поймет, что представляет собой Карабах с точки зрения Армении»[8]. Другими словами, если бы Кочарян стал руководить всей экономикой Армении, он смог бы получить непосредственное представление о том, как страдает страна от нерешенного карабахского вопроса.

ПАДЕНИЕ ТЕР-ПЕТРОСЯНА

В 1997 г. посредники из Минской группы действовали уже более скоординированно и готовились к новой попытке разрешить карабахский спор. На Лиссабонском саммите в декабре 1996 г. Франция была избрана сопредседателем Минской группы наряду с Россией. Азербайджан протестовал против этого решения на том основании, что Франция с ее большой армянской общиной настроена проармянски. В феврале 1997 г. был достигнут компромисс: Соединенные Штаты стали третьим, наряду с Россией и Францией, сопредседателем Минской группы.

Присутствие трех политических тяжеловесов в Минской группе дало новый импульс мирным переговорам, и в мае 1997 г. сопредседатели предложили новый широкий план урегулирования. У карабахских армян имелись оговорки, но руководители Армении и Азербайджана встретили его благосклонно. Выступая в Вашингтоне,

[7] Существует много версий этой фразы. Та, что приведена здесь, взята из годового отчета Международной хельсинкской федерации по правам человека за 1997 г. и представляется одной из наиболее достоверных.

[8] Интервью с Л. Тер-Петросяном, 24 мая 2000.

президент Алиев сделал важную уступку, публично заявив, что Азербайджан не должен ждать немедленного возвращения Лачина и Шуши. В сентябре 1997 г. посредники Минской группы представили для обсуждения видоизмененный, поэтапный вариант своего плана, в котором решение вопросов безопасности Нагорного Карабаха включалось в первую фазу. Устанавливалось, что после ухода армян с оккупированных территорий и демилитаризации Карабаха стороны согласятся продолжить переговоры, с тем чтобы «наиболее быстро прийти к решению по поводу урегулирования всех аспектов конфликта, включая и политический аспект, куда входят вопрос об определении статуса Нагорного Карабаха и разрешение проблемы Лачина, Шуши и Шаумяна»[9].

Тер-Петросян отнесся к этому мирному плану с энтузиазмом. Он говорил, что чуть раньше армянское министерство транспорта и Всемирный банк предоставили ему удручающие данные о том, как экономика Армении справляется с азербайджанской и турецкой «блокадой». Он пришел к выводу, что расходы на транспортные перевозки чрезмерно высоки и продолжительный устойчивый рост армянской экономики невозможен. Он также сомневался в способности армянской диаспоры спасти экономику страны – и эта точка зрения привела его к конфликту с премьер-министром и министром обороны. Тер-Петросян рассказывал: «Мы ежегодно получали от диаспоры 10 миллионов долларов. Вот и все. Роберт [Кочарян] и Вазген Саркисян говорили, что, если бы мы хорошо работали, мы могли бы получать 450 миллионов долларов в год. Я показал им, что это невозможно. Проанализировав все это, я сделал вывод, что, если мы не решим карабахский вопрос, это будет плохо как для Армении, так и для Карабаха. Время работало против нас».

26 сентября 1997 г. Тер-Петросян на первой за пять лет большой пресс-конференции изложил доводы в пользу компромиссного решения проблемы Нагорного Карабаха. Он сказал, что мировое сообщество никогда не признает независимость Карабаха или его объединение с Арменией, но и существующая ситуация также недопустима. «Я не считаю реальным поддержание статус-кво, – заявил он. – Я признаю, что мы могли бы настаивать на отсрочке в шесть месяцев или год, но тогда чаша терпения международной общественности переполнится». Президент привел в качестве примера боснийских сербов, которые после еще более длительной отсрочки вынуждены были

[9] Подробности двух мирных планов взяты из материалов, просочившихся в 2001 г. в азербайджанскую прессу. См.: OSCE Karabakh Peace Proposals Leaked // RFE/RL Caucasus Report. 2001. Vol. 4. No. 8.

довольствоваться меньшим по условиям Дейтонского соглашения. Единственный выход, заключил он, согласие на поэтапное решение спора, при котором не будут ущемлены основные интересы карабахских армян[10].

Замечания Тер-Петросяна вызвали бурю обвинений в том, что он предает Карабах. 1 ноября президент ответил на эти обвинения в газетной статье «Война или мир? Время призадуматься». В спокойной и саркастической манере он по пунктам опровергал своих критиков. Тер-Петросян писал, что в Армении и в Нагорном Карабахе только шесть человек понимают всю сложность вопроса, и обвинял своих оппонентов в том, что они находятся во власти мифов.

Следовало ожидать вспышки волнений в Армении. Что самое неприятное для Тер-Петросяна, возмущены были также и армянские власти Карабаха. 6 ноября «Министерство иностранных дел» Нагорного Карабаха выступило с беспрецедентным заявлением, в котором оспаривался ряд доводов Тер-Петросяна. Аркадий Гукасян, которого недавно избрали «президентом» Карабаха вместо Кочаряна, в интервью 7 октября высказал свое несогласие с точкой зрения Тер-Петросяна. Он отверг последние предложения Минской группы и сказал, что, «как бы плохо ни жили люди, есть святые вещи, есть принципы, от которых они не откажутся ни при каких обстоятельствах». Гукасян также предупредил Тер-Петросяна: «Было сказано, что Армения согласится на любое решение, принятое Нагорным Карабахом. В этом смысле наши разногласия [с Ереваном] вызывают беспокойство, и это плохо. Однако если эти разногласия обострятся, то я думаю, Армения должна сдержать свое слово и оставить решение за Карабахом. Мы сами должны принять решение, какое сочтем необходимым»[11].

Спор достиг апогея в новом 1998 г. 7–8 января Гукасян посетил заседание Совета безопасности Армении, на котором Кочарян, а также министры внутренних дел Серж Саргсян и обороны Вазген Саркисян высказались против плана Минской группы. Правящая партия начала распадаться. Министру иностранных дел пришлось подать в отставку. Столкнувшись с возможностью «дворцового переворота», который готовы были совершить его ближайшие сподвижники, Тер-Петросян решил покориться неизбежности и 3 февраля 1998 г. объявил о своей отставке.

[10] Из русского перевода пресс-конференции Тер-Петросяна, см.: Республика Армения. 1997. 30 сент.

[11] Интервью с А. Гукасяном. 7 окт. 1997.

Тер-Петросян стал третьим президентом, вслед за Аязом Муталибовым и Абульфазом Эльчибеем в Азербайджане, лишившимся своего поста – исключительно или частично – из-за карабахского конфликта. В случае Тер-Петросяна легитимность его президентства была подорвана фальсификацией результатов выборов 1996 г. Он, казалось, самоустранился и в результате утратил авторитет, необходимый для мобилизации общественного мнения в пользу мирного плана. Но самое главное – Тер-Петросян недооценил влияние в своей администрации «карабахской партии», возглавляемой теперь Робертом Кочаряном, человеком, которого он сам же и привел в Ереван. Между президентом, представителем ереванской интеллигенции, строившим свою политическую карьеру на идеях независимости и экономического процветания Армении, и теми, кто сражался в войне за Нагорный Карабах, разверзлась пропасть. Серж Саргсян объяснял точку зрения оппозиционеров в резкой форме: «Что, нам не надоела эта война? Что, мы не хотели развивать мирную жизнь?.. Но мы не могли идти на такую уступку. Я понимаю, что всем этим руководил Левон, понимаю, что он был президентом. Но мы же непосредственно этих ребят вели в бой, понимаете?.. Я почти всех друзей потерял, почти всех. Я потерял 18-летнего племянника, который вместе с отцом пришел мне помочь»[12].

ХОЛОДНЫЙ МИР

В 1998 г., после отставки Тер-Петросяна, в отношениях между Арменией и Азербайджаном наступила новая фаза – «холодного мира». Отсутствие диалога между странами отражало растущую поляризацию отношений между Россией и Западом. Альянс Армении и России оставался прочным, а Азербайджан укреплял свои связи с Соединенными Штатами и подписал договор о военном сотрудничестве с Турцией. Российские войска оставались в Армении, и казалось, что противоборствующие стороны не очень-то стремятся к мирному урегулированию карабахского конфликта. В 1995 г. Армения согласилась сохранить российскую военную базу в Гюмри еще на 25 лет. Вслед за этим, в 1997 г., между двумя странами было заключено всестороннее соглашение «О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи».

Однако позиция России тоже менялась, и российские военные уже не обладали монополией на проведение политики на Кавказе.

[12] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000.

Летом 1996 г. Ельцин начал свой хаотичный второй президентский срок с увольнения министра обороны Павла Грачева, занимавшего этот пост продолжительное время, тем самым положив конец карьере лидера российских сторонников интервенции на Кавказе. Месяц спустя новый министр иностранных дел России Евгений Примаков снял Владимира Казимирова с поста официального представителя Москвы в Карабахе и отправил его послом в Коста-Рику. Примаков значительно больше интересовался Кавказом, чем его предшественник Андрей Козырев. Он, очевидно, надеялся победить прозападные настроения в регионе, но хотел сделать это скорее дипломатическими, нежели военными методами. Третья группа российских игроков, нефтяные компании, включая «Лукойл», вынашивала планы получения как можно большей доли в проектах добычи азербайджанской нефти в Каспийском море.

Избрание Роберта Кочаряна президентом Армении 30 марта 1998 г. закрепило приход к власти в стране «карабахской партии». Его победа на выборах далась труднее, чем ожидалось. Он лишь с небольшим преимуществом победил своего, неожиданно оказавшегося сильным, соперника – бывшего первого секретаря ЦК Коммунистической партии Армении Карена Демирчяна. После своей отставки в 1988 г. Демирчян десять лет держался в тени, пока не решил баллотироваться на пост президента. Армяне с теплотой вспоминали 1970-е гг., когда он занимал высший партийный пост. Во время предвыборной кампании бывший партийный лидер республики обнаружил достойный Рональда Рейгана талант говорить мало, но с большим обаянием. Показательно и то, что он редко упоминал Нагорный Карабах, делая акцент на внутренних проблемах страны. Несмотря на это, очевидные преимущества Кочаряна (он был действующим главой государства, продолжал пользоваться популярностью, его поддерживали государственные средства массовой информации, кроме того, на избирательных участках, как утверждалось, были случаи подтасовок в его пользу) обеспечили ему победу.

Кочарян был избран при поддержке националистической партии дашнаков, запрет на деятельность которой он снял. Ее влияние ощущалось в новом жестком тоне обсуждений карабахской проблемы. В июне 1998 г. новый министр иностранных дел Вартан Осканян обвинил Азербайджан в непримиримости и заявил, что, если в ближайшие несколько лет ничего не изменится, Армения предпримет меры для аннексии Нагорного Карабаха. Но, столкнувшись с резким осуждением своей позиции на Западе, Осканян был вынужден пойти на попятную и заявить, что его не так поняли.

В Азербайджане Алиев теперь добился полной (его оппоненты сказали бы – мертвящей) стабильности. Он чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы допустить возвращение в Баку в конце 1997 г. низложенного президента Абульфаза Эльчибея, до этого пребывавшего во внутреннем изгнании в Нахичевани. Но Эльчибею так и не удалось объединить вокруг себя оппозицию. Он умер от рака в августе 2000 г.

В октябре 1998 г. Алиев был переизбран с большим преимуществом и предсказуемо победил ветерана националистического движения Этибара Мамедова. Второй президентский срок Алиева протекал спокойнее, чем первый, но постепенно его крепкая хватка слабела. Одной из причин этого являлась экономика. В 1999 г. прогнозов относительно второго нефтяного бума становилось все меньше. Цены на нефть падали, а результаты пробного бурения каспийского шельфа не давали повода для оптимизма. Некоторые иностранные компании и консорциумы покинули Азербайджан, ссылаясь на систематическую коррупцию. Если нефтяная промышленность и давала какую-то выгоду, то широкие слои населения этого не ощущали. В докладе Программы развития ООН говорилось, что «успехи страны в использовании экономического роста для общественного развития оказались весьма ограниченными» и что не связанные с нефтью отрасли промышленности переживают застой[13].

В январе 1999 г. семидесятипятилетний Алиев внезапно улетел в Анкару для проведения медицинского обследования и три месяца спустя в американском городе Кливленд, штат Огайо, перенес операцию по аортокоронарному шунтированию. Эта операция явилась напоминанием для всех, что нынешний президент смертен, как и другие люди, и что у него пока нет достойной смены. Один из кандидатов в его наследники Расул Гулиев в 1996 г. переехал в США и пополнил собой список врагов Алиева. Наиболее очевидный преемник президента, его сын Ильхам Алиев, был заместителем руководителя государственной нефтяной компании ГНКАР, однако ему не хватало основательности и политического опыта.

ВНОВЬ ПОСРЕДНИЧЕСТВО...

В апреле 1999 г. Алиев и Кочарян прибыли в Вашингтон на саммит, приуроченный к 50-летию НАТО. Вместе с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе они участвовали в неофициальной встрече с государственным секретарем США Мадлен Олбрайт в ее кабинете. Олбрайт оставила Кочаряна и Алиева наедине, чтобы они могли поговорить с глазу на глаз. Так, почти случайно, начался диалог нового типа. Оба политических деятеля фактически не видели друг друга со времени секретных переговоров в Москве в 1993 г. В ходе Вашингтонской встречи они нашли базу для взаимопонимания. Оба были жесткими лидерами-одиночками, которых больше устраивал формат конфиденциальных переговоров на высшем уровне. Как бывший комсомольский работник Степанакерта, Кочарян испытывал чуть ли не сыновнее уважение к Алиеву, который был старше его больше чем на тридцать лет. В последующие два года они встречались раз пятнадцать.

Тот факт, что Кочарян родом из Карабаха, облегчал проблему представительства Карабаха на переговорах: он фактически представлял интересы также и карабахских армян. Было понятно, что для Кочаряна высшую ценность представляет де-факто независимость Карабаха. Именно по этой причине оба политических лидера на одной из первых своих встреч обратились к так называемому плану Гобла. Он получил свое название в честь бывшего сотрудника госдепартамента США, эксперта по Кавказу Пола Гобла, составившего в 1992 г. меморандум, в котором он выдвинул идею решить карабахский вопрос путем обмена территориями. В сущности, план предусматривал, что в обмен на закрепление за Арменией «Лачинского коридора», связывающего ее с Нагорным Карабахом, Азербайджан мог бы получить проходящий через Мегринский район на юге Армении коридор, соединяющий его с Нахичеванью[14].

Основным достоинством этой идеи была ее простота. Кроме того, Алиев получал существенный приз, которым он мог, как флагом, размахивать перед азербайджанской общественностью, объявляя о других болезненных и непопулярных уступках. Тем временем не осталось незамеченным, что план, столь благоприятный и для Нахичевани, и для Карабаха, обсуждался двумя выходцами именно из этих регионов. Многие представители азербайджанской элиты отвергли предложенный в 1999 г. план, означавший сдачу Карабаха. В октябре 1999 г. три ближайших сподвижника Алиева подали в отставку, очевидно из-за разногласий по этому вопросу, и президент, таким образом, лишился своих самых опытных советников. Это были многолетний советник по внешней политике Вафа Гулузаде, руководитель

[13] UNDP in Azerbaijan. Country Review Report, 1999. P. 15–16, 17.

[14] См.: Goble P. How The «Goble Plan» Was Born // RFE/RL Caucasus Report. 2000. Vol. 3. No. 23.

президентской администрации Эльдар Намазов и министр иностранных дел Тофик Зульфугаров.

В Армении «план Гобла» вызвал еще большую полемику, поскольку для Армении потеря Мегри означала потерю южной границы с ее самым дружественным соседом Ираном. Для карабахца Кочаряна обвинение в том, что он продает земли Республики Армении ради обеспечения будущего Нагорного Карабаха, было бы болезненным. Вот почему ради надежды на претворение этого плана в жизнь Кочарян очень нуждался в поддержке министра обороны Вазгена Саркисяна, который летом 1999 г. стал самым влиятельным политиком Армении.

В мае 1999 г. Республиканская партия Вазгена Саркисяна, выросшая из движения «Еркрапа», одержала на парламентских выборах сокрушительную победу. Партия вступила в прочный альянс с Народной партией Карена Демирчяна, и они совместными усилиями оставили за бортом бывшую правящую партию АОД, не получившую ни единого места в парламенте. После выборов Кочарян назначил Саркисяна премьер-министром Армении, а Карен Демирчян стал председателем парламента.

Казалось, Саркисян, возглавивший «дворцовый переворот» с целью свержения Тер-Петросяна, за последующие несколько месяцев убедился в преимуществах мирного договора по Карабаху. Новый премьер-министр совершил поездку в США, во время которой ему сообщили о сокращении финансовой помощи от армянской диаспоры, на нее теперь уже не приходилось полагаться как на главное средство поддержания жизнеспособности страны. 11 октября Алиев и Кочарян провели двухчасовую встречу – пятую за последние полгода – на границе между Нахичеванью и Арменией. Азербайджанцы сделали шашлык из барашка, обстановка была дружеской. Оставалась надежда, что на приближающемся ноябрьском саммите ОБСЕ в Стамбуле обе стороны выступят хотя бы с рамочным заявлением по Нагорному Карабаху.

...И НОВАЯ КРОВЬ

27 октября 1999 г. заместитель государственного секретаря США Строуб Тэлбот посетил Ереван по пути в Стамбул. Перед тем как отправиться в аэропорт, он провел переговоры с Кочаряном и Вазгеном Саркисяном. Затем Саркисян отправился в парламент Армении, чтобы участвовать в сессии, на которой правительство отвечает на вопросы депутатов. В начале шестого вечера, когда работа была в разгаре, в зал заседаний через одну из боковых дверей ворвался человек в

длинном плаще с автоматом в руках. Он сразу открыл огонь по первому ряду кресел, где сидел Вазген Саркисян. Пули свистели по всему залу, люди бросились на пол. Другой боевик, главарь банды, вбежал и выстрелил в сторону подиума, где лежал спикер парламента Карен Демирчян. За ними последовали еще трое членов банды. За считаные минуты восемь человек, включая Саркисяна и Демирчяна, были убиты и еще восемь ранены.

Предводитель банды, бывший журналист Наири Унанян, объявил, что он отбирает власть у «кровопийц», которые правят Арменией. Бандиты забаррикадировались в зале заседаний; как потом говорили очевидцы, они, похоже, чего-то ждали. Здание парламента оцепили войска, приехал президент Кочарян. Вопреки всем советам, Кочарян взял на себя инициативу и провел переговоры с боевиками. К утру они как будто удовлетворились обещанием предоставить им телеэфир и гарантией проведения честного суда. Около 10.30 утра следующего дня всех пятерых отправили в тюрьму[15].

Эти убийства опустошили политическую арену Армении, лишив страну ее главных политических тяжеловесов. Беспрепятственное нападение на армянский парламент стало возможным из-за его неадекватно плохой охраны. Более глубокие причины инцидента крайне противоречивы. Наири Унанян был известным экстремистом, которого еще в 1992 г. изгнали из партии Дашнакцутюн. Он ненавидел Вазгена Саркисяна – хотя позднее выяснилось, что его брат Карен, возможно, убил Саркисяна вопреки приказу Наири. Большинство наблюдателей пришли к выводу, что банда действовала не сама по себе, но служила орудием в руках других. Тем не менее до сих пор непонятно, кто мог организовать эту акцию.

По одной из версий, нападавшим приказали предотвратить близкий прорыв в переговорах по Нагорному Карабаху путем устранения Саркисяна, который был уже готов поддержать мирный план. Выбор момента для убийства – сразу после встречи Саркисяна со Строубом Тэлботом – и впрямь поразителен. Позднее в печати приводились слова Тэлбота, что обе стороны были «очень, очень близки» к достижению соглашения и что происшедшая бойня стала «человеческой, политической и геополитической катастрофой»[16]. Тем не менее, судя по некоторым обстоятельствам, время для нападения случайно совпало с переговорами, и, вероятно, мотивы этих убийств лежали не-

[15] Очень подробный рассказ об этом налете см.: Nouvelles d'Arménie. 1999. No. 48. Некоторые детали случившегося всплыли на суде над Унаняном, см.: Chief defendant in Armenian shootings case says plans went awry from start // Noyan Tapan. 2001. 15 May.

[16] Сообщение информационного агентства «Туран», 19 июня 2000.

ключительно во внутриполитической плоскости: так, на всем протяжении ночных переговоров засевшие в парламенте братья Унаняны ни разу не упомянули Карабах. Если бы кто-то и планировал сорвать карабахский мирный процесс, тогда, очевидно, главной мишенью служил бы не Саркисян, так как на тот момент его позиция по мирному соглашению еще не определилась. Наконец, Саркисян являлся близким союзником российского истеблишмента в силовых структурах, которые именно и могли быть заинтересованы в срыве мирного плана, инициированного Соединенными Штатами.

КИ-УЭСТ И ПОСЛЕ

В 1999 г. мирный процесс был временно приостановлен, пока Армения улаживала свои внутриполитические дела. Кочарян столкнулся с гневом движения «Еркрапа», обвинявшего его в том, что он не передал им часть властных полномочий, которые они требовали в качестве компенсации за гибель Вазгена Саркисяна. Прошло более года, прежде чем Кочаряну удалось восстановить свою власть. Диалог между Алиевым и Кочаряном возобновился в полном объеме в конце 2000 г. К тому времени идея крупномасштабного взаимообмена территориями уже не стояла на повестке дня, главным образом потому, что не получила поддержки в Армении. В мае 2000 г. Кочарян так выразился по поводу этого плана: «Сегодня его невозможно реализовать по всем известным причинам»[17].

Позиция России также изменилась. Новый президент России Владимир Путин стал проводить на Кавказе более скоординированную политику. Начав новую войну в Чечне и ужесточив позицию России в отношении Грузии, Путин продолжал «оттепель» в связях с Азербайджаном. Во время официального визита в Баку в январе 2001 г. Путин сделал символический жест поддержки Алиеву – преподнес ему свидетельство об окончании в 1949 г. Ленинградской академии КГБ. Это было первое публичное подтверждение того, что Алиев учился в Ленинграде.

В 2001 г. три председателя Минской группы, Франция, Россия и США, впервые, казалось, стали работать в тесном сотрудничестве. Мирный процесс сдвинулся с мертвой точки. Алиев и Кочарян провели две успешные встречи в Париже, на которых председательствовал президент Франции Жак Ширак. И, словно по предварительному согласованию, армянские и азербайджанские газеты одновременно

[17] Интервью с Р. Кочаряном, 25 мая 2000.

опубликовали «утечки» – тексты трех мирных планов, подготовленных Минской группой в 1997 и 1998 гг. Эти «утечки» должны были протестировать общественное мнение по карабахскому вопросу и подготовить почву для четвертого плана – совершенно отличающегося от первых трех. Реакция общественности на три старых плана, в особенности в Азербайджане, оказалась очень враждебной. Почти никто в Баку не высказался в поддержку компромисса.

В апреле 2001 г. армяно-азербайджанский конфликт вновь на короткое время привлек внимание мировой общественности, когда в Ки-Уэсте, штат Флорида, под эгидой государственного департамента США в течение пяти дней шли самые интенсивные за всю историю карабахского конфликта переговоры с участием президентов. Новый формат переговоров объединял конфиденциальный диалог двух президентов с консультациями, которые они могли получить у посредников Минской группы. После встречи один из посредников заявил, что они достигли соглашения по «80 или 90 %» вопросов.

Следующая встреча должна была состояться в Швейцарии в июне, и даже начали поговаривать о подписании мирного соглашения в конце 2001 г. Оба президента получили достаточное время для проведения широких консультаций у себя дома. В Армении реакция была негромкой, но едва ли воодушевляющей. Армянский парламент вновь заявил, что статус Карабаха не подлежит обсуждению, и отверг компромиссы.

А в Азербайджане план мирного урегулирования рухнул, так как те, с кем говорил Алиев, решительно выступили против некоторых уступок, которые Алиев обсуждал в Ки-Уэсте.

Прорыв почти произошел, как того и следовало ожидать, самым драматическим образом, когда Алиев предложил важнейшие уступки по самому чувствительному вопросу, а именно по поводу статуса Нагорного Карабаха. «Он, в сущности, предложил, чтобы Карабах стал частью Армении», – сказал один чиновник, участвовавший в переговорах. На это поразительное предложение об отказе от всего священного для многих азербайджанцев должен был последовать ряд ответных уступок со стороны армян, включая и патрулируемую международным миротворческим контингентом дорогу, которая связала бы Азербайджан с Нахичеванью через Армению, и право азербайджанских беженцев на возвращение в Шушу. Почему президент Азербайджана сделал этот драматичный ход? Как объяснил один западный дипломат, Алиев придерживался принципа «все или ничего»: «Он хотел или вернуть Карабах целиком, или вообще от него отказаться». Последнее, на что мог согласиться азербайджанский президент, это иметь у себя под боком беспокойную, населенную армянами

область, этакую змею, пригретую на груди; лучше уж совсем от нее избавиться, но добиться от армян уступок по другим вопросам.

Однако попытка Алиева разрубить узел оказалась чересчур смелой и циничной для азербайджанской политической элиты. В конце концов, мирная инициатива исходила от того самого человека, который ежегодно во всеуслышанье вещал о «праздновании Новруза в Ханкенди в будущем году» и о полном восстановлении контроля Азербайджана над Карабахом. Разрыв между тем, что Алиев говорил конфиденциально, и его публичными заявлениями был так велик, что даже безграничная хитрость президента не смогла его сократить. И, разумеется, Алиев никогда бы не признался, что именно у него на уме, – ничто не фиксировалось на бумаге.

Мир опять оказался в западне. Когда 19 мая 2001 г. международные посредники приехали в регион и пересекли границу Нагорного Карабаха, то преграда, которую она символизировала, казалась неприступной и несокрушимой – как никогда.

Глава 18
САДАХЛО
«Они воюют, мы нет»

«Они воюют, мы нет», – сказал Мухтар, торговец из Азербайджана, выразив тем самым свое мнение о войне на Кавказе, и стиснул в объятиях армянского коллегу Ашота.

Двое черноусых мужчин стояли перед морем старых фургонов советского образца и шумной толпой торговцев. Мы все находились в Садахло, поселке на армяно-грузинской границе – рядом с той точкой на карте, где смыкаются территории трех кавказских республик. Здесь располагался один из крупнейших на Южном Кавказе оптовых рынков. На краю поселка выстроились в линию белые и грязно-желтые автобусы из Баку, Еревана и Нагорного Карабаха. В Садахло азербайджанцы торговали продуктами питания, одеждой и мукой из Турции и России, а армяне – продукцией иранского производства, например стиральным порошком «Барф». И те и другие извлекали выгоду из того, что фрукты и овощи в Армении созревают позже. «Скоро начнут привозить молодую морковку из Азербайджана, а потом они будут покупать нашу», – пояснил Ашот. «В начале лета мы продаем свои помидоры, – добавил Мухтар, – а в августе, когда наши уже сойдут, здесь будут армянские». И оба сошлись на том, что предпочитают торговать друг с другом, нежели с грузинами.

В марте 2001 г. министр финансов Армении Вартан Хачатрян потребовал закрыть рынок в Садахло, объявив его «рассадником коррупции и основным каналом, по которому [в Армению] идет поток контрабанды». По словам министра, через этот рынок ежегодно ввозились не облагаемые налогами товары на сумму от 300 до 400 млн долларов, что соответствовало всей доходной части бюджета Армении[1]. С 2004 г. усилия реформаторского правительства Грузии по борьбе с контрабандой начали мало-помалу душить рынок в Садахло, но еще в 2005 г., по свидетельству армянских официальных лиц, туда

[1] Голос Армении (Ереван). 2001. 27 марта.

еженедельно ездили 5 500 человек. Рынок окончательно закрылся в 2007 г.[2]

Уничтожение рынка в Садахло – недальновидный шаг. Если все дело в контрабанде, то правильнее было бы постепенно легализовать его статус, чтобы торговцы в итоге продолжали заниматься своим делом, но уже в рамках закона. Такие рынки служат экономическим нуждам: в 2000 г., наверное, половина населения Еревана носила турецкую одежду, купленную в Садахло. В магазинах Нагорного Карабаха я заметил, что из-под прилавка там тоже продают товар из Садахло – например, «Азерчай», любимую местными жителями еще с советских времен марку азербайджанского чая. Простые армяне и азербайджанцы в равной мере выигрывали от существования перевалочного пункта, позволявшего им вести торговлю через закрытые границы.

Рынок следовало сохранить и по другой причине: он служил ярким свидетельством того, что у армян и азербайджанцев нет «врожденной ненависти» друг к другу, что в обычных обстоятельствах простые люди с обеих сторон разделительной линии взаимодействуют друг с другом безо всяких проблем. Как только вы попадаете на территорию нейтральной Грузии, «этническая ненависть» исчезает. В центральной части столицы Грузии Тбилиси, в «старом городе», я зашел в ковровую лавку, которой совместно владели армянин и азербайджанец – старинные друзья. Они говорили на полудюжине языков и считали карабахский конфликт нелепостью.

Через одиннадцать лет, в ноябре 2011 г., я посетил сохранившийся образчик армяно-азербайджанского сосуществования в Грузии. Мы с коллегами – двумя армянами и азербайджанцем – встретились за пределами Садахло. Легкими хлопьями падал ранний, не по сезону, снег. На сей раз мы поехали по изрытой колеями дороге на 12-13 километров к западу, в село Ходжорни. На окраине села с трудом пробрались сквозь снег по узкой аллейке, обсаженной чахлыми соснами, к военному памятнику: сплошь покрытому именами обелиску с грубо слепленным из гипса коленопреклоненным солдатом наверху. На обелиске высечен список из 83 имен – напоминание о страшных потерях, которые понес чуть ли не каждый населенный пункт СССР во время войны с Германией в 1941–1945 гг. В этом не было ничего удивительного. Удивительное заключалось в том, что я насчитал среди надписей 67 армянских и 16 азербайджанских фамилий. Вверху шли

[2] См.: Nabiev F. Armenian-Azeri Trade Survives // Institute for War and Peace Reporting Caucasus Reporting Service. 2005. Issue No. 295. 18 November.

Микояны и Симоняны, внизу – Ибадовы и Мамедовы. В смерти, как и в жизни, смешанное армяно-азербайджанское население Ходжорни оказалось неразделимо.

Мы остановились перед сельской лавкой – зеленым металлическим трейлером, разрисованным стилизованными кавказскими пейзажами и логотипами, – чтобы купить грузинского пива. Рядом притормозил джип с грузинскими пограничниками: стражи границы спросили, по какому делу мы здесь. Это были единственные грузины, которых мы встретили в селе.

Мы провели в Ходжорни час, останавливая местных жителей и задавая им один и тот же вопрос: «Каково жить в смешанном армяно-азербайджанском селе? Есть ли проблемы?» И получали обычно один и тот же ответ: «Ладим отлично, на конфликт внимания не обращаем». Хотя всего в полутора километрах за холмом находилась Армения, а километрах в пятидесяти к востоку – Азербайджан. Мы поговорили с 56-летним Суриком Ахвердяном, владельцем двух коров и свиньи, нигде больше не работавшим. На лице его красовалась недельная щетина, он носил джинсовую куртку, посеревшую от ходжорнийской пыли. «Мы в Грузии», – ответил Сурик на наш стандартный вопрос. «Кто не хочет мира в Карабахе? Карабах-марабах, – проворчал он и, в свою очередь, забросал вопросами нас: – Как вы собираетесь мне помочь? Что мне с этого будет – рубашка?»

Через пять минут на улице показался Алик Абдурахманов. Его обвислые, словно у моржа, усы, куртка, свитер, брюки, длинный столбик пепла на сигарете являли собой целую палитру оттенков серого. Он сказал, что ему 81 год, но выглядел на добрых 15 лет моложе. «На армянских свадьбах мы поем азербайджанские песни, на азербайджанских – армянские», – заявил Алик. В Ходжорни все говорили по-армянски и по-азербайджански, иногда по-русски (например, со мной). Грузинский был для ходжорнийцев четвертым по значимости языком, и о происходящем в остальных районах Грузии они имели весьма смутное представление. Главная проблема села, поведал нам Алик, экономическая: «Молодежь уезжает». Его собственные дети отправились искать работу в Россию, в Ростов-на-Дону.

Третьим нашим собеседником стал не армянин и не азербайджанец, а грек – Сергей Феофило. Лучшие дни его жизни остались позади: дети уехали в Грецию, жена умерла два года назад. Его свитер был еще более поношенным, кепка – еще более серой, чем у односельчан. Он пригласил нас в свой двор с погребенной под снегом поленницей дров, затем в стоящую отдельно от дома кухню, где топилась печка. Зеленая краска со стен кухни так сильно осыпалась, что стены казались не столько зелеными, сколько белыми. Мы сели за стол, на ко-

тором лежали хлеб, зеленые помидоры, перец и яблоки. В дверь то и дело пытался просунуть морду любопытный ослик. Хотя часы показывали всего 3 часа дня, Сергей достал бутылку чудовищно крепкой грузинской чачи. «Надо выпить, холодно», – сказал он непререкаемым тоном.

Подходили соседи. Наш хозяин жил в азербайджанской части села и разговаривал с ними по-азербайджански. Естественно, мы обсудили «этнический вопрос» и с греком Сергеем. Когда я завел речь о карабахском конфликте, он сказал: «Нам до него дела нет. Мы всегда жили мирно». Затем он высказал два довольно интересных соображения, объясняя, почему армяне и азербайджанцы в Армении и Азербайджане не могут ужиться на одной земле и убивают друг друга, а здесь – дружески соседствуют. «Когда есть повседневные проблемы, нет времени на этнические», – заявил он. Это, конечно, не совсем так: этнические проблемы чересчур легко одерживают верх над повседневными. Любопытнее другая мысль Сергея: «Они ссорятся из-за земли, а у нас проблем из-за земли нет». Видимо, он хотел сказать, что здесь все живут на грузинской территории, которую охраняет грузинский полицейский, поэтому у них не может быть территориального спора, подобного спору за Карабах.

Рынок в Садахло и село Ходжорни (одно из нескольких сел со смешанным армяно-азербайджанским населением на юге Грузии) наглядно свидетельствуют, что карабахский конфликт имеет географические и политические границы. Когда два рыночных торговца Ашот и Мухтар встречаются и заключают сделки или жители Ходжорни занимаются повседневными делами, между ними действительно не существует межнациональной розни. Они схожи практически во всем, и уж конечно у них во сто раз больше общего друг с другом, чем, например, со мной.

Они немного идеализируют ситуацию. Эти сельчане не столько разрешили между собой карабахский конфликт, сколько нашли способы обходить его. Судя по некоторым замечаниям ходжорнийцев, если бы мы углубились в тему Карабаха, то, вероятно, обнаружили бы полярные позиции по данному вопросу. К примеру, один из азербайджанцев сказал нам, что все будет прекрасно, «когда армянские войска оставят Карабах и [азербайджанские] беженцы смогут вернуться домой». Большинство армян с такой точкой зрения вряд ли согласились бы.

Ходжорнийцы явно ничуть не добродетельнее жителей Шуши, Степанакерта, Баку или Еревана. Проживание в Грузии дало им возможность обходить карабахский конфликт, сосредоточившись на сотне других жизненно необходимых им вещей. Я не сомневаюсь также, что кое-кто из торговцев Садахло, дружески общавшихся с деловыми партнерами из другой этнической группы, дома перед телевизором выражал бы общепринятый непримиримый взгляд по карабахскому вопросу[3].

За исключением нескольких немногочисленных городских сообществ, Кавказ никогда не был «плавильным котлом». Армяне и азербайджанцы, как правило, уживались рядом и избегали конфликтов – как поступает большинство разумных людей. У них очень много сходства и в культуре, и во внешнем облике – я часто слышал и от армян, и от азербайджанцев, что они находят друг с другом больше общего, чем с грузинами. В Грузии они до сих пор, бывает, вступают между собой в смешанные браки, хотя это скорее исключение, нежели правило. Необходимо, однако, подчеркнуть, что мы говорим о добрососедском сосуществовании, а не о взаимной ассимиляции. Две группы сохраняют самобытность, отличаясь друг от друга языком, религией и традициями.

Для тех, кто живет в Армении и Азербайджане, где национальная идентичность строго определяется спором о Карабахе, эти различия стали сигналом к конфликту. Стоит сделать шаг за пределы ментальной конфликтной зоны, очерченной границами Азербайджана и Армении, уехать в Москву, Иран, Грузию – на несколько часов, если вы рыночный торговец, или на всю жизнь, если вы проживаете в селе на грузинской территории, – и вы получаете «вольную», освобождающую вас от участия в борьбе и позволяющую игнорировать конфликт. Это хорошая новость – и хороший урок для авторов миротворческих проектов. Но, конечно, побудить к миру и терпимости тех, кто заперт в ловушке внутри конфликтной зоны, – задача куда более трудная.

И все же очень бодрит и воодушевляет визит в какое-нибудь местечко вроде Ходжорни, заставляющий вспомнить, что, перефразируя знаменитое изречение Генри Форда, «старинная ненависть – это полная чушь».

[3] Есть один вдохновляющий пример сотрудничества в Армении и Азербайджане. В 1989 г., во время массового изгнания из Армянской и Азербайджанской ССР, жители азербайджанского села Кызыл-Шафаг в Армении и армянского села Керкендж в Азербайджане показали яркий образец народной дипломатии, договорившись «обменяться» селами. Каждая из «сторон» обязалась ухаживать за оставленным другой «стороной» кладбищем и посылать ей через Грузию снятые о родном селе фильмы. См. об этом: Гусейнова С., Аконян А., Румянцев С. Кызыл-Шафаг и Керкендж: История обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Тбилиси: Heinrich Böll Stiftung, 2008. Армянская журналистка Седа Мурадян сняла об этих двух селах документальный фильм под названием «Из дома в дом» («From Home to Home»).

Наш хозяин в Ходжорни – может быть, последний грек в селе – разделил бы эти чувства. Развлекая нас фактами из истории своей семьи, он невольно выступал олицетворением пересечения культур. Сергей был потомком турецкоязычных греков из Османской империи, которые приехали в Грузию в XIX в. Он говорил на смеси турецкого с близко родственным ему азербайджанским. И когда он поднял стакан с убойной прозрачной чачей, я не без удивления услышал из его уст слово «аллах». «Бог дает благо хорошим людям», – перевел этот тост мой коллега Заур.

Глава 19
2001–2011
Тупик и отчуждение

КОНЕЦ ЭПОХИ ГЕЙДАРА АЛИЕВА

В первом десятилетии XXI в. конфликт между Арменией и Азербайджаном намертво застрял в тупике.

Неудача в Ки-Уэсте и ухудшение здоровья азербайджанского президента Гейдара Алиева в 2001 г., по сути, остановили процесс переговоров по Нагорному Карабаху на два года. Трудно было продолжать работу с предложениями Ки-Уэста, основанными на неожиданной уступке с азербайджанской стороны, от которой Алиев теперь отказывался. Армянский президент Роберт Кочарян утратил былой энтузиазм в отношении прямых переговоров с Алиевым-старшим и сам никаких серьезных новых предложений не выдвигал.

Еще труднее стало заинтересовать карабахским вопросом высших официальных лиц в Вашингтоне, Париже или Москве. По словам одного американского чиновника, «после неудачи в Ки-Уэсте Вашингтон не собирался касаться этого дела». Президент Джордж Буш-младший и госсекретарь Колин Пауэлл, которые лично приложили немало усилий, дабы подготовить почву для переговоров во Флориде, не желали больше слышать о Карабахе, пока не будет железных гарантий успеха. А затем теракты 11 сентября 2001 г. в США круто изменили приоритеты американской внешней политики, отодвинув на задний план и этот, и многие другие вопросы. В результате посредникам в 2002 г. пришлось искать новые идеи на более низком уровне, работая не с президентами, а с министрами иностранных дел Армении и Азербайджана.

В 2003 г. Азербайджаном все еще правил Гейдар Алиев, но 10 мая ему исполнялось 80 лет, а на конец года были назначены президентские выборы, поэтому всех занимала мысль о его возможном преемнике. Физическая и политическая немощь Алиева неожиданно об-

наружила себя 21 апреля. Президент выступал в бакинском Дворце Республики с речью, транслировавшейся азербайджанским телевидением в прямом эфире. Посреди выступления он вдруг схватился за сердце, и помощники под руки увели его с трибуны. Он вернулся и хотел продолжить речь, но так и не смог. В июле Алиева положили в больницу в Анкаре, затем перевезли в Кливленд (США, штат Огайо). В Азербайджан он больше не вернулся, и ходили слухи, будто скончался он задолго до официального объявления о его смерти 12 декабря[1].

Политический колосс Алиев выстроил всю систему Азербайджана под себя. Он мало что сделал, чтобы подготовить почву для своего наследника – сына Ильхама, которому к тому времени исполнился 41 год. Алиев-младший работал заместителем директора государственной нефтяной компании ГНКАР, возглавлял Азербайджанский олимпийский комитет, но никогда не обладал политической властью. Некоторые турецкие и оппозиционные азербайджанские СМИ публиковали непочтительные статьи, рассказывающие о его экстравагантном образе жизни и отсутствии у него амбиций. Тем не менее 4 августа 2003 г. больной президент назначил Ильхама Алиева премьер-министром, а фактически – главой страны. Правящая элита находилась в нервном ожидании, однако никто из оппозиции не воспользовался этим моментом слабости.

Выборы президента Азербайджана были назначены на 15 октября. Оппозиция выдвинула против Ильхама Алиева общего кандидата – бывшего спикера парламента, главу партии Мусават Ису Гамбара. Как и ожидалось, правящая партия сделала все, чтобы обеспечить победу своему кандидату. В избирательные урны вбрасывались фальшивые бюллетени, активистов оппозиции запугивали, вследствие чего наблюдатели за выборами от ОБСЕ пришли к выводу, что голосование «не соответствовало требованиям ОБСЕ и другим международным стандартам демократических выборов». Алиев-младший набрал 76,8 % голосов, Гамбар – 14 %.

Мусаватисты считали, что это они победили на выборах, и ликование в Баку сменилось яростью. 16 октября тысячи сторонников партии Мусават вышли на улицы, и агрессивно настроенная толпа устремилась к площади Свободы – традиционному месту митингов оппозиции в конце советского периода, закрытому для них с 1993 г. Демонстранты прорвали полицейское оцепление и заполонили площадь; полиция ответила свирепой контратакой, используя слезоточивый газ, собак и дубинки. По меньшей мере один демонстрант погиб, когда силы безопасности очищали от протестующих улицы. Всю следующую неделю власти, как сказано в докладе ОБСЕ, проводили «огульную расправу с оппозицией, в ходе которой по всей стране было задержано свыше 600 человек».

Ильхам Алиев начал свое президентство при неблагоприятных обстоятельствах и с тенью отца за спиной. Через два месяца власти сообщили о смерти Алиева-старшего, был объявлен национальный траур. На похороны азербайджанского президента 16 декабря 2003 г. в Баку съехались все мировые лидеры, на улицах его провожали около миллиона человек. Так закончилась эпоха Гейдара Алиева, который с небольшими перерывами управлял Азербайджаном с 1969 г.

ПРАЖСКИЙ ПРОЦЕСС

С избранием Ильхама Алиева президентом Азербайджана переговоры по Нагорному Карабаху мало-помалу возобновились. В апреле 2004 г. Алиев назначил более энергичного министра иностранных дел, Эльмара Мамедъярова, который стал первой по-настоящему самостоятельной фигурой на этом посту в Азербайджане и достойным собеседником для своего армянского коллеги Вартана Осканяна. Между двумя министрами и тремя посредниками от Франции, России и США начались встречи, проходившие в центре Праги и получившие название Пражского процесса. Следующие два года эта маленькая группа собиралась почти каждый месяц. По словам одного участника переговоров, «мы встречались так часто, что выучили меню ресторана "У злате грушки" [в пражском Старом городе] наизусть».

Обе стороны по-прежнему придерживались совершенно полярных позиций по кардинальному вопросу о статусе самого Нагорного Карабаха, так что посредникам пришлось искать способы как-то обойти этот вопрос. В 2003 г. было объявлено, что в Черногории будет организован референдум, который позволит ей выйти из состава Федеративной Республики Югославия и порвать с Сербией, – в конечном счете данное мероприятие состоялось в 2006 г. Посредник от США Рудольф Перина, инициатор Пражского процесса, работал в Белграде и знал бывшую Югославию. По его словам, черногорский пример вдохновил его предложить референдум в Нагорном Карабахе

[1] Каха Имнадзе, представитель грузинского президента Эдуарда Шеварднадзе, вызвал переполох 1 августа 2003 г., сказав репортерам, что президент Алиев умер, и выразив свои соболезнования в связи с этим. В тот же день Имнадзе извинился за неверную информацию. Якобы он услышал ее от грузинского посольства в Баку. См.: Shevardnadze Confused over Contradictory Reports on Aliev's Health // Civil Georgia. 2003. 1 August.

(правда, на иных условиях) в качестве центрального пункта нового обсуждаемого рамочного соглашения[2]. По замыслу американского переговорщика, конкретные детали референдума следовало оставить под завесой «конструктивной неопределенности» (своего рода политика «don't ask, don't tell» – «я не буду спрашивать, а ты не будешь говорить»[3]), то есть объявить о необходимости проведения референдума по статусу Карабаха, но не уточнять сразу, кто и как будет голосовать. Это позволит армянской стороне сказать, что возможность отделения Карабаха от Азербайджана признана в принципе, однако не настаивать на определении реальной даты референдума, дабы облегчить прогресс переговоров по другим пунктам соглашения. Азербайджанская же сторона, в свою очередь, сможет утверждать, что условия голосования исключают полное отделение. Тем временем, отложив больной вопрос о статусе на будущее, можно будет договориться о возвращении беженцев и гарантиях безопасности для карабахских армян. Кое-кто в итоге окрестил предполагаемый референдум «неверендумом» (от английских слов «never end» – «никогда не заканчиваться»).

Самый жаркий спор развернулся по поводу последовательности действий сторон. Существовала договоренность, что пять занятых армянами азербайджанских районов к востоку и югу от Нагорного Карабаха могут быть возвращены, как только это станет практически возможным. Но азербайджанцы настаивали, что и две западных территории, отделяющие Нагорный Карабах от Армении, – большой горный Кельбаджарский район и «некоридорные» части Лачинского – до конфликта были чисто азербайджанскими и подлежат возврату по тому же графику. Армянская сторона не желала отдавать стратегические территории, по ее мнению, жизненно важные для безопасности Нагорного Карабаха, не получая ничего взамен. Она выдвинула контрпредложение, вошедшее в новый мирный план в 2006 г.: пока не принято окончательное решение о статусе Нагорного Карабаха, придать ему «промежуточный статус». Идея заключалась в том, чтобы открыть Карабах для внешнего мира и предоставить ему если не полный международный суверенитет, то хотя бы некоторые права на участие в международных организациях – например, в качестве наблюдателя в ОБСЕ.

После того как был достигнут некий прогресс, два президента включились в процесс и встретились один на один. В феврале 2006 г. посредники решили завершить работу над рамочным документом на встрече в замке Рамбуйе под Парижем. Американцы и русские ожидали столь многого, что включили в свои делегации юристов, которые могли бы приступить к составлению проекта мирного договора. Основными предметами спора служили график ухода армян из Кельбаджара и Лачина и характер референдума.

Обычно в ходе переговоров на высшем уровне сопредседатели, изложив президентам заключительные аргументы, оставляли их наедине за бутылкой виски для принятия окончательного решения. Алиев и Кочарян держались достаточно дружелюбно и, разговаривая по-русски, обращались друг к другу на «ты», но существовало подозрение, что доверяют они друг другу ровно настолько, чтобы в один голос сказать «нет» итоговому соглашению. «Есть такая мысль, признавался один чиновник, участвовавший в переговорах, что, когда сопредседатели закроют дверь и оставят президентов вдвоем, те договорятся не заключать сделку». Французы-хозяева в Рамбуйе оптимистично набили холодильники шампанским, однако оно так и осталось на льду. Сделка не состоялась. Согласно докладам посредников, наиболее категорично отверг обсуждавшийся односторонний документ Кочарян[4]. Через четыре месяца, после внесения ряда поправок с целью убедить армянскую сторону, два президента снова встретились – теперь уже в Бухаресте. И опять прорыва не произошло: на сей раз возражения высказали оба.

У нежелания обоих лидеров двигаться вперед имелись как системные, так и личные причины. Президенты Азербайджана и Армении были уверены, что согласиться на мир гораздо рискованнее, нежели сохранять статус-кво. Ильхам Алиев в 2004–2006 гг. занимался упрочением своей власти и, когда в Азербайджан потекли нефтяные доходы, решил: «Поживем – увидим». Он также не оправдал надежд на то, что молодой, свободно владеющий английским языком человек проявит больше гибкости, чем его отец. На деле он занял в карабах-

[2] Интервью с Р. Периной, 23 сент. 2011.

[3] Название «don't ask, don't tell» получила политика в отношении геев и лесбиянок в вооруженных силах США (1993–2011), согласно которой командованию не полагалось выяснять сексуальную ориентацию военнослужащих при условии, что военнослужащие нетрадиционной сексуальной ориентации не будут себя афишировать. – *Примеч. пер.*

[4] Жесткая линия Кочаряна подтверждается по крайней мере одним из присутствовавших в Париже официальных лиц – хотя впоследствии, в беседе с послом США в Ереване, Кочарян обвинил Алиева в увиливании, сказав, что тот «сам не знал, чего хочет в глубине души», и не был готов идти на разумные уступки. См. телеграмму посольства США от 1 марта 2006 г., озаглавленную «Подробнее о Рамбуйе от Кочаряна» («More on Rambouillet from Kocharian»). URL: http://wikileaks.org/cable/2006/03/06YEREVAN294.html

ском вопросе более жесткую позицию. На армянской стороне Роберт Кочарян, по словам его собеседников, любовно полировал свой нимб героя и победителя в конфликте, время от времени высказывая сомнения в необходимости мирного договора вообще. Неоднозначным отношением к самому понятию компромисса проникнуто все президентство Кочаряна. В одном из последних заявлений в качестве армянского президента в феврале 2008 г. он вызывающе бросил: «Я не меняю армянскую землю на армянскую землю. За время моего президентства мы не потеряли ни одного квадратного метра»[5].

Важно отметить, что и общественность не требовала мира. Президенты встречались приватно за границей, обсуждали серьезные компромиссы на базе пражских переговоров, но дома делали такие же непримиримые публичные заявления, как всегда. Оба лидера использовали конфликт во внутриполитических целях и в то же время покорялись ему, поскольку компромисс в данном вопросе по-прежнему представлял собой большой политический риск.

КОЧАРЯНОВСКАЯ АРМЕНИЯ

Армения в 2001–2007 гг. при президенте Роберте Кочаряне могла похвастаться стабильностью, если не динамичностью. В некоторые из этих лет показатель ее экономического роста измерялся двузначной цифрой, так что Всемирный банк даже назвал ее «кавказским тигром». Кочарян использовал экономическое процветание в качестве главного козыря, который помог ему переизбраться на президентский пост в марте 2003 г. Под рукой у него также были инструменты контроля, включая послушные СМИ и давление на государственных служащих, принуждаемых голосовать за действующего президента, да и соперника в лице Степана Демирчяна, сына бывшего руководителя компартии Карена Демирчяна, он встретил довольно слабого.

Перед Арменией по-прежнему стояли глубоко укоренившиеся проблемы. Экономический рост сосредоточился по большей части в столице Ереване, где осуществлялась широкая программа реконструкции. Четверть доходов поступала в виде денежных переводов от сотен тысяч армян, работавших в качестве трудовых мигрантов за рубежом, в основном в России. Российские компании завладели значительной долей экономики, как правило, списывая долги в обмен на активы, например Разданскую ГЭС, железные дороги, Мецаморскую АЭС, электросети. Группа армянских бизнесменов, именуемых «олигархами» в подражание их более богатым российским собратьям, приобрела политическую власть. Самый знаменитый из них – Гагик Царукян (по прозвищу Доди Гадо), бывший чемпион по армрестлингу, который стал миллионером и в 2005 г. основал проправительственную партию «Процветающая Армения». По словам одного эксперта, в 2008 г. свыше половины ВВП страны принадлежало 44 армянским семьям, главным образом благодаря фактическим картелям, захватившим монополию на такую продукцию, как, скажем, бензин и сахар. Закрытие границ Армении с Азербайджаном и Турцией играло этим олигархам на руку, позволяя жестче контролировать рынки[6].

Сам Нагорный Карабах занимался уничтожением следов войны на своей земле и превращением ее в чисто армянскую территорию. Последние руины и остатки военных разрушений были убраны из Степанакерта, который снова принял облик обычного южнокавказского города средней величины с многочисленными магазинами, кафе, мелкими предприятиями. Нагорно-Карабахская Республика, как назвали Карабах его руководители, по-прежнему заявляла о своей независимости, имела собственное правительство и парламент, но на деле стала провинцией Армении, куда вело теперь современное скоростное шоссе. Когда речь заходила о службе в армии и выдаче иностранных паспортов, между гражданами Карабаха и Армении не делалось различия. По данным карабахского правительства, в бюджете республики на 2005 г. (чуть более 50 млн долларов) менее 30 % составляли доходы, полученные в Карабахе, остальное – перечисления из Армении и пожертвования диаспоры[7]. В глазах многих армян разница между двумя территориями начала стираться. На новых картах Республика Армения, Нагорный Карабах и семь прилегающих к нему азербайджанских районов зачастую показаны в виде непрерывной полосы земли, в широкий обиход вошло выражение «42 000 квадратных километров» (площадь Армении, включая всю территорию, находящуюся на данный момент под контролем армян). Большинство армян теперь именуют семь районов за пределами собственно Нагорного Карабаха, где до конфликта практически не было армянского населения, не «оккупированными», а «освобожденными».

[5] Цит. по: Asatiani S. Armenia: Race for Presidency Offers New Debate over Old Taboo // Radio Free Europe / Radio Liberty. 2008. 18 February.

[6] См.: Khachatrian H. Competitive Edge: The Pitfalls of Monopolies, and the Challenges of a Business-influenced Parliament // Armenia Now. 2008. 4 January. URL: http://armenianow.com/special_issues/agbumag/8033/competitive_edge_the_pitfalls_of_m.

[7] См.: International Crisis Group. Europe Report No. 166. Nagorno-Karabakh: Viewing the Conflict from the Ground. 14 May 2005. P. 12.

В 2007 г., на исходе своего второго и последнего президентского срока, Кочарян начал готовить почву для того, чтобы после назначенных на февраль 2008 г. выборов его сменил на посту старый друг, коллега и земляк-карабахец Серж Саргсян. Саргсян дважды был министром обороны Армении, с недавнего времени стал премьер-министром и, по слухам, уже не уступал могуществом Кочаряну.

Предвыборная гонка заметно оживилась благодаря вступлению в нее первого президента Армении Левона Тер-Петросяна в качестве лидера оппозиции. 63-летний Тер-Петросян являл собой настоящего политического тяжеловеса, однако вместе с тем противоречивую фигуру: его многие уважали, но многие и винили в невзгодах 1990-х годов. С возвращением на сцену экс-президента выяснилось, что точка зрения на карабахский вопрос у него не такая, как у его преемников, хотя все заявляли, что цель у них одна – освобождение Карабаха от Азербайджана. Это было столкновение личностей, философий и разных частей армянского мира. Тер-Петросян обвинял Кочаряна и Саргсяна в том, что они, по его мнению, несправедливо устранили его в 1998 г. и установили «клептократию». Последняя мысль нашла отклик у многих «айастанци» – армян Республики Армения, считавших, что страна захвачена «карабахским кланом».

После первого тура голосования 19 февраля 2008 г. было объявлено, что Серж Саргсян одержал полную победу, набрав 52 % голосов против 21 % у Тер-Петросяна. Посыпались обвинения в фальсификации. Кризис развивался точь-в-точь по сценарию беспорядков после выборов 2003 г. в Азербайджане. Активисты оппозиции десять дней протестовали на улицах Еревана. Конфронтация перешла в насильственную фазу в ночь на 1 марта, когда полиция стала выгонять протестующих с площади Свободы. Протестующие собрались у здания мэрии Еревана и французского посольства, начали строить баррикады из автобусов. Завязались стычки, в которых десять сторонников оппозиции погибли, а сотни получили ранения. Оппозиционеры говорили, что видели снайперов, стрелявших прямо по толпе. В 10 часов утра президент Кочарян официально объявил чрезвычайное положение, что позволило полицейским силам действовать практически безнаказанно. Тер-Петросяна, по сути, взяли под домашний арест, более 100 оппозиционных деятелей были арестованы[8].

[8] О событиях 1 марта в Ереване см.: International Crisis Group. Europe Briefing No. 48. Armenia: Picking up the Pieces. 8 April 2008; Human Rights Watch. Democracy on Rocky Ground: Armenia's Disputed 2008 Presidential Election, Post-Election Violence, and the One-Sided Pursuit of Accountability. 25 February 2009; Armenia's Lost Spring: Challenging the Democracy. Documentary Film. T. Paskevichyan, 2011.

Ключевые решения о подавлении оппозиции принимал уходящий президент Роберт Кочарян (несомненно, при поддержке своего преемника), но в результате Серж Саргсян вступил на пост президента в обстановке всеобщей смуты. Через три года, в 2011 г., Саргсян признал, что правительство действительно поступило плохо, и распорядился провести новое расследование насильственных действий 1 марта 2008 г. Он де-факто снял запрет на публичные демонстрации на площади Свободы и объявил всеобщую амнистию.

ВТОРОЙ НЕФТЯНОЙ БУМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Президент Ильхам Алиев с 2004 г. постепенно утверждался в роли главы Азербайджана. Раньше предсказывали, что он будет либо слабым политиком, либо реформатором. Он не стал ни тем, ни другим. С помощью унаследованных от отца советников новый президент нейтрализовал и арестовал двух потенциальных соперников – печально знаменитого коррумпированного министра здравоохранения Али Инсанова и министра экономического развития, реформатора Фархада Алиева, – показав, что во главу угла ставит задачу устранения любой потенциальной угрозы, из какого бы лагеря она ни исходила. Со старой азербайджанской оппозицией и независимыми средствами массовой информации Алиев-младший обходился суровее, чем отец. Оппозиционных журналистов преследовали и бросали в тюрьму, почти все неправительственные СМИ были загнаны в рамки маргинального существования.

Во время своего переизбрания в 2008 г. Алиев занимал куда более сильную позицию и в итоге одержал блистательную победу, набрав 89 % голосов. Отчасти такой успех объяснялся бойкотом выборов со стороны националистической оппозиции. Один международный наблюдатель – Андрес Херкель, эстонский содокладчик Совета Европы по Азербайджану – заметил, что эти выборы продемонстрировали «прекрасное плавание, но, к сожалению, в пустом бассейне»[9]. В марте 2009 г. Алиев еще сильнее укрепил свою власть, проведя под огнем международной критики конституционный референдум, который снял ограничения на количество президентских сроков, позволив ему баллотироваться в 2013 г. на третий срок.

Строительство более авторитарного, чем прежде, государства проходило в Азербайджане при поддержке или, по крайней мере, мол-

[9] Tavernise S. Vote Monitor Faults Election in Azerbaijan // The New York Times. 2008. 16 October.

чаливом согласии общественности. Новый президент и его супруга Мехрибан Алиева, которая привнесла гламур в азербайджанскую политику, добились настоящей популярности. Старая оппозиция была задавлена и неспособна предложить привлекательную альтернативу. Но главная причина успеха Алиева заключалась в гигантском экономическом взлете, последовавшем в результате нового азербайджанского нефтяного бума.

В 2006 г. был торжественно введен в эксплуатацию нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Этот нефтепровод протяженностью 1 768 км являлся вторым по длине в мире, по нему нефть из азербайджанского сектора Каспийского моря пошла через Грузию в Турцию, а оттуда на западные рынки. Наряду с открытым вскоре после него Южнокавказским газопроводом, БТД обозначил Азербайджан на карте мира. Теперь по этой стране пролегала нефтегазовая магистраль, облюбованная западными нефтяными компаниями и политиками, поскольку она находилась под операционным контролем «Бритиш петролеум» и миновала Иран и Россию. БТД также неимоверно обогатил Азербайджан. В 2005–2008 гг. азербайджанская экономика росла самыми быстрыми в мире темпами, ВВП Азербайджана в 2008 г. достиг 35 млрд долларов, тогда как в 1991 г. составлял всего 1,3 млрд. Баку превратился в новую нефтяную столицу, подобную Дубаи или Катару, набитую сверкающими небоскребами, дорогими магазинами, роскошными автомобилями. Повышались пенсии и пособия, строилась новая инфраструктура. В сентябре 2007 г. азербайджанское правительство закрыло три последних «палаточных лагеря» для внутренне перемещенных лиц, переведя их обитателей в новые, более благоустроенные поселения. Многие еще продолжали жить в неважных условиях – в санаториях, бывших студенческих общежитиях, но физические и психологические раны войны уже затянулись.

Это был второй азербайджанский нефтяной бум – первый произошел в конце XIX в., когда Баку стал первой нефтяной столицей мира. Бурный рост, разрешая старые проблемы, порождал новые. Амбиции опережали возможности. Нефть безраздельно царила в экономике, составляя более 90 % экспорта страны. Созданный в 2000 г. для управления потоками нефтяных доходов Государственный нефтяной фонд Азербайджана в начале 2011 г. сосредоточил в своих руках активы на сумму более 22 млрд долларов. Однако нефтяной бум лишь акцентировал проблемы безработицы и коррупции. Нефть и газ, как известно, не создают большого количества рабочих мест (например, «Бритиш петролеум» непосредственно предоставила работу всего 1 800 азербайджанцам), и официально низкий уровень безработицы в Азербайджане маскировал тот факт, что множество людей, особенно

за пределами Баку, не имели постоянной работы. Чрезвычайно увеличился разрыв в благосостоянии между столицей и по-прежнему бедной сельской местностью. Благодаря огромному притоку наличных денег коррупция в бюрократических структурах приобрела неслыханные масштабы. Высокопоставленные должностные лица, по слухам, обзавелись роскошными домами, личными самолетами и капиталами в офшорах, никак не соответствующими их скромным окладам[10]. В прессе появлялись сообщения, что значительная доля средств, широко выделяемых государством на военные и инфраструктурные проекты, растекается по частным банковским счетам.

В отличие от закаспийского соседа – Казахстана, Азербайджан столкнулся также с проблемой сравнительной недолговечности своего нефтяного бума по историческим меркам. Согласно текущим прогнозам, нефтедобыча сократится к 2020 г. Азербайджан начал усиленно разрабатывать новые газовые месторождения, чтобы покрыть предполагаемую разницу в прибыли, но мировой газовый рынок меняется так быстро, что неясно, сумеет ли страна подобным способом компенсировать падение нефтяных доходов.

НОВАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Благодаря прибылям от нефти и газа Азербайджан нарастил политические и экономические мускулы, позволявшие бросить вызов Армении. Азербайджанское министерство иностранных дел стремительно расширялось. К 2012 г. оно открыло по всему миру более шестидесяти посольств и добилось двухлетнего членства в Совете Безопасности ООН. Президент Ильхам Алиев заговорил о своей стране как о незаменимом источнике энергетической безопасности Европы. Почти в каждой речи он противопоставлял сильный, растущий Азербайджан слабой, приходящей в упадок Армении. «В экономической, военной и всех прочих областях потенциал у Азербайджана в несколько раз больше, чем у Армении, и должен расти дальше», сказал Алиев в октябре 2011 г.

Когда президент произносил эти слова, военные расходы в Азербайджане достигли 3 млрд долларов, превысив весь государственный бюджет Армении – к чему явно и стремилось азербайджанское руководство. За пять лет до этого Баку вступил с Ереваном в новую гонку вооружений, приобретая тяжелую артиллерию, не-

[10] См., напр.: Higgins A. Pricey Real Estate Deals in Dubai Raise Questions about Azerbaijan's President // The Washington Post. 2010. 5 March.

требители МиГ-25, ракеты среднего и дальнего радиуса действия, системы залпового огня. Хотя подобные действия создавали угрозу войны, цель декларировалась другая – вынудить Армению к такой же гонке вооружений, которой она не могла себе позволить, и, тем самым, к уступкам за столом переговоров. Новое оружие дало Азербайджану большие деструктивные возможности, правда, уровень профессионализма тех сил, которым предстояло его использовать, остался под вопросом. Один западный военный аналитик назвал перемены в азербайджанской армии «модернизацией без реформы», а другой отметил, что численность профессиональных солдат в ней по-прежнему мала и основу ее до сих пор составляют призывники-срочники, неизбежно сменяющиеся каждые 18 месяцев[11].

Армения не могла надеяться на то, чтобы сравняться с Азербайджаном по масштабам и технологическому уровню вооружений, но все же имела кое-какие преимущества: армяне защищали высокогорную территорию, опоясанную минными полями и глубоко эшелонированной обороной, которые грозили атакующему противнику весьма тяжелым уроном. Армянская стратегия, по всей видимости, заключалась в том, чтобы довести свой военный потенциал до уровня, позволяющего грозить азербайджанцам «гарантированными ответными разрушениями», если те решатся на какую-либо военную операцию. Сообщалось, что армянская армия приобрела реактивные системы залпового огня «Смерч»; по неподтвержденным данным, в ее распоряжении имелись также баллистические ракеты «Скад-Б» с радиусом действия 300 километров, способные поражать объекты азербайджанской инфраструктуры (в том числе нефтяной и газовой).

Россия, не желавшая новой войны за Карабах, делала все возможное для сохранения стратегического баланса между сторонами, оказывая военную помощь Армении. Она продавала оружие обеим сторонам, но больше армянам (по льготным ценам). В августе 2010 г. Ереван и Москва подписали новый договор о военном сотрудничестве, который продлил срок размещения российской базы в Гюмри до 2044 г. и обещал российскую военную поддержку Республике Армения в случае нападения на нее.

С обеих сторон 200-километровой линии прекращения огня, установленной в 1994 г. и известной как «линия соприкосновения», смотрели друг на друга тысяч по тридцать солдат. Минные поля, колючая проволока, окопы, которые порой разделяло меньше 100 метров, – все напоминало времена Первой мировой войны. Перемирие частенько нарушалось, поскольку международное присутствие здесь обеспечивали всего шесть наблюдателей от ОБСЕ, уполномоченные дважды в месяц проверять линию прекращения огня и всю армяно-азербайджанскую границу. В среднем за год здесь погибали три-четыре десятка солдат, многие стали жертвами смертоносного новшества – дальнобойных снайперских винтовок. В отсутствие прогресса на дипломатическом фронте посредники из Минской группы и российский президент Дмитрий Медведев старались упрочить перемирие. В декабре 2008 г. министры иностранных дел Франции и России и заместитель госсекретаря США призвали стороны в знак доброй воли убрать снайперов и «беречь жизни ни в чем не повинных мирных жителей и солдат»[12]. Три года спустя Азербайджан все еще противился как этой, так и любым другим мерам (например, увеличению числа наблюдателей), которые «нормализовали» бы статус-кво на «линии соприкосновения» и тем самым – оккупацию азербайджанской земли. Азербайджанцы предпочитали держать над головами армян дамоклов меч, хоть и уверяли, что не намерены им воспользоваться[13].

ОТГОЛОСКИ АВГУСТОВСКОЙ ВОЙНЫ

В ночь с 7 на 8 августа 2008 г. вспыхнула война между Грузией и Россией из-за отделившейся от Грузии Южной Осетии. Все закончилось за пять дней: грузинские вооруженные силы обстреливали,

[11] В 2008 г. численность азербайджанской армии оценивалась в 95 тысяч человек, три четверти из них были развернуты против Армении; армянские вооруженные силы (и те, которыми напрямую командовал Ереван, и те, что находились под номинальным контролем Нагорного Карабаха) насчитывали 73 тысячи человек. См.: Blandy C. W. Azerbaijan: Is War over Nagorny Karabakh a Realistic Option?. URL: http://www.da.mod.uk/colleges/arag/document-listings/caucasus/08(17)CWB.pdf. См. также: Waal T., de. The Karabakh Trap. London: Conciliation Resources, 2009; Minasyan S. The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment // PONARS Eurasia Memo. 2011. September.

[12] Joint Declaration of the Foreign Ministers and Deputy Minister of France, Russia, and the United States on Nagorno-Karabakh. 4 December 2008. URL: http://www.osce.org/mc/35384.

[13] 22 декабря 2011 г. Араз Азимов, много лет пребывающий на посту заместителя министра иностранных дел Азербайджана, выступая в Вашингтоне, отклонил предложение убрать снайперов. «Снайпер, – сказал он, – это невидимая тактическая единица. Раз они невидимы, то как вы их проконтролируете? И как можно верить другой стороне, если она скажет, что убрала снайперов? Как исполнить это пожелание сопредседателей?» Он также отверг предложенный механизм расследования нарушений перемирия, заявив: «Эта инициатива бесполезна, пока нет прогресса в урегулировании». Подробнее см.: http://www.acus.org/event/us-azerbaijan-relations-and-outlook-south-caucasus.

а затем атаковали южноосетинский город Цхинвал, российская армия вступила в Южную Осетию, вытеснила оттуда грузин, подвергла бомбардировке грузинские города и продвинулась на грузинскую территорию. Тысяча человек погибла, десятки тысяч стали беженцами.

От этого конфликта материально пострадали и Армения, и Азербайджан. Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан закрылся за два дня до начала войны из-за нападения, ответственность за которое взяли на себя боевики Рабочей партии Курдистана, и не работал 19 дней, что стоило Азербайджану несколько миллионов долларов. Разрушение 16 августа в Гракали единственного железнодорожного моста в центральной Грузии остановило поставку 80 % международного импорта в Армению из черноморских портов Батуми и Поти. Мост восстановили только 10 сентября, а пока он не функционировал, Армения испытала перебои с топливом и потеряла около полумиллиарда долларов.

Южноосетинский конфликт, в своем современном виде берущий начало в 1990–1992 гг., ошибочно называли «замороженным». Полтора десятка лет считалось, что из трех неразрешенных конфликтов на Южном Кавказе (включая абхазский и карабахский) этот – самый разрешимый. Его «размораживание» послужило отрезвляющим напоминанием о нестабильности ситуации во всех спорных зонах и привлекло внимание к тем, кто добивался мирного договора по Карабаху.

Несмотря на успех в чисто военном отношении, с точки зрения пиара война с Грузией имела для Москвы катастрофические последствия. Это один из факторов, подтолкнувших президента Дмитрия Медведева пойти в наступление с инициативами доброй воли по карабахскому конфликту, дабы избавить Россию от образа агрессора на Кавказе. Россия по-прежнему находилась в прочном союзе с Арменией, невзирая на разногласия по некоторым вопросам, в том числе касательно отношений с их общим соседом Грузией[14]. Однако теперь российское правительство стало обращать больше внимания на традиционно более сложные отношения с Азербайджаном. За месяц до войны, 3 июля 2008 г., президент Медведев посетил Баку и подписал азербайджанско-российский договор о дружбе. Медведев, бывший председатель Совета директоров «Газпрома», назвал хорошее сотрудничество с Баку жизненно важным для российских интересов в Каспийском море и на Северном Кавказе.

2 ноября 2008 г. Медведев пригласил президентов Алиева и Саргсяна в подмосковную усадьбу Майендорф. Позже он огласил подписанное тремя лидерами заявление, в котором говорилось об их общей поддержке мирного урегулирования карабахского конфликта. Сам текст не столь важен, как тот факт, что это первый документ, подписанный президентами Армении и Азербайджана после перемирия 1994 г.

Два новичка из «майендорфского трио» вдохнули некую новую жизнь в переговорный процесс. Армянский президент Серж Саргсян – карабахский армянин, как Роберт Кочарян, и в свое время тоже воевал с Азербайджаном. Однако, по характеру более открытый и склонный к консенсусу, чем его предшественник, на первых встречах с азербайджанским коллегой он, казалось, готов был конструктивно обсуждать новые предложения. Дмитрий Медведев примерно так же отличался от своего предшественника Владимира Путина, если не по убеждениям, то по манере поведения. Он с самого начала проявлял к карабахскому вопросу живой интерес, какого Путин никогда не выказывал. Говорят, последний за время президентства лишь однажды, в сентябре 2004 г. в Астане, попробовал лично выступить посредником между армянским и азербайджанским президентами, но разозлился, когда эти два лидера сначала заставили себя ждать, а потом поругались в его присутствии. В феврале 2007 г. один азербайджанский журналист задал Путину вопрос о карабахском конфликте на пресс-конференции в Кремле. Путин сначала осторожно ответил, что Россия не может никому навязывать свое решение спора, а затем пустился в воспоминания о популярном в советскую эпоху недорогом портвейне «Агдам» и небрежно предложил армянам и азербайджанцам восстановить город Агдам и производство алкогольной продукции. Сложилось впечатление, будто армяно-азербайджанский конфликт ассоциируется у него в основном с дешевыми напитками студенческой поры[15].

Медведев же, напротив, так глубоко втянулся в переговорный процесс, что лично редактировал проект документа об основных принципах урегулирования. В 2009 г. он, по сути, поручил российскому министру иностранных дел Лаврову руководство посреднической миссией. Роль Лаврова неизбежно вызвала подозрения, что Россия

[14] Президент Саргсян отказался признать, по примеру Москвы, Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами. В июне 2009 г. он также вызвал гнев России, присвоив одну из высших государственных наград Армении, Медаль почета, российскому bête noire – президенту Грузии Михаилу Саакашвили.

[15] Видеозапись вопроса азербайджанского журналиста и ответа Путина см.: http://www.youtube.com/watch?v=Oj4RIfIgu7w.

стремится установить на Кавказе мир на своих условиях, Pax Russica. Ряд западных комментаторов продолжали утверждать, что Россия может быть заинтересована лишь в сохранении статус-кво и поэтому весь процесс не нацелен на какие-либо реальные результаты. Для сомнений в мотивах России существовали объективные причины. Статус-кво во многом отвечало российским интересам. Разрешение конфликта сделало бы Армению и Азербайджан более независимыми, и для пребывания российской военной базы в Гюмри не осталось бы разумных оснований. Однако в подобных рассуждениях не учитывался тот факт, что с конца 1990-х гг. Франция, Россия и США очень хорошо сотрудничали в переговорах по Карабаху. Один американский чиновник, участвовавший в Минском процессе, охарактеризовал работавших вместе с ним русских как «прекрасных, практичных и искренних» людей. Подключение к процессу Медведева только укрепило сотрудничество. Хотя Медведев встречался с обоими президентами за закрытыми дверями, французского и американского сопредседателей всегда приглашали на мирные саммиты, где они консультировались с министром Лавровым. Самые последние варианты рамочного документа сообща обсуждались с Парижем и Вашингтоном. Россия, вполне возможно, планировала скорректировать мирный договор в свою пользу, когда рамочное соглашение будет заключено, – например, внести туда позже пункт о введении российских миротворцев. Но, так или иначе, все свидетельства указывают, что Москва активно добивалась мира в сотрудничестве с западными партнерами.

Что же, помимо соображений личного престижа президента Медведева (сам по себе фактор немаловажный), стояло за стремлением России урегулировать карабахский конфликт? Во-первых, ее влияние на Южном Кавказе слабело, и она нуждалась в новых аргументах, подтверждающих ее стратегическую значимость для этого региона. По мере возрастания стратегической роли Азербайджана Россия все сильнее чувствовала необходимость показать, что имеет представление, как решить «вопрос №1» для Баку – о Нагорном Карабахе. Во-вторых, карабахский мир открыл бы России пути сообщения с Турцией и Персидским заливом – особенно важные после того, как Грузия с 2006 г. практически закрылась для нее. Российские компании, владевшие армянскими железными дорогами, телекоммуникациями и газопроводом, получили бы возможность проникнуть в Турцию и Азербайджан. Наконец, мир представлял собой единственную гарантию от новой войны – ночного кошмара русских. Случись война, Москва в силу военного альянса с Ереваном по Договору о коллективной безопасности стран СНГ была бы вынуждена защищать Армению. При этом она рисковала потерять Азербайджан и вступить в конфликт еще с одним важным международным партнером – Турцией. Предотвратить развитие событий по столь ужасному сценарию мог только мирный договор.

ТУРЕЦКИЙ ДЕБЮТ

Параллельно с Медведевым и тоже после грузинской войны в стратегическую игру на Кавказе вступила Турция.

Во время грузинско-русской войны Турция сохраняла строгий нейтралитет. 13 августа 2008 г., после подписания плана перемирия, турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган выступил в Москве с инициативой «кавказской платформы стабильности и сотрудничества», согласно которой Армении, Азербайджану и Грузии предлагалось работать на достижение стабильности на Кавказе совместно с Россией и Турцией. Эта инициатива вытекала из знаменитой стратегии «нулевых проблем с соседями» Ахмета Давутоглу, занявшего в 2009 г. пост министра иностранных дел Турции, и стала возможной благодаря неуклонному «потеплению» в политических и деловых отношениях Турции с Россией, ее исторической соперницей на Черном море. Идея платформы развития не получила. Она оставляла за бортом других ключевых игроков в регионе: Европейский Союз, США, Иран – и выглядела скорее видимостью, нежели реальным планом действий. Но с ее помощью Турция заложила основу для продвижения исторической инициативы по нормализации отношений с Арменией.

После распада Советского Союза Турция признала независимость Армении, но дипломатических отношений два государства между собой не установили. Помешали усилия, которые Армения предпринимала на международной арене с целью заставить Турцию признать геноцид армян в Османской империи в 1915 г. Позднее Турция поддержала Азербайджан в споре из-за Карабаха. В апреле 1993 г. она закрыла границу с Арменией после захвата армянами Кельбаджарского района.

Спустя десятилетие закрытая граница препятствовала торговле в Армении и вызывала раздражение на востоке Турции, но больше ничего не давала. Азербайджану этот факт по-прежнему психологически грел душу, однако не имелось ни малейших свидетельств, что он чем-то помог Баку продвинуться к своей цели – сделать Армению более уступчивой в карабахском вопросе. Верным казалось как раз обратное: закрытие границы только укрепило традиционное для армян мнение, что они находятся в осаде со стороны турок и азербайджанцев.

Армяне и турки придумали массу способов общаться, невзирая на закрытую границу. Между Ереваном и Стамбулом существовал прямой авиарейс. Десятки тысяч армян нелегально работали в Стамбуле. Свободно сотрудничали неправительственные организации: журналистские, деловые, научные. В Турции в книгах, прессе, на конференциях начало нарушаться табу на обсуждение судьбы армян Османской империи. Центральная роль в этом новом диалоге принадлежала стамбульскому журналисту-армянину Гранту Динку, главному редактору армяноязычной газеты «Агос». Его критиковали радикалы с обеих сторон: турецкие – за то, что он выступал за права армянской диаспоры, армянские – за то, что призывал к диалогу с турками. В январе 2007 г. Динк был убит молодым турецким националистом-фанатиком. Его похороны дали тем туркам, которые желали поставить армянский вопрос ребром, повод излить свою скорбь и гнев и заодно продемонстрировать силу. Тысячи людей несли плакаты с надписью на турецком языке: «Мы – армяне».

Армянское и турецкое правительства начали в 2007 г. конфиденциальные переговоры о нормализации отношений при посредничестве швейцарского министерства иностранных дел. Процесс ускорили как шок от грузинско-русской войны, так и расписание Чемпионата мира по футболу 2010 г.: командам Армении и Турции предстояло встретиться друг с другом в отборочном турнире, а значит, турецким футболистам играть в Ереване, армянским – в Турции.

Турецкий президент Абдулла Гюль использовал эту возможность для «футбольной дипломатии», как окрестили СМИ его действия. 6 сентября 2008 г. он прилетел в Ереван на армяно-турецкий матч и остался потолковать с армянскими хозяевами встречи. Были приняты строжайшие меры безопасности. Гюль и армянский президент Серж Саргсян смотрели игру на стадионе имени Вазгена Саркисяна из вип-ложи, защищенной пуленепробиваемым стеклом. Позади стадиона у мемориала геноцида в молчаливом пикете стояли десятки демонстрантов с цветами и факелами. Тем не менее визит турецкого лидера в независимую Армению стал историческим событием. Два президента обменялись теплыми словами, причем Гюль сказал: «Если мы создадим хорошую атмосферу и климат для этого процесса, это будет большим достижением и будет способствовать стабильности и сотрудничеству на Кавказе».

В 2009 г. стороны дошли до разработки документа, который они могли бы подписать. Прогресса они сумели достичь, лишь договорившись отложить в сторону вопросы Карабаха и геноцида, но затем неизбежно столкнулись с препятствиями. Правительство Партии справедливости и развития разрывалось между противоречивыми

соображениями. Успешное сближение с Арменией принесло бы ему дивиденды на Западе, оставило бы зарубежным парламентам меньше поводов осуждать Турцию в резолюциях по поводу геноцида и дало бы Турции шанс превратиться в сильного регионального игрока на Южном Кавказе. Однако в отсутствие прогресса в разрешении карабахского конфликта это оттолкнуло бы от нее тюркского союзника – Азербайджан – и навлекло бы на правительство обвинения в предательстве. Поэтому турки с надеждой следили за переговорами по Карабаху, ожидая, когда те позволят им продвинуться дальше в нормализации отношений с Арменией. Времени было не так много: следовало успеть до ответного турецко-армянского матча в Турции, назначенного на 14 октября 2009 г.; Саргсян заявил, что не поедет на него, если документ не будет подписан.

Окончательный вариант документа был готов, и Саргсян отправился в поездку по России, Ливану, Франции и США, пропагандируя его армянской диаспоре. В самой Армении соглашение, обещавшее открытие западной границы страны, встретило всеобщую, хотя и не слишком горячую поддержку. За рубежом же внуки переживших геноцид 1915 г. с гораздо большей враждебностью отнеслись к идее создания «комиссии историков» и соглашению, которое признавало современные границы Турции. Не все, но многие организации диаспоры выступили против сближения с Турцией, и на ряде публичных митингов Саргсян подвергся резкой критике.

10 октября министры иностранных дел Армении и Турции, Эдуард Налбандян и Ахмет Давутоглу, встретились в Цюрихе в окружении отряда тяжеловесов международной политики, включая госсекретаря США Хиллари Клинтон, французского и российского министров иностранных дел. Они подписали два протокола о нормализации отношений. Церемонию пришлось отложить на три часа, потому что министр иностранных дел Армении был против предложения о подкомиссии по геноциду в заявлении турецкого коллеги. В конце концов, оба министра отказались от публичных заявлений.

Протоколы гласили, что граница между Турцией и Арменией будет вновь открыта и дипломатические отношения установлены через два месяца после ратификации протоколов армянским и турецким парламентами, – такая пауза давала обоим правительствам небольшую политическую передышку. Самое главное – о чем в этих документах не говорилось: там не было конкретных упоминаний о Карабахе, а по поводу геноцида содержалось неопределенное (и тем не менее вызвавшее нарекания многих армян) обязательство создать «подкомиссию по изучению исторического аспекта осуществления диалога».

Через четыре дня армянский президент Серж Саргсян прилетел в турецкий город Бурсу на ответный футбольный матч Турция – Армения. Протоколы и так уже разозлили азербайджанцев. Когда же появились сообщения, что на стадион не разрешили проносить азербайджанские флаги, разъяренные азербайджанцы убрали турецкие флаги из мемориала Первой мировой войны в Баку. В то же время реальный глава Турции, премьер-министр Эрдоган, относился к соглашению с гораздо большим скепсисом, чем президент Гюль. Он принял в Анкаре 11 азербайджанских парламентариев и заверил их, что Турция не перестанет поддерживать азербайджанскую позицию в карабахском конфликте.

ПУТЬ ДО КАЗАНИ

Около года, в 2009–2010 гг., сложные взаимоотношения между Арменией, Азербайджаном и Турцией с продвижениями и отступлениями обещали то развязать, то еще туже затянуть кавказский узел. К исходу 2009 г. стало ясно, что турецкая сторона намерена ратифицировать турецко-армянские протоколы лишь в случае заметного прогресса в карабахском вопросе, ставя, по сути, результат одного трудного процесса в зависимость от результата другого, еще более трудного[16].

Документ об основных принципах урегулирования карабахского конфликта получил название «Мадридские принципы», после того как текст из 14 пунктов на 2 страницах был в декабре 2007 г. представлен генеральному секретарю ОБСЕ в Мадриде. В июле 2009 г. на саммите «большой восьмерки» в Аквиле (Италия) лидеры трех стран – сопредседателей Минской группы, президенты Медведев, Обама и Саркози, выступили с заявлением, призывающим президентов Алиева и Саргсяна «устранить несколько остающихся разногласий между ними и завершить согласование этих основных принципов». Заявление также открывало следующие детали плана:

«Основные принципы отражают разумный компромисс, основанный на принципах Хельсинкского заключительного акта – неприменения силы, территориальной целостности, равноправия и права народов на самоопределение.

Основные принципы включают в себя среди прочих:

1. Возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана;

2. Предоставление промежуточного статуса для Нагорного Карабаха, обеспечивающего гарантии безопасности и самоуправления;

3. Обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом;

4. Определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления;

5. Возвращение всех внутренне перемещенных лиц и беженцев в места прежнего проживания;

6. Международные гарантии безопасности и проведение миротворческой операции.

Одобрение этих основных принципов Арменией и Азербайджаном позволит выработать всеобъемлющее урегулирование, которое обеспечит будущий мир, стабильность и процветание Армении и Азербайджана, а также всего региона в целом».

Делая достоянием гласности суть рамочного документа, посредники надеялись создать импульс, побуждающий к миру. Следующим решающим моментом стало совещание ОБСЕ на уровне министров в Афинах в декабре 2009 г. На процесс посредничества вылилась очередная порция «холодного душа» реальности. Азербайджанцы в Афинах заявили, что согласны с последним вариантом «основных принципов», хотя и с некоторыми оговорками. Армянская сторона повела себя более уклончиво и призвала разработать новый проект. Через два месяца президент Алиев объяснил сопротивление армян тем, что они договорились с Турцией. «Я говорил сопредседателям, что Армения хочет тянуть до последнего, а под конец увильнуть», – сказал он высокопоставленному официальному лицу из США[17].

В начале 2010 г. процесс сближения Армении с Турцией забуксовал. Турецкая сторона не выказывала готовности ратифицировать подписанные протоколы, пока нет прогресса в карабахском вопросе. Армянская ничего нового не предлагала. 22 апреля, за два дня до

[16] 24 октября, давая интервью в Баку, турецкий министр иностранных дел Ахмет Давутоглу сказал, что «переговорный процесс по Карабаху оживился благодаря позиции официальной Анкары», но при этом добавил: «Я открыто заявляю азербайджанскому обществу, что территориальная целостность Азербайджана дорога нам так же, как территориальная целостность Турции». Если он был искренен, то проявил большую наивность в карабахском вопросе. См.: Глава МИД Турции: «Переговорный процесс по Карабаху оживился именно благодаря Анкаре» // Информационное агентство «Regnum», 24 окт. 2009. URL: http://www.regnum.ru/news/1218083.html.

[17] См. дипломатическую телеграмму из Баку в США от 25 февраля 2010 г. под заглавием «Азербайджанский президент – Бёрнсу (США): "Две головы в одном котле не варятся"» («Azerbaijani president to U/S Burns: "You can't boil two heads in one pot"»), обнародованную на сайте Wikileaks. URL: http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=10BAKU134&q=baku%20burns%20pot.

Дня геноцида в Армении, Саргсян публично объявил, что Армения временно прекращает участвовать в процессе и не станет добиваться ратификации протоколов.

Медведев не собирался отказываться от своей инициативы по Карабаху. Переговорщики убрали из документа ряд спорных мест. Весной 2011 г., когда остался всего год до завершения президентского срока Медведева, он решил, что пора составлять договор. Ключевое совещание – девятую трехстороннюю встречу под председательством российского президента с 2009 г. – было намечено провести в российском городе Казани, столице автономной мусульманской республики Татарстан на Волге. Этот последний рывок координировался с Францией и США. На саммите «большой восьмерки» в Довиле (Франция) 26 мая президенты Медведев, Обама и Саркози выступили с новым совместным заявлением, призывая Армению и Азербайджан согласовать «основные принципы» в Казани и предупреждая: «Дальнейшее промедление только вызовет сомнения в намерении сторон заключить соглашение». Российский министр иностранных дел Лавров подготовил окончательный проект договора и разослал на отзыв в Баку и Ереван. Президент Барак Обама накануне встречи позвонил по телефону армянскому и азербайджанскому президентам, убеждая их сделать «решающий шаг к мирному урегулированию». Посол Роберт Брадтке, сопредседатель Минской группы от США, назвал предстоящие переговоры, «вероятно, самым важным моментом процесса после переговоров 2001 г. в Ки-Уэсте».

Президенты Армении и Азербайджана прибыли в Казань, прогулялись по старинному городу на Волге, посмотрели знаменитые скачки – гвоздь празднеств, на которые их пригласили. Затем они начали переговоры, продолжавшиеся три часа. Каждого из трех президентов – российского, армянского и азербайджанского – сопровождали министр иностранных дел и советник по внешней политике. Сопредседатели Минской группы от Франции, России и США находились рядом с залом переговоров, но участия в них не принимали.

Дело снова зашло в тупик. В банальном заявлении после встречи говорилось о достижении «взаимопонимания», а не соглашения. На сей раз, как выяснилось, договоренности воспрепятствовала азербайджанская сторона. Говорят, президент Алиев представил ряд новых поправок к проекту документа, прекрасно зная, что это тут же поставит под угрозу весь текст, выработанный с таким трудом. В частности, Алиев, несомненно, выдвинул возражения против двух мест документа. Одно из них – неопределенный статус «некоридорного Лачина», то есть части Лачинского района, которая не входила в специальный коридор, связывающий Нагорный Карабах с Арменией.

Азербайджанцы опасались, что раз в договоре не написано четко и ясно о возврате Лачина помимо коридора, то им собираются отдать не все семь территорий за пределами Нагорного Карабаха, а только шесть. Второе главное возражение касалось предлагаемого для Нагорного Карабаха «промежуточного статуса», по их мнению, чересчур близкого к международному признанию.

Эти пункты вполне заслуживали обсуждения, но оставался вопрос, почему азербайджанская сторона не затрагивала их в период консультаций перед Казанской встречей[18]. Если азербайджанцы боялись монополизации мирного процесса Россией, то могли бы догадаться, что отсутствие подвижек в Казани лишь сильнее охладит интерес к нему и у других посредников – Франции и США. По мнению многих наблюдателей, Баку решил потянуть время и подождать более удобного для него момента. Армянам это сыграло на руку: они неохотно одобрили казанский проект, после того как Москва выкрутила им руки, однако с оговоркой, что им надо согласовать его с карабахскими армянами. Сохранение статус-кво позволяло им чувствовать себя комфортнее.

ТЕНЬ УБИЙСТВА

В 2011–2012 гг. над мирным процессом по Нагорному Карабаху стала витать опасная атмосфера усталости. Психологическая пропасть между двумя сторонами только расширилась. К двадцатой годовщине независимости Армении и Азербайджана и начала конфликта появились опасения, что спокойное на вид статус-кво в конечном счете окажется неустойчивым и нарушит его скорее война, нежели мир.

В августе 2012 г. снова всплыло дело, о котором люди уже начали забывать, и сдвинуло стрелки в сторону конфликта. В 2004 г. в столице Венгрии Будапеште произошел чудовищный инцидент. По программе НАТО офицеры вооруженных сил дружественных стран проходили там курсы английского языка и жили под одной крышей, деля друг с другом как жилые комнаты, так и учебные аудитории. В ночь на 19 февраля 2004 г. азербайджанский лейтенант Рамиль Сафаров ворвался в спальню к армянскому лейтенанту Гургену Маргаряну и зверски зарубил его топором, практически отделив голову от туловища. Затем он попытался убить еще одного армянского офицера, чья

[18] Позднее азербайджанская сторона заявила, будто Лавров представил ей новый, неприемлемый проект уже в Казани. Ни один неазербайджанский источник эту версию не подтверждает.

дверь, к счастью, оказалась заперта. Сафаров родился в 1977 г. в городке Джебраил к югу от Карабаха. Подростком он видел, как армянские войска в 1993 г. захватили его родной район, но был слишком юн, чтобы самому сражаться с ними. На допросе в полиции он упомянул бойню 1992 г. в Ходжалы и сказал: «Я жалею, что ни одного армянина до сих пор не убил»[19].

В Армении и Азербайджане убитый и убийца (соответственно) мгновенно стали национальными иконами. В Ереване похороны молодого офицера Маргаряна превратились в публичную церемонию, символически проведенную в годовщину сумгаитских погромов 1988 г. В Азербайджане министерство иностранных дел выразило сожаление в связи с убийством, но многие называли Сафарова героем.

В апреле 2006 г. Сафарова за убийство армянского коллеги приговорили в Венгрии к пожизненному заключению. Кое-кто надеялся, что армяне и азербайджанцы младшего поколения станут терпимее друг к другу. Убийство Маргаряна и общественная реакция на него в обеих странах показали обратное: молодое постсоветское поколение, воспитанное националистической пропагандой и лишенное контактов с представителями «противника» на бытовом уровне, в действительности относилось к противоположной стороне конфликта гораздо враждебнее.

Несколько лет, пока Сафаров находился в заключении в Венгрии, об этом деле много не говорили. Затем 31 августа 2012 г. последовало драматичное объявление: Венгрия согласилась экстрадировать Сафарова в Азербайджан, официально – при условии, что он отбудет остаток пожизненного срока заключения на родине.

Вместо этого, не успел Сафаров сойти с трапа самолета, как президент Ильхам Алиев его помиловал. Сафарова встречали с цветами, повысили в звании сразу до майора и подарили ему квартиру в Баку. Азербайджанское телевидение показало, как он навещает могилу Гейдара Алиева в бакинской Аллее Мучеников. Чествование как героя человека, который прославился единственно тем, что убил спящего армянина, представляло собой намеренную провокацию со стороны азербайджанских властей. Оно вызвало вполне предсказуемую бурю негодования в Армении: вот лишнее доказательство, говорили там, что карабахским армянам в вопросе о своей безопасности не стоит доверять Азербайджану. Осудили его и на международной арене. Представитель Белого дома сказал, что президент Барак Обама «глубоко озабочен» и что помилование Сафарова «противоречит прилагающимся усилиям по ослаблению напряженности в регионе и достижению примирения».

Азербайджан пытался оправдать свои действия, напоминая об осужденном армянском террористе, который в 2001 г. нашел убежище в Армении, после того как его выпустили из французской тюрьмы[20]. Азербайджанские власти также позаботились, чтобы Сафаров не мелькал на людях. Но этот эпизод подпортил международный имидж Азербайджана, несмотря на все его старания добиться респектабельности, проводя у себя, например, такие мероприятия, как конкурс эстрадной песни «Евровидение».

Самое главное – помилование Сафарова нанесло тяжелый удар по и так уже хромающему мирному процессу в рамках Минской группы. Почему же азербайджанское руководство пошло на провокацию, чреватую гневом международной общественности, ради столь эфемерного выигрыша, как одобрение националистического электората? Это весьма прискорбное свидетельство того, что спустя почти 25 лет с момента своего возникновения в последние годы горбачевской эпохи карабахский конфликт по-прежнему подпитывает сам себя, толкая обе стороны на деструктивный путь.

[19] Цит. по переводу венгерского оригинала на армянском сайте: http://budapest.sumgait.info/safarov-interrogation.htm. В стенограмме допроса написано «Hodzani», но Сафаров явно говорил о Ходжалы. Судя по слову «sumgait» в названии сайта, на нем убийство Маргаряна прямо связывается с сумгаитскими погромами 1988 г.

[20] Взвешенную статью о деле Сафарова см.: Grigorian M., Orujev R. Murder Case Judgment Reverberates Around Caucasus // Institute for War and Peace Reporting. 20 April 2006. URL: http://iwpr.net/report-news/murder-case-judgement-reverberates-around-caucasus.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КОНФЛИКТ НЕ «ЗАМОРОЖЕН»

Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха часто называют «замороженным». Это неверно, а то и опасно. Даже если основополагающие проблемы не разрешены, различные элементы в зоне конфликта не остаются в неподвижном состоянии.

По общему признанию, за время, прошедшее с 1988 г., характер конфликта изменился. То, что началось как политический спор внутри Советского Союза, превратилось в войну между государствами. После перемирия 1994 г. и Армения, и Азербайджан, и Нагорный Карабах продолжали развиваться. В первое десятилетие XXI в. особенно кардинальную трансформацию претерпел Азербайджан. Подсчитано, что за 2005–2025 гг. нефть и газ могут принести азербайджанскому государству до 120 млрд долларов[1]. У азербайджанской государственной модели много структурных пороков, и еще большой вопрос – насколько она устойчива в долгосрочной перспективе. Но Баку, конечно, гораздо увереннее чувствует себя на международной арене. Это выражается не только в большом военном бюджете, о котором шла речь в предыдущей главе, но и в затянувшейся словесной войне с армянами. К 2012 г. Баку открыл более шестидесяти посольств по всему миру и вступил на два года в Совет Безопасности ООН, используя эту площадку для того, чтобы усердно напоминать международным собеседникам о своих обидах из-за внутри- и внешнеполитической проблемы №1 – карабахского конфликта.

Армяне, правда, тоже не сидели сложа руки. Они, со своей стороны, трудились над упрочением ситуации в землях, которые взяли под контроль. В Нагорном Карабахе с 1988 г. выросло целое поколение армян, не имеющих опыта жизни на этнически смешанной территории и представляющих себе азербайджанцев исключительно как «агрессоров». Армяне больше, чем азербайджанцы, говорят, что хотят дружески контактировать с другим сообществом, – но это не обязательно означает более высокий уровень терпимости. Многие из тех, кто выражает желание иметь хорошие отношения с азербайджанцами, заявляют при этом, что не готовы к тому, чтобы Армения отдала Азербайджану хотя бы часть завоеванной земли. Такое отношение можно назвать «пассивно агрессивным».

[1] См.: Cornell S. Azerbaijan since Independence. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2011. P. 233.

Местные реалии подкрепляют неуступчивость Баку и Еревана. Каждая из сторон выбирает для обоснования своей позиции разные нормы международного права и международной практики. Для Азербайджана это принцип «территориальной целостности» и тот факт, что международное право признает его преемником Азербайджанской ССР в прежних границах и, следовательно, справедливость его притязаний на Нагорный Карабах, пусть армяне и владеют последним более 20 лет. Опасность такой позиции заключается в том, что азербайджанцы могут настаивать на своих законных правах много лет, но на месте ничего не изменится, а жизнь тем временем будет идти вперед, пока эти права практически не обесценятся, – в подобном положении сейчас находятся палестинцы и греки-киприоты.

Армянам больше по душе заповедь «реальной политики»: дипломатия закрепляет то, что написала история. Дескать, поскольку они де-факто осуществили отделение Нагорного Карабаха от Азербайджана и переписали местную историю, в конечном счете это будет признано всем миром. Их обнадеживает наблюдение, что мир хоть и не одобряет сецессии, но войну не любит еще больше. Они пристально следят за иными спорами о суверенитете и указывают, что в некоторых случаях (Эритрея, Южный Судан) мировое сообщество санкционировало выход области из состава страны, в других (Косово, Абхазия, Южная Осетия) как минимум одна великая держава признала независимость отделившейся территории наперекор претендентам на роль метрополии – Сербии и Грузии. Президент Серж Саргсян подчеркнул в одном газетном интервью 2011 г.: «Как прецедент, конечно, становление новых государств в мире положительно влияет на международное восприятие права народа Нагорного Карабаха. И дело даже не в том, признаем ли мы сами государственный суверенитет Косово, Южного Судана, Абхазии или Южной Осетии, а в том, что международное сообщество в разных ком-

бинациях признает, что при тех или иных условиях отделение является правомочной формой реализации права на самоопределение»[2].

Но тут и армянская сторона сталкивается с проблемой: пока ситуация в пользу армян лишь де-факто, а не де-юре, им придется защищать ее всеми дипломатическими и военными средствами, и, удерживая не только Нагорный Карабах, но и прилегающие азербайджанские территории, они в глазах значительной части остального мира будут нарушителями международных норм. Кроме того, если границы между Карабахом и прочими территориями продолжат стираться, многие внешние наблюдатели начнут видеть в армянской позиции не борьбу за самоопределение Карабаха, а ирредентистскую завоевательную войну.

Из двух задач сложнее, пожалуй, азербайджанская: вернуть то, что потеряно целое поколение назад. Однако у Азербайджана, конечно, достаточно сил на международной арене, чтобы держать армянскую сторону в подвешенном состоянии и не допускать признания независимости Нагорного Карабаха.

МУЧИТЕЛЬНОЕ СТАТУС-КВО

Хотя войны нет, не следует забывать, сколько вреда принесло «полумирное» статус-кво в карабахском конфликте. Стоит ненадолго представить в воображении, как выглядел бы Южный Кавказ, не будь этого конфликта, сразу понимаешь, какой ущерб оно продолжает наносить. Коммуникации на всем пространстве от Черного до Каспийского моря блокированы, политическая эволюция двух стран тормозится, экономические ресурсы расходуются не на основные нужды, а на вооружение.

Текущая ситуация заставляет страдать простых людей по всему региону, в убежищах беженцев, изгнанных из Азербайджана два десятка лет назад, в опустевших селах Армении и многих других местах.

Ярчайший пример местности, которая без нужды пострадала от конфликта и о которой часто забывают, – Нахичевань, изолированный эксклав Азербайджана, не имеющий общей границы с остальной частью страны, зажатый между Арменией, Ираном и Турцией. Нахичевань оказалась практически в полной изоляции от внешнего мира, когда в 1991 г. армяне, закрыв свои границы, замкнули вокруг нее двойное кольцо блокады. Когда я посетил город Нахичевань в 2000 г., он выглядел в полном смысле слова глушью, далекой, словно Патагония. Длинные ржавеющие составы стояли на запасных путях городского вокзала. Заводы были забиты бесполезными советскими станками, продукция которых так и не попала на рынок. Нахичеванская автономная республика также прославилась самыми суровыми репрессиями в Азербайджане, местные власти подавляли малейший признак инакомыслия. Именно здесь было уничтожено знаменитое средневековое армянское кладбище возле старинного города Джульфа, с тысячами покрытых искусной резьбой памятников-хачкаров – очевидно, в рамках кампании по искоренению христианского наследия. Сообщения об этом акте массового вандализма впервые появились в 2005 г., но азербайджанские власти чинили всяческие препятствия независимым свидетелям, желавшим попасть на место[3].

Добраться до Нахичевани очень непросто. Нужно либо лететь туда из Баку, либо добираться на машине из Восточной Турции или из Ирана, где таможенники взимают солидную плату с любого транспортного средства, пересекающего границу. Когда я прилетел туда в конце октября 2000 г., в воздухе уже чувствовался ранний зимний морозец. Мэр города Нахичевань Вели Шахвердиев разжег в своем рабочем кабинете печурку, работавшую от газового баллона, продемонстрировав тем самым, как предстоит обогреваться людям в ближайшие полгода. Он рассказал, что готовится ввести строгие ограничения на потребление электричества в городе, поскольку снова возникли перебои с электроэнергией. Будут выключены все уличные фонари и обесточены все магазины. Раньше нахичеванцы обычно получали газ – и большую часть другой продукции – через Армению, ведь Ереван отсюда гораздо ближе, чем Баку. «Могу сказать, что у нас были очень близкие, просто прекрасные отношения с армянами, – говорил Шахвердиев. – Я учился в Московском университете и ни разу не ездил туда из Баку. Я садился в автобус, час ехал до Еревана, а оттуда – самолетом до Москвы. И точно так же возвращался обратно»[4]. Он с необычным для азербайджанского чиновника жаром высказывался за мирное соглашение по Карабаху.

При нормальных обстоятельствах Нахичевань благодаря своему географическому положению служила бы перекрестком, связывающим восток и запад. Теперь же она представляет собой

[2] Сухов И. Серж Саргсян: «Принцип территориальной целостности не означает незыблемость границ» // Московские новости. 2011. 16 мая. URL: http://mn.ru/blog_20_years_ussr/20110516/301913855.html.

[3] О случившемся в Джульфе см.: Azerbaijan: Famous Medieval Cemetery Vanishes // Caucasus Reporting Service No. 336, Institute for War and Peace Reporting, 27 April 2006. См. также: www.djulfa.com.

[4] Интервью с В. Шахвердиевым, 31 окт. 2000.

примечательную жертву «пакта о самоубийстве» (как я это называю), к которому постепенно идут Армения и Азербайджан: каждая из сторон старается заставить другую страдать не меньше, чем она сама.

ПРИЧИНЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ

На первый взгляд кажется удивительным, что небольшой спор нанес такой ущерб. Ситуация в Нагорном Карабахе сродни причудам циклона – зародившись в крошечной точке в 1988 г., он разросся и стал причиной широкомасштабных разрушений, сметая все преграды, блокируя дороги и заставляя бывших соседей идти войной друг на друга. Но случившееся там является результатом структурной слабости политики в этом регионе и много говорит о том, как начинаются конфликты.

Стоит еще раз подчеркнуть, чего *нельзя* сказать о карабахском конфликте. Надо сразу же отмести три неверных предположения. Конфликт, как показано в книге, к счастью, не порожден «вековой ненавистью». До конца XIX в. армяне и азербайджанцы воевали друг с другом не чаще, чем любые другие народы в этом регионе. В их отношениях было много хорошего, и на протяжении большей части XX в. обе нации неплохо уживались. Конечно, между армянами и азербайджанцами существовали трения, которые переросли в межнациональное кровопролитие в 1905–1906, 1918–1920 гг., а затем снова после 1988 г. Но это насилие не следует объяснять исконной враждой на почве религии или культуры. Вне политизированной среды республик Армения и Азербайджан армяне-христиане до сих пор ладят с азербайджанцами-шиитами из Ирана, обе национальности без проблем живут бок о бок в Грузии. Насилие порождалось специфическими политическими и социально-экономическими противоречиями времени – причем каждый раз, когда российская власть ослабевала и не могла или не желала выступать арбитром в спорах между двумя этническими группами.

Невзирая на эксцессы насилия, множество уз по-прежнему связывает эти национальности. Главное впечатление, которое я вынес из своих путешествий по Южному Кавказу: линия раскола прошла сквозь души людей. В одном и том же человеке сосуществуют импульсы ненависти и желание примирения. Армяне и азербайджанцы одновременно могут быть друзьями и врагами. Они мечутся между агрессивностью и миролюбием, между личной дружбой и националистическими мифами.

Подобная противоречивость свойственна и людям, облеченным властью. Карабахский армянин Серж Саргсян, суровый человек, ныне президент Армении, а в 2000 г., когда я с ним встречался, министр обороны, с неподдельной теплотой вспоминал о бывших коллегах-азербайджанцах, вместе с которыми работал в степанакертском горкоме комсомола. «...Я знал азербайджанский язык... у меня было очень много друзей-азербайджанцев», – говорил он мне. Но эти воспоминания не сказались на его отношении к войне с Азербайджаном – никакого сожаления по данному поводу он не высказал. Провожая меня после интервью, Саргсян вдруг заявил: «Самое важное – не территория. Важно, что в Армении остался один этнос. В Варденисе и других областях азербайджанцы составляли около 70 процентов населения. Наши культуры несовместимы. Мы можем жить бок о бок, но не внутри друг друга... Нас мало»[5]. Очевидно, для Саргсяна ход истории, как он его понимал, заглушал голоса его старых друзей.

Другой военачальник, бывший министр обороны Азербайджана Таджеддин Мехтиев, сначала разразился воинственной речью, а затем неожиданно продемонстрировал искреннее добродушие. Мехтиев – один из основателей «Организации освобождения Карабаха», которая ратует за возвращение Карабаха силой. «Мы выгоним армян из Карабаха, – гремел он, – а затем пойдем дальше и выгоним их с нашей исторической территории Зангезура». После интервью генерал отвез меня в своем «мерседесе» в центр Баку. Услышав, что я собираюсь в Армению, потенциальный завоеватель Карабаха и Зангезура попросил: «Если будете в Ереване, разыщите Михаила Арутюняна и передайте ему от меня большой привет. Он сейчас начальник Генерального штаба. Мы вместе с ним учились в академии Генштаба [СССР]»[6].

Меня поразило то, что часто самыми добросердечными оказывались именно люди, которые больше всего потеряли в этой войне. Например, азербайджанка Наиля Мустафиева, учительница в «детской республике» под Сабирабадом. Как и ее соседи, она была беженкой, ее дом захватили армяне. Но с какой теплотой она вспоминала о двух армянских девушках, с которыми подружилась на курсах повышения квалификации учителей в Баку, о том, как они делились едой и разучивали друг с другом песни! Наиля сказала, что беспокоится о своей дочери, у которой формируется противоположный взгляд на жизнь. «Когда по телевизору показывали передачу о резне в Ходжалы, дочка спросила меня: "А армяне – люди?" Она не могла поверить, что люди способны на такие вещи, на убийство. Я ответила ей: "Да, они люди". А потом по российскому телевидению была пере-

[5] Интервью с С. Саргсяном, 15 дек. 2000.

[6] Интервью с Т. Мехтиевым, 31 марта 2000.

мы повернули колесо истории. В этот ключевой период наш народ воссоздал свою независимую государственность, полностью приняв ответственность за защиту своих прав и национальных интересов. Одним из важнейших достижений в этот исторический момент подъема явилась армянская армия. Существовала необходимость предотвратить назревающую опасность геноцида, нависшую над головой армянского народа и особенно арцахского армянства»[11].

Азербайджанцы подкрепляют армянский нарратив о неуверенности и опасности. Азербайджанские официальные лица стали чаще заговаривать об убийстве армян в Османской империи в 1915 г., называя его «так называемым геноцидом», – хотя мудрее, наверное, было бы молчать[12].

В трагической повести азербайджанцев главное внимание сосредоточено на бойне в Ходжалы в феврале 1992 г., которую в Азербайджане сегодня повсеместно называют геноцидом; на утрате одного за другим городов и районов в Карабахе и вокруг него в 1992–1994 гг. Потерю земли азербайджанцы переживают очень остро, говоря, что армяне разорвали их государство, прежде чем у них появился шанс его построить. Со своей стороны, и некоторые армяне старательно сыплют им соль на рану, публично сомневаясь в их праве на государственность и приводя в пример для сравнения древнюю историческую родословную армян. В армянских комментариях нередко выражается мнение, будто Азербайджан – нежизнеспособное государство, поскольку якобы угнетает национальные меньшинства, не только армян, но и мусульман – лезгин и талышей. Обратим внимание на слова «так называемый Азербайджан» в следующем пассаже из заметки 2010 г., принадлежащей обозревателю Левону Микаэляну: «Эти тщательно скрываемые от внешнего мира процессы охватывают всю территорию так называемого Азербайджана, особенно его северную и южную части, подобно Арцаху насильственно присоединенные к нему со своим автохтонным населением – лезгинами и талышами. И именно мы, армяне, способны во всей полноте понять неумолимый

[11] Поздравительное послание Президента РА Сержа Саргсяна в связи с 20-летием создания Вооруженных сил Республики Армения, 28 янв. 2012. URL: http://www.president.am/events/statements/rus/?id=121.

[12] Например, Али Хасанов, начальник социально-политического отдела в администрации президента Азербайджана, сказал в декабре 2011 г.: «Армяне много лет добиваются, чтобы страны мира и их парламенты признали так называемый армянский геноцид. Их претензии надуманны и не имеют ничего общего с исторической действительностью. В каком бы парламенте они ни обсуждались, мы расцениваем это дело как сфабрикованное, не происходившее в истории». См.: «So called genocide brings no positive to interstate relations» – top official, 21 December 2011. URL: http://news.az/articles/politics/51365.

ход исторических событий и стремление этих народов к обретению собственной государственности»[13].

Параллельные армянский и азербайджанский нарративы углубляются и в историю, превращаясь в повести об освобождении от имперского гнета. Выслушивая их снова и снова, я начал замечать на заднем плане тени двух врагов – России и Турции. Мысль о том, что Россия и Турция представляют реальную угрозу, очень широко распространена в обеих странах. Привожу здесь два комментария, взятых почти наугад. Арам Саркисян, в прошлом первый секретарь ЦК компартии Армении, сказал мне: «Сегодня Армения – это всего лишь маленький барьер на пути намерения Турции объединиться со всеми тюркоязычными странами: ведь мы не даем им соединиться с Азербайджаном»[14]. Иными словами, Азербайджан рассматривается как пособник Турции, которая лелеет историческую мечту об уничтожении Армении. В этом армянском нарративе, основанном на памяти о геноциде 1915 г., упускается из виду тот факт, что азербайджанцы и турки – не одна и та же нация; что Азербайджан никогда не входил в Османскую империю; что в истории XX в. найдется столько же страниц о злодеяниях армян против азербайджанцев, сколько и о зверствах, которые творили азербайджанцы над армянами; что, наконец, армяне жестоко обошлись с азербайджанцами на собственной территории.

Точка зрения многих азербайджанцев на роль России в истории Кавказа является зеркальным отражением армянской версии. Я слышал, что требования карабахских армян об отделении являются всего лишь частью глобального плана России поработить и окончательно развалить Азербайджан. Бывший помощник азербайджанского президента Вафа Гулузаде писал: «Когда мы называем конфликт, в который втянуты, "армяно-азербайджанским", мы вводим в заблуждение и себя, и других. В действительности это последняя фаза давнего российско-турецкого противостояния. Армения – лишь исполнитель воли своего господина, а Азербайджан – лишь небольшая помеха на пути к достижению глобальной цели. Общеизвестно, что даже в начале XX века, во время Первой мировой войны, Россия использовала Армению в противостоянии с Турцией. Видимо, история повторяется»[15].

Таким образом, уже не Армения – «маленький барьер» на пути к Великому Турану, а Азербайджан – «небольшая помеха», сдержи-

[13] Микаэлян Л. «Жемчужины» так называемого Азербайджана // Голос Армении. 2010. № 78 (17 июня).

[14] Интервью с А. Саркисяном, 4 мая 2000.

[15] Зеркало (Баку). 1998. 26 дек.

дача с ведущей-армянкой, и я сказала дочке: "Смотри, вот армянка. У нее есть семья, дети"».

Еще одно ложное предположение – будто армяно-азербайджанский конфликт сводится исключительно к социально-экономическим компонентам. Когда спор начался, и армяне, и азербайджанцы явно пренебрегали своими социально-экономическими интересами. Вспыхивали забастовки, разрушались транспортные и иные связи с соседями – все во имя политических целей. Попытки Москвы в 1988–1989 гг. использовать субсидии и другие социально-экономические рычаги для решения возникших проблем через своего наместника Аркадия Вольского не увенчались успехом. Впоследствии, конечно же, на разрастающемся вооруженном конфликте стали богатеть торговцы оружием, спекулянты, военачальники, но вряд ли можно утверждать, что они его развязали. Это важный урок посредникам в споре: социально-экономические инициативы или идея победить скептицизм карабахских армян, «купив» их нефтегазовыми богатствами Азербайджана, будут иметь ограниченный эффект.

Наконец, в отличие от войны в Чечне в 1994 г., карабахский конфликт разразился не вследствие политических решений на высшем уровне. Факты говорят сами за себя: вопреки общему в регионе мнению, советские политические лидеры начиная с 1988 г. скорее следили за развитием конфликта, нежели разжигали его. Пожар вспыхнул у них под ногами, охватил все вокруг и превратил в пепел власть большинства из них, включая самого Михаила Горбачева. Призывов к диалогу и компромиссу снизу практически не было слышно. А это значит, что многие простые граждане также должны разделить ответственность за кровопролитие и что низовое общественное мнение в Армении и Азербайджане остается силой, с которой необходимо считаться. Поляризованный, признающий только «черное и белое» политический язык советских времен сохранился и в эпоху независимости и национализма: армяне для азербайджанцев и азербайджанцы для армян являются политическими «чужаками». Стержень политической идентичности огромного большинства армян и азербайджанцев (в отсутствие повседневного опыта общения с другой стороной) составляет убежденность в незаконности претензий другой стороны на Нагорный Карабах. И националистические элиты, следуя этим курсом, получают горячую поддержку большей части общества.

Если бы мне нужно было кратко сформулировать причину конфликта, я сказал бы: «недоверие друг к другу». Когда советская империя начала разваливаться и советские блюстители порядка покинули свой пост на Кавказе, ни армяне, ни азербайджанцы не рискнули доверить друг другу свою безопасность, каждая сторона в поисках защиты обратилась к националистической политике и вооруженным людям

собственной национальности. Очень похожий структурный кризис случился в Карабахе в 1918 г., когда рухнула царская Российская империя. Историк Майкл Рейнолдс, подводя итог авторитетному исследованию катаклизмов периода 1915–1921 гг. в данном регионе, заключил, что урок тех событий «стар, как Фукидидова история Пелопоннесской войны»: «Стремление к абсолютной безопасности есть путь к гибели. Безопасность может быть абсолютной не более, чем будущее – предсказуемым»[7]. Сегодняшним армянам и азербайджанцам, добивающимся односторонних, а не взаимных гарантий безопасности, не мешало бы внять этому предостережению.

Одна забавная история иллюстрирует влияние проблемы безопасности. В 1995 г., через год после заключения перемирия, финское министерство иностранных дел, наряду с российским, выступало в роли посредника в карабахском конфликте. Финны пригласили делегации конфликтующих сторон на Аландские острова в Балтийском море, к западу от побережья Финляндии. Этот маленький архипелаг, населенный шведами, входит в состав Финляндии, но с 1850-х гг. имеет широкую автономию, включая право не подчиняться финской конституции. В какой-то момент, вспоминал член армянской делегации Аркадий Гукасян, финны, представители принимающей стороны, отозвали его в сторонку и обратили его внимание на то, что подобная модель очень подходит для Нагорного Карабаха: «Они мне говорят: "Вот хорошая модель!" А я им отвечаю: "Да в состав Финляндии я, если угодно, войду хоть сейчас! Но мы-то с вами говорим об Азербайджане"»[8].

Как показывает эта история, армяне и азербайджанцы конфликтуют отнюдь не только из-за территориального статуса Нагорного Карабаха. Если бы верно было обратное, если бы стороны каким-то чудом выяснили, что статус маленькой горной территории – единственная вещь, о которой они не в состоянии договориться, то путь вперед оказался бы сравнительно простым. Они могли бы свести проблему к правовой задачке вроде скандинавской, выработать в конце концов какое-нибудь хитроумное соглашение о суверенитете, как в Лихтенштейне или на Аландских островах, и заняться налаживанием совместной жизни. Собственно, документ об «основных принципах», составленный переговорщиками из Минской группы, и предлагает изобретательное решение подобного рода. Вся сложность в том, что

[7] Reynolds M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 267.

[8] Интервью с А. Гукасяном, 7 окт. 1997.

стороны друг другу не доверяют и совсем недавно их представители убивали друг друга.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ НАРРАТИВЫ

Разворачиваясь в 1988–1994 гг. параллельно с развалом Советского Союза, карабахский конфликт формировал коллективное мировоззрение в двух новых независимых нациях-государствах, заставляя их постоянно отталкиваться друг от друга, подобно одинаковым полюсам двух магнитов.

Азербайджанское руководство двадцать лет демонстрирует нездоровую одержимость Арменией, изображая свою страну как «анти-Армению», и наоборот. Президент Ильхам Алиев чернит Армению чуть ли не в каждой речи перед населением. Он в известной степени наслаждается неожиданно обретенным ощущением превосходства над армянами: многие азербайджанцы до сих пор испытывают обиду из-за того, что при российской и советской власти им благоволили меньше, чем армянским соседям-христианам. К сожалению, азербайджанский президент любит подкреплять рассуждения о сегодняшнем дне историческими доводами (весьма сомнительными), пытаясь отказать Армении как в будущем, так и в прошлом. Например, выступая перед солдатами на линии прекращения огня в январе 2012 г., он сказал: «Мы не претендуем на землю других государств, хотя нынешнее государство Армения образовано на исторически азербайджанских землях. По моему совету, наши ученые создали замечательные книги и работы об этой истории. В частности, Эриванское ханство – наша древняя историческая земля. Эриванское ханство, Зангезур, Карабах – наши территории. Отсюда, с ваших боевых позиций, мы можем видеть село Гюлистан. То самое село Гюлистан, где был подписан мирный договор. По этому договору и по Туркманчайскому миру, армян в массовом порядке переселили сюда с территории современного Ирана»[9].

Армяне держатся в отношении Азербайджана с высокомерным презрением победителя. Президент Серж Саргсян, как правило, упоминает слово «Азербайджан» только на международных мероприятиях. В своем выступлении на саммите ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г. он изобразил Армению миротворцем, вынужденным сражаться против агрессии и геноцида со стороны Азербайджана. В этой речи Саргсян также впервые открыто пригрозил, что Ереван может

[9] Речь Ильхама Алиева на встрече с военнослужащими части N на линии фронта в Геранбойском районе, 21 января 2012 г. URL: http://en.president.az/articles/4170.

отказаться от участия в текущем процессе, признав независимость Нагорного Карабаха: «Армения категорически не желает возобновления военных действий в Нагорном Карабахе. Если Азербайджан прибегнет к военной агрессии, у Армении не останется иного выбора кроме признания Нагорно-Карабахской Республики де-юре и использования всех возможностей, чтобы обеспечить безопасность народа Арцаха. У Нагорного Карабаха нет будущего в составе Азербайджана, и любое решение должно исходить из воли карабахского народа. Это главный стержень права народа на самоопределение. Азербайджан не имеет ни правовых, ни политических, ни моральных оснований претендовать на Нагорный Карабах»[10].

Разумеется, такие речи – политические послания для домашнего употребления. Правительствам, чья легитимность еще не совсем подтверждена демократическими выборами, спор из-за Карабаха служит полезным политическим инструментом, помогающим сплотить население под флагом мобилизации против внешнего врага. Ни в Армении, ни в Азербайджане нет активного политического электората, который призывал бы лидеров смелее идти на компромисс в карабахском вопросе, зато есть оппозиционные силы – партия Мусават и Народный фронт в Азербайджане, дашнаки и партия «Наследие» в Армении, – требующие от правительства более жесткой линии. Риторика президентов Алиева и Саргсяна отчасти рассчитана на то, чтобы подрезать крылья оппозиции.

Оба президента выражаются в духе общераспространенных национальных нарративов. Каждая из сторон чтит ряд горестных дат, связанных с агрессией другой стороны. Эти печальные годовщины увековечивают память о реальных трагических событиях, но при этом, конечно, избирательно игнорируют страдания, причиненные другой стороне. И тот и другой нарратив повествуют об уязвимости и глубокой неуверенности.

Армянская версия событий, начиная с погромов 1988 г. в Сумгаите и 1990 г. в Баку, переходит к первым дням войны 1991–1992 гг., обстрелам Степанакерта и наступлению азербайджанских отрядов в Карабахе. Она повествует о политическом движении, которое прибегло к насилию только из-за действий азербайджанской стороны, и о почти полном разгроме, с трудом превращенном в победу. В анналы армянской истории случившееся занесено под наименованием «геноцид». В январе 2012 г., в речи по случаю 20-летия армянских вооруженных сил, президент Саргсян сказал: «Двадцать лет назад

[10] Remarks by The President of the Republic of Armenia H. E. Serzh Sargsyan at the OSCE Meeting of the Heads of State or Government (Summit), 2 December 2010. URL: http://www.president.am/events/statements_eng_?year=2010&id=78.

мы повернули колесо истории. В этот ключевой период наш народ воссоздал свою независимую государственность, полностью приняв ответственность за защиту своих прав и национальных интересов. Одним из важнейших достижений в этот исторический момент подъема явилась армянская армия. Существовала необходимость предотвратить назревающую опасность геноцида, нависшую над головой армянского народа и особенно арцахского армянства»[11].

Азербайджанцы подкрепляют армянский нарратив о неуверенности и опасности. Азербайджанские официальные лица стали чаще заговаривать об убийстве армян в Османской империи в 1915 г., называя его «так называемым геноцидом», – хотя мудрее, наверное, было бы молчать[12].

В трагической повести азербайджанцев главное внимание сосредоточено на бойне в Ходжалы в феврале 1992 г., которую в Азербайджане сегодня повсеместно называют геноцидом; на утрате одного за другим городов и районов в Карабахе и вокруг него в 1992–1994 гг. Потерю земли азербайджанцы переживают очень остро, говоря, что армяне разорвали их государство, прежде чем у них появился шанс его построить. Со своей стороны, и некоторые армяне старательно сыплют им соль на рану, публично сомневаясь в их праве на государственность и приводя в пример для сравнения древнюю историческую родословную армян. В армянских комментариях нередко выражается мнение, будто Азербайджан – нежизнеспособное государство, поскольку якобы угнетает национальные меньшинства, не только армян, но и мусульман – лезгин и талышей. Обратим внимание на слова «так называемый Азербайджан» в следующем пассаже из заметки 2010 г., принадлежащей обозревателю Левону Микаэляну: «Эти тщательно скрываемые от внешнего мира процессы охватывают всю территорию так называемого Азербайджана, особенно его северную и южную части, подобно Арцаху насильственно присоединенные к нему со своим автохтонным населением – лезгинами и талышами. И именно мы, армяне, способны во всей полноте понять неумолимый

[11] Поздравительное послание Президента РА Сержа Саргсяна в связи с 20-летием создания Вооруженных сил Республики Армения, 28 янв. 2012. URL: http://www.president.am/events/statements/rus/?id=121.

[12] Например, Али Хасанов, начальник социально-политического отдела в администрации президента Азербайджана, сказал в декабре 2011 г.: «Армяне много лет добиваются, чтобы страны мира и их парламенты признали так называемый армянский геноцид. Их претензии надуманны и не имеют ничего общего с исторической действительностью. В каком бы парламенте они ни обсуждались, мы расцениваем это дело как сфабрикованное, не происходившее в истории». См.: «So called genocide brings no positive to interstate relations» – top official, 21 December 2011. URL: http://news.az/articles/politics/51365.

ход исторических событий и стремление этих народов к обретению собственной государственности»[13].

Параллельные армянский и азербайджанский нарративы углубляются и в историю, превращаясь в повести об освобождении от имперского гнета. Выслушивая их снова и снова, я начал замечать на заднем плане тени двух врагов – России и Турции. Мысль о том, что Россия и Турция представляют реальную угрозу, очень широко распространена в обеих странах. Привожу здесь два комментария, взятых почти наугад. Арам Саркисян, в прошлом первый секретарь ЦК компартии Армении, сказал мне: «Сегодня Армения – это всего лишь маленький барьер на пути намерения Турции объединиться со всеми тюркоязычными странами: ведь мы не даем им соединиться с Азербайджаном»[14]. Иными словами, Азербайджан рассматривается как пособник Турции, которая лелеет историческую мечту об уничтожении Армении. В этом армянском нарративе, основанном на памяти о геноциде 1915 г., упускается из виду тот факт, что азербайджанцы и турки – не одна и та же нация; что Азербайджан никогда не входил в Османскую империю; что в истории XX в. найдется столько же страниц о злодеяниях армян против азербайджанцев, сколько и о зверствах, которые творили азербайджанцы над армянами; что, наконец, армяне жестоко обошлись с азербайджанцами на собственной территории.

Точка зрения многих азербайджанцев на роль России в истории Кавказа является зеркальным отражением армянской версии. Я слышал, что требования карабахских армян об отделении являются всего лишь частью глобального плана России поработить и окончательно развалить Азербайджан. Бывший помощник азербайджанского президента Вафа Гулузаде писал: «Когда мы называем конфликт, в который втянуты, "армяно-азербайджанским", мы вводим в заблуждение и себя, и других. В действительности это последняя фаза давнего российско-турецкого противостояния. Армения – лишь исполнитель воли своего господина, а Азербайджан – лишь небольшая помеха на пути к достижению глобальной цели. Общеизвестно, что даже в начале XX века, во время Первой мировой войны, Россия использовала Армению в противостоянии с Турцией. Видимо, история повторяется»[15].

Таким образом, уже не Армения – «маленький барьер» на пути к Великому Турану, а Азербайджан – «небольшая помеха», сдержи-

[13] Микаэлян Л. «Жемчужины» так называемого Азербайджана // Голос Армении. 2010. № 78 (17 июня).

[14] Интервью с А. Саркисяном, 4 мая 2000.

[15] Зеркало (Баку). 1998. 26 дек.

вающая наступление русского империализма. По версии азербайджанцев, они всего лишь невинные жертвы русско-армянской агрессии. При этом игнорируется тот факт, что Москва время от времени считала Азербайджан не противником, а стратегическим союзником, и что Армении в такой интерпретации отводится роль марионетки, подчиняющейся указаниям России, вместо роли активного регионального игрока со своими собственными законными устремлениями. В обоих случаях маленькая страна оправдывает свою агрессию против столь же маленького соседа, ссылаясь на угрозу, исходящую от грозной «сверхдержавы».

КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ

Люди на Кавказе любят поиграть в геополитику, но, согласно моим выводам, ключевым фактором в армяно-азербайджанском споре служат местные реалии, подкрепляемые национальными нарративами, а роль великих держав вторична. Внешние силы не в состоянии разрешить конфликт, если его стороны не желают изменить позиции. Иначе говоря, нельзя, чтобы сторонние наблюдатели хотели мира больше, чем непосредственные участники конфликта. Это болезненный урок, который пришлось усвоить целому ряду иностранных лидеров, пытавшихся выступить арбитрами в споре, от Михаила Горбачева до Джорджа Буша-младшего и Дмитрия Медведева.

Впрочем, карабахский конфликт вписан в более широкий политический и правовой контекст, и для установления мира потребуются объединенные международные усилия, когда и если местные лидеры сумеют договориться. Здесь история Южного Кавказа не слишком обнадеживает: великие державы гораздо чаще спорили и соперничали из-за «промежуточных земель», чем сотрудничали в вопросе о них. В современную эпоху глобализации военное соревнование между крупными государствами ослабело, и это большое достижение по сравнению с почти апокалиптическими столкновениями 1915–1921 гг., но соперничество во многом продолжается. У всех современных великих держав здесь есть разнообразные интересы: от двусторонних отношений и материально-технического обеспечения войны в Афганистане до обретения в лице Азербайджана источника энергетической безопасности и завоевания голосов армянских избирателей у себя дома. В результате имеется разрозненная повестка дня, которую разного рода лоббисты всеми силами стараются использовать в своих интересах[16]. Таким образом, ни у кого из крупных держав нет

[16] В январе 2012 г., к примеру, сопредседательство Франции в Минской группе было поставлено под угрозу, после того как французский сенат одобрил законопроект

внятной, всеобъемлющей стратегии в отношении Южного Кавказа в целом, и, перефразируя известную поговорку, местный кавказский хвост обычно успешно виляет международной собакой. В итоге внешние силы оказались, если воспользоваться названием знаменитой поэмы Пушкина, «кавказскими пленниками».

Ввиду столь хаотичного подхода карабахский спор остается для международного сообщества не первостепенным делом, за которое необходимо взяться как следует, чтобы довести до победного конца, а второстепенным, которым достаточно руководить. Политикам и дипломатам Анкары, Брюсселя, Москвы, Парижа и Вашингтона его разрешение кажется желательным, но вряд ли приоритетным. Им приходится считаться с интенсивным сопротивлением местных лидеров, сложностью координации действий с другими иностранными державами и сопутствующим ущербом, который более энергичные усилия по урегулированию конфликта могут нанести решению ряда других повседневных вопросов в двусторонних отношениях с Баку и Ереваном.

Международная реакция на конфликты 1990-х гг. на Южном Кавказе и Балканах являет поучительный контраст. Босния и Косово почти наверняка имеют куда меньше стратегического значения, чем Нагорный Карабах с его близостью к Ирану, Турции, России и международным нефте- и газопроводам. Но США и европейские страны, с запозданием решив, что не потерпят нескончаемого конфликта у себя «на заднем дворе» – на западе Балкан, не поскупились выделить для подкрепления мирного урегулирования десятки тысяч военнослужащих и полицейских и миллиарды долларов. Сравните 60 тысяч вооруженных бойцов миссии ИФОР под командованием НАТО, дислоцированных в 1995 г. в Боснии, и шестерых безоружных наблюдателей ОБСЕ, направленных на карабахскую линию прекращения огня годом раньше.

Все сопредседатели Минской группы, выступающей посредником в споре из-за Нагорного Карабаха, – Франция, Россия и США – крупные мировые державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН. Проблема не в квалификации их дипломатов, не в искусности формулировок составляемых ими документов. Проблема в структуре переговорного процесса. Президенты Армении и Азербайджана придали ему крайне приватный и конфиденциальный формат, освобождающий их от политической подотчетности обществу у себя дома. В основном именно они ведут переговоры: определяют, что сказать о

об уголовной ответственности за отрицание геноцида армян. Азербайджанцы и турки заявили, что это компрометирует Францию как посредника в карабахском споре.

них публике, задают темп и никак не расплачиваются за провал усилий посредников.

На переговорах, организуемых Минской группой, словно в греческом мифе о Сизифе, дипломаты несколько раз почти втаскивали свой камень на гору, но он всегда оттуда срывался. И сейчас все больше оснований полагать, что при сложившихся обстоятельствах камень так и не попадет на вершину горы. Условия для разрешения конфликта даже менее благоприятны, чем в 1997 г., когда Франция, Россия и США приступили к совместному посредничеству. Соотношение сил между послами из Минской группы и двумя президентами – между международным давлением и местным сопротивлением – с тех пор круто изменилось в пользу президентов. Заметно усилились, так сказать, «карабахская усталость» и общее неверие в то, что конфликт когда-нибудь удастся разрешить.

Постоянные неудачи ставят членов Минской группы перед дилеммой, углубляющейся с каждым годом. Упорствовать ли в продолжении безуспешного процесса, притом что не они, а сами стороны конфликта несут ответственность за отсутствие положительных результатов на протяжении 20 лет? Или отступить на шаг и в большей степени переложить бремя разрешения конфликта на его участников? Сопредседатели порой выражали досаду публично. 22 июня 2006 г., после провала встречи в Бухаресте, они сделали совместное заявление Постоянному совету ОБСЕ, где прямо сказали: «Мы как сопредседатели достигли пределов нашей изобретательности в деле определения, формулировки и окончательной доработки этих принципов. Мы не думаем, что предложение посредниками дополнительных альтернатив на дополнительных встречах со сторонами даст какой-либо иной результат». Это было честное заявление – однако после довольно короткой паузы посредники решили не прекращать усилий. Отказ от посредничества грозил тем, что стороны лишь обострят ситуацию на линии прекращения огня.

Отсутствие успеха – не аргумент для того, чтобы заменить формат сопредседательства в Минской группе (вряд ли какой-нибудь другой посредник добьется большего), однако требует ее дипломатического усиления. Есть целый ряд иных международных игроков – Европейский союз, Турция, Грузия, возможно, Иран, – которые заинтересованы в мирном разрешении конфликта, однако до сих пор не нашли для себя полезной роли в переговорном процессе.

Турция – наиболее яркий пример неиспользованного потенциала. Ни у одной державы нет таких рычагов воздействия на конфликт, как у нее. Анкара имеет сильное влияние на Азербайджан и может многое предложить Армении, когда и если откроет границу с ней. Турция

уже является крупнейшим внешнеторговым партнером Южного Кавказа. Мир в Карабахе даст ей более прямой доступ к Каспийскому морю и Центральной Азии, предоставит новые рынки и положение могущественного регионального игрока на Кавказе. Правда, пока Турция не преуспела в разграничении своих интересов здесь ради выработки стройной стратегии. Ее политические связи с Азербайджаном и вечные проблемы с Арменией означают, что она остается участником конфликта, вместо того чтобы стать катализатором его разрешения.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РИСК ВОЙНЫ?

Ввиду недостаточного международного нажима на обе стороны и глубокого отчуждения между ними, усиливаемого публичной пропагандой, растут опасения, что у Азербайджана в какой-то момент может появиться искушение возобновить боевые действия, последствия которых будут катастрофическими.

Эти опасения диктуются, скорее, логикой развития событий, чем признаками перехода Баку к воинственной стратегии. В настоящее время азербайджанское руководство ограничивается точно рассчитанными завуалированными угрозами. Президент Алиев, касаясь в своих речах карабахского вопроса, как правило, утверждает, что его страна вправе отвоевать Нагорный Карабах, если терпение Азербайджана истощится. Например, выступая перед ветеранами армии в декабре 2010 г., он сказал: «Мы стараемся решить вопрос путем переговоров. Но, как видите, пока это невозможно. Поэтому, конечно, мы должны быть готовы к любым другим вариантам. Цель направления значительных ресурсов на военное строительство, мер по повышению профессионализма армии, проведения регулярных учений, приобретения и производства в Азербайджане новых вооружений, боеприпасов и техники заключается в том, чтобы, если переговоры окажутся безуспешными, освободить наши земли военными средствами. Это реальность, это самая тяжелая наша проблема, и она должна быть разрешена»[17]. Оговорка, что Азербайджан хочет мира, а война – последнее средство, типична для речей азербайджанского президента, но на эту разницу армянская сторона обычно не обращает внимания.

В 2012 г. имелись основания не верить в возможность войны. Азербайджан стал политически стабильным (по крайней мере, внеш-

[17] Речь Ильхама Алиева на открытии дома для ветеранов карабахской войны и семей мучеников, 24 дек. 2010. URL: http://www.president.az/articles/13182?locale=en.

не), в страну текли нефтегазовые доходы. Переговоры продолжались, и номинально между сторонами оставались только небольшие разногласия относительно одного-двух пунктов, например ширины Лачинского коридора. Алиев и его правящая элита понимали, что, если они решатся пойти на рискованную игру и начнут военную операцию, а та провалится, это станет катастрофой и для них, и для государства. Вероятность неудачи была весьма велика. Тысячи азербайджанских солдат-срочников могли погибнуть на минных полях и от армянских ракет, нефте- и газодобывающие установки – подвергнуться ударам, зарубежные специалисты-нефтяники – сбежать из страны. Алиевская верхушка могла потерять власть[18].

В 2011 г. сами азербайджанские официальные лица заявляли, что начали гонку вооружений исключительно для того, чтобы разорить армянскую сторону, втянув ее в состязание, которого она не могла себе позволить. Но тут есть один тревожный момент. Самоуверенность, развивающаяся вследствие обладания столь внушительным арсеналом наступательного оружия, способна изменить расчеты азербайджанской стороны (хотя не обязательно их результат). Самоуверенность образует гремучую смесь в сочетании с почти фаталистической убежденностью, что «так дальше продолжаться не может». Я слышал это от многих азербайджанцев и некоторых армян – все они были слишком молоды, чтобы непосредственно участвовать в событиях 1990-х гг. Статус-кво невыносимо, говорили они, предполагаемое начало сражений принесет хоть какое-то облегчение после бесконечной патовой ситуации. В 2008 г. образованный азербайджанец в возрасте чуть за тридцать потряс меня в частной беседе словами: «Я не хочу передать эту проблему в наследство своему сыну, поэтому я за войну».

Один чиновник, глубокий знаток карабахского вопроса, любил цитировать чеховскую фразу о том, что если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит. Несколько сценариев способны подтолкнуть правительство в Баку к «выстрелу из ружья» через некоторое время. Азербайджанское военное руководство, которому Гейдар Алиев долгое время не давал воли, приобрело теперь больше влияния и, возможно, станет добиваться позволения пустить в ход закупленное оружие[19]. Большинство аналитиков утверждают, что военные на «линии соприкосновения» находятся под строгим политическим контролем, но, случись какой-нибудь крупный инцидент с большим количеством убитых, вполне вероятно политическое решение о возмездии, которое приведет к серьезной конфронтации. Правительство в Баку может также столкнуться с кризисом, вызванным внутренними (недовольство социально-экономическим положением) или внешними (например, кризис в Иране) причинами, – и рискнуть «разыграть карабахскую карту» в качестве отвлекающего маневра, чтобы обеспечить себе поддержку общества.

По другому скверному сценарию события пойдут, если «ястребы» с армянской стороны (особенно в Нагорном Карабахе), видя наращивание военной мощи на азербайджанской стороне, решат нанести упреждающий удар, дабы выиграть битву на своих условиях, а не на условиях Баку. Среди карабахских приверженцев жесткого курса давно распространено представление (почти наверняка иллюзорное), будто армяне в 1994 г. слишком поспешно согласились на перемирие, имея достаточно сил, чтобы продолжать сражаться и вынудить Азербайджан не просто к перемирию, а к смиренной капитуляции. Как сказал мне в 2000 г. главный карабахский «ястреб» Самвел Бабаян, нужен «четвертый раунд» конфликта, который раз и навсегда разрешит его в пользу Армении. Даже сравнительно умеренный бывший лидер карабахских армян Аркадий Гукасян заявил Международной кризисной группе в июне 2007 г.: «Если мы сочтем, что действия Азербайджана представляют прямую угрозу безопасности народа Нагорного Карабаха, мы можем начать превентивную военную операцию по предотвращению этой угрозы»[20].

Если на «линии соприкосновения», напичканной тяжелым вооружением и практически оставленной без наблюдения, что-нибудь начнется, то неизвестно, чем это закончится. Прозорливый американский аналитик, специалист по постсоветскому пространству Уэйн Мерри выразил свои опасения по поводу военного сценария на брифинге в конгрессе США в декабре 2011 г., вскоре после того, как посетил военные позиции армянской стороны и увидел армян-

[18] В интервью азербайджанскому новостному сайту day.az от 9 февраля 2009 г. азербайджанский военный эксперт Мехти Мехтиев сказал: «По моему мнению, для успешной операции по возврату оккупированных территорий азербайджанской армии придется принести в жертву около 10 000 солдат». URL: http://news.day.az/politics/146664.html.

[19] В 2008 г. один азербайджанский эксперт говорил мне, что три верховных военных руководителя Азербайджана (министр обороны Сафар Абиев, главный военный комиссар Алиага Гусейнов и советник президента Вагиф Алиев) «миротворцы», поскольку слишком хорошо себя чувствуют на своих постах, чтобы заниматься боеспособностью армии. При этом он добавил, что есть «три-четыре способных генерала из двадцати» и они ждут повышения.

[20] International Crisis Group. Europe Report No. 187: Nagorno-Karabakh: Risking War. 14 November 2007. P. 14.

ские траншеи и «глубоко эшелонированные рубежи обороны». Если начнется сражение, указывал Мерри, оно быстро разрастется и приведет к большой крови. «Я думаю, – говорил он, – армянской стороне не следует недооценивать улучшение боеспособности и операционных возможностей азербайджанцев. Но и азербайджанцам не стоит недооценивать возможности противника... Мобильная война может быть начата одной из сторон или обеими сторонами сразу и очень-очень быстро станет очень-очень кровавой. Проблема теперь не в том, что армяне и азербайджанцы будут убивать друг друга, проблема в том, что у обеих сторон есть покровители в лице региональных великих держав. Россия связана с Арменией договором о союзе. Он не включает Карабах. Однако в случае реализации сценария, который я обрисовал, думаю, это скоро перестанет иметь значение. У Турции нет юридических обязательств перед Азербайджаном, тем не менее политические стимулы поддержать азербайджанских собратьев в подобном конфликте будут в Турецкой Республике чрезвычайно сильны. Я, конечно, не считаю, что Турция и Россия непосредственно вступят в бой из-за Карабаха. Но война "по доверенности", подпитываемая и поддерживаемая региональными великими державами, может приобрести куда большие масштабы, чем в том случае, если бы ее участникам пришлось рассчитывать только на себя. Последствия в буквальном смысле слова непредсказуемы. Я не говорю, ни что война неизбежна, ни, тем более, что она близка, я говорю, что импульс к возобновлению карабахского конфликта, существующий уже несколько лет, сохраняется и даже усиливается. Это должно внушать настоящее беспокойство»[21].

Как говорит Мерри, пока есть объективные причины сомневаться, что такой сценарий воплотится в жизнь. В случае заметного наращивания войск или усиления напряженности на линии прекращения огня международные силы, надо надеяться, это заметят и постараются предотвратить угрозу открытия военных действий. Однако превентивную операцию такого рода будет нелегко провести, учитывая недостаточное международное присутствие на месте, – а есть ведь еще урок августовской войны 2008 г. в Грузии, когда многие наблюдатели видели, к чему идет дело, но помешать не сумели. Трудно остановить целую страну, если она решительно собралась воевать.

[21] Hearing: Conflicts in the Caucasus: Prospects for Resolution / Commission on Security & Cooperation in Europe; U.S. Helsinki Commission, 7 December 2011. URL: http://www.csce.gov/index.cfm?FuseAction=ContentRecords.ViewTranscript&ContentRecord_id=516&ContentType=H,B&ContentRecordType=H&CFID=71711527&CFTOKEN=91807882.

В ПОИСКАХ «ТРЕТЬЕГО НАРРАТИВА»

Конфликт опасен тем, что слово превращает в дело. В армяно-азербайджанском конфликте опасность этого феномена возросла: стороны обмениваются такими агрессивными заявлениями, какие мало где еще можно услышать. Публичное пространство спора заполняют два конкурирующих, исключающих друг друга нарратива – армянский и азербайджанский. Почти никто не пытается озвучить альтернативный «третий нарратив», который указывал бы, что ангелов в этом конфликте нет, что в претензиях обеих сторон есть доля правды, но есть и возмутительные искажения истины, что, наконец, две нации обречены быть рядом на карте и рано или поздно в будущем им все же придется налаживать совместную жизнь.

Некоторые частные лица и активисты неправительственных организаций в Армении и Азербайджане выражают подобные альтернативные взгляды. Однако в полуавторитарных обществах, где большинство людей получает информацию по телевидению, а информационные потоки строго контролируются правительством, голоса инакомыслящих слышны редко. Это делает представителей внешнего мира единственными «говорящими властям правду». Посредники из Минской группы до сих пор с осторожностью относились к формулировке «третьего нарратива», поскольку осуществляли посредничество по старинке, за закрытыми дверями[22]. Они не решались прибегнуть к публичной дипломатии, работе с населением в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе отчасти потому, что считали это делом местных политиков, а отчасти потому, что не хотели противоречить двум президентам и раскрывать секреты переговорного процесса.

Когда армянских и азербайджанских официальных лиц просят объяснить, почему они не готовят общественность к компромиссам, которые приватно обсуждают, те иногда дают ответ в патерналистском духе: дескать, общий тон высказываний изменится, когда соглашение будет заключено. К примеру, Роберт Кочарян, отвечая на подобный вопрос в мае 2001 г., заявил: «Разочарование и несбывшиеся надежды в данной ситуации могут привести к худшим последствиям, чем определенная осторожность в подаче информации»[23]. В сущности, он тем самым сказал, что простых людей лучше держать в неведении.

[22] Однако мандат сопредседателей группы от 1995 г. велит им «продолжать вырабатывать со сторонами конфликта меры по созданию доверия, особенно в гуманитарной области, синхронизируя их с политическим процессом».

[23] Интервью с Р. Кочаряном, 21 мая 2001.

Ограниченные нынешним узким форматом, переговоры под эгидой Минской группы сейчас больше напоминают «процесс управления конфликтом», чем подлинный «мирный процесс». Чтобы превратиться в последний, они должны содержать ряд недостающих пока элементов, в том числе: пространство для публичных дебатов и обсуждений как внутри каждого общества, так и между двумя обществами; двусторонний канал связи, позволяющий армянскому и азербайджанскому правительствам разговаривать друг с другом напрямую, а не через сопредседателей; более деятельное планирование постконфликтного урегулирования на месте. К участию в реальном мирном процессе необходимо также привлечь местные силы, пока в нем не представленные. В первую очередь – армянские власти Карабаха, с которого и начался конфликт в 1988 г., – по иронии судьбы, карабахские армяне играли более важную роль до того, как выходец из Карабаха Кочарян в 1998 г. занял пост президента в Ереване. Нельзя забывать и о карабахских азербайджанцах: у них меньше веса в том смысле, что они не обладают властью на месте и сильнее ассимилировались в Азербайджане, однако они тоже заслуживают права голоса в вопросах, которые обсуждаются и от их имени. В тексте мартовской резолюции ОБСЕ 1992 г. о созыве Минской конференции говорится о приглашении «избранных» и «иных» представителей от Карабаха (что включает обе группы), но текущая структура переговоров этого не позволяет.

Президенты стали такими же заложниками нынешней динамики, как и все прочие. Они лучше кого бы то ни было знают, сколь достойное дело – заключение мира и сколько благ это принесет в долгосрочной перспективе их странам. Но они не отваживаются «прыгнуть с головой в омут» и публично выступить за компромисс с врагом, боясь, что международная поддержка, которую они в этом случае получат, не компенсирует им последствий негативной реакции внутри страны. Оба лидера помнят судьбу двух миротворцев с Ближнего Востока – египетского президента Анвара Садата и израильского премьер-министра Ицхака Рабина. Так что, по их расчетам, лучше держаться за статус-кво.

Альтернативный «третий нарратив» должен, заглядывая в глобализованное будущее, говорить армянам и азербайджанцам, что если они станут и дальше тратить всю свою энергию на укрепление антагонистических позиций в споре о Нагорном Карабахе, то рискуют оказаться у разбитого корыта, пока другие страны мира, от Турции до Китая, будут идти вперед. «Третий нарратив» может также знакомить их с иной картиной настоящего. В этой книге я намеренно рядом с историями ужаса и потерь уделил место менее известным историям дружбы и сотрудничества, которые в Армении и Азербайджане обычно игнорируются или замалчиваются. Альтернативные умонастроения там существуют (как мы видели, иногда и в головах высокопоставленных должностных лиц) – но нет возможностей для их выражения.

«Третий нарратив» должен также напоминать о прошлом Кавказа, о многих периодах истории, когда два народа жили вместе и сообща. Историческим символом этой общности может служить фигура армянского трубадура XVIII в., поэта Саят-Новы. Он писал на трех языках – грузинском, армянском и азербайджанском, служившем в то время на Кавказе языком межнационального общения. Некоторые его азербайджанские стихи даже записаны армянскими буквами. Саят-Нова чувствовал себя «своим» среди любого народа и в любом месте на Кавказе. Он считал себя строителем мостов. В одном из своих азербайджанских стихотворений поэт элегически пишет о собственной посмертной судьбе:

> Из состраданья к старику, который строит мост,
> Положит путник камень в основанье.
> За свой народ отдам и душу, и дыханье,
> Могильным камнем брат украсит мой погост[24].

Биограф Саят-Новы Чарльз Доусетт размышляет о значении слова «народ» в этом четверостишье: «О каком народе здесь идет речь? Если об армянском или грузинском, то почему стихотворение написано по-азербайджански? Похоже, поэт мыслит гораздо шире и подразумевает единое кавказское сообщество, в котором армяне, грузины и азербайджанцы жили бы вместе в мире и согласии, под милосердным оком мудрого правителя, такого, как Ираклий II. И азербайджанский как язык межнационального общения оказался для поэта наиболее предпочтительным средством передачи мыслей»[25].

В нескольких строках Саят-Нова описывает иное будущее для армян и азербайджанцев, находящихся сегодня в плену саморазрушительного страха и враждебности, – более благополучное будущее, построенное на фундаменте более гармоничного прошлого.

Печально, что глас поэта до сих пор не услышан.

---

[24] Dowsett C. Sayat-Nova. An 18th Century Troubador. Leuven: Peeters, 1997. P. 427. Пер. на рус. яз. Е. Карапузовой.

[25] Ibid. P. 434.

Приложение 1
Статистика

Адекватному пониманию армяно-азербайджанского конфликта мешает распространение и повторение ложной статистики.

Это, разумеется, присуще всем войнам и сопровождающим их пропагандистским кампаниям – равно как и гуманитарным катастрофам, при которых первоначальные данные о людских потерях оказываются много выше, чем число реальных жертв. В нашем случае проблема осложнялась традициями региона, власти которого никогда не несли ответственность за распространяемую ими информацию и который вплоть до 1991 г. принадлежал Советскому Союзу, стране, где информация постоянно утаивалась. Этим, в частности, и объясняется то обстоятельство, что обе стороны выдвигали друг против друга обвинения в сокрытии фактов. Кое-кто из армян, например, считал, что после сумгаитских погромов 1988 г. сотни трупов были спрятаны. В январе 1990 г. азербайджанцы распускали слухи, будто трупы жертв интервенции советских войск в Баку сбрасывали в Каспийское море с вертолетов. К счастью, после составления окончательных списков погибших оба обвинения оказались ложными.

Приведенными ниже данными я во многом обязан работе самого основательного и объективного статистика того периода – д-ра Арифа Юнусова[1].

В 2010 г. Всемирный банк оценивал численность населения Азербайджана в 9,05 млн чел., Армении – в 3,09 млн чел. Возможно, эти цифры несколько преувеличены, особенно в случае Армении, учитывая высокий уровень миграции, как сезонной, так и постоянной, данные о которой могут не регистрироваться.

Вопрос о численности населения Нагорного Карабаха очень политизирован, причем армяне называют более высокую цифру, чем азербайджанцы. Заместитель министра иностранных дел Азербайджана

[1] А. Юнусов любезно предоставил мне экземпляр своей неопубликованной статьи «Статистика Карабахской войны».

Араз Азимов предположил, что там живет всего 40 тыс. чел. По словам заведующей отделом статистической службы Нагорного Карабаха Аревик Саакян, на 1 января 2011 г. население республики достигало 143,6 тыс. чел.[2] Подтвердить этот показатель трудно. Лучше всего руководствоваться сообщениями СМИ о том, что в парламентских выборах, проходивших в мае 2010 г., принял участие 66 771 избиратель. Явка будто бы составила 67,8 %, но эта цифра проверке не поддается. В такой небольшой области, как Карабах, где голосование считается патриотическим долгом, естественно ожидать высокой явки. Данные местной переписи говорят, что жителей, не достигших 20 лет – и соответственно не имеющих права участвовать в голосовании, в Карабахе около трети. Если абсолютное число избирателей верно, а явка на самом деле была 80 %, то, по весьма приблизительной оценке, численность населения получится около 110 тыс. чел.

Обе стороны могут согласиться по крайней мере в одном: Карабах стал в основном моноэтнической территорией. Перепись, проведенная в Нагорном Карабахе в 2005 г., официально зафиксировала, что там проживает всего 6 азербайджанцев, а 99,7 % из 137 тыс. жителей – по национальности армяне[3].

Согласно переписи 2005 г., в «Канакагском» районе живет 9,7 тыс. чел., в «Шаумяновском» – 2,5 тыс. чел. На деле это Лачинский и Кельбаджарский районы. Приведенные цифры совпадают с наблюдениями членов миссии ОБСЕ, которые, посетив оккупированные территории вокруг Нагорного Карабаха в октябре 2010 г., заключили: «Хотя достоверных данных не существует, общую численность населения, проживающего в небольших поселках и городах Лачин и Кельбаджар, можно примерно оценить в 14 тыс. чел. По мнению сопредседателей, какого-либо значительного прироста населения с 2005 г. не было»[4].

Установить достоверное число погибших на этой войне очень нелегко. Государственный департамент США оперирует данными о 25 тыс. убитых. Политики с обеих сторон называли куда более высокие цифры. Так, 14 мая 1994 г., уже после прекращения огня, спикер азербайджанского парламента Расул Гулиев говорил о 20 тыс. по-

[2] В НКР в 2010 году отмечен рост численности населения. News.am. 4 марта 2011. URL: http://www.yerkramas.org/2011/03/04/v-nkr-v-2010-godu-otmechen-rost-chislennosti-naseleniya.

[3] Данные переписи см.: http://census.stat-nkr.am/rus/index.php?change=1.

[4] Report of the OSCE Minsk Group Co-Chairs' Field Assessment Mission to the Occupied Territories of Azerbaijan Surrounding Nagorno-Karabakh. URL: http://www.osce.org/mg/76209.

гибших на войне азербайджанцев и 50 тыс. раненых[5]. Ариф Юнусов произвел собственные подсчеты. По его оценкам, число погибших в конфликте составило 17 тыс. чел. (11 тыс. азербайджанцев и 6 тыс. армян), а раненых – 50 тыс. чел.

Число беженцев подсчитать немного легче, и тут я вновь обращаюсь к данным Юнусова[6]. Он насчитал 353 тыс. армянских беженцев, переселившихся в результате войны из Азербайджана в Армению и Россию. В это число входят 40 тыс. армян из Шаумяновского и Ханларского районов, прилегающих с севера к территории Нагорного Карабаха. До 80 тыс. чел. в ходе конфликта покинули свои дома в приграничных районах Армении, хотя не исключено, что они вернулись в родные места после перемирия 1994 г.

Общее число перемещенных лиц среди азербайджанского населения составляет около 750 тыс. чел., что существенно меньше «одного миллиона», которым регулярно оперировал президент Алиев. Однако все равно это весьма внушительная цифра. Сюда входят 186 тыс. азербайджанцев, 18 тыс. курдов-мусульман и 3,5 тыс. русских, которые в 1988–1989 гг. переехали из Армении в Азербайджан (около 10 тыс. курдов и русских в этот же период переехали из Армении в Россию). В 1991–1994 гг. приблизительно 500 тыс. азербайджанцев, жителей Нагорного Карабаха и прилегающих районов, были изгнаны из своих домов, а из приграничных районов бежали около 30 тыс. азербайджанцев. В общее число беженцев в Азербайджане следует включить и около 50 тыс. турок-месхетинцев, бежавших из Средней Азии.

Наконец, довольно легко подсчитать общую площадь официально признанной азербайджанской территории, ныне находящейся под контролем Армении. 27 октября 1993 г. Алиев сказал, что армянами оккупировано «двадцать процентов» территории его страны. Возможно, азербайджанцы не хотели оспаривать заявления своего президента, или им понравилось эффектное круглое число, но с тех пор в Азербайджане все его постоянно повторяли. Это понятно. Менее простительно, что его многократно использовали западные средства массовой информации, включая «Рейтер», «Нью-Йорк таймс» и «Би-би-си». Приведенные ниже подсчеты также приблизительны, но я полагаю, что они верны и степень погрешности составляет не более 0,1 %.

Армяне удерживают почти всю территорию бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (общая площадь которой составляет 4 388 км^2), за исключением приблизительно 300 км^2. Азербайджанцы сохранили небольшие участки на востоке, в Мардакертском и Мартунийском районах. Руководитель Мардакертского района сообщил журналистам 19 мая 2001 г., что 108,5 км^2 территории его района в руках у азербайджанцев. Если судить по карте, то часть Мартунийского района, контролируемая Азербайджаном, примерно вдвое больше. Это означает, что армяне занимают 4 088 км^2 Нагорного Карабаха, т. е. около 4,7 % международно признанной территории Азербайджана.

Армяне полностью контролируют пять из семи «оккупированных территорий» за пределами Нагорного Карабаха. Это Кельбаджарский (1 936 км^2), Лачинский (1 835 км^2), Кубатлинский (802 км^2), Джебраильский (1 050 км^2) и Зангеланский (707 км^2) районы. Они также удерживают 77 %, или 842 из 1 094 км^2, Агдамского района (эту цифру 19 мая 2001 г. назвал глава Агдамского района Гара Сариев) и приблизительно одну треть (судя по карте), или 462 из 1 386 км^2, Физулинского района. Кроме того, армяне оккупируют два бывших деревенских анклава общей площадью приблизительно 75 км^2 в Нахичевани и Казахском районе. Азербайджанцы, в свою очередь, занимают один бывший армянский анклав площадью около 50 км^2.

Другими словами, общая площадь азербайджанской территории, находящейся под контролем Армении, составляет примерно 11 797 км^2. Общая площадь территории Азербайджана – 86 тыс. км^2. Следовательно, площадь оккупированных территорий Азербайджана фактически равняется 13,62 % – что немало, но все же очень далеко от цифры, которую неоднократно называл президент Алиев.

---

[5] Цит. по: Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997. Ч. V. С. 348.

[6] Помимо упомянутой неопубликованной работы, Юнусов написал статьи «Армяно-азербайджанский конфликт: Миграционные аспекты» (Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж. Зайончковской. М.: КомплексПрогресс, 1999) и «Миграционные потоки – оборотная сторона независимости» (Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М.: Финстатинформ, 2000).

Приложение 2
Хронология

1214–1261 – правление Хасан-Джалала, князя Хаченского.

1510–1525 – шах Исмаил I основывает Сефевидскую династию в Тебризе и делает шиитскую ветвь ислама его официальной религией.

1722 – конец Сефевидской династии.

1747 – смерть Надир-шаха и окончание прямого иранского владычества над Карабахом.

1752 – Панах-хан строит крепость в Шуше.

14 мая 1805 – преемник Панах-хана Ибрагим-хан сдается русским.

12 октября 1813 – после заключения Гюлистанского договора Карабах официально включается в состав Российской империи.

Ноябрь 1822 – Мехти Кулу-хан бежит в Персию. Конец Карабахского ханства и власти меликов.

1827 – взятие Еревана русскими.

10 февраля 1828 – Туркманчайский договор между Россией и Ираном

1868 – Карабах становится частью Елизаветопольской (Гянджийской) губернии.

Август–сентябрь 1905 – бои в Шуше.

31 марта 1918 – начало «мартовских дней» в Баку, резня азербайджанцев.

28 мая 1918 – Армения и Азербайджан провозглашают независимость.

15 сентября 1918 – турки входят в Баку, резня армян.

Август 1919 – британская миссия покидает Карабах.

20 марта 1920 – азербайджанская армия разграбляет Шушу.

28 апреля 1920 – большевики захватывают власть в Азербайджане.

Май 1920 – большевики захватывают власть в Карабахе.

28 ноября 1920 – большевики захватывают власть в Армении.

1 декабря 1920 – руководитель Азербайджана Нариманов объявляет Карабах частью Армении.

5 июля 1921 – Кавбюро объявляет Нагорный Карабах частью Советского Азербайджана.

13 октября 1921 – Карсский договор между большевистской Россией и Турцией.

30 декабря 1922 – образование СССР.

7 июля 1923 – создание Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО).

1948–1950 – депортация азербайджанцев из Армении, «репатриация» зарубежных армян.

1965–1967 – демонстрации в Ереване приводят к созданию памятника жертвам геноцида.

1969 – Гейдар Алиев становится первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджанской ССР.

1974 – Карен Демирчян становится первым секретарем ЦК Коммунистической партии Армянской ССР.

7 октября 1977 – принятие новой «брежневской» Конституции СССР.

Ноябрь 1982 – Алиев становится членом Политбюро ЦК КПСС. Кямран Багиров сменяет его на посту первого секретаря ЦК Коммунистической партии Азербайджанской ССР.

Март 1985 – Горбачев становится Генеральным секретарем ЦК КПСС.

1987

Август – карабахские армяне направляют в Москву обращение с десятками тысяч подписей.

18 октября – в Ереване проходит митинг протеста против событий в армянской деревне Чардаклы к северу от Карабаха.

21 октября – Алиев выведен из состава Политбюро ЦК КПСС.

Ноябрь – межэтнические столкновения в Кафане.

16 ноября – советник Горбачева Аганбегян в Париже высказывается за присоединение Карабаха к Армении.

1988

25 января – азербайджанцы бегут из Кафана.

13 февраля – первая демонстрация в Степанакерте.

19 февраля – первая демонстрация в Баку.

20 февраля – Областной совет народных депутатов НКАО принимает в Степанакерте постановление с просьбой о передаче Нагорного Карабаха Армении.

21 февраля – начало массовых демонстраций в Ереване.

22 февраля – во время столкновений в Аскеране убиты два азербайджанца.

24 февраля – Борис Кеворков смещен с поста первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома партии.

26 февраля – Горбачев встречается с армянскими писателями Зорием Балаяном и Сильвой Капутикян.

27–29 февраля – армянские погромы в Сумгаите.

21 мая – Багиров и Демирчян смещены с постов первых секретарей ЦК компартий Азербайджана и Армении.

15 июня – Верховный Совет Армянской ССР принимает решение о включении Нагорного Карабаха в состав Армении.

17 июня – Верховный Совет Азербайджанской ССР подтверждает, что Нагорный Карабах является частью Азербайджана.

18 июля – Президиум Верховного Совета СССР выносит решение, что Карабах остается частью Азербайджана.

26 июля – Аркадий Вольский направлен в Нагорный Карабах в качестве представителя Политбюро.

18–20 сентября – армян изгоняют из Шуши, азербайджанцев – из Степанакерта.

21 сентября – в Карабахе вводится «особое правление».

Ноябрь – массовое изгнание азербайджанцев из Армении.

17 ноября – 5 декабря – массовые демонстрации в Баку.

7 декабря – землетрясение в Армении.

10–11 декабря – визит Горбачева в Армению; арест членов комитета «Карабах».

1989

12 января – в Карабахе создан Комитет особого управления во главе с Аркадием Вольским.

31 мая – члены комитета «Карабах» выходят на свободу.

11 сентября – зарегистрирован Народный фронт Азербайджана.

25 сентября – Верховный Совет Азербайджана принимает постановление о суверенитете.

Ноябрь – железнодорожная блокада Армении и Нахичевани.

28 ноября – роспуск Комитета особого управления.

1 декабря – Верховный Совет Армении и Национальный совет карабахских армян объявляют о воссоединении.

1990

13–15 января – армянские погромы в Баку.

15 января – в Нагорном Карабахе введено чрезвычайное положение.

19–20 января – советские войска входят в Баку, убивая протестующих.

20 января – партийным лидером Азербайджана становится Аяз Муталибов.

26 января – второй секретарь ЦК компартии Азербайджана Виктор Поляничко приезжает в Нагорный Карабах, чтобы возглавить новый Организационный комитет.

Май – Армянское общенациональное движение (АОД) побеждает на парламентских выборах в Армении; бюджет Нагорного Карабаха возвращен в состав бюджета Азербайджана.

25 июля – ЦК КПСС принимает постановление о разоружении незаконных вооруженных формирований.

4 августа – Левон Тер-Петросян избран спикером нового армянского парламента.

23 августа – армянский парламент принимает Декларацию независимости.

1991

17 марта – референдум о сохранении Советского Союза; Азербайджан принимает участие в референдуме, Армения – нет.

30 апреля – войска и азербайджанский ОМОН нападают на армянское село Геташен (Чайкенд), приступают к депортации жителей; начало операции «Кольцо».

12 июня – Борис Ельцин избран президентом Российской Федерации.

4 июля – начало операции против армянских сел в Шаумяновском районе.

10 августа – в Степанакерте убит Валерий Григорян.

19–21 августа – неудавшаяся попытка государственного переворота в Москве с целью смещения Горбачева.

30 августа – Азербайджан провозглашает независимость от Советского Союза.

Сентябрь – армяне отвоевывают Шаумяновский район.

2 сентября – Нагорный Карабах объявляет о выходе из состава независимого Азербайджана.

3 сентября – Гейдар Алиев избран спикером парламента Нахичевани.

8 сентября – Аяз Муталибов избран президентом Азербайджана.

23 сентября – Армения провозглашает независимость; в Железноводске подписан российско-казахстанский план мирного урегулирования.

16 октября – Левон Тер-Петросян избран президентом Армении.

20 ноября – крушение вертолета в горах Карабаха, гибель 22 пассажиров срывает мирные договоренности.

26 ноября – парламент Азербайджана провозглашает отмену автономии Нагорного Карабаха и переименовывает Степанакерт в Ханкенди.

10 декабря – армяне Нагорного Карабаха голосуют на референдуме за независимость.

25 декабря – Михаил Горбачев уходит в отставку с поста президента Советского Союза.

31 декабря – Советский Союз прекращает существование.

1992

Январь–май – осады Степанакерта и Шуши.

26 января – десятки азербайджанских солдат убиты при наступлении на село Дашалты (Каринтак).

30 января – Армения и Азербайджан приняты в СБСЕ, которое становится посредником по Нагорному Карабаху.

25–26 февраля – сотни азербайджанцев убиты после штурма Ходжалы армянами.

6 марта – Муталибов уходит с поста президента Азербайджана.

10 марта – 366-й полк 4-й армии после вывода из Карабаха расформирован в Грузии.

24 марта – предложено созвать Минскую конференцию СБСЕ по Нагорному Карабаху, создание Минской группы.

10 апреля – десятки армян убиты при штурме азербайджанцами села Марага.

14 апреля – смерть лидера карабахских армян Артура Мкртчяна.

8–9 мая – армяне берут Шушу.

14–15 мая – Муталибов на короткий срок возвращает себе власть в Баку, затем его снова смещают с поста.

15 мая – подписано Ташкентское соглашение о разделе советских вооружений между странами – членами СНГ.

18 мая – армяне берут Лачин.

1 июня – 5 августа – переговоры в рамках Минской группы в Риме.

7 июня – Абульфаз Эльчибей избран президентом Азербайджана.

12 июня – начало азербайджанского наступления, захват Шаумяновского района.

4 июля – азербайджанцы берут Мардакерт (и переименовывают в Агдере).

14 августа – грузинские вооруженные силы нападают на Абхазию, начинается война.

15 августа – создание Государственного комитета обороны Карабаха во главе с Робертом Кочаряном.

1 сентября – азербайджанцы овладевают селом Срхавенд и берут под контроль почти половину территории Нагорного Карабаха.

19 сентября – российский министр обороны Павел Грачев созывает в Сочи встречу министров обороны стран Кавказа.

24 октября – конгресс США принимает поправку 907 к «Акту о поддержке свободы», устанавливающую запрет на оказание Азербайджану правительственной помощи США.

14–15 декабря – встреча СБСЕ в Стокгольме.

1993

10 февраля – Сурет Гусейнов снят с должности «специального представителя» Азербайджана в Карабахе.

20 февраля – Рагим Газиев снят с должности министра обороны Азербайджана.

27 марта – 5 апреля – армяне овладевают Кельбаджарским районом.

30 апреля – резолюция ООН № 822 призывает армян вывести войска из Кельбаджарского района.

4 июня – Гусейнов поднимает в Гяндже мятеж против правительства Эльчибея.

14 июня – Тер-Петросян посещает Степанакерт с целью пропаганды мирного плана СБСЕ.

15 июня – Гейдар Алиев избран спикером парламента Азербайджана.

17–18 июня – Эльчибей бежит в Нахичевань.

24 июня – парламент наделяет Гейдара Алиева чрезвычайными полномочиями.

27 июня – армяне вновь овладевают Мардакертским районом.

30 июня – Гейдар Алиев назначает Гусейнова премьер-министром.

23 июля – армяне берут Агдам.

23 августа – армяне берут Физули.

25 августа – армяне берут Джебраил.

28 августа – общенациональный референдум в Азербайджане выносит вотум недоверия Эльчибею.

31 августа – армяне берут Кубатлы.

24 сентября – Азербайджан вступает в СНГ.

25 сентября – секретная встреча Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна в Москве.

3 октября – Гейдар Алиев избран президентом Азербайджана.

24 октября – армяне овладевают Горадизом, отрезая Зангеланский район.

29 октября – армяне берут Зангелан.

30 ноября – итальянский представитель СБСЕ Марио Раффаэлли уходит с поста председателя Минской группы, его сменяет швед Ян Элиасон.

11 декабря – Алиев открыто критикует азербайджанскую армию.

22 декабря – новое наступление Азербайджана.

1994

20–24 января – азербайджанцы входят к Кельбаджарский район, армяне отступают, неся тяжелые потери.

12–18 февраля – армянское контрнаступление, тысячи азербайджанцев убиты.

Апрель – армяне начинают наступление на Тертер.

4–5 мая – переговоры в Бишкеке завершаются выработкой Бишкекского протокола, призывающего к прекращению огня.

Май – в Абхазии размещен российский миротворческий контингент.

12 мая – вступление в силу соглашения о прекращении огня.

16 мая – Грачев проводит встречу министров обороны в Москве.

20 сентября – Азербайджан и иностранные нефтяные компании подписывают контракт о разработке нефтяных месторождений на каспийском шельфе.

3–4 октября – Гусейнов бежит из Азербайджана после провалившейся попытки государственного переворота.

5–6 декабря – СБСЕ переименовано в ОБСЕ на саммите в Будапеште; одобрен миротворческий мандат для Карабаха.

11 декабря – российское вторжение в Чечню.

22 декабря – карабахский парламент избирает Роберта Кочаряна «президентом» Нагорного Карабаха.

1995

6 января – Россия и Швеция становятся сопредседателями Минской группы.

13–17 марта – попытка «турецкого» переворота в Баку.

21 апреля – Финляндия сменяет Швецию в качестве сопредседателя Минской группы.

12 ноября – парламентские выборы в Азербайджане.

1996

3 июля – Борис Ельцин переизбран президентом России.

16 августа – в Чечне прекращаются военные действия после подписания Хасавъюртских соглашений.

23 сентября – Левон Тер-Петросян переизбран президентом Армении в результате спорных выборов.

24 ноября – Роберт Кочарян всенародным голосованием избран «президентом» Нагорного Карабаха.

2–3 декабря – Лиссабонский саммит ОБСЕ.

1997

1 января – Франция сменяет Финляндию в качестве сопредседателя Минской группы.

14 февраля – США становятся третьим сопредседателем Минской группы.

20 марта – Роберт Кочарян назначен премьер-министром Армении.

29 августа – подписание российско-армянского Договора о дружбе.

1 сентября – Аркадий Гукасян избран «президентом» Нагорного Карабаха.

20–24 сентября – посредники Минской группы представляют новый мирный план.

26 сентября – Тер-Петросян на пресс-конференции высказывается за компромисс по Карабаху.

1 ноября – публикация газетной статьи Тер-Петросяна «Война или мир?».

12 ноября – «ранняя нефть» с азербайджанского месторождения Ширак начинает поступать в Супсу.

1998

3 февраля – Левон Тер-Петросян уходит в отставку.

30 марта – Роберт Кочарян избран президентом Армении.

11 октября – Гейдар Алиев переизбран президентом Азербайджана.

1999

25 апреля – Роберт Кочарян и Гейдар Алиев проводят первую двустороннюю встречу в Вашингтоне.

29 апреля – Гейдару Алиеву проводят операцию на сердце в Кливленде (штат Огайо, США).

30 мая – на парламентских выборах в Армении побеждает Республиканская партия Вазгена Саркисяна.

11 июня – Вазген Саркисян становится премьер-министром Армении.

1 октября – российские войска снова вторгаются в Чечню.

11 октября – Гейдар Алиев и Роберт Кочарян проводят встречу на границе между Нахичеванью и Арменией.

27 октября – Вазген Саркисян и Карен Демирчян убиты в армянском парламенте.

17 декабря – Самвел Бабаян смещен с поста командующего вооруженными силами Нагорного Карабаха.

31 декабря – Борис Ельцин уходит в отставку с поста президента России.

2000

22 марта – покушение на Аркадия Гукасяна в Степанакерте, арест Самвела Бабаяна.

25 марта – Владимир Путин избран президентом России.

5 ноября – парламентские выборы в Азербайджане.

2001

26 января – Гейдар Алиев и Роберт Кочарян встречаются в Париже.

Февраль – утечка в прессу Армении и Азербайджана отвергнутых мирных планов ОБСЕ.

26 февраля – Бабаян приговорен к 14 годам тюремного заключения за организацию покушения на Гукасяна.

4–5 марта – новая встреча Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна в Париже.

3–7 апреля – мирные переговоры в Ки-Уэсте (штат Флорида, США).

19 мая – сопредседатели Минской группы переходят в Нагорный Карабах через линию фронта.

2002

12 августа – Аркадий Гукасян переизбран фактическим президентом Нагорного Карабаха.

Сентябрь – начинается строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан.

2003

5 марта – Роберт Кочарян переизбран президентом Армении.

15 октября – избрание Ильхама Алиева президентом Азербайджана, уличные протесты оппозиции.

12 декабря – объявление о смерти Гейдара Алиева.

2004

19 февраля – армянский офицер Гурген Маргарян убит в Будапеште азербайджанским офицером Рамилем Сафаровым.

16 апреля – министры иностранных дел Армении и Азербайджана начинают «Пражский процесс».

15 сентября – президенты Ильхам Алиев, Роберт Кочарян и Владимир Путин встречаются в Астане (Казахстан).

2006

10–11 февраля – президенты Ильхам Алиев и Роберт Кочарян встречаются в Рамбуйе (Франция) для обсуждения основных принципов урегулирования карабахского конфликта.

4 июня – президенты Ильхам Алиев и Роберт Кочарян встречаются в Бухаресте.

13 июля – официальный пуск нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан.

30 сентября – пуск Южнокавказского газопровода.

2007

7 сентября – Бако Саакян избран фактическим президентом Нагорного Карабаха.

30 ноября – «Мадридские принципы» урегулирования карабахского конфликта представлены ОБСЕ.

2008

19 февраля – в Армении Серж Саргсян побеждает на выборах, результаты которых оспариваются оппозицией.

1 марта – протесты после выборов в Ереване, в ходе столкновений погибают десять человек.

4 марта – сообщения о перестрелке на линии соприкосновения сторон под Мардакертом.

14 марта – Франция, Россия и США голосуют в ООН против поддерживаемой Азербайджаном резолюции по карабахскому конфликту.

7 мая – инаугурация президента России Дмитрия Медведева.

Август – Грузия и Россия вступают в войну из-за Южной Осетии; Россия признает независимость Абхазии и Южной Осетии.

6 сентября – турецкий президент Абдулла Гюль посещает Ереван, чтобы присутствовать на футбольном матче.

15 октября – Ильхам Алиев переизбран президентом Азербайджана.

2 ноября – президенты Ильхам Алиев, Дмитрий Медведев и Серж Саргсян подписывают Майендорфское заявление в поддержку мирного урегулирования карабахского конфликта.

2009

9 июля – президенты Дмитрий Медведев, Барак Обама и Николя Саркози выступают на саммите «большой восьмерки» в Аквиле с заявлением, раскрывающим детали соглашения об основных принципах урегулирования карабахского конфликта.

10 октября – министры иностранных дел Армении и Турции подписывают в Цюрихе два протокола о нормализации отношений.

1–2 декабря – вопрос о Нагорном Карабахе обсуждается на Министерском совете ОБСЕ в Афинах.

2010

22 апреля – президент Серж Саргсян откладывает ратификацию армянской стороной турецко-армянских протоколов, ссылаясь на неуступчивость Турции.

2011

14 мая – Азербайджан побеждает на ежегодном конкурсе эстрадной песни «Евровидение»; Баку становится местом проведения конкурса в 2012 г.

26 мая – президенты Франции, России и США выступают с совместным заявлением на саммите «большой восьмерки» в Довиле.

24 июня – президентам Ильхаму Алиеву и Сержу Саргсяну не удается согласовать документ об основных принципах урегулирования в Казани.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агаджанов Л. Е. Светлая сторона войны. Ереван: Нойан Тапан, 1999.

Армяно-русские отношения: Сб. документов: В 3 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953.

Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника: В 6 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990–1997.

Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. М.: Дом, 1999.

Балаян З. Очаг. Ереван: Советакан грох, 1984.

Величко В. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Элм, 1990.

Верещагин В. В. Духоборцы и молокане в Закавказье, шииты в Карабахе. М., 1900.

Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него: Сб. документов. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1990.

Казимиров В. Карабах. Как это было // Международная жизнь. 1996. № 5. С. 41–52.

Казимиров В. Мир Карабаху. М.: Международные отношения, 2009.

Казимиров В. Проверка временем (к пятилетию прекращения огня в карабахском конфликте) // Международная жизнь. 1999. № 5. С. 8–20.

Касатов А. Сама не своя // Столица. 1992. № 48. С. 1–4.

Лисициан С. Армяне Нагорного Карабаха: этнографический очерк. Ереван: Академия наук, 1992.

Меликов А. Я обвиняю! Баку: Гянджлик, 1994.

Мкртчян Ш. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1988.

Нагорный Карабах: Историческая справка. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988.

Союз можно было сохранить: Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995.

Черный январь: Баку 1990. Баку: Азернешр, 1990.

Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика-Зевс, 1993.

Шушинский Ф. Шуша. Баку: Азерб. гос. изд-во, 1968.

Юнусов А. Армяно-азербайджанский конфликт: миграционные аспекты // Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж. Зайончковской. М.: КомплексПрогресс, 1999.

Юнусова Л. Мера ответственности политика // Истиглал. 1990. № 4. С. 5–23.

Accord 17. The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process / ed. L. Broers. London: Conciliation Resources, 2005.

Adams T. Caspian Hydrocarbons, the Politicisation of Regional Pipelines, and the Destabilisation of the Caucasus. Brussels: The Centre for European Policy Studies (CEPS), 1998.

A History of Qarabagh. An Annotated Translation of Mirza Jamal Javanshir Qarabaghi's Tarikh-e Qarabagh / ed. G. Bournoutian. Costa Mesa, Calif.: Mazda Publishers, 1994.

Alstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford: Hoover Institution Press, 1992.

Balayan Z. Between Hell and Heaven: The Struggle for Karabakh. Yerevan: Amaras, 1997.

Bechhofer C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London: Collins, 1921. Reprinted by Arno Press, 1971.

Beilock R. What Is Wrong with Armenia // Caucasian Regional Studies. 1999. Vol. 4. No. 1.

Bennett V. Crying Wolf: The Return of War to Chechnya. London: Picador, 1998.

Blandy C. W. Azerbaijan: Is War over Nagornyy Karabakh a Realistic Option? Shrivenham: Defence Academy of the United Kingdom, 2008.

Brook S. Claws of the Crab: Georgia and Armenia in Crisis. London: Picador, 1992.

Canetti E. Crowds and Power. London: Penguin, 1973.

Caspersen N., Stansfield G. Unrecognized States in the International System. London: Routledge, 2011.

Cheterian V. War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier. London: Hurst, 2008.

Chorbajian L., Donabédian P., Mutafian C. The Caucasian Knot. The History and Geo-Politics of Nagorno-Karabagh. London; Atlantic Highlands, N.J.: Zed Books, 1994.

Contested Borders in the Caucasus / ed. B. Coppieters. Brussels: VUB Press, 1996.

Corley F. Dogging Dashnaks, Dissidents and Dodgy Dealers. Armenians and the KGB // Armenian Forum. 2001. Vol. 2. No. 3.

Cornell S. Azerbaijan since Independence. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2011.

Croissant M. The Armenia-Azerbaijan Conflict, Causes and Implications. Westport, Conn.; London: Praeger, 1998.

Cullen R. Roots // The New Yorker. 1991. 15 April. P. 55–76.

Curtis W. E. Around the Black Sea. London: Hodder and Stoughton, 1911.

Deriglazova L., Minasyan S. Nagorno-Karabakh: Paradoxes of Power and Weakness in an Asymmetric Conflict. Yerevan: Caucasus Institute, 2011.

Derluguian G. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Dowsett C. Sayat-Nova. An 18th Century Troubador. Leuven: Peeters, 1997.

Dubois de Montpereux F. Voyage au Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases. Vol. IV. Paris, 1840.

Dudwick N. Armenian-Azerbaijani Relations and Karabagh: History, Memory and Politics // Armenian Review. 1993. Vol. 46. No. 1–4/181–184. P. 79–92.

Dudwick N. The Case of the Caucasian Albanians: Ethnohistory and Ethnic Politics // Cahiers du Monde Russe et Soviètique. 1990. Vol. 31. No. 2–3. P. 377–383.

Dudwick N. The Karabagh Movement: An Old Scenario Gets Rewritten // Armenian Review. 1989. Vol. 42. No. 3/167. P. 63–70.

Forced Displacement in the Nagorny Karabakh Conflict: Return and Its Alternatives / Conciliation Resources. London: Conciliation Resources, 2011.

Foster B. Empire and Names: The Case of Nagorno Karabakh // Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects / ed. S. Brunn. Vol. 3. Dordrecht: Springer, 2011. P. 2013–2029.

Gellner E. Nationalism in the Vacuum // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities / ed. A. Motyl. New York: Columbia University Press, 1994. P. 243–254.

Goldenberg S. Pride of Small Nations. The Caucasus and Post-Soviet Disorder. London; Atlantic Higlands, N.J.: Zed Books, 1994.

Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, N.Y.; London: M. E. Sharpe, 1998.

Goltz T. Letter from Eurasia: The Hidden Russian Hand // Foreign Policy. 1993. Vol. 92. P. 92–116.

Gorbachev M. Memoirs. London: Doubleday, 1996.

Hakobyan T. Karabakh Diary: Green and Black. Glendale: Abril Books, 2010.

Haxthausen B., von. Transcaucasia, Sketches of the Nations and Races between the Black Sea and the Caspian. London, 1854.

Henry J. D. Baku: An Eventful History. London: Archibald Constable and Co., 1905.

Herzig E. The New Caucasus. Armenia, Azerbaijan and Georgia. London: Royal Institute of International Affairs, 1999.

Hewsen R. Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians // Classical Armenian Culture, Influences and Creativity / ed. T. J. Samuelian. Philadelphia: Scholars Press, 1982. P. 27–40.

Hewsen R. The Meliks of Eastern Armenia. A Preliminary Study // Revue des Etudes Armeniennes. 1972. Vol. IX. P. 286–329.

Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Hovannisian R. G. The Republic of Armenia. Vols. I–IV. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1971–1996.

Human Rights Watch. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. New York; Washington; London; Brussels: Human Rights Watch, 1994.

Human Rights Watch. Bloodshed in the Caucasus. Escalation of the Armed Conflict in Nagorno-Karabakh. September 1992.

Human Rights Watch. Bloodshed in the Caucasus. Indiscriminate Bombing and Shelling by Azerbaijani Forces in Nagorno-Karabakh. July 1993.

Huseynov T. Resolving Ethno-Territorial Conflicts: A Case for Mountainous Karabakh. Saarbrücken: VDM Verlag, 2008.

Ignatieff M. Blood and Belonging. London: Vintage, 1994.

International Crisis Group. Europe Briefing № 40: Azerbaijan's 2005 Elections: Lost Opportunity. 21 November 2005.

International Crisis Group. Europe Briefing № 48: Armenia: Picking up the Pieces. 8 April 2008.

International Crisis Group. Europe Briefing № 55: Nagorno-Karabakh: Getting to a Breakthrough. 7 October 2009.

International Crisis Group. Europe Briefing № 60: Armenia and Azerbaijan: Preventing War. 8 February 2011.

International Crisis Group. Europe Report № 156: Azerbaijan: Turning Over a New Leaf? 13 April 2004.

International Crisis Group. Europe Report № 158: Armenia: Internal Instability Ahead. 18 October 2004.

International Crisis Group. Europe Report No. 166: Viewing the Conflict from the Ground. 14 May 2005.

International Crisis Group. Europe Report № 167: Nagorno-Karabakh: A Plan for Peace. 11 October 2005.

International Crisis Group. Europe Report № 187: Nagorno-Karabakh: Risking War. 14 November 2007.

International Crisis Group. Europe Report № 191: Azerbaijan: Independent Islam and the State. 25 March 2008.

International Crisis Group. Europe Report № 199: Turkey and Armenia: Opening Minds, Opening Borders. 4 May 2009.

International Crisis Group. Europe Report № 207: Azerbaijan: Vulnerable Stability. 3 September 2010.

Karny Y. Highlanders: A Journey to the Caucasus in Quest of Memory. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000.

Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917–1921). New York: Philosophical Library; Oxford: George Ronald, 1951.

Keppel G. (Captain the Hon). Personal Narrative of a Journey from India to England in the Year 1824. London, 1827.

Ker-Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylon &c. &c. During the Years 1817, 1818, 1819 and 1820. Vol. II. London, 1820.

King C. Extreme Politics: Nationalism, Violence and the End of Eastern Europe. New York; Oxford: Oxford University Press, 2010.

King C. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. New York; Oxford: Oxford University Press, 2008.

Koestler A. The Invisible Writing. London: Hutchinson, 1969.

Laitin D. D., Suny R. G. Karabakh: Thinking a Way out // Middle East Policy. 1999. Vol. 7. No. 1. P. 145–176.

Levine S. The Oil and the Glory: The Pursuit of Empire and Fortune on the Caspian Sea. New York: Random House, 2007.

Libaridian G. Modern Armenia: People, Nation, State. New Jersey: Transaction Books, 2007.

Libaridian G. Reimagining the Past, Rethinking the Present: The Future of Turkish-Armenian Relations // Insight Turkey. 2000. Vol. 2. No. 4. P. 125–143.

Ligachev Ye. Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev. Boulder; Oxford: Westview Press, 1996.

Lourie S. V. Yerevan's Phenomenon: The Formation of a Traditional Social Community in a Modern Capital City // State, Religion and Society in Central Asia / ed. V. Naumkin. Ithaca: Reading, 1993. P. 176–198.

Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: USIP Press Books, 2004.

MacFarlane S. N., Minear L. Humanitarian Action and Politics: The Case of Nagorno-Karabakh. Providence: R.I.: Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies, 1997.

Malkasian M. Gha-ra-bagh! The Emergence of the National Democratic Movement in Armenia. Detroit: Wayne State University Press, 1996.

Maresca J. Lost Opportunities in Negotiating the Conflict over Nagorno-Karabakh // International Negotiation. 1996. Vol. 1. No. 3. P. 471–499.

Melander E. The Nagorno-Karabakh Conflict Revisited. Was the War Inevitable? // Journal of Cold War Studies. 2001. Vol. 3. No. 2. P. 48–75.

Melkonian M. My Brother's Road. London; New York: I. B. Tauris, 2007.

Murphy D. Operation «Ring»: The Black Berets in Azerbaijan // Soviet Military Studies. 1992. Vol. 5. No. 1. P. 487–498.

Özkan B. Who Gains from the «No War No Peace» Situation? A Critical Analysis of the Nagorno-Karabakh Conflict // Geopolitics. 2008. Vol. 13. No. 3. P. 572–599.

Panossian R. The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars. New York: Columbia University Press, 2006.

Petrosian D. What Are the Reasons for Armenians' Success in the Military Phase of the Karabakh Conflict (1991 – mid 1994)? // The Noyan Tapan Highlights. 2000. No. 19, 20, 21.

Pipes R. The Establishment of the Union of Soviet Socialist Republics // The Soviet Nationality Reader / ed. R. Denber. Boulder; Oxford: Westview Press, 1992. P. 35–86.

Reynolds M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Richards S. Epics of Everyday Life. London: Viking, 1990.

Rost Yu. Armenian Tragedy. London: Weidenfeld and Nicholson, 1990.

Roxburgh A. The Second Russian Revolution. London: BBC Books, 1991.

Ruseckas L. State of the Field Report: Energy and Politics in Central Asia and the Caucasus // Access Asia Review. 1998. Vol. 1. No. 2.

Said K. Ali and Nino. London: Hutchinson, 1970. Reprinted: London: Chatto and Windus, 2000.

Sakharov A. Moscow and Beyond, 1986 to 1989. New York: Vintage Books, 1990.

Saparov A. Why Autonomy? The Making of Nagorno-Karabakh Autonomous Region 1918–1925 // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 2. P. 281–323.

Schiltberger J. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa, 1396–1427. London, 1879.

Shaffer B. Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge: MIT Press, 2002.

Sheets L. Eight Pieces of Empire: A 20-Year Journey through the Soviet Collapse. New York: Random House, 2011.

Shnirelman V. The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001.

Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Becoming National: A Reader / ed. G. Eley, R. G. Suny. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 202–238.

Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–23. London: Macmillan, 1999.

Spotlight on Armenia / ed. A. Hug. London: The Foreign Policy Centre, 2011.

Suny R. G. Living with the Other: Conflict and Cooperation among the Transcaucasian Peoples // Caucasian Regional Studies. 1997. Vol. 2. No. 1.

Suny R. G. Looking towards Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1993.

Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995.

Tchilingirian H. Religious Discourse and the Church in Mountainous Karabagh 1988–1995 // Revue du monde arménien moderne et contemporain. 1997. Vol. 3. P. 67–83.

The Karabagh File. Documents and Facts on the Question of Mountainous Karabagh, 1918–1988 / ed. G. Libaridian. Cambridge; Toronto: Zoryan Institute, 1988.

The Making of Nagorno-Karabakh: From Secession to Republic / ed. L. Chorbajian. New York: Palgrave, 2001.

The Sumgait Tragedy. Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan / ed. S. Shahmuratian. Vol. 1. New Rochelle, N.Y.: Aristide D. Caratzas, 1990.

Tokluoglu C. The Political Discourse of the Azerbaijani Elite on the Nagorno-Karabakh Conflict (1991–2009) // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 7. P. 1223–1252.

Transcaucasia, Nationalism and Social Change / ed. R. G. Suny. Rev. ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

Transcaucasian Boundaries / ed. J. Wright, S. Goldenberg, R. Schofield. London: UCL Press, 1996.

Vaksberg A. The Soviet Mafia. London: Weidenfeld and Nicholson, 1991.

Valentin J. Bericht über meine Reise nach Tiflis und die Theilnahme an der Raddeschen Expedition in den Karabagh-Gau. Sommer 1890. Frankfurt, 1891.

Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London: T. Fisher Unwin, 1906.

Waal T., de. Remaking the Karabakh Peace Process // Survival. 2010. Vol. 52. No. 4. P. 159–176.

Waal T., de. The Caucasus: An Introduction. New York; Oxford: Oxford University Press, 2010.

Waal T., de. The Karabakh Trap. London: Conciliation Resources, 2009.

Walker C. Armenia and Karabagh: The Struggle for Unity. London: Minority Rights Publications, 1991.

Walker C. Armenia. The Survival of a Nation. London: Routledge, 1990.

Walker E. No Peace, No War in the Caucasus: Secessionist Conflict in Chechnya, Abkhazia and Nagorno-Karabakh. Cambridge: Harvard University, John F. Kennedy School of Government, Strengthening Democratic Institutions Project, 1998.

Yamskov A. N. Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // Theory and Society. 1991. Vol. 20. No. 5. P. 631–661.

Yunusov A. Islam in Azerbaijan. Baku: Friedrich Ebert Foundation and Institute of Peace and Democracy, 2004.

Zurcher C. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. New York: New York University Press, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора ... 8
Предисловие к переработанному русскому изданию ... 11
Вступление. ПЕРЕХОДЯ ЧЕРТУ ... 16
Глава 1. ФЕВРАЛЬ 1988. Армянский протест ... 26
Глава 2. ФЕВРАЛЬ 1988: АЗЕРБАЙДЖАН. Недоумение и погромы ... 48
Глава 3. ШУША. Рассказ о соседях ... 68
Глава 4. 1988–1989. Кризис в Армении ... 79
Глава 5. ЕРЕВАН. Тайны Востока ... 99
Глава 6. 1988–1990. Азербайджанская трагедия ... 110
Глава 7. БАКУ. Богатая событиями история ... 125
Глава 8. 1990–1991. Советская гражданская война ... 138
Глава 9. ПРОТИВОРЕЧИЯ. Сюжет XX века ... 157
Глава 10. УРЕКАВАНК. Непредсказуемое прошлое ... 180
Глава 11. АВГУСТ 1991 – МАЙ 1992. Начало войны ... 195
Глава 12. ШУША. Последняя цитадель ... 224
Глава 13. ИЮНЬ 1992 – СЕНТЯБРЬ 1993. Эскалация конфликта ... 235
Глава 14. САБИРАБАД. Детская республика ... 261
Глава 15. СЕНТЯБРЬ 1993 – МАЙ 1994. Истощение ... 269
Глава 16. СТЕПАНАКЕРТ. Обособленное государство ... 287
Глава 17. 1994–2001. Ни войны, ни мира ... 297
Глава 18. САДАХЛО. «Они воюют, мы нет» ... 317
Глава 19. 2001–2011. Тупик и отчуждение ... 323
Заключение ... 348
Приложение 1. Статистика ... 370
Приложение 2. Хронология ... 374
Библиография ... 384

Научное издание

де Ваал Томас

Черный сад
Армения и Азербайджан между миром и войной

Перевод с английского языка
Олега Александровича Алякринского, Лады Юрьевны Пантиной

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редактор *Л. Ю. Пантина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 24.04.2014.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,5.
Тираж 3000 экз. (2-й з-д 501–3000). Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в типографии: Cezanne Ltd., Тбилиси, Грузия

Грозный
Махачкала
г. Казбек
(5033 м)
РОССИЯ
ГРУЗИЯ
ДАГЕСТАН
Тбилиси
г. Шахдаг
(4243 м)
Садахло
Шеки
АЗЕРБАЙДЖАН
Спитак
Гугарк
Гянджа
Евлах
Сумгаит
Баку
Гюмри
Тертер
НАГОРНЫЙ
КАРАБАХ
г. Арагац
(4090 м)
оз. Севан
Мартакерт
Карс
Ереван
АРМЕНИЯ
Варденис
Кельбаджар
Агджабеди
Сабирабад
Агдам
Степанакерт
Шуша
г. Арарат
(5165 м)
Физули
Лачин
Горис
НАХИЧЕВАНЬ (АЗ.)
ЗАНГЕЗУР
Капан
ТУРЦИЯ
Нахичевань
Зангелан
Мегри
Ленкорань
Столица
Гора
Линия фронта
Границы
ИРАН
Табриз